

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«Благовещенский государственный педагогический университет»

На правах рукописи

周天河

Чжоу Тяньхэ

**КИТАЙСКОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ В 1990-е гг.:
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук
Залеская Ольга Владимировна

Благовещенск 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ДЛЯ КИТАЙСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА НА РОССИЙСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ	25
1.1 Возникновение и развитие китайского предпринимательства в XIX – первой трети XX века.....	25
1.2 Межгосударственные российско-китайские отношения в 1990-е гг. и изменение геополитической ситуации на российском Дальнем Востоке.....	41
1.3 Межрегиональные связи Дальнего Востока России и приграничных территорий КНР	53
1.4 Правовое регулирование китайского предпринимательства на российском Дальнем Востоке.....	68
ГЛАВА 2. ФОРМИРОВАНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КИТАЙСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА НА РОССИЙСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В 1990-е гг.	87
2.1 «Народная» торговля как форма китайского предпринимательства.....	87
2.2. Организация совместных российско-китайских предприятий	110
2.3 Сферы деятельности и быт китайских предпринимателей	139
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	172
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	176
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	212
Приложение 1	213
Приложение 2	225
Приложение 3	230
Приложение 4	232

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В XXI столетие Китай вошел в статусе одной из самых влиятельных держав. Сегодня КНР занимает лидирующие позиции среди развивающихся стран мира. С Россией Китай связывают отношения стратегического партнерства и взаимодействия. Российско-китайские отношения являются важнейшим фактором развития двух стран. В XX столетии общее состояние их взаимодействия во многом определяло баланс сил во всем мире, а в XXI веке оно приобрело еще большее значение для всей системы международных отношений.

Для понимания процессов, происходящих сегодня в России и Китае, и в отношениях между двумя странами, актуальным и необходимым является изучение российско-китайских связей в конце XX столетия. 1990-е годы явились переходным периодом для российского общества, когда российский социум вынужден был адаптироваться к новым социально-экономическим и политическим условиям. На Дальнем Востоке России в это время происходит открытие границ, и далее – развертывание многостороннего сотрудничества с активно развивающимся Китаем, взаимодействие на различных уровнях с представителями иной (конфуцианской) цивилизации. Китайское предпринимательство на Дальнем Востоке России стало одним из направлений этого взаимодействия; его детальное и всестороннее изучение позволяет глубже понять сложившиеся тенденции и возможные перспективы дальнейшего развития российско-китайских отношений. Деятельность предпринимательских структур местного населения и представителей соседнего государства является одним из важнейших факторов, способствующих развитию дальневосточных территорий. Изучение предпринимательства на Дальнем Востоке России важно также с точки зрения выстраивания межгосударственной и региональной политики в отношении Китая, а также для понимания особенностей жизни и деятельности китайских мигрантов в принимающем обществе. Осмысление исторического опыта взаимодействия двух народов будет способствовать разрешению многих проблем, возникающих между двумя странами в процессе двустороннего сотрудничества.

Степень разработанности проблемы. Как отмечает д.и.н. Л.А. Моисеева, проблемы современного предпринимательства «оставляют социологам, политологам, экономистам»¹. Китайское предпринимательство на Дальнем Востоке России в указанный период не становилось предметом изучения российской исторической науки, несмотря на то, что существует значительный пласт литературы, в котором глубоко анализируются различные аспекты китайской миграции в Россию.

¹ Моисеева Л.А. История формирования предпринимательства на Дальнем Востоке России в 1985-2000 гг.: дис. ... докт. ист. наук. Владивосток, 2004. С.23.

Так, предметом изучения исследователей как в дореволюционный, так и в советский, и в постсоветские периоды была проблема присутствия китайских подданных на территории российского Дальнего Востока, регулирования их хозяйственной деятельности и правового статуса. В дореволюционной отечественной историографии данные о деятельности, условиях быта и т.п. китайских мигрантов содержатся в географических описаниях края, осваиваемого после юридического закрепления дальневосточных земель за Россией¹. Вопросы жизни, быта и хозяйственной деятельности китайских торговцев и предпринимателей на Дальнем Востоке России в дореволюционный период освещены в этнографических трудах Н.М. Пржевальского, В.К. Арсеньева, А.Ю. Назарова, И.П. Надарова, Н.Г. Матюнина и пр.².

В советские годы проблемы китайской миграции рассматривались с точки зрения ее роли в развитии хозяйства дальневосточного края – в трудах В.А. Александрова, Е.Л. Беспрозванных, В.М. Кабузана, Ф.В. Соловьева, А.И. Алексеева, Б.Н. Морозова, Л.Л. Рыбаковского³. Отдельные вопросы хозяйственной деятельности китайских купцов на российском Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. затрагивались в работах М.И. Сладковского, Г.Н. Романовой⁴, посвященных торгово-экономическим отношениям России и Китая.

Историки постсоветского периода, обращаясь к исследованию вопросов китайской миграции на Дальнем Востоке России, подробно изучали особенности присутствия китайцев в дальневосточном регионе. Это направление представлено обстоятельными трудами и рядом монографий исследователей Т.Н. Сорокиной, Е.И. Нестеровой, А.В. Алепко, А.И. Петрова, Т.З. Позняк, О.В. Залесской, В.Г. Дацышена, В.И. Дятлова и др. В этих работах освещаются механизмы правового регулирования китайской миграции, условия проживания китайцев на дальневосточных

¹ См. напр.: Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье // Труды Амурской экспедиции. Вып. XI. СПб., 1912.

² Пржевальский Н.М. Путешествия в Уссурийском крае, 1867-1869 гг. СПб., 1870; Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае. Хабаровск, 1914; Назаров А.Ю. Маньчжуры, дауры и китайцы Амурской области // Известия Восточно-Сибирского отдела ИРГО. Т. XIV. №1-2. Иркутск, 1983; Он же. Записка о китайских подданных Амурской области Генерального Штаба Подполковника Назарова // Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточною Сибирью. Т.4. Иностранческое население Приамурского края. Вып.1. Иностранцы Амурской области. Иркутск, 1883. С.17-55; Он же. Военно-статистический очерк Амурской области // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии Вып.31. СПб., 1888; Даттан А.В. Исторический очерк развития Приамурской торговли. М., 1897; Надаров И.П. Северо-Уссурийский край // Записки ИРГО. Т.17. СПб., 1887; Матюнин Н.Г. Записка о китайцах и маньчжурах, проживающих на левом берегу Амура // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып.58. СПб., 1894. С.33-39.

³ Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). 2-е доп. изд. Хабаровск, 1984; Беспрозванных Е.Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений: XVII – середина XIX в. М., 1983; Кабузан В.М. Как заселялся Дальний Восток (вторая половина XVII в. – начало XX в.). Хабаровск, 1976; Он же. Дальневосточный край в XVII – начале XX вв. (1640-1917). М., 1985; Алексеев А.И., Морозов Б.Н. Освоение русского Дальнего Востока (конец XIX в. – 1917 г.). М., 1989; Соловьев Ф.В. Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861-1917 гг.). М., 1989; Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. М., 1990.

⁴ Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М., 1974; Он же. История торгово-экономических отношений СССР с Китаем (1917-1974). М., 1977; Романова Г.Н. Экономические отношения России и Китая на Дальнем Востоке (XIX - начало XX в.). М., 1987.

территориях, проблемы взаимодействия русской администрации и китайских мигрантов¹. Авторы анализируют противоречия при проведении миграционных мер, показывают «непоследовательность» дальневосточных властей в отношении китайской миграции, подчеркивая отсутствие разработанной законодательной базы в области миграционной политики. При этом исследователи отдельно не рассматривают присутствие китайских предпринимателей на российском Дальнем Востоке, приводя некоторые факты их деятельности в ходе анализа правового статуса китайских торговцев в России. Ряд отдельных работ посвящен китайским торговцам на российском Дальнем Востоке в дореволюционный период².

¹ Сорокина Т.Н. Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политика администрации Приамурского края (конец XIX-XX в.). Омск, 1999; Она же. К вопросу о благоустройстве китайского квартала в Благовещенске: 1912-1914 гг. // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып.2. Благовещенск, 2001. С.63-68; Она же. Китайское Владивостокское общество взаимного вспомоществования в 1906-1914 гг. // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып.4. Благовещенск, 2002. С.354-362; Нестерова Е.И. Русская администрация и китайские мигранты на Юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX - начало XX вв.). Владивосток, 2004; Она же. Управление китайским населением в Приамурском генерал-губернаторстве (1884-1897 гг.) // Вестник ДВО РАН. 2000. № 2. С.40-50; Она же. Деятельность китайских торговых обществ на Дальнем Востоке России в начале XX в. // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Вып.4. Этнические контакты. Благовещенск, 2001. С.136-144; Она же. Страницы истории создания китайских кварталов в русских дальневосточных городах в конце XIX - начале XX вв. // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып.2. Благовещенск, 2001. С.57-62; Алепко А.В. Зарубежный капитал и предпринимательство на Дальнем Востоке России (конец XVIII в. – 1917 г.). Хабаровск, 2001; Петров А.И. История китайцев в России. 1856-1917 гг. СПб., 2003; Позняк Т.З. Иностранцы подданные в городах Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Владивосток, 2004; Залеская О.В. Российско-китайские приграничные отношения на Дальнем Востоке (1917-1924 гг.). Благовещенск, 2002; Она же. Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1917-1938 гг.). Владивосток, 2009; Дацышен В.Г. История российско-китайских отношений в конце XIX – начале XX вв. Красноярск, 2000; Он же. Четыреста лет истории русско-китайских отношений: сб-к статей. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2014. Ч. 1, 2; Он же. История российско-китайских отношений в конце XIX - начале XX века. Москва: Директ-Медиа, 2014; Дятлов В.И. Миграция китайцев и дискуссия о «желтой опасности» в дореволюционной России // Вестник Евразии. 2000. № 1. С.63-89; Он же. Китайцы в Сибири и на Дальнем Востоке – хорошо это или плохо для России? // Азия и Африка сегодня. 2003. № 4. С.40-42; Загребнов Е. Экономическая организация китайской миграции на российский Дальний Восток после распада СССР // Прогнозис. 2007. № 1(9). С.252-277.

² Алепко А.В. Незаконное предпринимательство китайцев на российско-маньчжурской границе в нач. XX века // Российское Приамурье: история и современность. Хабаровск, 1999. С.269-271; Он же. Китайский торговый бизнес в Приамурском крае (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Вестник международного центра азиатских исследований. 2001. №6. С.7-13; Он же. Экономическая деятельность китайцев в дальневосточном регионе России в XIX – начале XX вв. // Проблемы Дальнего Востока. 2002. №4. С.135-144; Дацышен В.Г. Уссурийские купцы. Судьбы китайцев в дореволюционной России // Родина. 1995. №7. С.54-57; Петров А.И. «Русский китаец» Николай Иванович Тифонтай (Цзи Фэнтай) // Россия и АТР. 2005. №2. С.141-151; Романова Г.Н. Экономическая деятельность китайцев на российском Дальнем Востоке: торговля, предпринимательство, занятость (конец XIX – нач. XX в.) // Адаптация этнических мигрантов в Приморье в XX в.: сб. науч. ст. Владивосток, 2000. С.83-101; Она же. Порто-франко и протекционизм. Торговые связи Дальнего Востока России и Северо-Восточного Китая (вторая половина XIX – начало XX вв.). // Россия и АТР. 2006. №3. С.110-121; Она же. Торговая деятельность китайцев на Дальнем Востоке России (конец XIX - начало XX в.) // Россия и АТР. 2009. №3. С.143-144; Сорокина Т.Н. «Заветная мысль каждого китайца»: форматы китайской торговли в Приамурском крае на рубеже XIX-XX вв. // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2014. Т.10. С.84-102; Нестерова Е.И. Китайский торговый дом «Шуанхэшэн» (Владивосток - Харбин, конец XIX – первая половина XX в.) // Вестник ДВО РАН. 2011. №1. С.36-45; Она же. «Этническое» предпринимательство во Владивостоке (конец XIX – начало XX вв.) // Известия Иркутского гос.ун-та. Серия «Политология. Религиоведение». 2014. Т.10. С.67-83.

В общих трудах по истории российско-китайских отношений, современном состоянии и перспективах развития связей между Россией и Китаем¹ китайское предпринимательство на Дальнем Востоке России также не становилось предметом отдельных исследований.

Разные аспекты китайской миграции были рассмотрены в работах В.Г. Гельбраса, А.Г. Ларина². В них были проанализированы особенности жизни и деятельности китайской общины в России в различные исторические периоды, принципы организации китайской диаспоры и ее связи с родиной, отношение россиян к китайским мигрантам. В этих трудах содержится ценный материал о китайских коммерсантах в России в конце XX – начале XXI вв., но китайское предпринимательство на российском Дальнем Востоке в 1990-е гг. не стало отдельным предметом изучения.

Большой вклад в исследование российско-китайских межрегиональных отношений, проблем китайской миграции в 1990-е гг. внес д.и.н., академик РАН В.Л. Ларин³. В аспекте обозначенной в диссертации проблемы он исследовал не только политические, дипломатические аспекты приграничного взаимодействия России и Китая, особенности быта и хозяйственной деятельности китайских мигрантов, но и проанализировал торгово-экономические связи двух стран, в том числе технико-экономическое и инвестиционное взаимодействие, а также формы приграничной и межрегиональной торговли («народную» торговлю, неформальную торговлю).

Научные попытки классифицировать явление челночного бизнеса были предприняты в коллективном труде под редакцией А.П. Забияко⁴, где рассматривались также современные модели межэтнического взаимодействия и проблемы аккультурации мигрантов. «Народная» торговля и

¹ Воскресенский А.Д. Современные концепции русско-китайских отношений и погранично-территориальных проблем России и Китая (80-90 гг. XX в.). М., 1994; Воскресенский А.Д. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М., 1999; Воскресенский А.Д. Китай и Россия в Евразии. Историческая динамика политических взаимовлияний. М., 2004; Титаренко М.Л. Китай: цивилизация и реформы. М., 1999; Кузык Б.Н., Титаренко М.Л. Китай – Россия – 2050: стратегия соразвития. М., 2006; Титаренко М.Л. Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии. М., 2008; Титаренко М.Л. Россия и ее азиатские партнеры в глобализирующемся мире. Стратегическое сотрудничество: проблемы и перспективы. М., 2012; Галенович Ю.М. Российско-китайские отношения (конец XIX — начало XX вв.). М., 2007; Тихвинский С.Л. Век стремительных перемен М., 2005; Мясников В.С. Договорными статьями утвердили (дипломатическая история русско-китайской границы XVII–XX вв.). М., 1996; Он же. Квадратура китайского круга: избранные статьи: в 2 кн. М., 2006; Он же. Кастальский ключ китаевода. Соч. в 7 тт. / ИНИОН РАН. М.: Наука, 2014; Портяков В.Я. Становление Китая как ответственной глобальной державы. М., 2013; Воскресенский А.Д., Лузянин С.Г. Россия – Китай: формирование обновленного мира. М., 2018; Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы / под ред. А.Д. Воскресенского. М., 2019; Проблемы торгово-экономического сотрудничества российского Дальнего Востока и Северо-Востока Китая. В 2-х кн./ отв. ред. А.В. Островский; сост. П.Б. Каменнов. М., 2019 и др.

² Гельбрас В.Г. Китайская реальность России. М., 2001; Он же. Россия в условиях глобальной китайской миграции. М., 2004; Ларин А.Г. Китайцы в России вчера и сегодня. Исторический очерк. М., 2003; Он же. Китайские мигранты в России. М., 2009.

³ Ларин В.Л. Китай и Дальний Восток России в первой половине 90-х: проблемы регионального взаимодействия. Владивосток, 1998; Он же. Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80-е годы XX – начало XXI в.). М., 2005; Он же. В тени проснувшегося дракона: Российско-китайские отношения на рубеже XX–XXI веков. Владивосток, 2006.

⁴ Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке / под ред. А.П. Забияко. Благовещенск, 2009.

особенности функционирования «китайских» рынков на российских дальневосточных территориях освещались в работах Т.Н. Журавской, Н.П. Рыжовой, в коллективном труде под ред. В.И. Дятлова и К.В. Григоричева¹. Вопросы китайской миграции и правового оформления приграничной российско-китайской торговли на Дальнем Востоке России в 1990-е гг. рассмотрены в главе, написанной совместно В.Л. Лариным, Г.Н. Романовой и В.Г. Дацышеном в монографии, посвященной российско-китайским отношениям на разных уровнях². Особенности становления предпринимательства на приграничных территориях, роль дальневосточного предпринимательства в реализации интеграционной стратегии России в АТР исследованы в работах Л.А. Моисеевой, А.С. Ващук. Конец XX века в их трудах характеризуется как переходный, трансформационный период, в который происходило становление предпринимательства на Дальнем Востоке России как новой модели хозяйствования³.

В контексте изучаемой темы особый интерес представляют работы д.э.н., академика РАН П.А. Минакира⁴, который на основе анализа советских (а впоследствии и российских) отношений с КНР показывает, что у Российской Федерации отсутствовала (и в настоящее время отсутствует) собственная комплексная государственная стратегия развития экономических отношений с Китаем на приграничных территориях. В этих условиях «децентрализация внешней торговли в 1990-е гг. привела к практически полной потере централизованного государственного контроля за процессом развития двусторонних торгово-экономических отношений»⁵.

Присутствие и экономическая деятельность китайцев на российском Дальнем Востоке в контексте сложной демографической ситуации в дальневосточном регионе в 1990-е гг. освещалась

¹ Журавская Т.Н. «Китайский» торговый центр vs. «китайский» рынок: что изменилось со времени запрета на торговлю иностранцев на розничных рынках (на примере Амурской области) // *Полития*. 2012. №4 (67). С.104-123; Она же. Посетители «китайского» рынка: символическое потребление и экономия на масштабе // *Известия Иркутского гос.ун-та. Серия «Политология. Религиоведение»*. 2014. Т.10. С.120-135; Она же. «Собственники без собственности» или неформальные практики в условиях открытого рынка // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2014. Том XVII. №5(76). С.52-69; Она же. Особенности и социально-экономические функции «китайских» рынков на Дальнем Востоке // *Современные проблемы регионального развития: материалы V международ. науч.-практич. конф. Биробиджан, 2014*. С.223-224; Она же. «Китайские» рынки в Сибири и на Дальнем Востоке // *Служба занятости*. 2015. №4. С.36-39; Рыжова Н.П. Трансграничный рынок в Благовещенске: формирование новой реальности деловыми сетями "челноков" // *Экономическая социология*. 2003. Т.4. №5. С.54-71; Рыжова Н.П. Приграничная «народная торговля» в Благовещенске как механизм формирования экономического и социального симбиоза // *Диаспоры*. 2003. №2. С.88-126; Этнические рынки в России: пространство торга и место встречи / науч. ред. В.И. Дятлов, К.В. Григоричев. Иркутск, 2015.

² *Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений* / Под ред. А.В. Лукина. М., 2013.

³ Моисеева Л.А. Формирование предпринимательства на Дальнем Востоке России в 1985-2000 гг. Владивосток, 2003; Моисеева Л.А., Ващук А.С. История предпринимательства на Дальнем Востоке России в конце XX – начале XXI в. Владивосток, 2006.

⁴ Минакир П.А. Экономика советского Дальнего Востока: вызов кризису // *Проблемы Дальнего Востока*. 1991. №5. С.55-64; Он же. Внешнеэкономическое сотрудничество на Дальнем Востоке России: проблемы и перспективы // *Регион: экономика и социология*. 2000. №1. С.69-84; Он же. Россия – Китай на Дальнем Востоке: мнимые страхи и реальные угрозы // *Пространственная экономика*. 2009. №3. С.7-19 и др.

⁵ Минакир П.А. Россия – Китай на Дальнем Востоке: мнимые страхи и реальные угрозы // *Пространственная экономика*. 2009. №3. С.8.

в работах Е.Л. Мотрич, С.Н. Мищук, А.С. Ващук¹. Тема привлечения китайских инвестиций и создания предприятий с совместным капиталом на российском Дальнем Востоке отражена в работах Е.И. Деваевой, В.Г. Норина, А.Г. Адмидина, С.Н. Мищук, В.Н. Дьяченко, Л.А. Понкратовой, Г.Н. Романовой и др.². Особенности инвестиционной деятельности раскрывает С.А. Иванов, который, освещая вопросы миграции китайского капитала на российских дальневосточных территориях и сущность господдержки КНР в отношении зарубежного инвестирования в XXI веке, в своих работах немало внимания уделяет и периоду 1990-х гг.³. Исследователи подчеркивают исключительную роль приграничной торговли в создании совместных предприятий китайскими предпринимателями, отмечая, что российско-китайская приграничная торговля позволила китайским компаниям наращивать внешнеэкономический капитал успешнее, чем в целом по стране. Китайские бизнесмены приграничных северо-восточных провинций Китая, накопив опыт и капиталы в процессе создания совместных предприятий в России, позже начали торговлю с другими странами⁴.

Описывая сферы деятельности и особенности быта китайских бизнесменов на российских приграничных территориях, мы рассматриваем признаки этнического предпринимательства применительно к китайским мигрантам. Российская наука обратилась к изучению этнического предпринимательства сравнительно недавно. Этой проблемой занимаются, в частности, В.В. Радаев,

¹ Мотрич Е.Л. Оценка миграционной ситуации на Дальнем Востоке России: 1991-2016 гг. // Уровень жизни населения регионов России. 2017. №2. С.70-77; Мотрич Е.Л. Демографический потенциал и присутствие китайцев на российском Дальнем Востоке // Проблемы Дальнего Востока. 2001. №6. С.55-63; Мотрич Е.Л. Китайцы на российском Дальнем Востоке: проблемы и перспективы // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2002. С.323-329; Мищук С.Н. Миграция и национальный состав населения на Дальнем Востоке России в конце XX – начале XXI в. // Известия Иркутского гос. ун-та. Серия "Политология. Религиоведение". 2013. №2(11). Ч.2. С.210–221; Ващук А.С. Миграционная политика России в конце XX – начале XXI века: надежды управленцев и реалии сельской глубинки юга Дальнего Востока // Вестник ДВО РАН. 2012. №4. С.24-31.

² Деваева Е.И., Норин В.Г. Совместная предпринимательская деятельность на Дальнем Востоке России // Проблемы Дальнего Востока. 1996. № 6. С.3-8; Адмидин А.Г., Деваева Е.И. Экономическое сотрудничество российского Дальнего Востока со странами Северо-Восточной Азии // Проблемы Дальнего Востока. 1998. №6. С.68-77; Мищук С.Н. Совместные предприятия с участием КНР на территории Еврейской автономной области // Материалы докладов научн. семинара, посвящ. 350-летию похода Е.П. Хабарова «Российское Приамурье: История и современность». Хабаровск, 1999; Дьяченко В.Н., Понкратова Л.А. Использование потенциала приграничного положения в социально-экономическом развитии Амурской области // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып.6. Благовещенск, 2003. С.332-341; Романова Г.Н. Реформирование внешнеэкономических связей Китая: торговля, инвестиции (80-е гг. XX в. – начало XXI в.) // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2017. №2. С.25-38; Павлова С.В. Предприниматели КНР на территории Амурской области: проблемы налогообложения // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск, 2001. С.554-559.

³ Иванов С.А. Формирование приграничного с Россией пояса открытости КНР // Ойкумена. 2009. №3. С.52-59; Он же. Деятельность субнациональных правительств в приграничном сотрудничестве России и Китая // Россия и АТР. 2011. № 2. С.143-153; Он же. Условия формирования и особенности пространственной организации внешнеэкономической деятельности на северо-востоке Китая // Вестник ДВО РАН. 2012. №4(164). С.136-144; Он же. Влияние государства на российско-китайские торгово-экономические взаимодействия // Россия и АТР. 2013. №4. С.59-72; Он же. Миграция китайского капитала и труда в Приморском крае // Ойкумена. 2014. №4. С.35-46; Он же. Инвестиции компаний провинции Хэйлуцзян в России: особенности роста в условиях господдержки // Проблемы Дальнего Востока 2015. №5. С.46-58.

⁴ Иванов С.А. Условия формирования и особенности пространственной организации внешнеэкономической деятельности на Северо-Востоке Китая // Вестник ДВО РАН. 2012. №4. С.141-142.

В.И. Дятлов, С.Н. Мишук и др.¹. Объектом исследования в работах, посвященных данной тематике, является этническое предпринимательство как феномен и механизмы адаптации мигрантов в принимающем обществе. Как отмечает С.В. Рязанцев, «рассматривать развитие этнического предпринимательства следует в неразрывной связи с особенностями социально-экономической адаптации мигрантов»².

Криминогенные факторы присутствия китайских предпринимателей на российском Дальнем Востоке и теневые стороны их деятельности раскрываются в работах Н.Н. Ныровой, Т.Н. Журавской, Н.Л. Симутиной, Н.П. Рыжовой и др.³. Исследователи подчеркивают взаимосвязь этнической экономики с неформальной, признают, что многие неформальные практики были обусловлены законодательным несовершенством.

В контексте исследуемой темы представляют интерес диссертации, анализирующие вопросы межрегионального российско-китайского экономического взаимодействия и роли китайского фактора в отношениях двух стран⁴, однако данные работы носят экономический характер и не выделяют китайское предпринимательство на Дальнем Востоке России как отдельный предмет изучения.

¹ Радаев В.В. Этническое предпринимательство: мировой опыт и Россия // Полис. 1993. №5. С. 79-87. С. 79; Дятлов В.И. Китайцы в Сибири и на Дальнем Востоке – хорошо это или плохо для России? // Азия и Африка сегодня. 2003. № 4. С. 40-42; Мишук С.Н. Миграция и этническое предпринимательство на Дальнем Востоке России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. №1. С. 89-94; Мишук С.Н. Особенности этнического предпринимательства в России: кейс Дальнего Востока // Институты развития демографической системы общества: V Уральский демографический форум: сборник материалов. Екатеринбург, 2014. С.495-499; Рыжова Н.П. Феномен этнического предпринимательства: западная традиция и российское прочтение // Новые российские гуманитарные исследования. 2008. № 3. URL: http://www.nrgumis.ru/articles/article_full.php?aid=77 (дата обращения: 01.02.2017); Сусоколов А.А. Культура и обмен: Введение в экономическую антропологию. М., 2006; Лайша А.В. Традиции предпринимательства у различных этнических групп // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2012. №3(17). С.77-82.

² Рязанцев С.В. Этническое предпринимательство как форма адаптации мигрантов // Общественные науки и современность. 2000. №5. С.75.

³ Нырова Н.Н. Китайские компании приграничной торговли и их место в международной преступной деятельности // Проблемы Дальнего Востока. 2004. №1. С.87-114; Журавская Т.Н. «Серый» импорт на российско-китайской границе: что нового? // Экономическая социология. 2011. Т.12. №5. С.54-71. Симутина Н.Л., Рыжова Н.П. Экономические и социальные взаимодействия на трансграничном пространстве Благовещенск–Хэйхэ // Вестник ДВО РАН. 2007. №5. 130-144. Рыжова Н.П. Процессы региональной интеграции в российско-китайском приграничье // Вестник ВолГУ. Сер.4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2008. №1. С.107-114; Она же. Неформальная модель торговой интеграции. Случай России и Китая // Ойкумена. 2011. №3. С.20-30. Ларин А.Г. Китайские мигранты и российский правопорядок. Проблема ответственности // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2009. №14. С.115-134; Гамерман В.Е. Проблемы безопасности, связанные с приграничным сотрудничеством Амурской области со странами АТР // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Благовещенск, 2002. С.158-164.

⁴ Деваева Е.И. Развитие внешней торговли Дальнего Востока в период реформы: дис. ... канд. экон. наук. Хабаровск, 1997; Александрова М.В. Китай и Россия: особенности регионального экономического взаимодействия в период реформ: дис. ... канд. экон. наук. М., 2001; Александрова Н.А. Современный этап экономической интеграции стран АТР и возможности участия России: дис. ... канд. экон. наук. М., 2002; Мишук С.Н. Тенденции развития и направления регулирования малого предпринимательства на уровне субъекта Федерации: дис. ... канд. экон. наук. Хабаровск, 2004; Клыков А.А. Китайский фактор регионального развития дальневосточных субъектов РФ: дис. ... канд. геогр. наук. СПб., 2007; Рыжова Н.П. Эффекты международной экономической интеграции на региональном уровне (на примере России и Китая): дис. ... д-ра экон. наук. Хабаровск, 2013 и пр.

Китайская историография проблемы может быть разделена на два периода: историографию периода 1990-х гг. и периода 2000-х гг. Первые исследования вопросов китайского предпринимательства на приграничных дальневосточных территориях проводили историки, сами являвшиеся свидетелями не только открытия границ, но и исторического процесса начавшегося межкультурного взаимодействия порубежного населения. Их труды отличают наличие детальных описаний происходивших событий, подробное изложение фактов, а также научный анализ тех проблем и вопросов, которые впоследствии определяли характер и особенности китайского предпринимательства. В целом, китайскую историографию исследуемой проблемы периода 1990-х гг. можно разделить на две группы:

1. Работы, в которых рассматриваются социально-экономические условия на российском Дальнем Востоке в переходный период 1990-х гг. С открытием границ и началом торгово-экономического сотрудничества и межкультурного взаимодействия китайские исследователи стали обращать пристальное внимание на развитие территорий сопредельного государства, подробно анализировали дальневосточный регион, его площадь, динамику населения, климатические и иные характеристики (Гун Жунцзинь, Мэн Чжэн, Чжан Хуанхай)¹.

2. Труды по становлению, развитию и перспективах приграничной российско-китайской торговли на Дальнем Востоке. Изучению данного направления посвящены работы Линь Шэнчжуна, Лю Шаоюй, Сюй Цзинсюэ, Чжоу Шижуй, Тан Жэньго и др.². Китайские исследователи давали характеристику проблемам и перспективам торговли между Китаем и Россией на порубежных территориях, подчеркивая, что установление торговых связей между приграничными городами дало небывалый толчок развитию китайских провинций и обеспечило приток средств и товаров в российские приграничные регионы. В этой же группе мы можем выделить работы о туризме как одной из форм приграничной торговли (Го Вэньгуй, Сун Куй, Чэнь Сюэце, Чжан Цинхэ, Лян

¹ Гун Жунцзинь. Элосы юаньдун дицуй дэ цзинци фачжань (Экономическое развитие российского Дальнего Востока) // Шицзе цзинци. 1996. №8. С.28-31; Мэн Чжэн. 1998 нянь Элосы юаньдун дицуй шэхуэй цзинци чжуанкуан (Социально-экономическая ситуация на российском Дальнем Востоке в 1998 г.) // Дуньюу Чжунъя шичан яньцзю. 1999. №9. С.26-31; Чжан Хуанхай. Сиболия юй Юаньдун цзинци тунци (Статистические данные по Сибири и Дальнему Востоку) // Сиболия яньцзю. 1995. №5 (22). С.40-53.

² Линь Шэнчжун. Шилунь Чжунго (Хэйхэ) юй Элосы (Амуэрчжоу) куа го жэнькоу людун сяньчжуан цзи фачжань цюйсян (О современном состоянии и тенденциях трансграничных перемещений населения между Хэйхэ (КНР) и Амурской областью (Россия) // Жэнькоу юй цзинци. 1995. №2. С.39-42; Лю Шаоюй. Дуй Хэйхэ ши дуйвай кайфан гунцзо дэ хуэйгу юй чжаньван (Ретроспектива и перспективы работы по открытию города Хэйхэ внешнему миру) / Цзян Ян, Сюй Чжияо, Лю Дэцзюнь, У Инцзе, Цзи Айлин // Хэйхэ сюэкань. 1994. №1. С.22-27; Сюй Цзинсюэ. Чжун Э маои хэ Дун Бэй Я цюйюй хэцзо (Российско-китайская торговля и сотрудничество в Северо-Восточной Азии) // Дуньюу Чжунъя яньцзю. 1994. №1. С.18-25; Чжоу Шижуй. Элосы Амуэр чжоу цзицзи кайчжань дуйвай цзинмао хэцзо (Активное развитие внешнего торгово-экономического сотрудничества российской Амурской области) // Дуньюу Чжунъя шичан яньцзю. 1997. №5. С.47-48; Тан Жэньго, Линь Дунхуэй. Хэйхэ бяньцин цзинмао хэцзо цуньцзай дэ вэньти хэ дуйцэ цзяньи (Приграничное торгово-экономическое сотрудничество в Хэйхэ: существующие проблемы, контрмеры и предложения) // Хэйхэ цзинмао луньтань. 1995. №3. С.66-68.

Кэи)¹. В целом, риторика научных статей начала 1990-х гг. о приграничном сотрудничестве России и Китая - исключительно воодушевленная, полная надежд о скорейшей реализации крупных проектов (мост между Благовещенском и Хэйхэ, торговая зона Хуши и т.д.).

Значимый вклад в изучение проблемы внесли солидные труды Кун Цзинвэя, Мэн Сяньчжана, Сун Сяовэй², в которых содержится большой массив фактических сведений об объемах и динамике развития российско-китайской приграничной торговли, а также общие работы по истории Северо-Восточного Китая³. Хотя данные работы не посвящены непосредственно анализу китайского предпринимательства, в них отражена детальная картина торгово-экономического сотрудничества России и Китая в конце 1980-х – начале 1990-х гг., что дает нам представление об условиях для последующего развертывания китайского бизнеса на приграничных территориях. Нюансы посредничества в предпринимательстве на приграничных территориях отражены в обстоятельной работе Лян Маобана⁴. Проблема путей разрешения торговых конфликтов между китайскими и российскими бизнесменами рассмотрена в работе Хуан Госяня⁵.

В целом, в работах китайской историографии отдельно не выделялись вопросы китайского предпринимательства на российском Дальнем Востоке. В ряде статей рассматривается деятельность китайских бизнесменов на российской территории, но только в общем контексте анализа приграничной торговли либо перспектив привлечения иностранных инвестиций в дальневосточные регионы (Вэнь Ли, Ван Фуши, Вэнь Цзиньхуа, Линь Дунхуэй)⁶. Попытка осветить вопросы китайской миграции в Россию в 1990-е гг. и деятельности китайских торговцев на российских

¹ Го Вэньгуй. Хэйхэ дуй Э луйю цуньцзай дэ вэньти цзи дуйцэ (Туризм из Хэйхэ в Россию: существующие проблемы и пути их решения) // Хэйхэ сюекань. 1998. №6. С.35-36; Лян Кэи. Чжун Э бяньцзин луйю сяньчжуан цзи хайгуань цзяньгуань дуйцэ (Современное состояние приграничного российско-китайского туризма и меры по его таможенному контролированию) // Чжунго хайгуань. 1998. №9. С.25-26; Сун Куй, Чэнь Сюцзе. Чжун Э луйю хэцэ дэ хуэйгу юй чжаньван (Прошлое и будущее сотрудничества России и Китая в сфере туризма) // Сиболия яньцзю. 2001. №5. С.11-16; Чжан Цинхэ. Майсян синь шицзи дэ Хэйлуонцзян шэн луйюэ (Туристическая отрасль Хэйлуонцзяна, устремленная в новый век) // Чжунго дуйвай маои. 1994. №7. С.13.

² Кун Цзинвэй. Чжунго Дунбэй дицюй цзинцзи ши (История экономики Северо-Восточного Китая). Изд-е 2-е, испр. и доп. Чанчунь, 1994; Мэн Сяньчжан. Чжун Су маои ши цзыляо (Материалы по истории китайско-советской торговли). Пекин, 1991; Сун Сяовэй. Дунбэй саньшэн ваймао цзегоу цзи ци юхуа вэньти яньцзю (Изучение структуры внешней торговли Трех Северо-Восточных провинций Китая и других вопросов по ее оптимизации). Чанчунь, 2017.

³ Чжунго Дунбэй тунши (Общая история Северо-Восточного Китая). Изд. 2-е, испр. и доп. Чанчунь, 1995; И Синго, Дяо Шужэнь. Цзинь саньбай нянь Дунбэй туди кайфа ши (История освоения земель на Северо-Востоке Китая за последние триста лет). Чанчунь, 1994.

⁴ Лян Маобан. Чжун-Э бяньмао "дайли" сяньсян си (Анализ явления "посредничество" в российско-китайской приграничной торговле) // Фасюэ таньгао. 1992. №4. С.15-19.

⁵ Хуан Госянь. Чжунго луйши жухэ инчжань - таньцзе цзюэ Чжун-Э маои цзюэфэнь (Как китайские юристы приняли вызов - о разрешении торговых конфликтов между Россией и Китаем) // Чжунго луйши. 1998. №2. С.60-62.

⁶ Вэнь Ли, Ван Фуши. Элосы Хабалофусыкэ бяньцзянцюй иньцзинь вайцзы дэ сяньчжуан (Современная обстановка по привлечению инвестиций в приграничный Хабаровский край России) // Элосы Дунъя Чжуньюо шичан. 1997. №11. С.7-10; Вэнь Цзиньхуа. Луй Э хуашан дэ дивэй, цзююн хэ цяньту - дуй Э миньмао шинянь хуэйгу (Статус, роль и перспективы китайских торговцев в России - десятилетняя ретроспектива народной торговли с Россией) // Дун Оу Чжун Я шичан яньцзю. 2001. №7. С.10-18; Линь Дунхуэй. Чжуачжу цзюйюй, цзэнцян холи - цзай цзинчжэн чжун цю шэнцунь хэ фачжань -- гуаньюй Хэйхэ 20 цзя бяньмао гунсы цинлуан дэ дяоча (Использовать шансы и усиливать жизнеспособность – существовать и развиваться в условиях конкуренции: анализ деятельности 20-ти предприятий приграничной торговли в Хэйхэ) // Хэйхэ сюекань. 1993. №2. С.30-33.

дальневосточных территориях была предпринята в работе Чжан Цзунхая¹, однако статистические данные, приводимые автором и описания китайских рынков в России составлены на основании работ российских исследователей – Ю.М. Галеновича, В.Л. Ларина, Е.Л. Мотрич и др., а также на материалах российских дальневосточных газет.

В 2000-х гг. наметились новые подходы к изучению исследуемой проблемы. Это было связано с подписанием российско-китайского Договора 2001 г. о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, провозглашением начала реализации новых проектов российско-китайского межгосударственного и межрегионального взаимодействия. Труды китайской историографии этого периода можно разделить на два направления:

1. Изучение направлений, проблем и перспектив торгово-экономического сотрудничества приграничных городов и регионов России и Китая. Авторы (Дин Юй, Дин Хуэйюй, Чжан Вэй, Лю Цюаньшунь, Юй Цзянбо)² активно разрабатывали вопросы дальнейшего тесного взаимодействия двух стран, совместного освоения дальневосточных ресурсов, формирования и развития трансграничных механизмов российско-китайских связей (одним из звеньев которых являются китайские бизнесмены).

2. Исследование роли китайских мигрантов в торгово-экономическом приграничном сотрудничестве и социально-экономическом развитии российского Дальнего Востока в 1990-е гг., межцивилизационного взаимодействия русского и китайского населения на порубежных территориях и роли китайских бизнесменов в этом взаимодействии. В этом направлении исследователи затрагивают только отдельные аспекты деятельности китайских предпринимателей – создание совместных предприятий, отдельные проблемы ведения бизнеса с российским населением, зачастую ограничиваясь общими фразами о необходимости повышения «уровня культуры» китайских предпринимателей и характеризуя предпринимательскую деятельность в России как совокупность «вызовов и возможностей» (Ли Цзиньюй, Ли Цзин, Ма Юцзюнь, Цинь Дань, Чу Сян,

¹ Чжан Цзунхай. Юаньдун дицой шицзи чжицзюдэ Чжун Э гуаньси (Российско-китайские отношения в дальневосточном регионе на рубеже веков). Харбин, 2000.

² Дин Юй, Дин Хуэйюй. Хэйлуңцзян шэн яньбянь кайфандай юй Элосы цюйюй хэцзо дэ юши (Преимущества сотрудничества российских регионов с «приграничным поясом открытости» провинции Хэйлуңцзян – на примере приграничного открытого города Хэйхэ) // Элосы Чжунья Дуньюу шичан. 2011. №2. С.34-40; Дин Хуэйюй. Гуаньюй Хэйхэ ши дуй Э цзинци цзишу хэцзо цинкуан дэ дяоча (Изучение ситуации в сфере технико-экономического сотрудничества Хэйхэ и России) // Элосы Чжунья Дуньюу шичан. 2011. №12. С.25-28; Чжан Вэй. Шилунь Э Амуэрчжоу шэхуэй цзинци фачжань дуй Чжунго Хэйхэ ши вайсянсин цзинцидэ инсян (О влиянии социально-экономического развития Амурской области на экспортноориентированную экономику г.Хэйхэ КНР) // Элосы Чжунья Дуньюу шичан. 2011. №7. С.38-43; Лю Цюаньшунь. Хэйхэ ши юй Э Амуэрчжоу цзинмао хэцзо фачжань гайкуан цзи дуйцэ цзяньи (Обзор развития торгово-экономического сотрудничества Хэйхэ и Амурской области (Россия) и предложения по ответным мероприятиям) // Сиболия яньцзю. 2007. №1(34). С.30-32; Юй Цзянбо. Чжун Э бяньцин дицой Хэйлуңцзян дуань цзыюань тэдянь цзи цзинмао хэцзо (Особенности группы ресурсов пров.Хэйлуңцзян в российско-китайской приграничной зоне и торгово-экономическое сотрудничество) // Элосы Чжунья Дуньюу шичан. 2010. №6. С.44-46.

Су Гофу и др.)¹. Авторы отмечают, что 1990-е гг. для китайских предпринимателей стали «этапом первопроходцев»: после долгого перерыва возобновление приграничной торговли с Россией они плохо знали особенности жизни и ведения бизнеса в России, еще не обросли связями, но тем не менее «упорно шли вперед к своей цели». Китайские исследователи описывают категории китайских предпринимателей, упоминая, в том числе и о группе китайских торговцев с невысоким уровнем общего образования, не владеющих русским языком, поэтому занимающихся только оптовой торговлей на рынках одеждой, обувью и товарами широкого потребления. Их ежедневные объемы продаж и обороты достаточно велики, но велик и риск «прогореть» (Хун Хуа²). При этом китайские историки с сожалением отмечают, что взаимодействие между населением, которое сложилось на приграничных территориях «так и не было включено в общий процесс взаимодействия между региональными правительствами и предприятиями, т.е. не достигло того уровня, когда путем развития «народной дипломатии» сотрудничество между правительствами и предпринимателями становится мостом для дальнейшего укрепления отношений» (Чжан Минъюань, Чжан Юйлун³).

В целом, для китайской историографии характерен системный анализ исторических процессов, изучение предмета исследования с учетом социально-экономических условий и четкое его описание с выделением этапов, категорий, критериев и т.д. Так, выделяя этапы в поступлении китайских инвестиций на российские дальневосточные территории, этапы приграничной торговли, совместной экономической деятельности китайских предпринимателей и русского населения, китайские исследователи приходят к выводу, что с конца 1980-х до середины 1990-х гг. был период, характеризующийся наибольшей хаотичностью во взаимодействии, а с середины и до конца 1990-х гг. процесс российско-китайских связей несколько упорядочился и китайское предпринимательство вышло на новый уровень, сменив бартерную торговлю на торговлю за наличный расчет и разработав новые схемы ведения бизнеса.

¹ Ли Цзинъюй, Ли Цзин. Элосы Юаньдун цюйюй кайфа чжун дэ Чжунго иминь вэньти таньтао (К вопросу о роли китайских мигрантов в развитии дальневосточного региона России) // Сиболия яньцзю. 2012. №2 (39). С.19-26; Ма Юцзюнь. "Хуэйсэ" цингуань юй во шэн дуй Э маои ("Серая растаможка" и торговля провинции Хэйлунцзян с Россией) // Фэньдоу цзиньлунь. 2010. №8. С.48-49; Цинь Дань. Элосы Юаньдун дицзюй хуашан дэ шэхуэй ванло фэньси (Анализ социальной сети китайских предпринимателей на Дальнем Востоке России) // Чжунго шанлунь. 2017. №30. С.57-59; Чу Сян, Су Гофу. Элосы Юаньдун дэ Чжунгожэнь хэ Чжунго цие (Китайцы и китайские предприятия на российском Дальнем Востоке) // Сиболия яньцзю. 2007. №2 (34). С.37-40. Тан Линьяо. Фанжэнь юй гуаньли дэ хоцзхоби: Элосы дасин шичан яньбяньлу (Попустительство или тотальный контроль: размышления об эволюции российских крупных рынков). Пекин, 2010; Ван Ханьминь. Жухэ цзиньбу кайто во цзай Э юаньдун дицзюй дэ чэнбао лаоу шичан – дуйвай цзинцзи маои дасюе (Как Китай шаг за шагом открывает рынок подряда и трудовой деятельности на российском Дальнем Востоке – иностранные торгово-экономические «университеты») // Гоцзи маои вэньти. 1996. №5. С.5-7.

² Хун Хуа. Элосы хуажэнь хуаци дэ сяньчжуан цзи данди цзинцзи дэ гуаньси (Современное состояние китайских предприятий и китайских предпринимателей в России и региональные экономические связи) // Элосы Чжунья Дуньюу шичан. 2011. №1. С.46-54.

³ Чжан Минъюань, Чжан Юйлун. Хэйхэ юй Амуэрчжоу дицзюй хэцзо яньцзю баогао (Доклад об исследовании регионального сотрудничества между Амурской областью и Хэйхэ) // Хэйхэ сюэкань. 2011. №1. С.10-15.

Специальных работ, характеризующих особенности китайского предпринимательства на Дальнем Востоке России, в китайской историографии пока не появилось. Отдельные сведения по вопросам китайского предпринимательства в России содержатся в трудах по истории российско-китайских отношений в новейшее время¹, в общих работах по китайской миграции (в России и в мире) и в регулярно публикуемых докладах о положении китайской диаспоры в мире ("Blue book of Overseas Chinese" и др.)². Ряд аспектов ведения китайцами бизнеса на приграничных дальневосточных территориях отражен в магистерской работе Е. Саловской³, выполненной в Харбинском политехническом университете на китайском языке. Эту работу отличает широкое использование источников на китайском языке, изучение проблемы с позиций российского исследователя и, в то же время, применение методологии китайских ученых. Ценность работе добавляет проведенное интервью более чем 200 китайских бизнесменов, осуществляющих свою деятельность в Хабаровском крае; результаты интервью позволили создать детальную картину особенностей ведения бизнеса китайскими мигрантами. Хотя работа выполнена в 2015 г., в ней описаны методы и формы китайского предпринимательства 1990-х гг. Солидной обобщающей работой по вопросам развития приграничной российско-китайской торговли стали докторская диссертация Чи Цинлина⁴ и магистерская работа У Шуся⁵, но авторы не ставили целью специально углубляться в исследование китайского предпринимательства на российском Дальнем Востоке.

В западной историографии затрагиваются лишь отдельные аспекты ведения китайцами бизнеса в 1990-е гг. на российском Дальнем Востоке – в общих работах, освещающих вопросы истории китайской диаспоры за рубежом⁶. В этих трудах хозяйственная деятельность китайских

¹ Ли Суйань. Чжунго дэ Элосы сяньсян (Образ России в Китае): 1949-2009. Харбин, 2012; Чжан Сюэхунь. Чжун-Э гуаньси дэ яньбянь юй фачжань (Эволюция и развитие российско-китайских отношений). Шанхай, 2013; Хуан Динтянь. Чжун-Э гуаньси тунши (Общая история российско-китайских отношений). Пекин, 2013; Ван Ци. Чжун-Э чжанлюе хобань дуйхуа: сяньчжуан, вэньти, цзяньи (Стратегический партнерский диалог между Китаем и Россией: современное состояние, проблемы и предложения). Пекин, 2014.

² Чжао Хуньин, Чжан Чуньван. Шицзе шице: цзоучу гомэнь дэ Чжунго иминь (Мировая ретроспектива: китайские иммигранты за границей). Пекин, 2013; Шицзе хуашан цзинци няньцзянь: 2008-2009 (Ежегодный справочник по китайским предпринимателям в мире). Пекин, 2010; Шицзе цяоцин баогао (Доклад о состоянии китайской диаспоры в мире) (2011-2012), (2012-2013). Гуанчжоу, 2012-2013; Хуацяо хуажэнь ланьпишу: Хуацяо хуажэнь яньцзю баогао (Синяя книга по зарубежным китайцам: Доклад об изучении китайской диаспоры) / Гл.ред. Цю Цзинь. Пекин, 2011-2018.

³ Salovskaia E. Чжунго шанжэнь цзай Хабалофусыкэ цунши сяоэ маои дэ яньцзю (Китайские предприниматели, занимающиеся малым бизнесом в Хабаровске): дисс. ... магистра экон. наук. Харбин, 2015.

⁴ Чи Цинлин. Бяньцзин маои юй цзинци фачжань - Дунбэй дицюй дуй Э (Су) бяньцзин маои юй цюйюй цзинци фачжань яньцзю (Приграничная торговля и развитие экономики - исследование развития региональной экономики и приграничной торговли Северо-Восточного Китая с Россией (СССР): дисс. ... доктора экон. наук. Пекин, 2001.

⁵ У Шуся. Хэйлуңцзян шэн бяньцзин маои сяньчжуан, вэньти цзи дуйцэ яньцзю (Исследование контрамер, проблем и современного состояния приграничной торговли провинции Хэйлуңцзян): дисс. ... магистра полит. наук. Харбин, 2002.

⁶ Fairbank J., Goldman M. China: A New History. Cambridge, Mass.; London: Belknap Press of Harvard University Press, 1998; Chinese Migrants Abroad: Cultural, Educational, and Social Dimensions of the Chinese Diaspora / editors Michael W. Charney, Brenda S.A. Yeoh, Tong Chee Kiong. Singapore: Singapore University Press, 2003; Patsiorkovsky V., Stephen S. Fugita, David J. O'Brien. Asians in Small Business in the Russian Far East: A Historical Overview and Comparison with Asians on the American West Coast // International Migration Review. 1995. Vol.29. No.2. pp. 566-575; Weiner M., Rainer Münz. Migrants, Refugees and Foreign Policy: Prevention and Intervention Strategies // Third World Quarterly. 1997. Vol.18.

мигрантов в различных странах мира рассматривается и анализируется как конструктивная составляющая в истории Китая и китайской цивилизации, как важный фактор развития мировых миграционных потоков.

Отдельные аспекты китайского предпринимательства на дальневосточных российских территориях в конце XX века освещены в трудах западных ученых, посвященных истории реформ в Китае и России. В ряде компаративистских работ анализируются этапы китайских реформ и «возвышения» Китая, плюсы и минусы китайских экономических шагов после начала «политики реформ и открытости», при этом, подчеркивается периферийность российских дальневосточных территорий и ограниченность их капиталов и средств для дальнейшего развития¹.

Ряд работ посвящен неформальным практикам китайских предпринимателей, нерегулируемым коммерческим организациям и сетям в России, а также фактору национальной культуры в ведении бизнеса представителями китайского этноса и его взаимодействию с русским населением². В этих работах были рассмотрены проблемы организации торговли на китайских рынках и создания совместных предприятий с китайским капиталом, криминогенные факторы хозяйственной деятельности китайских предпринимателей на российском Дальнем Востоке³, однако комплексного исследования вопросов китайского предпринимательства на российском Дальнем Востоке в 1990-е гг. в западной историографии проведено не было.

Несмотря на актуальность заявленной темы, до сих пор не опубликовано ни одного комплексного обобщающего исследования феномена китайского предпринимательства на Дальнем Востоке в 1990-е гг. Между тем, накопленный массив научных работ, имеющиеся архивные материалы, а также публицистика того времени со всей неоднозначностью отраженной в ней общественных настроений позволяют восстановить и описать происходившие тогда процессы.

No.1. pp. 25-51; Giovanni F., Maggie Y. Liu, Anna M.M., Minghai Zhou. China's "Great Migration": The impact of the reduction in trade policy uncertainty // *Journal of International Economics*. 2019. Vol.120 (C). pp.126-144.

¹ Stefan J. *The Russian Far East. A History*. Stanford: Stanford University Press, 1994; Kerr D. *Opening and closing the Sino-Russian border: Trade, regional development and political interest in north-east Asia* // *Europe-Asia Studies*. 1996. Vol.48. No.6. pp.931-957; Anderson J. *The Limits of Sino-Russian Strategic Partnership*. London: Oxford University Press, 1997; Bradshaw Michael J., Lynn Nicholas J. *Resource-Based Development in the Russian Far East: Problems and Prospects* // *Geoforum*. 1998. Vol.29. No.4. pp.375-392; Sicular T. *Capital Flight and Foreign Investment: Two Tales from China and Russia*. Transition Economics Research Forum Reports (TERF). London, ON: Department of Economics, University of Western Ontario. 1998; Buck T., Filatotchev I., Nolan P., Wright M. *Different Paths to Economic Reform in Russia and China: Causes and Consequences* // *Journal of World Business*. 2000. Vol.35. No.4. pp.379-400; Lockwood D. *Border Economics Versus Border Mentality: the Politics of Russia*. China border trade. Melbourne: Cerc Working papers series, 2001.

² Hyer E. *Dreams and Nightmares: Chinese Trade and Immigration in the Russian Far East* // *The Journal of East Asian Affairs*. 1996. Vol.10. No.2. pp.289-308; Michailova S., Worm V. *Personal Networking in Russia and China: Blat and Guanxi* // *European Management Journal*. 2003. Vol.21. No.4. pp.509-519; Sheila M., Puffer Daniel J., Mccarthy Max Boisot. *Entrepreneurship In Russia And China: The Impact Of Formal Institutional Voids* // *Entrepreneurship Theory And Practice*. 2010. Vol.34. No.3. pp.441-467.

³ Holzlehner T. *Shadow Networks: border economies, informal markets, and organized crime in Vladivostok and the Russian Far East*. PhD Dissertation. University of Alaska Fairbanks, Alaska. 2006; Repnikova M., Balzer H. *Chinese Migration to Russia: Missed Opportunities*. Washington, D.C.: Woodrow Wilson International Center for Scholars, 2009.

Источниковая база исследования представлена несколькими группами источников: неопубликованными архивными материалами, сборниками опубликованных документов, периодической печатью, мемуарной литературой и интервью, собранными лично автором.

К первой группе относятся неопубликованные архивные документы из фондов Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Государственного архива Хабаровского края (ГАХК), Государственного архива Приморского края (ГАПК), Государственного архива Амурской области (ГАО), Государственного архива Еврейской автономной области (ГА ЕАО).

В ГАРФ автором были изучены документы Правительства Российской Федерации (Ф.10200), включающие постановления, распоряжения и протоколы заседаний Правительства РФ, документы отделов региональной политики и по взаимодействию с международными финансовыми организациями; экономики промышленности и организации хозяйственных связей. В фонде «Министерство внешних экономических связей и торговли РФ. 1991-1998» (Ф.10212) содержатся документы департаментов экономического сотрудничества со странами АТР.

На основе материалов фондов ГАХК были получены и проанализированы сведения о регистрации и ликвидации совместных российско-китайских предприятий и предприятий со 100%-ным китайским капиталом на территории Хабаровского края, об особенностях экономической деятельности данных предприятий, их роли в экономике края (Ф.Р-1399, Ф.Р-1971). Изучение документов в ГАПК (Ф.Р-1694 «Администрация Приморского края») позволило проанализировать информацию, касающуюся совместных предприятий Приморского края, статистику по иностранным инвестициям в крае. Усложнило проведение исследования упразднение (в 1994 г.) обязательства по сдаче документов предприятиями на хранение в государственных архивах РФ, а также несоответствие данных в различных документах и материалах: статистические данные неполны и зачастую противоречивы. Так как приграничная торговля с Россией только начала развиваться, у руководителей предприятий не было никаких нормативных документов и стандартов ведения и хранения подобной документации. К тому же, например, бартерные сделки, составлявшие большую часть деятельности таких фирм и предприятий, в силу своей специфики обычно нигде не фиксировались.

Большое значение для диссертационного исследования имели отчеты об экспертизе и импорте котируемых и лицензируемых товаров, отчеты совместных предприятий, отчеты об иностранных инвестициях, содержащиеся в документах фонда Р-480 «Амурский областной комитет государственной статистики (1941 г. – по наст. время)» в ГАО. Архивные дела фонда Р-501 «Департамент экономического развития и внешних связей администрации Амурской области (1932 г. – по наст. время)» содержат информацию о развитии сотрудничества области со странами Северо-Восточной Азии, анализ внешнеэкономической деятельности области, а также документы о ра-

боте российско-китайской группы по международным и приграничным отношениям в г. Благовещенске. Фонд Р-2286 «Администрация Амурской области (1991 г. – по наст. время)» включает в себя переписку администрации с ФМС РФ по вопросам привлечения иностранной рабочей силы, протоколы региональных совещаний по проблемам развития российско-китайских отношений в дальневосточном регионе.

Автор вводит в научный оборот новые документы о совместных и иностранных предприятиях, о пунктах пропуска на российско-китайской государственной границе, об основных показателях внешнеэкономической деятельности Еврейской автономной области в 1990-е гг. Эти документы содержатся в Ф.596 «Мэрия муниципального образования Город Биробиджан» ГА ЕАО.

Вторую группу источников составили опубликованные документы: законодательные акты Российской Федерации, Указы Президента РФ, Постановления Правительства РФ, федеральные и региональные нормативно-правовые акты, договоры, соглашения и конвенции между Россией и Китаем¹. Представлялось важным обратиться к межгосударственным соглашениям, подписанным в 80–90-е годы XX – начале XXI вв., сформировавшим договорную базу регионального сотрудничества и определившим его ключевые правовые моменты.

К третьей группе относятся региональные статистические материалы Амурската, Хабаровсктата, Приморсктата², в которых содержатся сведения о количестве совместных предприятий, объемах иностранных инвестиций на российский Дальний Восток, доле производства их продукции в общих объемах производства в регионе в исследуемый период.

Четвертую группу источников составляют материалы периодической печати. В российской центральной и дальневосточной прессе уделялось внимание вопросам хозяйственной деятельности китайских мигрантов на российском Дальнем Востоке (в том числе ее теневой стороне), а

¹ Совместная декларация об основах взаимоотношений между РФ и КНР. 1992 г.; Совместная российско-китайская декларация 1996 г. // Сборник российско-китайских договоров, 1949-1999. М., 1999. С.333-337; Совместное советско-китайское коммюнике // Вестник МИД СССР. 1989. №11. С.25-27; Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой // Сборник российско-китайских документов. 1999-2007 гг. М., 2007. С.143-151; Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о распространении практики упрощенного пропуска граждан Российской Федерации в торговые комплексы в гг. Хэйхэ и Суйфэньхэ, действующие по китайскую сторону российско-китайской границы в форме обмена нотами от 2 июня 1999 года // Бюллетень международных договоров. 1999. №11. С.70; Сборник договоров России с другими государствами. 1856-1917. М., 1952; Сборник российско-китайских договоров, 1949-1999. М., 1999 и др.

² О работе совместных предприятий. Владивосток, 1993, 1995; Итоги работы совместных предприятий за 1994-1995 гг. Благовещенск, 1995-1996; Деятельность совместных и иностранных предприятий за 1997 г. Благовещенск, 1998; Сведения об иностранных инвестициях за 1999 г. Благовещенск, 1999; Деятельность совместных предприятий в Приморском крае. Владивосток. 1996, 2000; Хабаровский край в цифрах. Статистический справочник (Хабаровский краевой комитет государственной статистики). 1997-1999 гг. Хабаровск, 1998-2000; Инвестиции в экономику области. Госкомстат Амурской области. Благовещенск, 2001; О деятельности предприятий с иностранными инвестициями. Благовещенск, 2002 и др.

также их правового положения, условиям проживания и т.д. в исследуемый период. В диссертации использованы и материалы китайской периодики, в которых освещаются истории китайских предпринимателей в России, их успехи и трудности в построении бизнеса.

В работе нашли отражение *материалы из личного архива автора*, собранные методом интервью в ходе встреч с китайскими предпринимателями, разворачивавшими свой бизнес в России в исследуемый период (*пятая группа источников*). Они позволяют дать более полную характеристику направлениям и сферам китайского предпринимательства на российском Дальнем Востоке.

Таким образом, источниковая база исследования позволяет решить поставленные задачи и достичь цели исследования.

Целью диссертационного исследования является изучение особенностей становления и функционирования китайского предпринимательства на Дальнем Востоке России в контексте социально-экономической ситуации в дальневосточном регионе в 1990-е гг. Для достижения поставленной цели в работе предполагается решение следующих **задач**:

1. Проанализировать геополитические и социально-экономические условия становления китайского предпринимательства на российском Дальнем Востоке в конце XX века в контексте межгосударственных и межрегиональных российско-китайских отношений.
2. Рассмотреть вопросы правового регулирования китайского предпринимательства на Дальнем Востоке российскими и китайскими властными органами.
3. Проследить динамику развития китайского предпринимательства в дальневосточном регионе в исторической ретроспективе.
4. Проанализировать специфику и формы функционирования китайского предпринимательства в контексте российско-китайских приграничных связей.
5. Рассмотреть особенности быта и хозяйственной деятельности китайских предпринимателей.
6. Обобщить исторический опыт функционирования китайского предпринимательства на российском Дальнем Востоке в контексте российско-китайского взаимодействия.

Методологической основой диссертационного исследования послужили научные принципы исторического познания. В работе был применен принцип позитивизма, заключающегося в выявлении, описании и упорядочении эмпирических сведений о формах китайского предпринимательства и сферах деятельности китайских деловых людей, и принцип историзма, позволивший изучить историю китайского предпринимательства на Дальнем Востоке России в 1990-е гг. в социально-историческом контексте и как часть исторического процесса развития российских дальневосточных территорий.

Стратегия данного исследования заключается во всестороннем изучении конкретных фактов, событий и динамики такого явления, как китайское предпринимательство на Дальнем Востоке

России в 1990-е годы, с последующим их обобщением. Обобщения основаны на использовании таких общенаучных методов, как сравнение и индукция. При формулировке обобщений был применен историко-критический метод. Проблемно-хронологический метод позволил достичь единства логико-событийного и проблемно-аналитического подходов в данном исследовании. Применение сравнительно-исторического метода в исследовании позволило сравнить процессы регулирования предпринимательской деятельности и миграции в двух странах.

В работе при изучении сущности китайского предпринимательства на российских дальневосточных территориях использован системный подход, предполагающий комплексное исследование процесса: выявление условий и причин, анализ становления и развития китайской предпринимательской деятельности, характеристика особенностей и обобщение результатов. При этом китайское предпринимательство рассматривается как структура в системе российско-китайских отношений на межгосударственном и межрегиональном уровнях. Китайское предпринимательство в геополитическом и социально-экономическом пространстве российского Дальнего Востока, как структура, обладает своими характеристиками и переменными, испытывает внешнее воздействие элементов системы и, в свою очередь, оказывает влияние на нее.

При этом под китайским предпринимательством мы понимаем самостоятельную хозяйственную деятельность граждан КНР и/или их коопераций (с другими гражданами КНР и/или с гражданами России), направленную на получение дохода от реализации товаров, использования имущества, выполнения работ или оказания услуг и осуществляемую под свою ответственность, несущую в себе формальные (экспорт, совместная предпринимательская деятельность, прямое инвестирование) и неформальные практики (теневые схемы ведения бизнеса и пр.)¹.

Применение концепции исторического опыта позволило всесторонне рассмотреть правовое положение китайских предпринимателей, их хозяйственную деятельность и ее значение для развития межрегиональных российско-китайских отношений, способность китайских бизнесменов к успешному осуществлению экономической деятельности на территории принимающей страны и их включение в российско-китайское взаимодействие.

Объект: китайское предпринимательство в социально-экономическом и геополитическом пространстве российского Дальнего Востока в 1990-е гг.

Предмет: особенности становления и функционирования китайского предпринимательства на российском Дальнем Востоке в 1990-е гг.

Хронологические рамки исследования охватывают период 1990-х гг. Исходный рубеж связан с открытием дальневосточных границ, началом миграционных потоков и развитием китайского предпринимательства на Дальнем Востоке. Верхние границы исследования определяются

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации: Гарант – информационно-правовой портал. URL: <http://base.garant.ru/10164072/> (дата обращения 22.08.2017)

сменой политического лидера в России и выхода российско-китайских отношений на новый уровень. В целом 1900-е гг. явились переходным периодом во всех сферах для российского социума: изменения коснулись условий развития производства и методов управления экономикой, глубокие преобразования произошли в общественной и политической сферах.

Территориальные рамки исследования охватывают регионы российского Дальнего Востока (Приморский и Хабаровский края, Еврейская автономная и Амурская области), граничащие с северо-восточными провинциями Китая.

Научная новизна исследования состоит в выявлении исторического опыта становления и функционирования китайского предпринимательства на приграничных территориях российского Дальнего Востока, геополитически соседствующих с Китаем. Диссертация затрагивает малоизученные аспекты организации бизнеса китайскими предпринимателями, специфику их быта и жизнедеятельности в дальневосточном приграничье.

В работе комплексно исследован исторический процесс становления и развития китайского предпринимательства как составляющей российско-китайских отношений в контактной приграничной зоне, охарактеризованы социально-экономические и политические условия предпринимательской деятельности китайских мигрантов на Дальнем Востоке России в конце XX века. Обобщен исторический опыт взаимодействия китайских бизнесменов и русского населения в процессе совместной социально-экономической деятельности.

В научный оборот вводятся документы и статистические данные из фондов центральных (ГАРФ) и местных архивов (ГАХК, ГАПК, ГААО, ГА ЕАО), проанализированы данные китайской и западной историографии (около 100 научных работ на китайском и английском языках), использованы материалы российской и китайской периодики. Для более детального изучения предмета исследования автором были проведены интервью с китайскими предпринимателями.

Положения, выносимые на защиту.

1. Китайская предпринимательская деятельность в исследуемый период была обусловлена социально-экономической ситуацией на российском Дальнем Востоке, развитием межгосударственных и межрегиональных российско-китайских отношений на данном историческом этапе. В условиях трансформации механизмов российской экономики и открытия дальневосточных границ она стала способом существенной социально-экономической поддержки дальневосточного региона в кризисный период.
2. В силу сложившегося исторического опыта присутствия китайских торговцев на российских дальневосточных территориях в середине XIX – первой трети XX вв., предпринимательская деятельность китайских мигрантов не стала новым явлением в жизни дальневосточного общества; приняв современные формы в соответствии с социально-экономическими условиями на Дальнем Востоке России конца XX века, она сохранила определенные черты столетней давности.

3. «Народная» торговля, как одна из форм китайского предпринимательства, возникла вместе с зарождением приграничного туризма и в исследуемый период постепенно развивалась, превратившись в способ накопления и перманентного оборота капитала для китайских предпринимателей, обусловив возникновение разветвленной логистической инфраструктуры в российском приграничье. В Китае она получила содействие на всех уровнях, а в России стала способом экономической поддержки значительной части приграничного населения.

4. Совместные российско-китайские предприятия и предприятия со 100%-м китайским капиталом, действовавшие в 1990-е годы на Дальнем Востоке, как еще одна форма китайского предпринимательства, стали для российской экономики одним из способов привлечения иностранных инвестиций. Эта форма предпринимательства была ориентирована на получение быстрых прибылей, была ограничена экспортно-импортными операциями и получила слабое развитие на уровне производства.

5. Государственная политика КНР была направлена на последовательную поддержку китайского бизнеса за рубежом. Российские органы власти, в свою очередь, предпринимали попытки упорядочить быстро развивавшиеся и обусловленные хозяйственной деятельностью китайских мигрантов экономические практики в дальневосточном приграничье. Но правовые механизмы оказались недостаточно проработаны, что определило неоднозначный характер китайского предпринимательства, которое имело и формальные, и неформальные стороны.

6. Китайские предприниматели, вынужденные организовывать свой быт и хозяйственную деятельность в условиях принимающего российского общества, сохраняли устойчивую этническую и культурную идентичность. Их активные контакты с российским населением были обусловлены преимущественно экономическими причинами. Специфика взаимодействия определялась геополитическим положением приграничных российских и китайских территорий на Дальнем Востоке. Для России и Китая предпринимательская деятельность китайских мигрантов стала возможностью развития порубежных взаимовыгодных связей.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Положения диссертационной работы призваны восполнить существующие в исторической науке пробелы в изучении форм и характерных черт китайского предпринимательства на Дальнем Востоке России. Его результаты могут быть использованы при проведении дальнейших исследований проблем китайских мигрантов и китайского бизнеса в России.

Результаты исследования могут быть использованы при подготовке трудов по истории России, Китая и российско-китайских отношений. Представленный в диссертационном исследовании материал может быть использован при подготовке лекционных курсов и учебных пособий для высших и специальных учебных заведений. Содержащиеся в работе оценки и выводы могут быть

использованы для анализа современного состояния российско-китайских отношений и прогнозирования векторов их развития.

Апробация работы. По теме диссертации опубликованы 15 научных статей, из них 4 статьи в журналах, входящих в перечень ВАК, в т.ч. 1 – в базе данных Web of Science. Результаты исследования представлены в следующих научных публикациях:

1. Чжоу Тяньхэ. Взаимоотношения китайских предпринимателей, узбекской диаспоры и русского населения в Амурской области // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». Т.22 / под ред. к.юрид.н. В.Ю. Стримова // 2017. – №1 (165). – С. 123-130 (ВАК РФ).
2. Чжоу Тяньхэ. Деятельность предприятий с китайским капиталом в Амурской области в 1990-е гг. в контексте социально-экономической ситуации на Дальнем Востоке России // «Вестник ТГУ. История». – 2019. – № 60. – С. 125-130 (ВАК РФ, Web of Science).
3. Чжоу Тяньхэ. Хозяйственная деятельность китайских предпринимателей на Дальнем Востоке России в 90-е гг. XX в. // Россия и АТР. – 2019. – №3. – С. 110-124 (ВАК РФ).
4. Чжоу Тяньхэ, О.В. Залесская. Этнические предприниматели из КНР на приграничных территориях Дальнего Востока России в 1990-е гг.: особенности экономической деятельности // Genesis: исторические исследования. – 2019. – № 8. – С. 1-19. DOI: 10.25136/2409-868X.2019.8.30299 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=30299 (ВАК РФ).
5. Чжоу Тяньхэ. Особенности китайского бизнеса на российском Дальнем Востоке в конце XX – начале XXI вв. // Миграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе: история, современность, практики взаимодействия и регулирования: Мат-лы международной научно-практической конференции (Владивосток, 10 - 12 ноября 2015 г.) / под ред. С.В. Иванец, С.В. Рязанцева. – Владивосток: ДВФУ, 2015. – С. 198-201.
6. Чжоу Тяньхэ. Деятельность корпорации "Вань Ян" на российском Дальнем Востоке // Наука, образование, общество: проблемы и перспективы развития: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 31 июля 2015 г. Т.1. – Тамбов: ООО «Консалтинговая компания Юком», 2015. – С.156-157.
7. Чжоу Тяньхэ. Краткий обзор истории китайского предпринимательства на Дальнем Востоке России (XIX – XXI вв.) // Научные исследования в сфере общественных наук: вызовы нового времени (Екатеринбург, 21 - 22 августа 2015 г.). №7(13) / под ред. д.ф.н. проф. К.Р. Феклисова. – Екатеринбург: Изд-во Международный научный центр «Сфера общественных наук», 2015. – С. 8-10.

8. Чжоу Тяньхэ. 21 世纪中俄边境贸易合作的基石 -- 浅谈中俄双方在远东地区合作基础 (China-Russia border trade cooperation in twenty-first century – a talk on the basis of cooperation between China and Russia in the Far East) // Regional studies of Amur area. International periodic collection. №1(11). – Blagoveschensk: BSPU Publishing, 2015. – P.38-41.

9. Чжоу Тяньхэ. Особенности строительного и инвестиционного бизнеса компании «Хуафу» на Дальнем Востоке России // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: Материалы VI международной научно-практической конференции (Благовещенск – Хэйхэ, 16-18 мая 2016 г.). Вып.6 / Отв. ред. Д.В. Буяров, Д.В. Кузнецов. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2016. – С. 312-315.

10. Чжоу Тяньхэ, О.В. Залеская. Вопросы правового положения китайских торговцев в России в ходе визита в Китай первой миссии ДВР // Актуальные проблемы общественных наук в России и за рубежом по итогам международной научно-практической конференции. №3. – Новосибирск, 2016. – С.6-8.

11. Чжоу Тяньхэ. Условия создания совместных российско-китайских предприятий на Дальнем Востоке России в 1990-е гг. // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы VII международной научно-практической конференции (Благовещенск – Хэйхэ, 22-23 мая 2017 г.). Вып.7 / Отв. ред. Д.В. Буяров, Д.В. Кузнецов. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2017. – С. 258-262.

12. Чжоу Тяньхэ. Китайские предприниматели на Дальнем Востоке России в конце XIX – начале XX вв. // Девятые Гродековские чтения: материалы Межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 100-летию начала Гражданской войны в России "Дальний Восток России на переломе эпох", 17-22 апреля, 2018 г. Т.1. – Хабаровск, 2018. – С. 120-126.

13. Чжоу Тяньхэ. Пункты пропуска на восточной части российско-китайской границы в 1990-е гг. // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: Материалы VIII международной научно-практической конференции (Благовещенск – Хэйхэ, Чанчунь, Шэньян, 21-28 мая 2018 г.). Вып.8 / Отв. ред. Д.В. Буяров, Д.В. Кузнецов. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2018. – С. 311-315.

14. Чжоу Тяньхэ. 1990 年俄罗斯远东与中国边境经贸互相作用地区中的民间贸易与联合企业 (Народная торговля и совместные предприятия в торгово-экономическом взаимодействии приграничных регионов российского Дальнего Востока и КНР в 1990-е гг.) // Россия – Китай: история и культура: сборник статей и докладов участников XII Международной научно-практической конференции. – Казань: Издательство «Фэн» АН РТ, 2019. – С. 550-554.

15. Чжоу Тяньхэ. Китайские предприниматели на Дальнем Востоке России в 1990-е гг. как социально-экономический феномен // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: Материалы IX международной научно-практической конференции (Благовещенск - Хэйхэ,

Тяньцзинь, Пекин, 20-28 мая 2019 г). Вып.9 / Отв. ред. А.В. Друзяка. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2019. – С. 192-196.

Результаты исследования апробированы на научных конференциях, в т.ч. международных: Благовещенск (Международная научно-практическая конференция «Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества», 2015, 2016, 2017, 2018, 2019), Владивосток (Международная научно-практическая конференция «Миграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе: история, современность, практики взаимодействия и регулирования», 2015; «Владивосток – точка возвращения. прошлое и настоящее русского зарубежья: международная научно-практическая конференция», 2016; международная научно-практическая конференция «Культурно-историческое наследие России и стран АТР: исследование и сохранение», 2018; Национальная научная конференция с международным участием «Диалог культур Тихоокеанской России и сопредельных стран: межэтнические, межгрупповые, межличностные коммуникации», 2019), Хабаровск (Международная научно-практическая конференция «Девятые Гродековские чтения», 2018), Новосибирск (2016), Казань (Международная научно-практическая конференция «Россия – Китай: история и культура», 2019), Хэйхэ, КНР (2016), Чанчунь, Шэньян, КНР (2018), Тяньцзинь, Пекин, КНР (2019).

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка источников и литературы, приложений.

ГЛАВА 1. ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ДЛЯ КИТАЙСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА НА РОССИЙСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

1.1 Возникновение и развитие китайского предпринимательства в XIX – первой трети XX века

История российско-китайских отношений насчитывает почти четыре столетия, на протяжении которых две разные цивилизации развивали контакты между собой и выстраивали двустороннее взаимодействие.

В свою очередь, точкой отсчета истории российско-китайских порубежных связей на Дальнем Востоке считается подписание в 1858 г. Айгуньского договора, положения которого определили линию границы и заложили юридическую основу для дальнейшего развития отношений между странами¹. Подписанием в 1860 г. Пекинского договора были подтверждены положения Айгуньского трактата и зафиксирован переход Уссурийского края во владение России. Освоение дальневосточных территорий стало важнейшим геополитическим шагом и в историческом развитии российского государства, и в истории дальневосточного региона, и в развитии российско-китайских отношений.

Правила для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях 1861 г. разрешали китайским подданным селиться на российском Дальнем Востоке, в т.ч. в городах, с предоставлением льготы на приобретение в собственность земельных участков и права повсеместного ведения торговли и занятия ремеслом². Китайские подданные при въезде на российскую территорию были обязаны предъявлять паспорт, выданный своим правительством, а по истечении месяца им необходимо было получить русский годовой билет (т.е. вид на жительство)³. Китайцы, не имевшие национальных паспортов или русских билетов, высылались из Российской Империи.

Российские колонисты из западных регионов России, заселяя юг Дальнего Востока, а также китайцы, прибывавшие на Северо-Восток Китая, начали осваивать порубежные дальневосточные территории. Однако освоение российских территорий, несмотря на льготную переселенческую политику, происходило недостаточно быстро. В 1861-1881 гг. в Амурскую и Приморскую обла-

¹ Нарочницкий А.Л. Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн.1. (С конца XVI в до 1917 г). М., 1973. С.89-90.

² Позняк Т.З. Иностранцы подданные в городах Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Владивосток, 2004. С.53.

³ Нестерова Е.И. Русская администрация и китайские мигранты на Юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Владивосток, 2004. С.212.

сти прибыло 16 843 переселенца (что составило 3,3% от всех прибывших в азиатскую часть России), в 1882-1891 гг. – 26 049 чел. (6,2%)¹. Численность же населения граничащей с российским Дальним Востоком Хэйлунцзянской провинции с 1887 по 1895 гг. увеличилось с 408 тыс. до 1,5 млн. чел.². Это, в свою очередь, повлекло за собой приток китайцев на российскую территорию. Российские дальневосточные территории привлекали китайских подданных по нескольким причинам: усиление демографического давления в Северо-Восточных провинциях, и, в то же время, малонаселенности Дальнего Востока России, при наличии богатейших природных ресурсов, недостаточной защищенности границ, близкого соседства с Китаем. Если в 1858-1860 гг. на территории Амурской и Приморской областей находилось около 6300 оседлых и 2-3 тыс. бродячих китайцев (не считая «зазейских маньчжур»), то к 1881 г. их количество достигло 15 тыс. с лишним³.

В трудах китайских исследователей приводятся следующие данные: уже в 1873 г. во Владивостоке насчитывалось 18 тыс. китайских подданных, в Хабаровске – более 4 тыс. чел., в Благовещенске – более 2 тыс. чел.⁴. Можно предположить, что расхождение в приведенных сведениях о количестве китайских мигрантов было вызвано объективными причинами. Правила въезда китайских подданных на российскую территорию не были окончательно отработаны, отсутствовал четкий механизм контроля в отношении китайского населения в крае, русская администрация с трудом осуществляла регистрацию и учет китайцев, приехавших на Дальний Восток на заработки. Это усугублялось массовым нелегальным проникновением китайцев на российскую территорию, их мобильностью, а также спецификой китайских имен и фамилий, что осложняло учет китайских подданных. Отметим, что в силу чрезвычайной мобилизационной подвижности китайского населения, слабой охраны границ, при несовершенстве методов статистического учета численность китайских мигрантов на протяжении всего периода их присутствия на российских дальневосточных территориях фиксировалась лишь приблизительно.

С середины XIX в. в Сибири и на Дальнем Востоке появляется устойчивая группа китайцев – торговцы. Ст.2-я Айгуньского договора и ст.4-я Пекинского договора регламентировали принципы торговли. В 1862 г. в Пекине были подписаны «Правила для сухопутной торговли между Россией и Китаем» (подтверждены в 1869 г.), согласно которым на расстоянии 50-ти верст по обе стороны российско-китайской границы устанавливалась беспошлинная торговля (режим «порто-

¹ Крестьянство Дальнего Востока СССР. XIX-XX вв.: Очерки истории. Владивосток, 1991. С.32-34.

² История Северо-Восточного Китая XVII-XX вв. Кн.1. Маньчжурия в эпоху феодализма (XVII – начало XX в.). Владивосток, 1987. С.262.

³ Соловьев Ф.В. Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861 – 1917 гг.). М., 1989. С.38.

⁴ Люй Э хуацяо ши ляо сюань. Хэйхэ вэнь ши цзыляо диба цзи (Сборник материалов по истории китайских мигрантов в России. Вып.8: Мат-лы по истории и культуре г. Хэйхэ). Хэйхэ, 1991. С.3.

франко»). Также, в ст.1-ю Санкт-Петербургского договора 1881 г. были включены все статьи, касающиеся русско-китайской торговли и содержащиеся в прежних договорах¹.

Сразу же после принятия Правил русско-китайской торговли 1862 г. большая часть китайцев, торговавших в Маймачэне, напротив Кяхты, перенесла свою деятельность на территорию России. Иркутск стал первым из крупных городов Сибири, который «освоили» китайские торговцы. Постепенно они расширили географию своей деятельности. Большая их часть осела в Забайкалье, десятки человек оставались в Иркутске, единицы продвинулись далее. Во второй половине XIX в. китайские купцы начали активно осваивать Приамурье² и Приморье. Первоначально они занимались обслуживанием китайских промысловиков и коренных жителей приграничных районов, а с развитием российско-китайских отношений на Дальнем Востоке начали торговать с русским населением.

Согласно оценке Цао Тинцзе (1885), всех китайских торговцев в России можно условно разделить на 3 группы, различавшиеся по степени укорененности. Торговцы первой группы проживали на российском Дальнем Востоке постоянно и владели фирмами (их насчитывалось около 300) в Хабаровске (Боли), Уссурийске (Шуанчэнцзы), Владивостоке (Хайшэньвэй). Фирмы представляли собой лавки, магазины, трактиры-«харчевки», прачечные, ремесленные мастерские и т.д. Вторую группу представляли торговцы (около 200 чел.), не только владевшие коммерческими фирмами, но и занимавшиеся перевозками товаров, скупкой и реализацией пушнины и других продуктов охотничьего промысла по рекам Амур, Сунгари и Уссури. Третью группу составляли сезонные торговцы (более 1000 чел.). Они доставляли в Приамурье и Приморье лекарства и продовольствие, бытовые товары, строительные материалы, чай, шелк и др. Учитывая то, что торговцы использовали в своей деятельности труд наемных работников, в сфере дальневосточной торговли и логистике в середине 1880-х гг. насчитывалось, вероятно, не менее 3-4 тыс. китайских подданных³.

Многие виды деятельности и услуг появились на Дальнем Востоке благодаря китайцам, их предприимчивости, находчивости, желанию заработать, получить прибыль. Китайские подданные были заняты практически во всех отраслях городского хозяйства. Отсутствие серьезной конкуренции, потребности и возможности дальневосточного края не могли не привлекать внимание

¹ Романова Г.Н. Порто-франко и протекционизм. Торговые связи Дальнего Востока России и Северо-Восточного Китая (вторая половина XIX – начало XX вв.). // Россия и АТР. 2006. №3. С.111.

² Весной 1861 г. айгунский фудутун впервые разрешил знаменным маньчжурам продавать излишки продовольствия на левый берег Амура (Тимофеев О.А. Российско-китайские отношения в Приамурье (середина XIX – начало XX вв.). Благовещенск, 2003. С.186).

³ Нин Яньхун, Чжао Хуэйцин, Друзьяка А.В. Китайское торговое сообщество на российском Дальнем Востоке в 1858-1917 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. №6 (68). В 2-х ч. Ч.2. С.142.

предприимчивых китайцев. Постепенно среди китайцев становилось все больше предпринимателей, сумевших наладить работу по оказанию услуг, мелкотоварному производству. Они активно внедрялись в экономику российских дальневосточных территорий, создавая предприятия и компании в промышленности, торговле, судоходстве, промыслах, земледелии и т.д.

В конце XIX века роль китайских предпринимателей была определяющей и в золотопромышленности Дальнего Востока. В Приамурье был установлен запрет русских властей на использование на приисках русских рабочих из состава амурских переселенцев, чтобы не отвлекать крестьян-переселенцев от земледелия, однако разрешалось пользоваться услугами китайских сезонников в качестве дешевой рабочей силы. К 1900 г. на 204 золотых приисках Амурской области число китайцев превысило 15 тыс. чел. Начиная с 90-х годов XIX в. получила широкое распространение практика сдачи золотоносных площадей в аренду китайским предпринимателям¹.

С каждым годом открывалось все больше частных строительных китайских фирм, которые имели достаточное количество заказов. Активное строительство требовало создания деревообрабатывающей промышленности и кирпичного производства на дальневосточной окраине. Наличие сырья и наемного труда в регионе создавало условия для их организации и развития. Китайцы проявили свою предприимчивость и активность, вложив в эти отрасли свои капиталы. В 1890-е гг., в период активного строительства каменных зданий, в Приморской области 3 из 14 кирпичных заводов принадлежали китайцам, в Амурской – 12 из 19 были китайскими². В 1903 г. в городах Приморской области 4 из 16 кирпичных заводов принадлежали китайским подданным. Два из них принадлежали китайцу Тифонтаю, в 1873 г. принявшему российское подданство³. В 1910 г. в Приморской области уже 10 кирпичных заводов принадлежали иностранным предпринимателям (сумма производства 95 тыс. руб.). Например, во Владивостоке китайские подданные владели 4 (из 9) кирпичными заводами (44,4%), которые, тем не менее, уступали по своим размерам российским предприятиям. Крупными размерами отличался только кирпичный завод Сюн-юаннака (230 рабочих)⁴. Поскольку среди китайских кирпичных заводов преобладало мелкое производство, то в дальнейшем оно оказалось вытесненным за счет налаживания русского производства, более крупного по размерам и оснащенного более современным оборудованием.

Китайцами на Дальнем Востоке России было налажено производство т.н. «манзовского пива»⁵. Доходным занятием была добыча трепангов, морской капусты, крабов, гребешков и др. морепродуктов. Еще одним видом деятельности была добыча соли из морской воды. К 1908 г. в

¹ Кабузан В.М. Как заселялся Дальний Восток (вторая половина XVII в. - начало XX в.). Хабаровск, 1976. С.139.

² Позняк Т.З. Указ. соч. С.135.

³ Петров А.И. «Русский китаец» Николай Иванович Тифонтай // Россия и АТР. 2005. №2. С.141.

⁴ Позняк Т.З. Указ. соч. С.137.

⁵ В 1895 г. в Приморской области действовало семь пивоваренных заводов, в том числе пять – во Владивостоке, один – в Хабаровске (все 6 принадлежали китайским подданным) и один – в с.Никольском (единственный, принадлежавший русскому купцу Манакову). (Позняк Т.З. Указ. соч. С.137).

Южном Приморье действовало уже 32 китайских солеварных завода, в год они производили соли на 5960 руб.¹.

Китайцами в основном осуществлялся также и малый каботаж на Дальнем Востоке. В конце XIX – начале XX вв. большое количество парусных китайских судов встречалось во всех портах региона при почти полном отсутствии русских судов. В 1860-1870-х гг. в гавани в заливе Ольги приходили китайские суда, привозившие масло, чай, ханшин, соль, табак и другие товары для обмена на предметы промысла китайских отходников и аборигенов Приморья².

Особой сферой, в которой проявилась предприимчивость китайцев, была торговля. В регионе, население которого снабжалось в основном за счет привоза товаров извне, труд китайских торговцев-предпринимателей ценился высоко. Они начинали с открытия мелких заведений, постепенно расширялись и становились крупными торговцами. Число китайских предприятий торговли в дальневосточных городах постоянно росло. В китайских магазинах и лавках торговали спиртными напитками и съестными припасами, а также бакалейными, галантерейными, мануфактурными и др. товарами. Постепенно китайская торговля развивалась, выделялись фирмы, ведущие крупную оптовую и розничную торговлю. Они открывали отделения во всех городах региона³. Объемы товаров, привезенных во Владивосток китайскими купцами, за 5 лет (с 1891 по 1895 гг.) утроились – с 7,7 тыс. т возросли до 23,9 тыс. т. Число китайских торговцев на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. в 2,5 раза превосходило всех остальных торговцев⁴. К концу XIX в. в Приморье 56% торговых заведений принадлежало китайским торговцам; они контролировали оптовую и розничную торговлю в городах, селениях и станицах⁵. Во Владивостоке в 1890-е гг. функционировало 127 китайских магазинов и только 23 русских; в 1909 г. соответственно 447 и 99; в 1910 г. – 625 и 181⁶.

В Приамурье китайские купцы, открывая повсеместно на левом берегу Амура, а затем и в Приморье свои лавки и магазины, снабжали товарами не только русское население, но и своих соотечественников китайскими продуктами и одеждой. Постепенно китайские купцы заняли лидирующие позиции в мелкооптовой и розничной торговле. По имеющимся данным, «в 1907-1911

¹ Алепко А.В. Экономическая деятельность китайцев в дальневосточном регионе России в XIX – начале XX вв. // Проблемы Дальнего Востока. 2002. №4. С.138.

² Соловьев Ф.В. Китайское отходничество на Дальнем Востоке России ... С.57.

³ Романова Г.Н. Экономическая деятельность китайцев на российском Дальнем Востоке: торговля, предпринимательство, занятость (конец XIX – начало XX в.) // Адаптация этнических мигрантов в Приморье в XX в.: сб. науч. ст. Владивосток, 2000. С.91.

⁴ Сорокина Т.Н. Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политика администрации Приамурского края (конец XIX-XX вв.). Омск, 1999. С.61, 63.

⁵ Дацьшен В.Г. Уссурийские купцы. Судьбы китайцев в дореволюционной России // Родина. 1995. №7. С.55.

⁶ Романова Г.Н. Торговая деятельность китайцев на Дальнем Востоке России (конец XIX – начало XX в) // Россия и АТР. 2009. № 3. С.142-143.

гг. китайцы с северо-востока Китая привозили на Дальний Восток муку, скот и др. не менее чем на 15 млн. руб., а вывезли товары из России на северо-восток Китая на 3 млн. руб.»¹.

По мнению Т. Холцленера, «главной проблемой для российских властей являлась экономическая конкуренция, которую создавали китайские рабочие и торговцы»². По сравнению с русской торговлей, китайская имела следующие преимущества: крупные фирмы предоставляли кредиты более мелким фирмам; даже небольшие прибыли пускались в оборот; на жалованье служащим и найм помещения тратились минимальные средства; служащие фирм вовлекались в качестве пайщиков в сферу торговли. Кроме того, китайские фирмы систематически уклонялись от налогов; широко велась торговля контрабандными товарами из Китая; зачастую сбывались некачественные товары. Эти условия позволяли наращивать прибыль и вкладывать ее в производство и приобретение новых товаров³.

Китайские торговцы умели приспособиться к покупательскому спросу. Они часто продавали товары дешевле на 10-15%, чем другие торговцы, а если была необходимость – даже ниже их реальной стоимости. Немаловажную роль играли и личные качества китайцев: врожденные коммерческие способности, трудолюбие, выносливость, трезвость. Следуя за изменением спроса и конъюнктуры рынка, потребностями в российских и иностранных товарах, китайские фирмы делали оптовые закупки в европейской части России, Сибири или у иностранных и российских фирм в регионе⁴. Следует отметить и неоднозначные экономические взаимоотношения с коренными народами, которые, в частности, описывал известный русский путешественник Н.М. Пржевальский: китайцы держат их «в постоянной кабале у себя, давая им в долг все, что для них нужно, а за это обязывают доставлять им в долг добычу своей охоты, конечно, по самым ничтожным ценам»⁵. При этом, например, в Приморье китайцы разделили весь Уссурийский край на участки, у каждого из которых был свой хозяин-китаец, имевший дело только с инородцами своего участка. Отношения долговой зависимости между китайцами и коренным населением стали настолько постоянным явлением, что общины гольдов и орочей управлялись по китайским законам, а русские купцы не могли напрямую покупать пушнину у инородцев⁶.

¹ Нин Яньхун, Чжао Хуэйцин, Друзяка А.В. Китайское торговое сообщество на российском Дальнем Востоке в 1858-1917 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2016. №6 (68). В 2-х ч. Ч.2. С.143.

² Холцленер Т. Восточная пористость: антропология трансграничной торговли и контактов на российском Дальнем Востоке // Ойкумена. 2009. №3. С.105.

³ Романова Г.Н. Порто-франко и протекционизм... С.114.

⁴ Позняк Т.З. Указ. соч. С.131.

⁵ Пржевальский Н.М. Инородческое население в южной части Приморской области // Известия ИРГО. 1869. Вып. 5. С. 186, 195.

⁶ Сорокина Т.Н. «Заветная мысль каждого китайца»: форматы китайской торговли в Приамурском крае на рубеже XIX-XX вв. // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2014. Т.10. С.90.

В экономике крупных населенных пунктов дальневосточной окраины китайцы занимали господствующее положение в основных отраслях городского хозяйства. Согласно переписи 1897 г., китайские подданные (14 887 чел. – 30% жителей трех городов) составляли более половины занятых в промышленности и мелком ремесленничестве (53,8% от общего количества), в сфере обслуживания (58,5%), на частной службе и поденной работе (65%), в торговле (71,8%), строительстве (73%), добывающей промышленности (76,5%)¹. По числу предприятий позиции китайских подданных были наиболее сильными в швейной отрасли (61%), кузнечном деле (30%), пошиве китайской обуви (100%), пивоварении (41,6%), в хлебопекарной и кондитерской сфере (36,6%), в кожевенной (50%), меховой (100%), известковой (100%), гончарной (100%), в приготовлении красок (50%) и уксуса (100%)².

В конце XIX – начале XX вв. на российском Дальнем Востоке наиболее крупными китайскими фирмами были: во Владивостоке – «Гуанюаньшэн» (управляющий Чжан Вэньхань), «Шуанхэ-шэн» (управляющий Чжан Фэнтин), «Итай» (управляющий Цзяо Вэнь)³, «Фу Синчан», «Чэнь Тайни», «Тун Шунь»; в Хабаровске – «Цзэн Хофу», «Дэ Цзыфу», «Кун Тай»; в Благовещенске – «Хуацантай» (более 100 работников, торговали бытовыми товарами из Гуандуна и Харбина), «Тун Юнли», «Юн Хэ». Китайские фирмы широко кредитовались Русско-Китайским, а с 1910 г. – Русско-Азиатским банком⁴ (образованным путем слияния Русско-Китайского и Северного банков).

Китайцы Цзи Фэнтай (Тифонтай), Е Хуалинь, Тун Часин, Лю Чжунжоу и другие благодаря успешному сотрудничеству в торговле и производстве товаров стали основателями торговых домов, имели недвижимость в Хабаровске, Владивостоке и Харбине. Так, купец 1-й гильдии Николай Иванович Тифонтай в 1891 г. имел многочисленные торговые и промышленные предприятия в городах Дальнего Востока, ежегодный оборот которых составлял до 150 тыс. руб.⁵ В сельской местности китайские торговцы занимали еще более прочное положение, чем в городах – вся розничная торговля находилась в их руках; русских магазинов в селах и деревнях практически не существовало⁶.

В 1897 г. в Приморской области китайских торговцев было 3567 чел., русских – 1241, в 1909 г. – 2697 и 2086 соответственно, в 1910 г. – 3210 и 3101 чел. А вот в Амурской области русских торговцев было больше, чем китайских: в 1897 г. – 1106 чел. и 1076, в 1909 г. – 1215 и 351, в 1910

¹ Позняк Т.З. Указ. соч. С.116.

² Галлямова Л.И. Китайское предпринимательство в Приморье на рубеже XIX-XX вв. (по данным анкетирования 1904 г.) // Китайской Народной Республике 50 лет: история и современность: Тезисы докладов и сообщений международной научной конференции. Владивосток, 1999. С.108-109.

³ Нестерова Е.И. Китайский торговый дом «Шуанхэшэн» (Владивосток - Харбин, конец XIX - первая половина XX в.) // Вестник ДВО РАН. 2011. №1. С.40.

⁴ Романова Г.Н. Торговая деятельность китайцев на Дальнем Востоке России ... С.145-146.

⁵ Петров А.И. История китайцев в России. 1856-1917 гг. СПб., 2003. С.402.

⁶ Сорокина Т.Н. «Заветная мысль каждого китайца» ... С.88.

г. 1372 и 467 чел. (такое положение объяснялось тем, что в Амурской области торговля велась в основном на золотых приисках через магазины золотопромышленников в кредит под добываемое золото – при таких условиях китайская торговля развивалась медленнее)¹.

На защите интересов китайских купцов в принимающем обществе стояли китайских предпринимателей защищали китайские консульства и коммерческие агенты. В 1897 г. во Владивостоке появилась должность китайского коммерческого агента, и первым на этот пост был назначен чиновник 3-го класса Ли Цзяо, активно включившийся в жизнь китайской общины и разработавший несколько проектов по оптимизации жизни и деятельности китайских мигрантов на приграничных территориях Дальнего Востока России. Сменивший его в 1906 г. Гуй Фань в 1909 г. был утвержден в должности китайского генерального консула во Владивостоке².

Деятельность китайских купцов на российском Дальнем Востоке регулировали китайские торговые общества. Во Владивостоке оно было основано в 1881 г. (утверждено в 1907 г.), в Хабаровске – в 1889 г. (утверждено в 1910 г.), в Никольск-Уссурийском – в 1908 г. (утверждено в 1910 г.). Все они являлись филиалами Главного Владивостокского китайского торгового общества, находясь, в свою очередь, в полной зависимости от Шанхайского торгового общества, т.е. были прочно связаны с торговыми ассоциациями Китая и с цинским правительством³. Фактически они выполняли функции не только торговые, но и административные: осуществляли управление всем китайским населением на российском Дальнем Востоке. Китайские торговцы, объединенные в общества, обладали информацией об экономической ситуации в крае, состоянии дел русских торговых и промышленных компаний, проводимых и планируемых русской администрацией мероприятий⁴. Так, Владивостокское общество отправляло на родину неимущих китайцев, выдавало пособия на похороны, содержало китайские кумирни, боролось с хунхузничеством, занималось благотворительностью, причем помогало не только пострадавшим от различных бедствий в Китае, но и в России⁵. Не признаваемое русскими властями, в Благовещенске действовало Хэйхэское торговое общество, отделения которого были открыты в населенных пунктах Амурской области – Зее, Пашкове, Иннокентьевской, Джалинде⁶. Оборот китайских капиталов был замкнут на членов китайских торговых обществ и использовался для кредитования китайских торговцев и предприятий всех уровней.

¹ Романова Г.Н. Торговая деятельность китайцев на Дальнем Востоке России ... С.142-143.

² Нестерова Е.И. Русская администрация и китайские мигранты на Юге Дальнего Востока России. Владивосток, 2004. С.216-217.

³ Романова Г.Н. Торговая деятельность китайцев на Дальнем Востоке России ... С.147-148.

⁴ Петров А.И. Некоторые стороны деятельности Китайского общества взаимного вспомоществования в Приамурском крае: 1907-1917 гг. // Российское Приамурье: история и современность. Мат-лы докладов научного семинара, 24-25 ноября 1999 г. Хабаровск, 1999. С.103-106.

⁵ Сорокина Т.Н. Китайское Владивостокское общество взаимного вспомоществования в 1906-1914 гг. // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып.4. Благовещенск, 2002. С.361.

⁶ Нестерова Е.И. Деятельность китайских торговых обществ на Дальнем Востоке России в начале XX в. // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Вып.4. Этнические контакты. Благовещенск, 2001. С.142-143.

Местные российские власти предпринимали неоднократные попытки уменьшить зависимость от китайских товаров. 1 января 1901 г. режим порто-франко был отменен, но только для продуктов обрабатывающей промышленности; сельхозпродукты (кроме муки) по-прежнему ввозились беспошлинно, и в приграничной полосе товарооборот оставался свободным¹. С 1 января 1904 г. ввозимые из Северо-Восточного Китая зерно, скот, мясо, овощи, масло, табак, сахар, сода и др. стали облагаться акцизами². Принятые протекционистские меры были призваны развивать отечественную промышленность (в какой-то мере это стимулировало, например, мукомольную отрасль на российском Дальнем Востоке), однако зависимость региона от китайских поставок продовольствия постоянно росла. В 1909 г. товарооборот России с Маньчжурией составил 66% всего объема российской торговли с Китаем³.

Объемы торговли с Китаем увеличились со строительством Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). В 1903 г. экспорт российских товаров в Китай вырос с 9,3 млн. до 22,4 млн. руб. (более чем вдвое по сравнению с 1902 г.); удельный вес Китая во внешней торговле России повысился с 3,5% в 1897 г. до 4,7% в 1903 г. Владивосток, благодаря увеличивавшемуся транзиту грузов по КВЖД из Маньчжурии, становился крупнейшим экспортным портом Дальнего Востока⁴.

Проекты, предлагавшие серьезно ограничить китайскую торговлю в крае, практического применения не получили, так как их реализация, с одной стороны, требовала пересмотра договоров с Китаем, а с другой стороны, означала бы лишение русского населения дешевых китайских товаров и услуг. «Русское и туземное население Приамурья и Приморья не могло обойтись без китайской торговли и китайских промыслов. Жесткие меры администрации против хозяйственной деятельности китайских поданных бумерангом били по русским потребителям и приводили к повышению цен на товары первой необходимости, перебоям в снабжении, массовому недовольству русских и т.п.»⁵. Такая ситуация сложилась, в частности, в результате событий июля 1900 г. в Благовещенске (после обстрела Благовещенска ихэтуанями военный губернатор Амурской области К.Н. Грибский дал указание выдворить китайское население с российской территории), когда русское население левобережья Амура более чем на год лишилось рабочих услуг, продуктовых и промышленных товаров, предоставляемых китайскими подданными. Подоро-

¹ Романова Г.Н. Порто-франко и протекционизм ... С.117.

² Тимофеев О.А. Российско-китайские отношения в Приамурье (середина XIX – начало XX вв.). Благовещенск, 2003. С.188-189.

³ Романова Г.Н. Порто-франко и протекционизм ... С.119.

⁴ Россия и Китай: четыре века взаимодействия: история, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений. М., 2013. С.456-457.

⁵ Сорокина Т.Н. Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России ... С.251.

жали продукты (если у китайцев яйца можно было купить по 10-15 коп. десяток, с уходом китайцев цена этого продукта поднялась до 30-50 коп., зимой – до рубля), в разы подорожала оплата труда. В Благовещенске китайцы вновь появились в 1901 г.¹

В начале XX века китайское предпринимательство постепенно усиливало свои позиции, чему способствовало активное заселение и освоение дальневосточной окраины России, и, вследствие этого, возраставшие потребности региона в китайском капитале для организации и развития всех отраслей промышленности, торговли, строительства, благоустройства, услуг. Немаловажную роль играли личностные характеристики китайских мигрантов, заинтересованных в получении работы, развитии своего дела, получении прибыли. На российском Дальнем Востоке потребность в китайском присутствии стабильно сохранялась. Экономика дальневосточной окраины успешно развивалась в том числе и благодаря участию в ней китайских деловых людей.

Всего в 1910 г. в Приморской и Амурской областях насчитывалось 4267 крупных и мелких китайских торговых предприятий. Их совокупный оборот составлял более 25 млн. руб.² По данным «Торгово-промышленного справочника города Владивостока и его пригородов», в 1912 г. общее количество китайских предприятий составляло 1089 (100%). В их числе были: торговые – 703 (67%), ремесленные – 208 (18%), сферы обслуживания – 129 (12%), транспортные – 35 (2%), промышленные – 14 (1%)³. По состоянию на 1913 г., китайцам в крае принадлежало 100% прачечных, 86% всех портняжных мастерских, 71% – плотницких и столярных, 75% – слесарных и кузнечных, 84% – часовых и ювелирных⁴.

Розничной торговлей китайцы занимались на рынках и базарах, причем в российских дальневосточных городах их названия были этнически маркированы как «манзовские базары». Так, в конце 1890-х гг. «манзовский базар» во Владивостоке, где продавались продовольственные и промышленные товары, состоял из «4-х корпусов в 2 ряда, из которых 48 номеров лавок, и 3 рядов ларей, числом более 100». Лавки и лари обустроивались городскими властями и сдавались китайским торговцам в аренду за 30 с лишним тыс. руб. в год. На этих базарах торговали и русские торговцы⁵.

¹ Сергеева Г.П. Китайский аспект в период становления городской культуры Дальнего Востока // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Вып.4. Этнические контакты. Благовещенск, 2001. С.39.

² Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье // Труды Амурской экспедиции. Вып. XI. СПб., 1912. С.362.

³ Анча Д.А., Мизь Н.Г. Китайская диаспора во Владивостоке: страницы истории. Изд. 2-е, доп. Владивосток, 2015. С.67.

⁴ Долгов Л.Н. Некоторые проблемы взаимоотношений власти и русского и иностранного предпринимательства на Дальнем Востоке накануне первой мировой войны // Российское Приамурье: история и современность. Мат-лы докладов научного семинара, 24-25 ноября 1999 г. Хабаровск, 1999. С.109.

⁵ Нестерова Е.И. «Этническое» предпринимательство во Владивостоке (конец XIX - начало XX вв.) // Известия ИрГУ. Серия «Политология. Религиоведение». 2014. Т.10. С.72.

Сложившаяся ситуация торгово-розничных отношений между китайскими торговцами и русским населением обуславливала формирование особого языка межнационального общения – пиджина. Китайцы овладевали в минимальной степени русским языком, что позволяло им в обыденной жизни успешно коммуницировать с русскими в принимающем обществе¹. Часть китайцев женились на русских женщинах и более активно воспринимала русский образ жизни – такие китайцы занимались в основном земледелием².

К 1912 г. на российском Дальнем Востоке постоянно находилось около 200 тыс. китайцев, в т.ч. во Владивостоке – 70 тыс. чел., в Уссурийске – 10 тыс. чел., в Хабаровске – 10 тыс. чел., в Благовещенске – 20 тыс. чел., в Николаевске-на-Амуре – 3 тыс. чел.; в Чите, Нерчинске и на строительстве Транссиба – от 70 до 90 тыс. чел.³. Присутствие китайских подданных на российской территории привлекало к себе пристальное внимание властей, состояние «жёлтого вопроса»⁴ находилось под особым контролем всех российских дальневосточных генерал-губернаторов. Вопросы китайской миграции были популярны среди дореволюционных отечественных авторов. Так, известный исследователь Дальнего Востока В.К. Арсеньев, систематизируя сведения по численности, хозяйственной деятельности и самоуправлению китайцев в Дальневосточном регионе, категорично высказывался по поводу возможности ассимиляции китайцев («Какие бы усилия не применялись, китаец навсегда останется китайцем»). Арсеньев считал, что разрешение «желтого вопроса» зависело от последовательной политики, проводимой администрацией Приамурского края; при отсутствии же контроля со стороны российских властей у китайских поселенцев появляется необходимость создания собственных правил и нормативов, регулировавших их жизнь⁵.

Итак, в начале XX в. китайские предприниматели на российском Дальнем Востоке заняли значительную часть сферы торговли. Китайская торговля имела целый ряд преимуществ перед русской: широкое кредитование мелких фирм крупными, тактика ускоренного оборота при наличии даже небольших прибылей; минимальные накладные расходы на жалованье служащим, рекламу,

¹ Нестерова Е.И. Владивостокские рынки конца XIX – начала XX в.: попытка социокультурного анализа // Этнические рынки в России: пространство торгового и места встречи / науч. ред. В.И. Дятлов, К.В. Григоричев. Иркутск, 2015. С.320.

² Дацышен В.Г. Китайцы-земледельцы в Приморье: эпизод длиной в сто лет // Известия Восточного института. 2005. №9. С.81.

³ Ли Цзягу. Чжун Су гуаньси (Китайско-советские отношения) (1917-1926). Пекин, 1996. С.6.

⁴ Т.н. «желтый вопрос» – широкое понятие, куда входит целый ряд социальных и политических проблем: заселение края китайскими торговцами, обусловленное особой организацией торговли, хунхузничество, антисанитарные условия проживания и постоянная угроза эпидемий, развитие преступности, употребление и распространение опиумокурительных и игорных домов, спаивание местных жителей вследствие массового контрабандного ввоза ханшина (китайской водки), ограбление природных ресурсов, эксплуатация китайцами коренного населения края.

⁵ Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае: Историко-этнографический очерк // Зап. Приам. отд. ИРГО. Т. X. Вып.1. Хабаровск, 1914. С.196-197.

помещение¹; участие служащих в прибылях предприятия, которые в качестве пайщиков вовлекались в сферу торговли, что придавало фирмам вид товарищеских объединений; систематическое уклонение от налогов; контрабандный ввоз товаров из Китая вследствие слабой охраны государственной границы на Дальнем Востоке; сбыт некачественных товаров, нечестная торговля, в результате китайские торговцы, в том числе торговцы «в развоз» и «в разнос», значительно теснили российских конкурентов².

На территории российского Дальнего Востока для китайских торговцев были характерны наличие развитой общинной инфраструктуры, ярко выраженная групповая солидарность, объединение капиталов и сплоченность на основе землячества. Можно выделить четыре основных группы землячества – «Восточное общество» (предприниматели из пров. Шаньдун), «Северное общество» (торговцы из пров. Хэбэй и трех Северо-Восточных провинций), «Южное общество» (купцы из пров. Чжэцзян и Цзянсу) и «Общество Гуан» (предприниматели из пров. Гуандун). Наиболее крупным было «Восточное общество», т.е. наиболее активно в торговле себя проявили выходцы из пров. Шаньдун. Так, во Владивостоке в 1908 г. было около 40 тыс. китайских торговцев, из них шаньдунцев около 30 тыс. чел. (75%). В 1917 г. в Хабаровске насчитывалось 121 торговых магазинов китайских купцов, из них шаньдунцам принадлежали 116, т.е. 96%. Из оставшихся 5 магазинов 2 принадлежали выходцам из провинции Фэнтянь, 2 – из провинции Чжили, 1 – выходцу из провинции Цзилинь. Всего в 121 магазине в торговле были заняты 695 человек, из них 663 шаньдунца, т.е. 95%. В Уссурийске в 1917 г. из 3575 китайских торговцев 3163 были выходцами из провинции Шаньдун (88%). Большинство магазинов и лавок в других городах Дальнего Востока (Николаевске-на-Амуре, Сучане, Имане и др.) тоже владели шаньдунцы. При этом, на Северо-Востоке Китая (в Хэйхэ и других населенных пунктах) они имели филиалы своих фирм, бегло говорили по-русски, активно общались и взаимодействовали с русским населением³.

В период Первой мировой войны значительные материальные и человеческие ресурсы центральных регионов России были направлены на военные нужды. Экспорт товаров из европейской части страны резко сократился, структура экспорта стала на 2/3 состоять из дальневосточной продукции (панты, женьшень, морская капуста, рыба, лес, пушнина и т.д.). Таким образом, импорт товаров из Китая стал едва ли не единственным решением проблемы замещения многих товаров – пшеницы, ячменя, проса, мяса, овощей, табака, тканей, лапши, масла и т.д. Китайские предприниматели везли продовольственные и промышленные товары из разных регионов Китая.

¹ По подсчетам А.В. Даттана, накладные расходы европейских торговцев составляли 15-20% оборотного капитала, китайских предпринимателей - не более 5-8% (Анча Д.А., Мизь Н.Г. Указ.соч. С.67).

² Романова Г.Н. Торговая деятельность китайцев на Дальнем Востоке России ... С.143-144.

³ Сюй Ваньминь. Дунбан хуашан цзай Эго Юаньдун (Шаньдунские предприниматели на Дальнем Востоке России) // Хэйхэ сюэкань. 1993. №2. С.86.

Благодаря увеличению импорта, товарооборот в целом возрос с 118,3 млн. руб. в 1914 г. до 175,6 млн. руб. в 1916 г.¹.

Торговля китайцев с местным населением носила и контрабандный характер, чему способствовала установленная 50-верстная пограничная полоса беспошлинной торговли (1 января 1913 г. была упразднена, что вызвало протесты и китайских властей приграничных территорий, и русских предпринимателей). Китайские купцы нелегально переправляли через границу золото, спирт, пушнину, опиум, женьшень, панты, пшеницу, лошадей и т.д. Так, только с января по июнь 1913 г. Благовещенской таможней было задержано контрабандных товаров на сумму более 47 тыс. руб., в том числе спиртных напитков на сумму более 42 тыс. руб. В 1913 г. из Хэйхэ на русскую сторону Амура было вывезено 48245 ведер спирта, в 1914 г. – 21992 ведра, в 1915 г. – 47510 ведер спирта. Всего же в 1914 г. к границам Амурской и Приморской областей было вывезено 225 тыс. ведер спирта из Северо-Восточного Китая². Что касается золота, то, несмотря на принятый в сентябре 1915 г. закон, запрещающий вывоз золота из России за границу, только в 1916 г. контрабандным путем в Китай было вывезено около 65 пудов золота³. В промысловой контрабанде большую роль играли китайские торговцы, проживавшие в Маньчжурии и имевшие на российском берегу своих компаньонов и агентов, как русских, так и китайских.

Февральская и Октябрьская революции 1917 г., а затем гражданская война и обусловленные этими событиями политические, социальные и экономические преобразования кардинально изменили вектор российско-китайских отношений. Однако в годы революционных преобразований хозяйственная деятельность китайских мигрантов на территории российского Дальнего Востока продолжалась. Китайские товары первой необходимости, продукты питания помогали российскому населению выживать в сложных социально-экономических условиях. Так, осуществляя политику изоляции Советской России, пекинское правительство 11 января 1918 г. закрыло российско-китайскую границу, перевозка грузов была прекращена. Но, несмотря на запреты пекинского правительства, китайские торговцы продолжали торговые сделки, заключали контракты на поставку мяса, рыбы, дров, муки, масла, мануфактуры. Если в 1913 г. экспорт Северо-Восточных провинций в Россию составил 1,7 млн. таможенных лянгов, то в 1916 г. этот показатель возрос до 3,5 млн., а в 1917 г. составил 4 млн. таможенных лянгов. В 1918 г. наблюдалось падение объемов экспорта до 1,2 млн., а в 1919 г. вновь увеличение до 2 млн. таможенных лянгов⁴. Продолжался и

¹ Романова Г.Н. Порто-франко и протекционизм... С.120.

² Залесская О.В. Российско-китайские приграничные отношения на Дальнем Востоке (1917-1924 гг.). Благовещенск, 2002. С.53.

³ Романова Г.Н. Экономические отношения России и Китая на Дальнем Востоке (XIX - начало XX в.). М., 1987. С.116.

⁴ Кун Цзинвэй. Чжунго Дунбэй дицюй цзинци ши (История экономики Северо-Восточного Китая) / Изд-е 2-е, испр. и доп. Чанчунь, 1994. С.232.

контрабандный провоз товаров¹. Увеличение объемов торговли способствовало развитию приграничных китайских населенных пунктов: так, в расположенном напротив Благовещенска Сахалияне (ныне Хэйхэ) появились каменные здания и каменные магазины на месте примитивных торговых лавок; сам Сахалиянь значительно разросся. Сбыт китайских товаров шел через китайские торговые предприятия в Благовещенске².

Деятельность китайских торговцев оказывала непосредственное влияние на формирование конъюнктуры рынка и экономическую политику российского Дальнего Востока и в период Дальневосточной Республики (ДВР). Хотя торговый договор ДВР с Китаем так и не был заключен (руководство ДВР не могло, как того требовало пекинское правительство, дать твердых гарантий безопасности жизни и имущества китайцев, проживающих в Сибири и на Дальнем Востоке, в силу общей зависимости от политических указаний советского руководства и чрезвычайно нестабильной ситуации в революционной России), но де-факто между Китайской Республикой и ДВР развивались торгово-экономические связи, китайские торговцы продолжали прибывать на российский Дальний Восток и осуществлять свои сделки на российской территории. В 1922 г. в Чите из 1153 предприятий розничной торговли 510 принадлежали китайцам, в Амурской области 391 предприятие принадлежало русским, 510 – китайцам. В Хабаровске почти 80% предприятий принадлежали китайским подданным³. В первой половине 1920-х гг. (особенно в 1921-1922 гг.) практически вся торговля в Амурской области осуществлялась с помощью китайского капитала⁴.

После упразднения ДВР и советизации на Дальнем Востоке повышается степень централизации управления и усиливается роль государственного сектора в дальневосточной экономике. Доля частных торговцев в импорте с 52,74% в феврале-сентябре 1923 г. упала до 0,15% в 1924/25 г. Ограничительные меры, направленные на свертывание частнопредпринимательского элемента, такие как усиление налогового пресса, конфискации предприятий, реквизиции товаров⁵ вели к значительному уменьшению доходов китайских торговцев на территории советского Дальнего Востока. Многие китайские купцы в этот период ликвидировали свои дела в Благовещенске, Хабаровске, Хэйхэ и выехали в Харбин, потеряв надежду на возобновление прежней

¹ Так, только 8 августа 1919 г. находившимися в ведении Хабаровского таможенного инспектора чинами таможенного надзора были задержаны возле хутора Столбовского три китайца, в т.ч. один китайский офицер, с контрабандой опиума в количестве 28 фунтов, проносимого на китайскую сторону (Государственный архив Российской Федерации (далее - ГАРФ). Ф.Р-200. Оп.1. Д.430. Л.1).

² Государственный архив Хабаровского края (далее – ГАХК). Ф.Р-19. Оп.1. Д.11а. Л.104.

³ Сонин В.В. Экономическая политика ДВР и ее правовое обеспечение // Государственно-правовое развитие Дальневосточного региона и роль органов внутренних дел в этом процессе: Сб. научн. трудов. Хабаровск, 1994. С.28.

⁴ Дацышен В.Г. Торгово-экономические отношения между Россией и Китаем в период становления советского государства (1918-1924 гг.) // Мир Евразии. 2013. №4(23). С.13.

⁵ Так, например, в докладе начальника Амурской уездной милиции пограничному комиссару Амурской области пояснялось, что продукты у китайца, некоего Лю Гочжэна, были задержаны в пос. Тыгда чинами 2-го милицейского участка «на том основании, что на ввоз товаров и продуктов в населенные пункты области и в приисковые районы теперь требуется иметь разрешение от Управления снабжения и Продовольствия или от Управления горной промышленности; а такового не было» (ГАРФ. Ф.Р-9119. Оп.1. Д.22. Л.20).

оживленной торговли. Если в 1922 г. в Амурской губернии насчитывалось 1592 частных предприятия, из них принадлежало китайским подданным – 936, русским – 656, то в 1923 г. из 1471 предприятия китайцам принадлежало 613, русским – 740¹. Одновременно шаг за шагом усиливалась охрана границ.

Однако, несмотря на ограничительные меры, предпринятые по отношению к частному бизнесу, специфика дальневосточного региона обуславливала дальнейшее экономическое присутствие в регионе китайских торговцев. В 1926 г. из 72 тыс.чел. китайских мигрантов в Дальневосточном крае (ДВК) китайских предпринимателей насчитывалось около 8 тыс. чел. В 1926/27 г. в ДВК функционировало 5148 китайских предприятий, из них 1137 заведений торговали продуктами, напитками и табачными изделиями, 197 – тканями и галантереей, 2498 вели универсальную и смешанную торговлю². Влияние китайского торгового капитала опиралось на поставки с торговых баз китайских промышленных рынков и налаженные связи с партнерами в Маньчжурии.

Временем кардинальных перемен для китайских граждан на российском Дальнем Востоке стал период конца 1920-х – середины 1930-х гг. Обострение советско-китайских отношений в 1926-1928 гг., конфликт на КВЖД 1929 г. оказали непосредственное влияние на хозяйственную деятельность китайских торговцев. В этот период китайская диаспора на российском Дальнем Востоке стала значительно сокращаться. Зимой 1928-1929 г. для китайцев были повышены налоги, осуществлен запрет на торговлю на базарах. Массово закрывались китайские торговые точки, предприятия, счета китайских коммерсантов были заморожены³. Торговцы становились объектом преследований и репрессий. За июль, август и первую половину сентября 1929 г. в Хабаровске было арестовано около 1 тыс. чел. китайских мигрантов, во Владивостоке – 7 тыс. чел. Из Читы на ст. Маньчжурия было выслано 1300 китайских мигрантов, причем при пересечении границы у них конфисковывали все наличные деньги, а тех китайцев, у которых находили 1 тыс. руб. и более, арестовывали⁴.

Этот процесс был продолжен в 1930-е гг., когда вследствие прокатившихся волн арестов китайских мигрантов, обвинений в шпионаже, роста шовинизма, участвовавших обысков и конфискации товара у китайских торговцев начался отток китайского населения из СССР, что «сокращало слабо контролируемые властями слои диаспоры, но было весьма негативным обстоятельством с точки зрения экономики»⁵. Временное совпадение ухудшения политической ситуации в

¹ Залесская О.В. Российско-китайские приграничные отношения на Дальнем Востоке ... С.131.

² Дударь Л. А. Государственное регулирование частной и иностранной торговли на Дальнем Востоке в 1920-е гг. // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып.4. Благовещенск, 2002. С.372.

³ Залесская О.В. Китайские мигранты в условиях политической ситуации на Дальнем Востоке в конце 1920-х – середине 1930-х годов // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. №12 (86). С.54.

⁴ Она же. Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1917–1938 гг.). Владивосток, 2009. С.258.

⁵ Маленкова А.А. Политика советских властей в отношении китайской диаспоры на Дальнем Востоке СССР в 1920–1930-е гг. // Проблемы Дальнего Востока 2014. № 4. С.126.

дальневосточном регионе и «эпохи большого террора» привело к дальнейшему разворачиванию масштабных репрессий в отношении китайских мигрантов.

Так, 22 декабря 1937 г. была принята директива НКВД о репрессиях среди китайцев на Дальнем Востоке, согласно которой все китайцы, «проявляющие провокационные действия или террористические намерения», подлежали немедленному аресту¹. Последующие директивы и постановления – от 31 января 1938 г. (о продлении репрессий среди населения по признаку национальной принадлежности и об аресте «шпионов и диверсантов» на территории СССР), от 1 февраля 1938 г. (о проведении арестов по «национальным» линиям) – санкционировали проведение дальнейших репрессий среди китайцев². 17 апреля 1938 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло специальное постановление о ликвидации Владивостокской «Миллионки». Находившиеся в частном владении китайцев дома передавались в аренду либо продавались советским организациям³.

Что касается количественных показателей, то динамика была такова. К 1937 г. на Дальнем Востоке России находилось 24 589 китайских мигрантов⁴. Из СССР в 1937-1938 гг. было выслано 63 тыс. китайцев⁵, с территории советского Дальнего Востока – 19 тыс. китайского населения⁶. В результате численность китайской диаспоры в ДВК значительно снижается (до 5,5 тыс. чел.)⁷, а прослойка китайских предпринимателей на Дальнем Востоке России окончательно прекращает свое существование.

Итак, период середины XIX – первой трети XX века стал периодом сближения и развития контактов России и Китая на Дальнем Востоке. Сложившаяся социально-экономическая и геополитическая обстановка обусловила формирование и развитие китайского предпринимательства – вплоть до конца 1920-х – начала 1930-х гг., когда обострение советско-китайских отношений на межгосударственном и межрегиональном уровнях и начавшееся в СССР строительство тоталитарного общества повлекли за собой вытеснение китайских торговцев с российских дальневосточных территорий. Китайскому предпринимательству на Дальнем Востоке России были свойственны черты этнического предпринимательства в принимающем обществе вкупе с особенностями китайской диаспоры за рубежом – изолированность, иерархичность, мобильность в ведении бизнеса и т.д. Это обусловило быстрое развитие китайского бизнеса на российской террито-

¹ Сталинские депортации. 1928-1953. М., 2005. С.102.

² Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. М., 2004. С.468-469.

³ Чернолуцкая Е.Н. Вытеснение китайцев с Дальнего Востока и депортация 1938 г. // Проблемы Дальнего Востока. 2008. №4. С.136.

⁴ Всесоюзные переписи населения 1937 и 1939 гг. Дальний Восток РСФСР: Основные итоги: Сборник документов / Сост. С.А. Головин. Благовещенск, 2005. С.79.

⁵ Lockwood D. Border Economics Versus Border Mentality: the Politics of Russia/China Border Trade. Melbourne, 2001. P.4.

⁶ Stefan J. The Russian Far East. Stanford, 1994. P.212-213.

⁷ Всесоюзные переписи населения 1937 и 1939 гг. ... С.387.

рии, активную торговлю китайских купцов в мелкой, средней и крупной формах. Следует отметить, что российская дальневосточная экономика всегда нуждалась в китайских товарах, взаимодействие в торговой сфере между китайскими купцами и русским населением помогало российскому этносу выживать в сложных социально-экономических условиях, определило своеобразный колорит российских дальневосточных городов, формировало особую среду российско-китайского взаимодействия.

1.2 Межгосударственные российско-китайские отношения в 1990-е гг. и изменение геополитической ситуации на российском Дальнем Востоке

Россия и Китай с конца 1980-х гг., с прекращением периода охлаждения, приступили к возобновлению и постепенному расширению межгосударственных и межрегиональных контактов. Качественные изменения в отношениях между двумя странами были связаны с началом реформ под руководством М.С. Горбачева и с реализацией концепции внешней открытости, провозглашенной Дэн Сяопином. Встреча Дэн Сяопина и Горбачева в 1989 г. дала толчок развитию связей двух стран на принципиально новом уровне; смена идеологической парадигмы в СССР, окончание «холодной войны», смена политического курса Китая и переход от «культурной революции» к модернизации хозяйства обусловили качественные изменения в российско-китайских отношениях.

Посол Российской Федерации (РФ) в КНР И.А. Рогачев (1992-2005) отмечал, что 1990-е годы – это восстановление «в полном масштабе» отношений добрососедства: с 1992 г. обе стороны активно расширяли и укрепляли основы взаимоотношений и взаимодействия, в апреле 1996 г. Москва и Пекин объявили о своем намерении развивать равноправное и доверительное партнерство, направленное на стратегическое взаимодействие в XXI веке, работа по практическому наполнению которого привела к подписанию в июле 2001 г. Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве¹. С самого начала установления отношений дружбы, добрососедства и партнерства декларировалась «ненаправленность против третьих стран»². Обе страны, имеющие одну из самых протяженных границ на Дальнем Востоке (более 4000 км), были заинтересованы в безопасности для своего развития, обе страны стремились играть существенную роль: Китай – в Азии, Россия – и в Европе, и в Азии. Перед обеими странами стояли задачи реформирования экономик, и потенциально они могли помогать друг другу, вырабатывать систему общих интересов.

¹ Рогачев И.А. Мой Китай // Китай в диалоге цивилизаций. Москва, 2004. С.330.

² Совместное советско-китайское коммюнике // Вестник МИД СССР. 1989. № 11. С.25-27.

К началу 1990-х гг. в глобальном плане перед двумя соседними странами стояли сходные задачи самоутверждения на мировой арене: РФ – в качестве преемницы распавшегося СССР, а КНР – в качестве развивающегося государства, отстаивающего право на свой путь реформирования. В 1990-е гг. российская политика по отношению к Китаю базировалась на принципах мира, безопасности и развития взаимовыгодных отношений в интересах партнера. Президент РФ Б.Н. Ельцин так сформулировал эту стратегию: «Китай является для нас важнейшим государством. Это наш сосед, с которым мы имеем самую длинную границу в мире и с которым нам навечно суждено жить и работать бок о бок. От успеха сотрудничества с Китаем зависит будущее России. Отношения с Китаем чрезвычайно важны для нас и с точки зрения глобальной политики»¹. Однако особенности экономической реальности России начала 1990-х – либерализация цен на товары и услуги, гиперинфляция, тотальный дефицит, переход предприятий на полный хозрасчет и пр., и, вследствие этого, изменение структуры экспорта – затрудняли реализацию намерений стран о взаимодополняемости. Неожиданное как для властных структур, так и для обывателей обрушение экономики на уровне государства не позволило своевременно и адекватно реагировать на резкие изменения в социальной и экономической реальности.

В КНР же курс на экономическую открытость обозначился уже в конце 1970-х гг. К этому времени китайские власти все больше осознавали важность частной собственности как общественной формы развития производительных сил в стране. Начало политической реабилитации частнопредпринимательской деятельности (как индивидуально-трудовой, так и частнохозяйственной с применением наемного труда) связывают с 3-м пленумом ЦК КПК 11-го созыва в декабре 1978 г. В отношении мелкотоварного производства (индивидуально-семейного хозяйства, не использующего чужой труд или использующего его в ограниченных масштабах) процесс разработки новой политической концепции был в основных чертах завершен уже в 1981-1982 гг.

Разъясняя сущность данного курса, ЦК КПК и Госсовет КНР в совместно опубликованном заявлении от 30 марта 1981 г. указывали, в частности, на то, что «для развития многообразного хозяйствования надо развернуть активность двух сторон – коллективов и отдельных лиц», в сельской местности необходимо «посредством договоров и других форм активно поощрять и поддерживать членов коммун, в индивидуальном порядке или на паевых началах ведущих хозяйственную деятельность в сфере обслуживания, кустарной промышленности, перевозках и других отраслях». В принятом 6-м пленумом ЦК КПК 11-го созыва 27 июня 1981 г. «Решении по некоторым вопросам истории партии со времени образования КНР» был сделан принципиально важный шаг к признанию «индивидуального» хозяйства «одной из составных частей структуры собственности на средства производства в Китае на современном этапе». В документах XII съезда КПК

¹ Бажанов Е.П. Актуальные проблемы международных отношений. Т.2. М., 2002. С.419.

(сентябрь 1982 г.) положение о дополняющей роли «индивидуального» хозяйства было воспроизведено и интерпретировано в виде следующей политической директивы: «В деревне и городе необходимо поощрять надлежащее развитие индивидуального хозяйства трудящихся в установленных государством рамках и при наличии управления со стороны промышленно-торговых административных органов, как хозяйства, являющегося необходимым и полезным дополнением общественной собственности»¹.

Безусловно, в Китае были серьезные проблемы, затруднявшие ход экономических реформ, такие как: 1) сложный демографический вопрос, избыточность трудовых ресурсов, значительная плотность населения; 2) продовольственная проблема (слабость производственной базы сельского хозяйства, небольшой земельный фонд); 3) ресурсно-сырьевая проблема (по запасам нефти и газа Китай в 1990-е уступал России в 35 раз – это стало мощным фактором, определившим стратегию КНР в отношении импорта соответствующего сырья и продукции его переработки из России); 4) проблема качества экспортируемой продукции, неполного ее соответствия мировым стандартам, что вело к ограниченной конкурентоспособности китайских товаров на мировом рынке²; 5) нерациональная структура экономики, 6) неравномерность развития регионов (так, провинции Северо-Востока Китая – Ляонин, Цзилинь, Хэйлуцзянь – относились к регионам с низкими темпами развития экономики – 5-9 % в год³; 7) инфляция, а также рост дифференциации в доходах⁴ и пр.

Подписание 5 марта 1992 г. Соглашения между Правительством РФ и Правительством КНР о торгово-экономических отношениях заложило прочную основу для поступательного и стабильного развития двусторонних экономических отношений, в том числе развития китайского предпринимательства на российских территориях. 5 мая 1992 года был подписан протокол о торгово-экономическом сотрудничестве, который предусматривал общий объем двусторонней торговли на межправительственном уровне в сумме 780 млн. швейц. франков.

В 1992 г. правительствами Китая и России были подписаны также соглашения о развитии экономики, торговли, науки, техники, о сотрудничестве в сфере труда, что привело к увеличению

¹ Рогатов М.Д., Чжан Янь. Государственная стратегия развития предпринимательства в Китае // Вестник РУДН. Серия: Экономика. 2005. №1. С.107-108.

² Карлусов В. Внешнеэкономические связи России и Китая: баланс интересов и совершенствование механизма организации // Проблемы Дальнего Востока. 1999. № 3. С.52.

³ На протяжении нескольких десятилетий Северо-Восточный Китай занимал значительное место в экономике КНР, однако в 1990-е гг. из разряда передовых регионов перешел в отстающие. На то было несколько причин. Во-первых, снизились темпы роста ВРП: доля Северо-Восточного Китая в ВВП КНР с 1952 по 1978 гг. возросла лишь на 0,31%, составив 14,27%. Во-вторых, после принятия идеи одновременного развития регионов на востоке страны в прибрежных районах открывались специальные экономические зоны, ставшие локомотивом китайской экономики и центрами роста экономики восточного макрорегиона, так что он вновь вышел на лидирующие позиции (Ставров И.В. Социально-экономическое развитие северо-восточного региона КНР в программных документах Центра // У карты Тихого океана. 2013. № 28 (226). С.35).

⁴ Экономика КНР в преддверии XXI века (1991-2000) // Информационный бюллетень №2. ИДВ РАН. М., 1997. С.121-125.

объема торговли между двумя странами до 58,62 млрд. руб. в год, а в 1993 г. объем двусторонней торговли между двумя странами возрос на 31% по сравнению с 1992 г.¹. Более подробные данные о характере китайско-российской торговле приведены в табл. 1.

Таблица 1

Торговля Китая с Россией (1992-2010 гг.)

Год	Наименование	Внешняя торговля КНР, млрд долл.	Торговля КНР с Россией, млн долл.	Доля России во внешней торговле КНР. %
1992	Оборот	1655	5862	3,54
	Экспорт	84,9	2336	2,75
	Импорт	80,6	3526	4,37
1993	Оборот	195,7	7679	3,92
	Экспорт	91,8	2692	2,93
	Импорт	103,9	4987	4,80
1994	Оборот	236,6	5077	2,15
	Экспорт	121,0	1581	1,31
	Импорт	115,6	3496	3,02
1995	Оборот	280,9	5463	1,94
	Экспорт	148,8	1664	1,12
	Импорт	132,1	3799	2,88
1996	Оборот	289,9	6845	2,36
	Экспорт	151,1	1697	1,12
	Импорт	138,8	5153	3,71
1997	Оборот	325,2	6118	1,88
	Экспорт	182,8	2032	1,11
	Импорт	142,4	4086	2,87
1998	Оборот	323,9	5481	1,69
	Экспорт	183,7	1840	1,00
	Импорт	140,2	3641	2,60
1999	Оборот	360,6	5720	1,59
	Экспорт	194,9	1497	0,77
	Импорт	165,7	4223	2,55
2000	Оборот	474,3	8003	1,68
	Экспорт	249,2	2233	0,90
	Импорт	225,1	5770	2,56
2001	Оборот	509,6	10 670	2,09
	Экспорт	266,1	2711	1,02
	Импорт	243,5	7959	3,27

Таблица приведена по: Портяков В.Я. Российско-китайская торговля: политико-экономический дискурс // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2011. №16. С.167-168.

В 1994 году имело место снижение объема взаимной торговли, в основе которого лежали как объективные факторы макроэкономического характера, так и некоторые изменения в системах регулирования внешнеэкономической деятельности в России и в КНР, имевшие место в конце 1993 г. – начале 1994 г. Среди них можно выделить следующие: сохранение тенденции к падению промышленного производства в России; продолжающийся рост цен на ее внутреннем рынке на

¹Даниловских Т.Е. Этапы развития и формы приграничной торговли между Китаем и Россией / И.А. Кузьмичева, Е.Г. Флик, Д.И. Кузьмичев // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2016. № 3. С.19.

основные экспортные товары, повышение в России транспортных тарифов; повышение ставок таможенных пошлин и акцизов на многие виды товаров, определенное насыщение российского рынка китайскими товарами, ужесточение требований российской стороны к их качеству; а также начавшаяся в КНР со второго полугодия 1993 г. кампания по ограничению темпов роста экономики, имеющая следствием ухудшение конъюнктуры рынка многих инвестиционных товаров, импортируемых из России, и проводимая в Китае с начала 1994 г. политика ограничения импорта в целях ликвидации или сокращения дефицита торгового баланса, введение с 1 января 1994 г. единого рыночного валютного курса юаня с одновременной его девальвацией, приведшее к увеличению себестоимости импорта почти в два раза и др. Важно в то же время отметить, что в 1994 г. товарооборот между Россией и КНР оставался на уровне, значительно превышающем объем торговли в 1990 г. и 1991 г., и что его сокращение по сравнению с уровнем 1993 г. происходило за счет отсечения его наименее рациональной части, прежде всего за счет сокращения бартерных операций с российскими сырьевыми товарами и поставок низкокачественных китайских товаров¹.

Вышеперечисленные причины диктовали попытки перехода отношений между странами на новый уровень. В 1994 г. президент РФ Б.Н. Ельцин в личном послании Цзян Цзэминю употребил понятие «стратегическое партнерство», а глава Китая, в свою очередь, в выступлении в МГИМО в 1994 г., назвав сотрудничество «отношениями нового типа», обозначил следующие направления сотрудничества: решение всех вопросов в духе добрососедства, активное развитие взаимовыгодного и взаимодополняющего сотрудничества в области экономических и торговых связей, усиление сотрудничества на законодательном уровне, сотрудничество в интересах мира, стабильности и развития во всем мире, превращение границы между Китаем и Россией в «пояс мира, дружбы, процветания»².

Посол КНР в РФ Ли Хуэй ведет отсчет партнерству с 1996 г., когда сотрудничество в Совместной российско-китайской декларации 1996 г. стало официально именоваться «партнерством». Как отмечает Ли Хуэй, вначале были «ступени»: 1992 г. – «взаимные дружественные отношения»; 1994 г. – «отношения добрососедского, взаимовыгодного, конструктивного партнерства»; 1996 г. – «равноправные доверительные отношения стратегического взаимодействия и партнерства, обращенные в XXI век». В 1990-е гг. основными задачами было создание и совершенство-

¹ ГАРФ. Ф.10212. Оп.1. Д.701. Л.Л.85-86.

² Цзян Цзэминь. О социализме с китайской спецификой. Т.3. С.526.

вание политических и законодательных основ для двусторонних отношений, построение рамочных механизмов для сотрудничества в различных областях, выработка курса и программы сотрудничества, принятие по всем вопросам политических решений»¹.

С 1996 г. понятия «партнерство» и «стратегическое взаимодействие» стороны стали использовать в официальных документах сотрудничества². В совместной российско-китайской декларации от 25 апреля 1996 г. было записано: Россия и Китай «провозглашают свою решимость развивать отношения равноправного доверительного партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI веке». Действительно, экономическое сотрудничество двух стран имело важное значение не только для преодоления хозяйственных трудностей в настоящем, но и для экономического развития в будущем, причем предполагалось, что это развитие будет опираться на взаимодополняемость российской и китайской экономик и полезно для обеих стран в таких, например, важных отраслях, как атомная энергетика, машиностроение, транспорт. В свою очередь Сибирь и Дальний Восток могли бы получать из КНР важные для себя товары и технологии. Впечатляющей иллюстрацией перспектив двух стран стали переговоры В.С. Черномырдина с Ли Пэном в декабре 1996 г., на которых обсуждались крупные двусторонние проекты в таких областях, как энергетика (в т.ч. российское участие в строительстве ГЭС на реке Янцзы в районе «Трех ущелий»), машиностроение, гражданская авиация, космос и др. По итогам переговоров были подписаны Протокол о принципах рамочного контракта на сооружение Ляньюньганской АЭС в провинции Цзянсу и Соглашение о развитии сотрудничества между Центральным Банком России и Народным банком Китая. В печати эти инициативы характеризовались как «образец межгосударственных отношений в постконфронтационную эпоху»³.

В целом, проанализировав межгосударственные российско-китайские отношения в 1990-е гг., исследователи выделяют в этом периоде несколько этапов:

- 1) подготовительный этап, завершившийся подписанием Коммюнике 1989 г.;
- 2) начальный этап сотрудничества – 1991-1993 гг. В 1991 г. переговоры заместителей министров иностранных дел РФ (Г.Ф. Кунадзе) и КНР (Тянь Цзэнпэя) завершились признанием, что в развитии российско-китайских отношений остаются руководящими основные принципы российско-китайских коммюнике 1989 и 1991 гг. Подытожили этот этап визит Ельцина в КНР в 1992 г. и подписанная по его итогам Совместная декларация об основах взаимоотношений между РФ и

¹ Нынешнее состояние и перспективы развития китайско-российских отношений. Речь Чрезвычайного и Полномочного посла КНР в РФ Ли Хуэя в Московском государственном лингвистическом университете (22 апреля 2010 года). URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/sgxw/t687998.htm> (дата обращения: 2.09.2018).

² См. напр.: Совместная российско-китайская декларация 1996 г. // Сборник российско-китайских договоров. М., 1999. С.333-337; Пекинская декларация РФ и КНР 2000 г. // Сборник российско-китайских документов. М., 2007. С.69-74.

³ Мясников В.С. Россия и Китай: перспективы партнерства в АТР в XXI веке // Проблемы Дальнего Востока. 1998. № 6. С.15.

КНР, в которой было зафиксировано, что две страны «рассматривают друг друга как дружественные государства»;

3) этап новых отношений конструктивного партнерства – 1994-1996 гг. Этап подлинно равноправных отношений добрососедства, дружбы и взаимного сотрудничества; отношения не носят союзнического характера и не направлены против третьих стран.

4) этап отношений равноправного доверительного партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI веке – 1996-2001 гг., подписание Договора между РФ и КНР 2001 г.¹.

Приведем также классификацию В.А. Корсуна:

1) период «после признания правопреемства России в отношении СССР» (1991-1992 гг). Китай опасался «сближения Кремля с Западом, превращения России в буфер антикитайской деятельности»;

2) конструктивно «насыщенный и стремительный» этап до середины 1990-х гг. От «дружбы-добрососедства, равенства и взаимной выгоды» в начале 1990-х до «конструктивного партнерства» и отношений «нового типа», в которых «нет места союзничеству, конфронтации и нацеленности на какую-либо третью страну», «отношений равноправного доверительного партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI веке» (1996 г.). Россия осознала превращение КНР «в один из существующих основных центров силы в новом многополюсном мире», но изменение «внешнеполитических целей и интересов Китая на российском направлении не сразу получило адекватную оценку в Москве»;

3) этап второй половины 1990-х гг. Китай формировал «целостную внешнеполитическую концепцию» и «благоприятную мировую архитектуру». «Россия оказалась жестко вмонтирована в этот китайский новый мировой политический порядок на правах «центра силы» на «северном фланге мирного окружения по периферии китайской границы». К середине 1990-х гг. Китай выработал «утилитарный подход в стремлении использовать Россию в качестве безальтернативного поставщика вооружений и технологий..., обширного и непрехотливого рынка для китайских товаров, надежного снабженца сырьем и углеводородами»².

Ю.М. Галенович выделяет следующие этапы:

1) «период предыстории», нормализации сначала межпартийных, а затем межгосударственных отношений, завершившийся в 1989 г. принятием официального Коммюнике;

2) 1990-е годы. Благодаря активной политике России появились «ступени» 1992 – 1994 – 1996: дружба – конструктивное взаимодействие – стратегическое взаимодействие. «Двусторонние отношения стали одновременно и новыми (между новым государством Российская Федерация и

¹ Портяков В.Я. О некоторых аспектах совершенствования российско-китайского стратегического партнерства // Проблемы Дальнего Востока. 2007. №5. С.21-23.

² Корсун В.А. Внешнеполитический механизм с китайской спецификой // Внешнеполитический процесс в странах Востока. М., 2011. С.272-275.

прежней КНР), и в то же время продолжались как отношения между двумя нациями – Россией и Китаем. Новая основа для строительства новых международных отношений: принципы вечного и нерушимого мира, полная самостоятельность и независимость каждой стороны и их полное равноправие»¹. Этап включил в себя заключение в 2001 году Договора, который закрепил на 20 лет основные принципы взаимоотношений между государствами.

В целом, отношения России и Китая насчитывают 400 лет (1618 год – первая русская дипломатическая миссия в Китай), из них – более 150 лет достаточно тесных контактов на Дальнем Востоке. На рубеже 1980-1990-х гг. в российско-китайских отношениях наступает новый этап. Решения, принятые на уровне правительств обоих государств, имели непосредственное значение для развития приграничных территорий российского Дальнего Востока – региона, имеющего важное геополитическое и геостратегическое значение для России. Он имеет выход к двум океанам и граничит с четырьмя государствами (КНР, КНДР, Японией и США). Его близость к крупным экономикам Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) всегда несла в себе значительный потенциал экономического развития. Можно выделить два наиболее важных фактора, определяющих положение Дальнего Востока в системе российских регионов: это отдаленность от основных, наиболее обжитых и развитых районов страны, а также мощный ресурсный потенциал².

К концу 1980-х – началу 1990-х гг. из-за назревшего в СССР глобального экономического и политического кризиса центр страны перестал в полной мере выполнять регулирующую функцию по отношению к регионам. В эти годы российскому Дальнему Востоку были присущи проблемы как общегосударственные (падение темпов роста промышленного и сельскохозяйственного производства, снижение уровня жизни населения, развитие теневой экономики), так и специфические, региональные: зависимость от дотаций из центра, слабая освоенность и отдаленность региона от промышленно-развитых районов страны, недостаточно развитая транспортная сеть, сложные климатические условия, низкий по сравнению с центральными регионами уровень жизни населения, и, как следствие – недостаток трудовых ресурсов. «Положение в Дальневосточном регионе СССР к началу 1991 г. перестало отличаться чем-либо от общесоюзной ситуации. Регион тоже вошел в тяжелый экономический кризис. Два года Дальний Восток удерживался на краю экономической пропасти благодаря устойчивости добывающего сектора и благосклонному

¹ Галенович Ю.М. Российско-китайские отношения (конец XIX — начало XX вв.). М., 2007. С.171.

² «Здесь сосредоточены значительные запасы алмазов, золота, серебра, олова, борного сырья, вольфрама, сурьмы, цинка, свинца, редкоземельных элементов и др. Кроме того, имеются крупные запасы железной руды, угля (более 15 млрд. т), нефти (9,6 млрд.т), природного газа (14 трлн. м³), древесины и гидротехнических ресурсов. Шельф дальневосточных море содержит до 29 млрд. т углеводородного сырья. Здесь добывается 60% рыбы и морепродуктов России» (Ткаченко И.Б. Экономические и социально-демографические аспекты взаимодействия России и Китая на Дальнем Востоке в XXI в.: взгляд в будущее // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск, 2003. №6. С.328).

отношению нейтрального правительства к внешнеэкономическим связям самого региона. Углубление общенационального кризиса в экономике и ужесточение внешнеэкономической политики привели к кризису и на Дальнем Востоке»¹.

Объем производства промышленной продукции в регионе уменьшился на 60%, объем инвестиций – на 79%. Средняя стоимость транспортировки грузов из европейской части России за 1990-е гг. увеличилась почти в 22000 раз, что привело к разрыву сложившихся связей с торговыми партнерами. Транспортная составляющая в стоимости продукции при ее поставке с Дальнего Востока в центральные регионы страны составляла 77%, а при экспорте в страны АТР – только 22%. Дальневосточные предприниматели начали поиск деловых партнеров в странах АТР². Учитывая вышеназванные тенденции, это было способом существенной социально-экономической поддержки региона в период экономического кризиса, увеличивающейся безработицы, тотального товарного дефицита, неудовлетворенного спроса на потребительские товары. Все эти факторы усугублялись исключительной малонаселенностью региона – на территории почти в 7 млн. кв.км в 1990 г. проживало 8057 тыс.чел.³.

Для России в 1990-е гг. миграция населения «сглаживала» естественную убыль (более чем на 50 %), но для российского Дальнего Востока сложилась противоположная ситуация. В 1990 г. коэффициент миграционного прироста на тысячу жителей в России составил 1,9, на Дальнем Востоке – -4,9. Начиная с 1987 г. и по 1992 г., на российском Дальнем Востоке происходило резкое уменьшение миграционного сальдо, а период 1993-2000 гг. характеризуется максимальной долей миграции в общем снижении численности населения региона (по имеющимся расчетам, 85-90 % убыли населения Дальнего Востока России было обусловлено миграционным оттоком)⁴.

Еще больший демографический дисбаланс ощущался по сравнению с соседними провинциями Северо-Восточного Китая. Если на советском Дальнем Востоке происходил отток населения (см. табл. 2), то в КНР в целом, и в приграничных провинциях в частности, наблюдалось перенаселение (см. табл. 3).

¹ Минакир П.А. Экономика советского Дальнего Востока: вызов кризису // Проблемы Дальнего Востока. 1991. №5. С.55.

² Моисеева Л.А., Ващук А.С. История предпринимательства на Дальнем Востоке России в конце XX – начале XXI в. Владивосток, 2006. С.263.

³ В кратчайший период, последовавший за катастрофическим распадом СССР, для Дальнего Востока характерной стала нисходящая демографическая динамика, обусловленная стремительным оттоком населения за пределы Дальнего Востока и дополнившаяся с 1993 г. естественной убылью. За период 1991 г. (года максимальной численности населения на Дальнем Востоке – 8,1 млн. чел.) – 2016 г. регион потерял 1,9 млн. чел. (23,5% своего населения – более чем каждого пятого жителя!), в том числе в миграционном потоке 1,7 млн. чел. (89,5%) и 0,2 млн. чел. (10,5%) за счет отрицательного сальдо естественного движения (Мотрич Е.Л. Оценка миграционной ситуации на Дальнем Востоке России: 1991–2016 гг. // Уровень жизни населения регионов России. 2017. № 2. С.70).

⁴ Мищук С.Н. Миграция и национальный состав населения на Дальнем Востоке России в конце XX – начале XXI в. // Известия ИрГУ. Серия «Политология. Религиоведение». 2013. №2(11). Ч.2. С.211-212.

Темпы снижения численности российского населения (в среднем за год, %)

	1981-1985 гг.	1986-1990 гг.	1991 г.	1992 г.
СССР/Российская Федерация	0,7	0,7	0,1	-0,1
Дальний Восток	1,6	1,3	-0,3	-1,7
Приморский край	1,4	1,3	0,4	-0,3
Хабаровский край	1,6	1,3	0,3	-0,8
Амурская область	1,2	1,1	0,1	-3,2

Таблица приведена по: Крушанова Л.А. Миграционная политика советского государства на Дальнем Востоке. (1980-е гг.) // Россия и АТР. 2009. №3(65). С.127.

Сравнение демографических параметров Дальнего Востока России и Северо-Востока КНР

Параметры	Дальний Восток России		Северо-Восток Китая	
	1990 г.	2000 г.	1990 г.	2000 г.
Население (тыс. чел.)	8057	7168	99336	100400
Плотность населения (ч / км ²)	1,3	1,2	126	135
Рождаемость (%)	15,5	9,1	17,7	15,1
Смертность (%)	9,62	11,2	5,8	5,6
Разница между рождаемостью и смертностью	6,3	-2,1	11,9	9,5

Таблица приведена по: Загребнов Е. Экономическая организация китайской миграции на российский Дальний Восток после распада СССР // Прогнозис. 2007. №1 (9). С.254.

Итак, выход российско-китайских межгосударственных отношений в 1990-е гг. на новый уровень на фоне изменения геополитической обстановки в мире и утраты многих выходов к морю в европейской части обусловил изменение геополитической ситуации на российском Дальнем Востоке. Возросло значение региона как вновь образованной контактной зоны со странами АТР, ближайшим из которых был Китай.

Между российскими и китайскими приграничными территориями на Дальнем Востоке открылось широкое пространство для взаимодействия, основанного на своеобразном географическом и историческом преимуществах. Региональные власти России активно участвовали в процессе формирования приграничных коммуникаций с КНР, в частности, выступая с предложениями об открытии новых пунктов пропуска. Так, глава администрации Хабаровского края В.И. Ишаев в обращении на имя председателя правительства Е.Т. Гайдара от 9 июня 1992 г. представил «варианты открытия дополнительных пунктов пропуска на российско-китайской границе». Он же в 1996 г. обратился к Председателю правительства РФ В.С. Черномырдину об открытии временного пункта пропуска у с. Невельского района им. Лазо Хабаровского края на период проведения работ по прокладке волоконно-оптической линии связи Харбин-Фуяоань в январе-июле 1996 г.

Он заверил, что все мероприятия по согласованию с государственной пограничной службой и государственным таможенным комитетом будут проведены и выполнены. Все ведомства согласовали открытие пункта, но потребовали распоряжения правительства и обмена нотами с китайской стороной, а главное – создание соответствующих условий для деятельности контрольных органов и закрепления режима его эксплуатации. 26 февраля 1996 г. правительство РФ подписало распоряжение № 236-р, в котором было принято предложение об открытии пункта, при условии создания администрацией Хабаровского края и министерством связи всех условий для контролируемых органов и обмена нотами с КНР¹. Все эти договоренности способствовали усилению миграционных обменов, развитию торгово-экономических связей и предпринимательства на межгосударственном и межрегиональном уровнях.

Открытие границ активизировало трансграничные миграционные потоки между РФ и КНР, способствовало быстрому перерождению безвизового туризма в «народную» («челночную») торговлю с преобладанием бартерных сделок, положило начало привлечению иностранных инвестиций в форме совместных предприятий и предприятий со 100% иностранным капиталом. Развивались новые формы сотрудничества: монополии (чаще всего представленные государственными корпорациями), сконцентрированные в капиталоемких сырьевых и высокотехнологичных производствах, обеспечивающие актуальные потребности стран и строго контролируемые Россией и Китаем; а также средний и малый бизнес (децентрализованный рыночный сегмент), который слабо контролировался обоими государствами – именно на него приходилась основная часть статистических расхождений в учете двусторонней торговли². Россия вывозила в больших объемах продукцию тяжелой промышленности: станки, оборудование, транспортные средства, топливо и пр., ввозила же промышленные товары народного потребления и пищевкусовые товары, обеспечивая тем самым насущные потребности населения приграничных территорий, однако паритет этих операций не был соблюден. Более подробно структура внешней торговли юга Дальнего Востока с КНР в конце XX в. показана в табл. 4:

Таблица 4

Товарная структура внешней торговли юга Дальнего Востока с КНР, %

Продукция	экспорт		импорт	
	1993 г.	2001 г.	1993 г.	2001 г.
машины, оборудование, транспортные средства	34,2	70,0	6,8	5,5
топливо, минеральное сырье, металлы	38,6	7,0	0,2	2,1
химические товары	5,4	0,6	0,3	3,8
лесопроductия	4,3	11,3	0,1	0,9
пищевкусовые товары	4,5	5,6	44,5	31, 1
промышленные товары народного потребления	11,5	0,0	28,3	40,0

¹ ГАРФ. Ф.10200. Оп.5. Д.4754. Л.Л.1, 4, 11.

² Иванов С.А. Влияние государства на российско-китайские торгово-экономические взаимодействия // Россия и АТР. 2013. № 4. С.62-63, 65.

прочие товары	1,5	5,5	29,3	12,4
---------------	-----	-----	------	------

Таблица приведена по: Клыков А.А. Китайский фактор регионального развития дальневосточных субъектов РФ: дис. ... канд. геогр. наук. СПб., 2007. С.83.

К концу 1990-х гг. ни в Китае, ни в России не был создан зрелый механизм рыночной экономики, при этом стартовые условия двух стран были различны. Это было очевидно уже аналитикам начала 1990-х, рассуждавшим про «разнонаправленную динамику экономических процессов в РФ и КНР» (имелось в виду продолжающееся кризисное сокращение производства в России и существенное наращивание экономической мощи Китая) и предупреждавших: «в России существенно сокращаются возможности для расширения крепкой базы всестороннего развития в будущем в связи с падением в течение ряда лет объемов капитальных вложений... При этом наибольший спад инвестиций произошел в отраслях, определяющих динамику и направление структурной политики»¹. Со стороны Китая имело место сохранение регулирующей роли государства, поэтапное развертывание долгосрочной программы. Со стороны России – поспешный поиск новой экономической платформы. Между тем, чтобы стать полноценным экономическим партнером Китая, Дальнему Востоку требовалась продуманная стратегия, нацеленная на постепенное, поэтапное вхождение в структуру международного разделения труда, на определение ключевых экономических приоритетов, на использование широкого набора методов внешнеэкономических связей. Однако, как отмечают исследователи, «на Дальнем Востоке была так называемая двойная проблема: разрыв экономических связей региона и центральными районами России и разрыв взаимозависимости субрегиональных экономик внутри самого Дальнего Востока. Регион представляет собой экономическую систему со слабо связанными между собой рынками областного ранга, которые имели небольшие взаимные товарообороты и кооперационные связи»².

Хотя в некоторых аспектах РФ и КНР были схожи (переходный характер экономики исторические предпосылки сотрудничества, большая протяженность общей границы), концепцию взаимодополняемости затрудняли некоторые специфические черты обеих стран: сокращение экспортного потенциала в результате дезинтеграции СССР, несовершенная структура российского экспорта, приостановка работы крупных экспортноориентированных предприятий – с российской стороны; сложный демографический вопрос, избыточность трудовых ресурсов, значительная плотность населения, продовольственная и ресурсно-сырьевая проблемы – с китайской стороны. Тем не менее, в первой половине 1990-х гг. Россия и Китай прилагали значительные усилия для поступательного и разностороннего развития партнерства, заключая множество соглашений,

¹ Шабалин В., Портяков В. О сопоставлении динамики роста экономических потенциалов России и Китая // Проблемы Дальнего Востока. 1993. №3. С.43.

² Моисеева Л.А., Ващук А.С. Указ.соч. С.35.

не всегда реализуемых на практике. Во второй же половине десятилетия ориентированный на принципы открытости и гибкости, готовый, в отличие от России, к сложившимся экономическим условиям, Китай всё в большей степени брал на себя роль активного координатора двустороннего взаимодействия.

Итак, новые отношения между КНР и СССР, а впоследствии РФ, декларировались как взаимодополняемые. Безусловно, в некоторых аспектах РФ и КНР были схожи. К таковым чертам общности исследователи относят, например, переходный характер экономики (от планово-административной зависимости производителя от государства к регулируемой государством рыночной форме), исторические предпосылки сотрудничества, большую протяженность общей границы (и вытекающие из этого торгово-транспортные и прочие возможности)¹. Но, как отмечала Э. Вишник, «в начале 1990-х годов Москва смогла добиться значительного улучшения отношений с Китаем, однако вскоре в российско-китайских отношениях появились новые вопросы»². Китай и Россия подошли к новым отношениям с разным экономическим потенциалом. Возобновление межгосударственных отношений между Россией и Китаем и дальнейшее их развитие в 1990-е гг. в направлении стратегического партнерства обусловило значительное изменение геополитической ситуации на российском Дальнем Востоке, который неожиданно был назначен на роль «форпоста» в отношениях России и АТР. Однако способность Дальнего Востока интегрироваться в тихоокеанскую экономику была ограничена слабой региональной, отраслевой и продуктовой диверсификацией. Значительная часть местной экономики, такая как чрезвычайно важный военно-промышленный комплекс, была фактически исключена из внешнеэкономической деятельности. Все это, вкупе с глобальной перестройкой социально-экономической системы, создало серьезные барьеры для поступательного успешного развития региона, обусловило стихийность дальнейших процессов взаимодействия с зарубежными соседями, в т.ч. и с Китаем.

1.3 Межрегиональные связи Дальнего Востока России и приграничных территорий КНР

1990-е годы стали важнейшим периодом в восстановлении и расширении отношений между двумя странами, заложили прочную основу для дальнейшего выхода российско-китайских связей на новые уровни. В сложившейся на пореформенном российском Дальнем Востоке соци-

¹ Карлусов В. Внешнеэкономические связи России и Китая: баланс интересов и совершенствование механизма организации // Проблемы Дальнего Востока. 1999. №3. С.51.

² Wishnick E. Russia and China: Brothers again? // Asian Survey. 2001. Vol.41. No.5. P.808.

ально-экономической ситуации, на фоне активных экономических преобразований в Китае и открытия границ обе стороны были заинтересованы в развертывании многостороннего сотрудничества.

В новых условиях политической и экономической открытости внешнеэкономический фактор превратился в неотъемлемый элемент региональной политики РФ. Превращение российско-китайского приграничья в район активного сотрудничества объективно открывало переживающей кризис экономике России позитивные перспективы. Характерна в этом отношении информация, содержащаяся в «Блокноте агитатора» за 1989 год: «Прогнозы, высказываемые в СССР и КНР о дальнейшем развитии двухсторонних торгово-экономических, научно-технических и культурных связей, вызывают оптимизм... Структура советско-китайской торговли говорит о ее взаимовыгодности. Примерно половину экспорта в СССР составляют машины и оборудование, прежде всего для энергетики и транспорта, а также нефтепродукты, прокат, древесина, удобрения. В свою очередь мы приобретаем в Китае необходимые нам руды цветных металлов, сотни тысяч автомобильных аккумуляторов, сою, кукурузу, мясопродукты, чай, товары народного потребления. Более перспективны новые формы сотрудничества. Например, переход к прямым связям между предприятиями, конструкторскими бюро, научно-исследовательскими институтами, создание совместных предприятий... Необходимо отметить, что характерной особенностью торгово-экономических связей между СССР и КНР в предстоящие годы должна стать их децентрализация... Существенно возрастут межрегиональное сотрудничество, связи между городами, приграничная торговля»¹.

Однако новые принципы экономического взаимодействия для российской стороны были совершенно непривычными². Как отмечает Л.А. Моисеева, на Дальнем Востоке были «особенности, которых не было в других регионах России», а именно: «Военно-политические цели государства определили отношение к Дальнему Востоку как к богатейшей природной кладовой, где развивали промышленность для нужд военно-промышленного комплекса. Строительство крупных военных заводов, чье производство обеспечивалось проектными и конструкторскими силами центральных городов и зависело от поставок комплектующих из других регионов, оторванность от экономически развитых и густонаселенных центральных районов, малый внутренний рынок, в связи с разорванностью связей между субъектами РФ на Дальнем Востоке, недостаток

¹ Терешкин П. Перспективы развития советско-китайских отношений // Блокнот агитатора. 1989. №21. С.40.

² Симптоматична в этом смысле статья начальника отдела внешнеэкономических связей Главного планово-экономического управления крайисполкома Ю.Полынцева «Эти спорные очевидные истины», датируемая 1989 годом. Подчеркивая, что «в нашей стране весьма ограниченные, особенно в качественном отношении, внешнеэкономические связи десятилетиями сосредоточивали в своих руках несколько центральных ведомств», а «наиболее масштабные преобразования начались лишь в апреле текущего года», автор находит для сложившегося положения дел яркое сравнение: «Мы сегодня похожи на практиканта-медика, которого впервые поставили к операционному столу и сказали: действуй!» (Полынцев Ю. Эти спорные очевидные истины // Тихоокеанская звезда. 1989. № 43. С.8).

капиталов, господство психологии «временного человека», недостаток рабочих рук – все это сделало Дальний Восток проблемным регионом для формирования предпринимательства»¹. Все вышперечисленные проблемные факторы оказали непосредственное влияние на развитие российско-китайского сотрудничества во всех сферах.

Либерализацию внешнеэкономической сферы в СССР непосредственно ощутили местные органы власти. С 1989 г. центр начал предоставлять определенные внешнеэкономические льготы и преференции регионам. Так, принятое 02.12.1988 постановление Совета Министров СССР «О дальнейшем развитии внешнеэкономической деятельности государственных, кооперативных и иных общественных предприятий, объединений и организаций»² предоставляло с 1.04.1989 г. всем вышеназванным типам предприятий право непосредственного осуществления экспортно-импортных операций. Внешняя торговля явилась «своеобразным и практически единственным источником, использование которого позволило частично компенсировать негативные последствия имеющих место кризисных явлений в экономике. В условиях сокращения объемов промышленного производства в регионе, нарастающей проблемы «неплатежей», роста затрат на производство продукции едва ли не решающую роль в усилении внешнеторговой ориентации Дальнего Востока стал играть фактор экономического расстояния, что обусловлено стремительным ростом транспортных тарифов»³. В целом, в 1988-1990-е гг. объем приграничной торговли провинции Хэйлунцзян с советским Дальним Востоком оценивался в 1,5 млрд. швейц.фр., или в 27,2% общего объема торговли провинции. Число участников прямых связей с Китаем за 1989-1990 гг. увеличилось с 35 до 64⁴.

2 октября 1990 г. было подписано межправительственное соглашение, в соответствии с которым с 1991 г. обе стороны отказывались от системы расчетов по согласованным ценам и переходили к расчетам в свободно конвертируемой валюте по ценам мирового рынка; допускались и бартерные операции. В 1992 г. на долю дальневосточного региона уже приходилось 17% в торговле России со странами АТР, а в случае с Японией, Китаем и Республикой Кореей этот показатель достиг соответственно 26, 27 и 32%⁵. Более подробно доля Китая в товарообороте юга российского Дальнего Востока в 1990-е гг. показана в табл. 5.

¹ Моисеева Л.А., Ващук А.С. Указ.соч. С.316.

² Постановление Совмина СССР от 02.12.1988 N 1405 «О дальнейшем развитии внешнеэкономической деятельности государственных, кооперативных и иных общественных предприятий, объединений и организаций». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=1571#09757551496124226> (дата обращения 13.02.2020).

³ Экономическое развитие и международное сотрудничество в Северо-Восточной Азии. Владивосток, 2001. С.67.

⁴ Вардомский Л. Внешнеэкономические связи и развитие регионов // Внешняя торговля. 1991. №7. С.20.

⁵ Моисеева Л.А., Ващук А.С. Указ. соч. С.264.

Доля Китая во внешнеторговом обороте Юга Дальнего Востока, %

Год	Хабаровский край	Приморский край	Амурская область	Еврейская автономная область
1992	23,0	45,7	89,4	94,6
1993	44,8	35,2	91,9	73,2
1994	10,0	13,9	44,4	56,0
1995	9,3	12,5	38,9	21,4
1996	45,1	12,6	59,7	42,9
1997	15,3	16,4	56,4	42,9
1998	56,0	17,2	53,7	45,1
1999	24,5	19,8	72,3	53,9
2000	40,7	27,4	81,8	46,2

Таблица приведена по: Клыков А.А. Китайский фактор регионального развития дальневосточных субъектов РФ: дис... канд.геогр. наук. СПб., 2007. С.122.

Различные субъекты дальневосточного региона находились в неравных социально-экономических условиях. В наиболее привилегированном положении по сравнению с другими дальневосточными субъектами РФ находилось Приморье, получившее в 1990-е гг. широкие возможности для организации свободных экономических обменов с соседними странами Северо-Восточной Азии. В 1992 г. внешнеторговый оборот края приблизился к 1 млрд. долл., к 1997 г. оборот достиг 2 млрд. долл. В результате доля Приморского края во внешнеторговом обороте Дальнего Востока достигла 36,5 %. Для Хабаровского же края основным экспортным рынком оставалась Япония (50%), Китай занимал вторую позицию по экспорту (в 1993 г. – 31,3%), однако в импорте был лидером (в 1993 г. – 64,4%); это было обусловлено устойчивым спросом на дешевые потребительские товары. Амурская область и ЕАО, «обладая выгодным приграничным положением, но не имея достаточно диверсифицированной экономики (как Приморский и Хабаровский края), не смогли сохранить благоприятные тенденции в начальной стадии приграничного сотрудничества на перспективу¹.

В 1993 г. доля Дальнего Востока в товарообороте России с Китаем составила около 22%, в т.ч. по экспорту – 20%, по импорту – около 25%. Основными факторами развития взаимной торговли были: 1) наличие на российском Дальнем Востоке природных ресурсов; 2) возможность импорта из Китая дефицитных для Дальнего Востока товаров; 3) возможность экспорта в Китай товаров, как производимых на Дальнем Востоке, так и ввозимых из других регионов РФ (машины и оборудование, удобрения, прокат черных металлов и т.д.)². При этом, в 1992-1998 гг. 80% российско-

¹ Клыков А.А. Китайский фактор регионального развития дальневосточных субъектов РФ: дис... канд. геогр. наук. СПб., 2007. С.78, 127, 131.

² Адмидин А.Г., Деваева Е.И. Экономическое сотрудничество российского Дальнего Востока со странами Северо-Восточной Азии // Проблемы Дальнего Востока. 1998. №6. С.71-72.

китайской приграничной торговли приходилось на прямые связи между региональными предприятиями и организациями, и всего 20% – на специализированные внешнеторговые объединения по межправительственным протоколам и соглашениям¹. Мобильное сотрудничество двух народов расширялось: так, в Амурской области к 1993 г. общее количество российских предприятий и организаций, занимавшихся экспортно-импортными операциями, достигло 900, удвоившись по сравнению с 1992 г.²

Объемы межгосударственной и межрегиональной торговли между Россией и Китаем в 1990-е гг. показаны в табл. 6:

Таблица 6

Динамика торговли между РФ и КНР и приграничной торговли между РФ и Северо-Восточным Китаем в 1990-е гг. (в дес. тыс. долл.)

Годы	Объемы экспорта и импорта в целом	В том числе		В т.ч. объемы приграничной торговли (экспорт и импорт)
		Экспорт	Импорт	
1991	390 425	182 338	208 087	132 425
1992	586 240	233 632	352 608	219 420
1993	767 966	269 175	498 791	299 676
1994	507 599	158 079	349 520	257 400
1995	546 332	166 468	379 864	201 100
1996	684 612	169 276	515 336	238 000
1997	612 000	204 300	408 200	265 000
1998	548 000	184 000	364 000	287 000
1999	572 000	149 700	422 300	336 000
2000	800 316	223 327	576 989	482 000

Чи Цинлин. Бяньцзин маои юй цзинци фачжань – Дунбэй дицюй дуй Э (Су) бяньцзин маои юй цюйюй цинци фачжань яньцзю (Приграничная торговля и развитие экономики - исследование развития региональной экономики и приграничной торговли Северо-Восточного Китая с Россией (СССР): дис.... докт. экон. наук. Пекин, 2001. С.27, 30, 31.

В экономических условиях конца 1980-х – начала 1990-х гг., когда централизованное обеспечение регионов Дальнего Востока продовольственными и материальными ресурсами испытывало серьезные сбои, наиболее распространенной и демократичной формой приграничных контактов стали прямые товарообменные операции. За 1988-1991 гг. доля бартерных сделок в общем экспорте только по Амурской области увеличилась с 5,2% до 67%. Товарообменных операций было произведено на сумму 827,4 млн. руб.³. Среди причин такой стремительно возросшей популярности бартерных сделок было: отсутствие проработанной системы денежных расчетов, нехватка свободно конвертируемой валюты как в России, так и в Китае; инициатива китайских компаний в такого рода сделках: они практически отказались от закупки больших партий российских товаров в рамках межправительственного протокола и стали приобретать эти товары по бартеру,

¹ Черемисин В.Ю. Экономические и социально-демографические аспекты взаимодействия России и Китая // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск, 2002. Вып.4. С.162.

² ГААО. Ф.Р-2286. Оп.1. Д.154. Л.8.

³ Государственный архив Амурской области (далее - ГААО). Ф.Р-2251. Оп.1. Д.56. Л.48.

предлагая в обмен традиционные товары китайского экспорта (продовольственные и непродовольственные товары потребительского спроса), на которые в условиях товарного дефицита и падения платежеспособности населения существовал устойчивый спрос¹.

Новые экономические отношения требовали правового закрепления; за отсутствием такового этот процесс фактически оказался возложен на региональные власти. Большинство появившихся в начале 1990-х гг. документов о межрегиональном сотрудничестве представляли собой «протоколы о намерениях» или рамочные соглашения, формально определявшие сферы будущего сотрудничества. В 1991 г. руководители провинции Хэйлунцзян предложили создать постоянную координационную комиссию РСФСР и провинции Хэйлунцзян с включением в нее представителей краев и областей Дальнего Востока в целях долгосрочного планирования сотрудничества и оказания содействия в реализации совместных проектов, а также создать представительства провинции в Москве, Новосибирске, Хабаровске, Владивостоке, Благовещенске и Биробиджане, а советское – в Харбине. В 1992 г. администрация Приморья обратилась к руководству провинций Северо-Восточного Китая с предложением создать постоянно действующий координационный совет между Дальним Востоком России и Северо-Восточным Китаем и обратилась за поддержкой к российскому правительству (предложение, впрочем, реализовано не было). В сентябре 1992 г. было зарегистрировано представительство народного правительства города Суйфэньхэ в Находке, несколько позднее – во Владивостоке. 7 января 1993 г. был подписан договор об открытии представительства по трудовым делам и внешнеэкономическим связям провинции Хэйлунцзян во Владивостоке (однако дальнейшей информации о деятельности этих структур не поступало)².

Как отмечает в своем исследовании В.Л. Ларин, «пионером и всех превзошедшим рекордсменом по количеству договоров между территориями стали амурчане». 2 июня 1991 г. между администрациями провинции Хэйлунцзян и Амурской областью было подписано «Соглашение о развитии и укреплении торгово-экономических, хозяйственных и культурных отношений между Амурской областью и провинцией Хэйлунцзян». Затем последовала серия из 13-ти разнообразных соглашений с округом Хэйхэ. При этом из 80 мероприятий, предусмотренных различными соглашениями Амурской области с соседними территориями провинции Хэйлунцзян, за июнь 1991-январь 1995 г. было выполнено лишь 26. Из 17-ти соглашений реализованными можно было считать лишь шесть³.

В декабре 1992 г. Хабаровский край заключил соглашение о долгосрочном сотрудничестве с провинцией Ляонин. Целью его было обозначено развитие кооперации в экономической сфере,

¹ Черемисин В.Ю. Указ.соч. С.162-163.

² Ларин В.Л. Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80-е годы XX - начало XXI в.). М., 2005. С.155.

³ Там же. С.152, 154.

а приоритетными направлениями были названы машиностроение, радиоэлектроника, разработка рудных месторождений, металлургия, совместная деятельность в лесной отрасли, производство строительных материалов, сельское хозяйство¹.

На межгосударственном уровне важным регулятором сферы внешнеэкономических связей регионов Сибири и Дальнего Востока стал Федеральный закон «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности», принятый Государственной Думой 7 июля 1995 г. Согласно статье 8 данного закона, Дальний Восток получил право в пределах своей компетенции осуществлять внешнеторговую деятельность на своей территории в соответствии с законодательством Российской Федерации, осуществлять координацию и контроль за внешнеторговой деятельностью российских и иностранных лиц, осуществлять формирование и реализацию региональных программ внешнеторговой деятельности². Принятый в июле 1995 г. Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации» также имел большое значение для правового регулирования внешнеэкономических связей Дальнего Востока. Международный договор стал основным инструментом международного сотрудничества, при помощи которого действующие лица на международной сцене могли оформлять свои договоренности. Два его положения имели особое значение для экономического развития Дальнего Востока: 1) предложения о заключении международных договоров до их представления Президенту или в Правительство РФ согласовываются с органами государственной власти соответствующих субъектов РФ (п.5, ст.9); 2) на органы государственной власти соответствующих субъектов РФ возложена обязанность обеспечения в пределах их полномочий выполнения международных договоров РФ (п.3, ст.32)³. Речь идет об организационных, финансовых и материальных мерах, ориентации региональных органов и хозяйствующих субъектов, последовательной реализации международных обязательств и т.д.

16 января 1999 г. вступил в силу Федеральный закон «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов РФ», который определил сферы (торгово-экономическая, гуманитарная, культурная) и содержание международной деятельности регионов, круг их потенциальных зарубежных партнеров (субъекты и административно-территориальные образования иностранных государств, в особо оговоренных случаях – органы их государственной власти, а также международные организации), порядок согласования региональных соглашений с МИД России. В целях повышения эффективности управления указывалась необходимость проведения мониторинга на площадках, представляющих различные географические, социальные, отраслевые, ад-

¹ Россия и Китай: четыре века взаимодействия: история, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений. М., 2013. С.490.

² Федеральный закон от 13 октября 1995 г. N 157-ФЗ "О государственном регулировании внешнеторговой деятельности". URL: <http://base.garant.ru/10164409/#ixzz6CI8XCUNf> (дата обращения: 21.09.2018)

³ Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации» от 15.07.1995 N 101-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7258/ (дата обращения: 15.10.2018)

министративные и пр., социально-экономические конгломераты, статистически репрезентативные в с точки зрения возможного влияния реализации инвестиционных проектов на социально-трудовую, экономическую, политическую сферы¹.

Фактически в 1990-е гг. именно на региональные власти РФ легла главная забота об экономическом выживании региона. Москва при этом воспринималась как место, куда утекают богатства региона, как фактор замедления регионального развития и ограничения региональных контактов с азиатскими соседями². И межрегиональные связи с приграничными территориями КНР стали одним из способов обеспечения населения необходимыми товарами. Характерной особенностью российско-китайского внешнеэкономического сотрудничества в последнее десятилетие XX века стала «вольная или невольная минимизация централизованной межправительственной торговли Россией, что в принципе можно рассматривать как рецессионно-кризисный фактор, одно из негативных проявлений чрезмерного дерегулирования государством всей экономики РФ в переходный период. Торгово-экономические отношения между РФ и КНР развиваются главным образом за счет межрегиональной, приграничной, «челночной» и других форм децентрализованной торговли, на которую во второй половине 90-х годов в среднем приходилось не менее 80% взаимного товарооборота»³. Подходы к выстраиванию приграничного сотрудничества в Китае и России значительно расходились: в отличие от России в Китае с 1990-х гг. действовала система преференций, делегируемых некоторым территориям в связи с их приграничным положением. Эту ситуацию можно рассмотреть на примере сотрудничества китайского города Хэйхэ и российского города Благовещенска Так, 9 марта 1992 г. городскому округу Хэйхэ был присвоен статус «открытого приграничного города». Эта мера включала создание зоны приграничного экономического сотрудничества, открытие большего числа таможен (увеличение пропускной способности на границе) и учреждение приграничной торговой зоны.

Китай примыкает к России своими наименее развитыми районами, поэтому приграничная торговля с российской стороной рассматривалась как «фактор экономического подъема» Китаем своих территорий. С российской стороны специальные институты приграничного сотрудничества фактически отсутствовали. Именно с этим эксперты связывают продолжительное доминирование такого экономического формата как «челночная» торговля (или, в китайском варианте,

¹ Государственный архив Приморского края (далее - ГАПК). Ф.Р-1694. Оп.1. Д.750. Л.148; Федеральный закон от 4 января 1999 г. N 4-ФЗ «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов РФ». URL: <http://base.garant.ru/179963/> (дата обращения: 09.10.2018)

² Stefan J. The Russian Far East. Stanford, 1994. P.P.331-332.

³ Карлусов В. Внешнеэкономические связи России и Китая: баланс интересов и совершенствование механизма организации // Проблемы Дальнего Востока. 1999. № 3. С.53.

«народная» торговля)¹. Китайские исследователи отмечали, что «методы торговли между Хэйхэ и Амурской областью не отвечают современным требованиям, а структура импорта и экспорта товаров оставляет желать лучшего, преобладает мелкая торговля и частная торговля. Масштабы внешней торговли Хэйхэ и Амурской области составляют лишь около 7% от общего объема провинции Хэйлуцзян, партнеры не создали благоприятных условий для выхода действующих предприятий в другие регионы. Это привело к тому, что торговый рынок Хэйхэ-Благовещенск очень узок»². При этом уже в начале 1990-х гг. высказывались рекомендации перейти на следующий этап приграничных отношений, который бы качественно отличался новыми видами хозяйственного партнерства и предполагал производственную кооперацию, инвестиционное сотрудничество, а также создание производственных совместных предприятий³.

Тем не менее, Хэйхэ продемонстрировал существенно лучшую динамику большинства проанализированных социально-экономических показателей, нежели Благовещенск. Не последнюю роль в этом играло наличие специальных институтов открытости (и особенно, ПТЗ – приграничных торговых зон)⁴. За 20 лет сотрудничества (1990-2011) из Хэйхэ в Россию поступило иностранных инвестиций на общую сумму 300 млн. долл., из них абсолютное большинство было вложено китайскими инвесторами – 260 млн. долл., остальные иностранные инвестиции составили 40 млн. долл.⁵. Во взаимодействии с российскими приграничными регионами Хэйхэ имеет 5 преимуществ: выгодное географическое положение (на границе с Россией и рядом с Благовещенском), выгодное положение как порта (пропускная способность Хэйхэского порта составляет 1,2 млн. т, таможи – 1,5 млн. приграничных перемещений), торговое преимущество (в объемах товарооборота), кластерное преимущество (в 1992 г. на государственном уровне был утвержден проект о создании свободной зоны в Хэйхэ), преимущество в кадрах (с начала 1990-х гг., в Хэйхэ

¹ Михайлова Е.В. Роль трансграничного территориального образования Благовещенск-Хэйхэ в российско-китайском приграничном сотрудничестве // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы III международной научно-практической конференции (Благовещенск — Хэйхэ — Харбин, 15-20 мая 2013 г.). Вып.3. Благовещенск, 2013. С.299.

² Лю Цюаньшунь. Хэйхэ ши юй Э Амурэ чжоу цзинци хэцзо фачжань гайкуан цзи дуйцэ цзяньи (Обзор развития экономического сотрудничества Амурской области (Россия) и г. Хэйхэ и предложения по корректирующей стратегии) // Сиболия яньцзю. 2007. №2. С.30-31.

³ ГААО. Ф.Р-2286. Оп.1. Д.154. Л.5.

⁴ Рыжова Н.П. Роль приграничного сотрудничества в развитии окраинных городов Китая и России // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 4. С.73.

⁵ Как патетически декларировала китайская сторона, «фактически, за это двадцатилетие экономические системы примыкающих к границе городов стали настолько тесно связаны, что не могут выжить друг без друга» (Дин Хуэйюй. Гуаньюй Хэйхэ ши дуй Э цзинци цзишу хэцзо цинкуан дэ дяоча (Изучение ситуации в сфере технико-экономического сотрудничества Хэйхэ и России) // Элосы Чжунъя Дуньюу шичан. 2011. №12. С.25).

формируется прослойка людей, хорошо ориентирующихся в бизнесе с Россией, знающих русский язык; Хэйхэский университет стал лидером в Китае по количеству студентов, изучающих русский язык)¹.

Если до 1987 г. население Хэйхэ не превышало 70 тыс. чел., инфраструктура была неразвита, отрасль строительства практически отсутствовала, уровень сферы услуг был чрезвычайно низким, то с началом приграничной торговли Хэйхэ стал оживленным городом, привлекающим внимание предпринимателей всего Китая. К 1993 г. в Хэйхэ уже функционировали 4183 кафе, более 2000 разного рода магазинов, более 40 гостиниц, способных одновременно принять и разместить 25 700 чел. Начали открываться компании такси, к 1993 г. в Хэйхэ уже было более 650 машин такси. Хэйхэ стал сосредоточением товаров, миграционных и информационных потоков, точкой притяжения технологий и капиталов. Ежегодно сумма поступлений от приграничной торговли составляла более 200 млн. юаней, от туристической отрасли – более 6 млн. юаней. В 1992 г. местные поступления в бюджет впервые превысили 100 млн. юаней (было собрано 166,5 млн. юаней различных налогов). В 1993 г. таможня Хэйхэ собрала различных налогов и сборов около 300 млн. юаней². Местный партийный комитет неоднократно через СМИ призывал китайских предпринимателей приезжать в Хэйхэ: «Если вы хотите разбогатеть, приезжайте в Хэйхэ! Если вы хотите реализовать все свои возможности, приезжайте в Хэйхэ!». В кратчайшие сроки по заказу местного парткома и администрации города, были разработаны и опубликованы следующие рекламные материалы: «Город Хэйхэ: общее описание», «Выбор политики открытого города Хэйхэ», «Руководство для предпринимателей в Хэйхэ», «Хэйхэ – приграничный открытый город Китая» и др. Постоянная реклама повысила популярность Хэйхэ. Партийный комитет Хэйхэ, Управление провинции Хэйлунцзян организовывали поиск предпринимателей, в Пекине, Харбине, в юго-восточных и центральных районах Китая устраивали специальные семинары и конференции по привлечению предпринимателей из числа континентальных китайцев и эмигрантов-хуацяо. Благодаря этой работе в Хэйхэ быстро начали стекаться инвестиции: только за два года, 1992-1993 гг., в Хэйхэ был реализован 1781 инвестиционный проект на общую сумму 2,8 млрд. юаней³.

¹ Дин Юй, Дин Хуэйюй. Хэйлунцзян шэн яньбянь кайфандай юй Элосы цюйюй хэцзо дэ юши (Преимущества сотрудничества российских регионов с «приграничным поясом открытости» провинции Хэйлунцзян – на примере приграничного открытого города Хэйхэ) // Элосы Чжунъя Дуньюу шичан. 2011. №2. С.36.

² Линь Шэнчжун. Шилунь Чжунго (Хэйхэ) юй Элосы (Амуэрчжоу) куа го жэнькоу людун сяньчжуан цзи фачжань цюйсян (О современном состоянии и тенденциях трансграничных перемещений населения между Хэйхэ (КНР) и Амурской областью (Россия) // Жэнькоу юй цзинци. 1995. №2. С.41.

³ Лю Шаоюй. Дуй Хэйхэ ши дуйвай кайфан гунцзо дэ хуэйгу юй чжаньван (Ретроспектива и перспективы работы по открытию города Хэйхэ внешнему миру) / Цзян Ян, Сюй Чжияо, Лю Дэчзюнь, У Инцзе, Цзи Айлин // Хэйхэ сюэкань. 1994. №1. С.23.

Что же касается российских территорий, то, в целом, по оценке экспертов, потенциал приграничного положения для экономического и социального развития дальневосточного региона использовался не в полной мере: «в конце 1990-х – начале 2000-х гг. были упущены многие возможности развития приграничных связей, но и утеряны достигнутые ранее позиции: «в первую очередь это относится к обслуживанию товарооборота между РФ и КНР и выполнению регионом посреднической роли в развитии международной торговли. Фактически не задействован потенциал производственной кооперации для проникновения на китайский рынок и развития импортозамещения, в неполной мере используются возможности иностранной рабочей силы. Слабо привлекается иностранный капитал, медленно формируется инфраструктура для развития въездного туризма... Ни управленческими структурами, ни предпринимательскими кругами не было сделано достаточных усилий для завоевания места на рынке крупномасштабных внешнеторговых операций»¹. Из-за несоответствия между китайской и российской системами управления трудовыми ресурсами, непоследовательной системы управления трудовыми отношениями между Китаем и Россией многие иностранные (в том числе китайские) трудовые предприятия или частные лица в г. Хэйхэ не регистрировались в коммерческих департаментах, тем самым нарушая правила².

Российский исследователь С.А. Иванов считает, что «российский полюс системы приграничного сотрудничества рассчитан на максимальный контроль трансграничных потоков из Центра и не предполагает использования международных связей в качестве существенного драйвера региональной экономики»³. Китайский же полюс рассматривается как средство регионального развития, так что правительства на местах имеют широкий спектр полномочий в этой сфере. В конечном же счете зависимость развития русских приграничных территорий от «китайского фактора» куда сильнее, чем развитие приграничных регионов Северо-Востока Китая – от взаимодействия с Дальним Востоком России⁴. И, как и сто лет назад, любое административное ограничение предпринимательской деятельности китайцев ухудшало ситуацию на рынке и отрицательно влияло на материальное положение россиян в приграничье⁵.

¹ Дьяченко В.Н., Понкратова Л.А. Использование потенциала приграничного положения в социально-экономическом развитии Амурской области // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып.6. Благовещенск, 2003. С.335.

² Дин Хуэйюй. Гуаньюй Хэйхэ ши дуй Э цзинци цзишу хэцзо цингуан дэ дяоча (Изучение ситуации в сфере технико-экономического сотрудничества Хэйхэ и России) // Элосы Чжунъя Дуньюу шичан. 2011. №12. С.27.

³ Иванов С.А. Деятельность субнациональных правительств в приграничном сотрудничестве России и Китая // Россия и АТР. 2011. № 2. С.145.

⁴ Иванова Е.Г., Костюкова О.И. Проблемы российско-китайского приграничного сотрудничества: взгляд из России и Китая // Инновационное развитие экономики. 2016. № 2(32). С.226.

⁵ Сатаев А.Г. Китайская миграция на российский Дальний Восток: причины, масштабы и последствия явления: политический и социально-экономический аспекты: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Владивосток, 2009. С.23-24.

С теоретической точки зрения было очевидно, что активное развитие приграничной торговли может дать толчок для развития прилегающих территорий сопредельных государств. Приграничная торговля, как один из видов малого и среднего предпринимательства, могла бы существенно стимулировать развитие российской дальневосточной экономики, создать предпосылки для ее расширения и совершенствования.

На практике же сложилась иная социально-экономическая ситуация. Реальное развитие российско-китайских отношений отличалось от того плана действий, который был определен в первой половине 1990-х договаривающимися сторонами. Когда во второй половине 1990-х гг. главные направления взаимодействия были определены, отношения стран развивались преимущественно «в сторону односторонней «взаимодополняемости», а именно развития тех направлений сотрудничества, которые восполняли недостающие компоненты экономики КНР для ее полноценного прогресса». Выгоды же российской стороны носили лишь краткосрочный характер и на развитие экономики РФ значительного влияния не оказывали. В 1998 г. Китай не вошел в пятерку основных иностранных инвесторов на российский Дальний Восток (основными инвесторами стали: Соединенные Штаты Америки, Великобритания, Республика Корея, Швейцария, Япония и Кипр)¹.

После подъема начала 1990-х гг., как в российско-китайской межгосударственной торговле, так и в межрегиональной торговле между Дальним Востоком и КНР происходит спад: в 1994 г. российский дальневосточный экспорт в Китай составил 156,0 млн. долл. (в 1993 г. – 611,5 млн. долл.), импорт – 94,6 млн. долл. (в 1993 г. – 578,8 млн. долл.). В результате доля реэкспорта в 1994 г. сократилась по сравнению с 1992 г. с 203% до 3%. С другой стороны, произошло падение экспортных цен на товары, составляющих основу экспорта Дальнего Востока, что явилось «реакцией внешних рынков на резкое наращивание физического объема экспорта вследствие либерализации внешнеторговой деятельности и падения внутреннего спроса на эти товары. Наряду с этим ухудшение таможенных условий, и прежде всего для импорта, обусловило резкое падение как физического, так и стоимостного его объема»².

При этом товарная структура экспорта оказалась привязана к традиционным сырьевым ресурсам: после 1994 г. 85% объема экспорта приходился на топливо, металлы, лес и рыбную продукцию. Фактически дальневосточные предприниматели дублировали привычные (но непродуктивные) экономические схемы ещё советского периода, описанные, например, в статье 1988 года: «Ориентация Дальневосточного экономического региона на максимальное, безоглядное использование рыбных, минеральных и лесных ресурсов долгое время поддерживала иллюзию возможности

¹ Админин А.Г. Предприятия с иностранными инвестициями на Дальнем Востоке / Институт экон. исслед. ДВО РАН. Хабаровск, 1998. С.23.

² Экономическое развитие и международное сотрудничество в Северо-Восточной Азии. Владивосток, 2001. С.68-69.

эффективно решения валютной проблемы за счет усиленного роста сырьевых отраслей. При этом не учитывались в должной мере закономерности развития экономики самого Дальневосточного региона, мирохозяйственных связей. В результате промышленность края оказалась как бы оторванной от нужд региона: значительная часть машиностроительной продукции идет в европейскую часть страны, а оттуда поступает встречный поток техники для местных нужд. Инфраструктура, в том числе ее социальные компоненты, шли вслед за специфическими потребностями сырьевых отраслей, определялись не нуждами комплексного освоения края и его заселения, а задачами скорейшего освоения запасов сырья, максимизации экспортного «вала»¹.

В 1995 г. доля КНР в объеме экспорта и импорта Дальнего Востока снизилась по сравнению с 1993 г. на 26% и 39% соответственно. В 1997 г. произошел очередной спад: внешнеторговый оборот между Дальним Востоком и КНР сократился до 620 млн. долл. (в 1996 г. – 926 млн. долл.). В результате, удельный вес Китая во внешнеторговом обороте Дальнего Востока в 1997 г. составил лишь 12%, в т.ч. в экспорте – 11,5% и в импорте 12,2%. Причинами снижения объемов взаимной торговли были: возрастание заводских цен на экспортную российскую продукцию, транспортные издержки, узкая номенклатура дальневосточного экспорта в Китай, насыщение дальневосточного рынка китайскими товарами невысокого качества, ценовая и неценовая конкуренция со стороны импортных товаров из других стран². К концу 1998 г. в пров. Хэйлунцзян приграничной торговлей с российским Дальним Востоком занимались более 600 предприятий, что стало самым высоким количественным показателем среди всех приграничных китайских провинций³.

П.А. Минакир полагает, что и в советский, и в постсоветский период ведущую роль в отношениях с Китаем играли политические соображения, расширение же торгово-экономических отношений было лишь инструментом укрепления политического сотрудничества. В результате «у РФ отсутствовала собственная комплексная государственная стратегия развития экономических отношений с Китаем на приграничных территориях. В этих условиях децентрализация внешней торговли в 1990-е гг. привела к практически полной потере централизованного государственного

¹ Иванов В.И., Минакир П.А. О роли внешнеэкономических связей в развитии тихоокеанских районов СССР // Мировая экономика и международные отношения. 1988. №5. С.62. Тогда же подчеркивалась необходимость превращения Дальневосточного хозяйственного комплекса в систему с элементами «двойной интеграции»: «Важно, чтобы он [дальневосточный регион] органически входил в общенациональную экономику, а также органически вписывался в систему международного разделения труда. Только в этом случае, очевидно, появятся возможности, во-первых, превратить Дальний Восток в район, не уступающий в своем развитии общесоюзным социально-экономическим стандартам, и, во-вторых, создать здесь внешнеэкономическую и научно-техническую «контактную зону». На этой основе можно преодолеть всё ещё применяемую на практике концепцию экспортной, а точнее экспортно-сырьевой специализации Дальнего Востока» (Там же. С.63).

²Адмидин А.Г., Деваева Е.И. Экономическое сотрудничество российского Дальнего Востока со странами Северо-Восточной Азии // Проблемы Дальнего Востока. 1998. №6. С.73.

³ У Шуся. Хэйлунцзян шэн бяньцзин маои сяньчжуан, вэньти цзи дуйцэ яньцзю (Исследование контрмер, проблем и современного состояния приграничной торговли провинции Хэйлунцзян): дис. ...магистра полит. наук. Харбин, 2002. С.10.

контроля за процессом развития двусторонних торгово-экономических отношений. Вместо общегосударственных интересов появилось четыре группы новых – интересы субъектов РФ, муниципальных органов, отдельных предприятий и граждан»¹. В результате этих процессов инициатива сотрудничества в экономике практически полностью перешла к китайской стороне. «Попытки восстановить баланс в отношениях не имели положительного результата, так как предпринимались бессистемно, без единой стратегической линии, учитывающей взаимозависимость отдельных секторов современной экономической системы Дальнего Востока и специфику развития взаимоотношений с сопредельными регионами КНР»². Даже на сегодняшний день (первая четверть XXI века – *Ч.Т.*), согласно мнению М. Александровой, «понятие о взаимодополняемости экономических комплексов приграничных территорий в настоящее время можно вывести из обихода, поскольку те виды сотрудничества, которые предлагает китайская сторона, ставят российские регионы на уровень «сырьевого придатка»³.

Российские исследователи выделяют следующие этапы российско-китайских межрегиональных отношений в 1990-е гг.:

– 1989-1994 гг. – стремительный и малорегулируемый государством рост двустороннего регионального товарообмена: в 1989 г. доля межрегионального взаимодействия составляла порядка 16% от суммарного товарооборота, в 1994 же году достигла 43%, Внешняя экономика России децентрализована, китайское же правительство берет эту сферу под строгий контроль, в 1992 г. утверждая Постановление №33 относительно различных льгот предприятиям, занимающимся приграничной торговлей, а также 14 документов о создании «пояса приграничной открытости». В 1993 г. – пик развития торговых отношений провинции Хэйлунцзян с российскими регионами (товарооборот достиг 1,89 млрд. долл. – 25% суммарной торговли КНР с РФ).

– 1994–1995 гг. – резкое снижение приграничного сотрудничества, ограничение бартерного обмена, попытки перехода к малоподготовленной банковскими структурами торговле с использованием валютных расчетов.

– 1996 г. – постановление Госсовета КНР о льготной политике в отношении приграничной торговли; выдача лицензий на ведение приграничной торговли, препятствующая деятельности неблагонадежных фирм; китайский лозунг «Качество товара – линия жизни приграничной торговли».

¹ Минакир П.А. Россия – Китай на Дальнем Востоке: мнимые страхи и реальные угрозы // *Пространственная экономика*. 2009. № 3. С.9.

² Там же.

³ Александрова М.В. Китай и Россия: особенности регионального экономического взаимодействия в период реформ: дис. ...канд. экон. наук. М., 2001. URL: <https://www.dissercat.com/content/kitai-i-rossiya-osobennosti-regionalnogo-ekonomicheskogo-vzaimodeistviya-v-period-reform> (дата обращения: 07.07.2018).

– С 1997 г. – возобновление роста товарооборота провинции Хэйлунцзян с Россией; принята стратегия «трех прорывов» в отношениях с Россией (в увеличении масштабов торговли, в расширении сфер экономического сотрудничества и в реализации крупных проектов), ориентированная на преодоление традиции малоуправляемой «челночной» торговли¹.

Действительно, межрегиональные отношения России и Китая развивались в нестабильных социально-экономических условиях, что обуславливало подъемы и спады в приграничном сотрудничестве, но стороны, действуя в своих интересах, стремились сохранить добрососедские отношения, при которых партнерство не прекращалось в периоды кризисов.

Как отмечают западные исследователи, развитие российско-китайских отношений в 1990-е гг. во многом базировалось на многочисленных политических заявлениях, а не на реальной социально-экономической практике. Одним из следствий неоднократно обговариваемых долгосрочных отношений должно было стать увеличение двусторонней торговли (до 20 млрд. долл. США к 2000 году), и к 1993 г. Китай, в самом деле, уже был вторым по величине торговым партнером России – только провинция Хэйлунцзян в 1993 г. экспортировала в Россию товаров на сумму более 2 млрд. долл.; Хабаровск получил 2/3 своего импорта из Китая (в 1993 г. почти половина внешней торговли Хабаровска велась с Китаем: 43,5%, или 302,5 млн. долл.), торговля соседствующих приграничных областей составляла около 80% всей торговли России с Китаем. Однако в целом стратегическое партнерство России и Китая оказалось отягощено противоречивыми обязательствами, обильной риторикой и слишком разнообразными, зачастую пересекающимися интересами; эти отношения «по своей природе намеренно расплывчаты», отмечает исследователь – в результате экономические отношения двух стран «оставались нестабильными и ограниченными»².

Руководство КНР не придавало определяющего значения дальневосточным территориям России в контексте перспектив региональной интеграции в Северо-Восточной Азии. «Дальний Восток в силу ограниченной емкости местного потребительского рынка и недостаточной обеспеченности товарными ресурсами не в состоянии оказать решающего воздействия на процесс структурной перестройки экономики Северо-Восточного Китая, и в этом смысле, не является подходящим для данного китайского региона экономическим партнером»³. Несмотря на дружеские жесты Москвы в отношении Китая, в 1990-е гг. российско-китайская приграничная торговля

¹Александрова М.В. 20 лет российско-китайского межрегионального и приграничного сотрудничества // «Перспективы. Электронный журнал». Центр исследований и аналитики Фонда исторической перспективы. URL: http://www.perspektivy.info/history/20_let_rossijsko-kitajskogo_mezhregionalnogo_i_prigranichnogo_sotrudnichestva_2009-03-06.htm (дата обращения: 13.01.2018)

²Anderson J. The Limits of Sino-Russian Strategic Partnership. London, 1997. P.34, 79-80.

³ Попова Л.В. Указ. соч.

составляла не более 0,3% объема внешней торговли КНР. «На рубеже веков три проблемы в российско-китайских отношениях более всего волновали Пекин: “буксующие экономические отношения”, пограничное разграничение и неэффективные приграничные связи. Две последние концентрировались вдоль линии границы, первая также имела прямое отношение к приграничным территориям»¹. Подходы руководства КНР изменились лишь в конце 1990-х гг., когда была завершена демаркация международной границы и обозначилась значимость для КНР энергетических и лесных ресурсов Сибири и Дальнего Востока.

Итак, в условиях реформ 1990-х, российский Дальний Восток оказался в ситуации, когда ему была предоставлена свобода в экономической сфере и в обеспечении населения необходимыми товарами, но ни ресурсы, ни возможности для этого предоставлены не были. В условиях отдаленности от наиболее развитых регионов страны, увеличивающейся безработицы, тотального товарного дефицита, неудовлетворенного спроса на потребительские товары, в период социально-экономического кризиса и перестройки всей политической системы российский Дальний Восток и Северо-Восток Китая начинают активное взаимодействие. Для России такая модель отношений была способом социально-экономической поддержки региона, для Китая – продолжением реализуемой с 1978 г. экономической программы (вследствие этого КНР была готова к новой модели экономических отношений гораздо лучше России). Свобода торговли, конвертируемость валют, бартерные сделки стали характеристиками новых торгово-экономических отношений; возник феномен «народной» торговли. Однако, декларируемое как потенциально взаимовыгодное, на практике российско-китайское сотрудничество для экономически растущего Китая (ввиду недостаточного развития дальневосточной экономики и ее сырьевой направленности, вкуче с задачей КНР развивать свои северо-восточные провинции) было далеко не самым приоритетным направлением взаимодействия. Китайское предпринимательство на российском Дальнем Востоке формировалось и развивалось в условиях периферийности приграничных территорий обеих стран.

1.4 Правовое регулирование китайского предпринимательства на российском Дальнем Востоке

В процессе расширения межгосударственного взаимодействия между Россией и Китаем постепенно формировалась инфраструктура межрегиональных связей. Основой новых отношений должны были стать новые нормы права. Нормативно-правовая база регионального взаимодействия создавалась как на межгосударственном уровне (межгосударственные и региональные договоры и соглашения), так и каждой из сторон (нормативно-правовая база РФ и КНР).

¹ Россия и Китай: четыре века взаимодействия... С.470-471.

Межгосударственные соглашения, подписанные в 1990-е гг. и сформировавшие договорную базу регионального сотрудничества, представляют собой документы общего характера, которые определили условия двусторонних отношений и открыли тем самым возможности для участия регионов в межгосударственных проектах и конкретные соглашения, непосредственно регулировали вопросы регионального и приграничного взаимодействия.

Концептуальной же рамкой этой юридической базы для обеих стран был курс на углубление партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие (сама эта формулировка начала фигурировать в официальных документах с середины 1990-х гг.). В совместных декларациях, подписанных по итогам визита президента РФ Б.Н. Ельцина в Пекин в декабре 1992 г. и апреле 1996 г., стороны обещали предпринимать «необходимые меры для обменов между центральными и местными органами законодательной, судебной и исполнительной власти, общественными организациями», создавать «благоприятные условия для торговых связей... на основе прямых связей между регионами, в том числе приграничными, а также между предприятиями, организациями и предпринимателями», «прилагать совместные усилия к тому, чтобы такие связи и сотрудничество получали государственную поддержку и продолжали развиваться в здоровом и упорядоченном направлении»¹.

Такова была общая правовая установка. Число подкреплявших ее документов обширно. В декабре 1992 г. был подписан комплекс из 24-х межправительственных и межведомственных соглашений, часть из которых обозначала взаимную поддержку в области регионального сотрудничества: «О безвизовых групповых туристских поездках», «О культурном сотрудничестве» и др. По замечанию В.Л. Ларина, «каждый визит на уровне глав государств или глав правительств сопровождался появлением новых договоров и соглашений»². Среди них «Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о принципах направления и приёма китайских граждан на работу на предприятиях, в объединениях и организациях России» (1992), «О сотрудничестве в области туризма» (1993), «О пунктах пропуска на российско-китайской государственной границе» (1994), «О сотрудничестве и взаимной помощи в таможенных делах» (1994), «О безвизовых групповых туристических поездках» (2000) и др.

Что касается документов, имеющих непосредственное отношение к предпринимательской деятельности, в октябре 1995 г. был принят закон «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности» (поправки в него вносились в 1997 и 1999 гг.)³. Ст. 22 закона ограничивала

¹ Сборник российско-китайских договоров. 1949–1999. М., 1999. С.151–152, 333.

² Ларин В.Л. Российско-китайские отношения в региональных измерениях ... С.65.

³ Федеральный закон от 13 октября 1995 г. N 157-ФЗ «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности». URL: <http://base.garant.ru/10164409/#ixzz6C18XCUHf> (дата обращения: 15.01.2019)

ведение приграничной торговли приграничной территорией, кругом лиц, постоянно проживающих на этой территории, и товарами, производимыми на этой территории – при этом само понятие «приграничная торговля» в законе не было расшифровано, не были определены и административные единицы, считавшиеся приграничными. Наконец, 26 февраля 1999 г. на заседании Совета глав правительств государств-участников Таможенного Союза было подписано соглашение «Об основных принципах приграничного сотрудничества государств-участников договора об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях».

Однако, несмотря на многочисленность, принимаемые в этот период постановления «как бы падали в пустоту, с одной стороны, они оставались неизвестными не только многим непосредственным участникам приграничных связей, но и местным властям», «не получали необходимого финансового и организационного подкрепления для реализации»¹. В 1990-е годы необходимые внутрироссийские законы, которые бы контролировали приграничные отношения на правовом уровне, находились в процессе формирования. Приграничные территории, практически не имеющие собственной производственной базы, выступали в роли посредников в торговле регионов обеих стран... Ни в Китае, ни в России не существовало четкого разграничения между межрегиональным и собственно приграничным сотрудничеством»². Исследователи констатируют правовую неотрегулированность российско-китайских отношений последнего десятилетия XX в.: межрегиональное и приграничное сотрудничество двух стран в 1990-е гг. развивалось без должного контроля и механизма регулирования двусторонних связей на региональном уровне, «отсутствие адекватной системы взаиморасчетов в приграничной торговле, страховых, арбитражных структур, информационного обеспечения коммерческой деятельности предприятий придавало приграничному взаимодействию двух сторон неорганизованный характер.

По мнению специалистов, причина нерешенности такого рода проблем заключалась в том, что деятельность федеральных органов законодательной и исполнительной власти была ограничена сферой макроэкономики и оставалась в стороне от положения дел «на местах»: «федеральные власти сосредоточили свое внимание на политических отношениях с КНР, на разработке «крупных проектов». Они вместе с китайской стороной декларировали целесообразность сотрудничества отдельных административно-территориальных образований, предприятий двух стран, но ровным счетом ничего не сделали для того, чтобы создать на микроуровне необходимые условия для плодотворного экономического взаимодействия хозяйствующих субъектов двух стран, для цивилизованной предпринимательской самодеятельности населения»³. Солидарную точку зре-

¹ Ларин В.Л. Российско-китайские отношения в региональных измерениях ... С.65.

² Попова Л.В. Указ. соч.

³ Гельбрас В.Г. Китайская реальность России. М., 2001. С.110.

ния находим в работах В.Л. Ларина: «Пожалуй, главное, чего не было сделано российской стороной до конца 90-х годов, – не проведено разграничение полномочий между федеральными и местными органами власти в вопросах региональной «внешней политики»¹.

Неотрегулированность правовых механизмов затрудняла естественное развитие предпринимательских отношений между двумя странами. Прежде всего, неорганизованной оставалась сфера, обеспечивавшая само существование этих отношений – миграционная политика в отношении граждан, прибывавших на Дальний Восток. Процесс формирования национальной миграционной стратегии в 1990-е гг. совпал с периодом трансформации и политической, и экономической системы России. В результате основным миграционным трендом 1990-х стал, с одной стороны, массовый возвратный отток населения в центральные районы страны, а с другой, растущий интерес со стороны стремительно развивающегося Китая.

Регулирование иммиграции и контроля в России было поручено целому ряду министерств и ведомств (Минфин, МВД, МИД, Федеральной пограничной службе). Каждое ведомство отвечало за отведенный ему президентом РФ и Федеральным Собранием участок работы в сфере иммиграционной политики. Ключевое положение в области регулирования иммиграционными потоками было отведено специальной государственной структуре с широкой сетью региональных органов – Федеральной миграционной службе (ФМС). Федеральная миграционная служба была создана 14 июня 1992 г. в соответствии с Указом Президента Российской Федерации «О Федеральной миграционной службе России» от 14.06.1992 г. Постановлением Правительства Российской Федерации от 1 марта 1993 г. было утверждено Положение о Федеральной миграционной службе России. Перед ФМС было поставлено две задачи: создание иммиграционного контроля и регулирование внешней трудовой миграции. Тогда же вступил в силу указ «О привлечении и использовании в РФ иностранной рабочей силы»², подтверждавший право трудовой деятельности на территории РФ для иностранных граждан при условии оформления в качестве иностранных работников.

Постоянное присутствие китайских мигрантов на российском Дальнем Востоке в 1990-е гг. было очевидно, причем разграничить в этой массе туристов от предпринимателей не представлялось возможным. Ключевая причина – трудности контроля китайских граждан, прибывавших в Россию. В частности, это было связано «с невозвращением в установленные сроки китайских туристов в КНР, а также нелегальной трудовой занятостью (прежде всего в торговой сфере) китайских граждан, въехавших по каналу безвизового туризма; времени пребывания по безвизо-

¹ Ларин В.Л. Российско-китайские отношения в региональных измерениях ... С.63.

² Указ Президента Российской Федерации от 16 декабря 1993 года № 2146 «О привлечении и использовании в Российской Федерации иностранной рабочей силы» // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. М., 1993. № 51. Ст. 4934.

вому туризму (6 месяцев, впоследствии 3 месяца) было вполне достаточно для решения различного рода предпринимательских задач»¹. А.Г. Ларин полагает, что нелегальные мигранты должны быть включены в общую совокупность китайских мигрантов, которая исчисляется экспертами в диапазоне от 200 до 500 тыс. чел. – цифра, по его мнению, неизбежно будет неточной, поскольку эксперты нередко основываются «на интуитивных визуальных оценках, не дающих, естественно, возможности отличать легальных мигрантов от нелегальных»². Как отмечает Е.Л. Мотрич, «объективных количественных данных китайского «присутствия» на Дальнем Востоке, как и в целом по России, нет, поскольку существует множество проблем по контролю за их передвижением»³.

Мигранты прибывали из Китая по рабочим, учебным, туристическим и коммерческим визам. Дальнейшее распределение по видам деятельности не всегда совпадало с обозначенным в документах. Об этом свидетельствуют в том числе докладные записки туристических фирм. Так, туристическая фирма «Любо» сообщала комитету по туризму Приморского края, «что за два дня до окончания срока действия приглашения номер 758, пограничниками была пропущена группа из КНР в количестве 40 человек, проследовавшая в неизвестном направлении. Данную группу представитель фирмы не встречал, так как о ее приезде китайской стороной сообщено не было». Командующий Тихоокеанским пограничным округом генерал-лейтенант В.Дедыч утверждал, что в крае отсутствует система организованного туризма: прибывающих туристов из Китая не встречают турфирмы с российской стороны, пограничники же не могут нарушить действующие правила и вынуждены пропускать туристов на территорию России. Правоохранительные органы отмечали резкий рост преступности, связанный с пребыванием в Приморье граждан из КНР: «внутренние» конфликты, мелкие хищения, браконьерство и контрабанда. Вице-губернатор Приморья В. Стегний считал, что, приняв решение о безвизовом въезде и сделав границу проницаемой, власти не учли, что население Приморского края около 2,5 млн.чел., население же соседней провинции Цзилинь примерно в 40 раз больше. Соответственно, поток туристов несопоставим с российским потоком в Китай. Более трети китайских туристов исчезает из поля зрения российских властей, проследить их передвижение невозможно⁴. В действительности же регистрироваться в отделениях миграционной службе должны были не все китайцы, въезжающие в Рос-

¹ Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке / под ред. А.П. Забияко. Благовещенск, 2009. С.55.

² Ларин А.Г. Китайские мигранты и российский правопорядок. Проблема ответственности // Китай в мировой и региональной политике. История и современность, 2009. №14. С.116.

³ Мотрич Е.Л. Китайцы на российском Дальнем Востоке: проблемы и перспективы // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск, 2002. С.327.

⁴ Братчикова В. У Китайской стены есть калитка в Приморье: [о вывозе из края ценного сырья и бесконтрольных туристах из Китая] // Российская газета. 1995. 21 июля.

сию (например, не регистрировались приехавшие в качестве туристов, а также по частным приглашениям и пр.). Однако, если эти категории лиц осуществляли деятельность, отличную от заявленной цели визита, они становились нелегальными мигрантами. Если же зарегистрировавшиеся в ФМС торговцы и пр. нарушали правила проживания (просрочив визу и т.п.), они также считались нелегалами¹.

29 декабря 1993 г. в Москве было заключено российско-китайское межправительственное соглашение о введении визового порядка въезда и пребывания граждан КНР в России². Теперь поток китайских мигрантов был дифференцирован в соответствии с обозначенными в их въездных визах целями: трудовая или коммерческая деятельность, учеба, обслуживание приграничной торговли, частное приглашение. В то же время двухстороннее соглашение от 18 декабря 1992 г. «О безвизовых групповых туристических поездках» оставалось в силе – и давало всем желающим альтернативную возможность безвизового въезда в Россию. Так приграничный туризм «стал главным каналом незаконной миграции на Дальнем Востоке»³. Уже в 1994 году владельцы и русских, и китайских турфирм организовывали массовый приезд в приграничные районы Дальнего Востока китайских торговцев, рабочих и управленцев под видом туристов, что сразу же положительно сказалось на бюджете города: в бюджете Благовещенска прямые поступления средств от торговой деятельности китайцев увеличились в 1996–1997 гг. на 65%, составив 21,2 млн. руб., в 1996–1999 гг. – на 197% (18,6 млн руб.)⁴, так что «вплоть до начала 2000-х годов муниципальные и региональные власти не препятствовали незаконной трудовой деятельности китайских граждан на рынках Амурской области из-за явной экономической выгоды от их пребывания»⁵, отмечает А.В. Друзяка. В 1997-2000 гг. турфирмы оформляли для китайских торговцев пребывание продолжительностью до 180 суток, при этом никак не контролируя эти сроки; как результат – в 1996-2000 гг. в Амурской области от выезда на родину уклонились 746 чел. китайцев⁶.

6 декабря 1993 г. правительство РФ ввело визовый режим пересечения границы для граждан КНР, имеющих общегражданские паспорта. 23 декабря было подписано межправительственное соглашение «О визовых поездках граждан России и КНР», двумя месяцами ранее администрации Приморского и Хабаровского краев своими постановлениями ввели запрет на безвизовый обмен.

¹ Ларин А.Г. Китайские мигранты и российский правопорядок... С.117.

² Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР «О визовых поездках граждан» от 29.12.1993 г. // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. М., 1993. № 50. Ст. 5514.

³ Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона: Российско-китайские отношения на рубеже XX–XXI веков. Владивосток, 2006. С.384.

⁴ Колядин А.М., Мосенцова Т.М. Экономическое сотрудничество и взаимосвязи Благовещенска со странами АТР // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Благовещенск, 2000. С.169-170.

⁵ Друзяка А.В., Корнейчук Е.Н., Попова И.А. Российско-китайский туристический обмен и возрождение приграничной «народной торговли» в период 1988-1990-х гг. // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы VIII межд. научно-практ. конф. Вып.9. Ч.2. Благовещенск, 2019. С.72.

⁶ Понкратова Л.А. Особенности динамики и структуры международных миграций в приграничных регионах Дальнего Востока // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып.3. Благовещенск, 2002. С.313.

16 декабря 1993 г. был подписан указ президента «О мерах по введению иммиграционного контроля в пунктах пропуска через границу». Во исполнение этого указа, учитывая сложившуюся неблагоприятную ситуацию в стране в сфере миграционного обмена, а также из-за увеличения нелегальной миграции, правительство РФ приняло постановление № 1021 от 08.10.94 «О мерах по предупреждению и сокращению неконтролируемой внешней миграции»¹. В 1994 г. были созданы посты иммиграционного контроля. Иммиграционным органам был вменен в обязанность контроль за въездом на территорию РФ, предупреждение неконтролируемой миграции, депортация иностранцев, рассмотрение ходатайств о предоставлении убежища.

Однако, принятые документы не учитывали особенностей отдельных регионов России. Вследствие приграничного характера, на территории Дальнего Востока возникли проблемы, связанные с пребыванием и передвижением иностранных граждан, прежде всего китайских туристов, которые не выехали в установленные сроки. В 1995-1996 гг. количество невыехавших китайцев было особенно велико – это побудило правительство к ряду мер, более строго регламентирующих пребывание иностранцев в России. В октябре 1995 г. был обнародован закон Амурской области «О пребывании иностранных граждан на территории области», в 1997 г. дополненный поправками об ужесточении контроля за регистрацией всех прибывающих иностранцев независимо от цели приезда, а также требованиями по наличию подтверждений на право трудовой деятельности мигрантов. В ноябре 1998 г. в этот закон были внесены новые изменения, ужесточившие передвижение иностранцев по территории области и обязывающие их уведомлять органы внутренних дел о времени пребывания на российской земле. Стоит заметить, что инициативы такого рода поддерживались китайским правительством: так, 29 февраля 2000 г. было подписано новое «Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о безвизовых групповых туристических поездках», оговаривавшее характер туристической группы, прибывающей в Россию (не менее 5 человек) и регулировавшее принципы безвизового туризма (право осуществлять эту деятельность было закреплено лишь за теми организациями, что имеют соответствующую лицензию и занимаются организацией туризма не менее трех лет). Такая мера позволила сократить количество фирм, работавших на этом рынке².

¹ Постановление правительства РФ № 1021 от 08.10.94 г. «О мерах по предупреждению и сокращению неконтролируемой внешней миграции». URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102021709&backlink=1&nd=102032148> (дата обращения: 15.02.2019)

² Понкратова Л.А. Особенности динамики и структуры международной миграции в приграничных районах Дальнего Востока. Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып.3. Благовещенск, 2002. С.311-312.

Хотя в 1994 г. российская сторона перешла к более жесткому миграционному контролю, к середине 1990-х гг. внешняя миграция на Дальнем Востоке (и в России в целом) приняла неконтролируемый характер¹. Причина заключалась в том, что в рассматриваемый период в России действовало законодательство, принятое в условиях закрытой границы и ограниченных контролируемых внешних миграций, причем деятельность органов государственной власти по установлению контроля над трудовыми мигрантами была «однобокой», «репрессивно-ограничительной» и обусловившей утрату регионом миграционной привлекательности. Бюрократическое затягивание законного разрешения на право трудовой деятельности в РФ не ограничило поток трудовых мигрантов, а, по мнению исследователя, лишь способствовало массовой незаконной трудовой миграции – а та, в свою очередь, стала объектом силового воздействия государственных органов. Наиболее явным недостатком миграционной системы РФ А. Друзьяка считает отсутствие современной системы единого объективного учёта мигрантов². Эту идею подтверждает А.Г. Ларин: «более или менее точный статистический учет внешних мигрантов, включая и китайских, у нас не налажен, между данными разных ведомств имеются расхождения, подчас значительные»³.

Отсутствие в России четкого механизма контроля за мигрантами, недостаточная разработанность законодательной базы по этому вопросу, общая социально-экономическая нестабильность привели к тому, что нередким явлением стало проживание китайцев без регистрации, равно как и их нелегальные занятия коммерцией. Китайцы снимали квартиры либо селились кучно в общежитиях. Но таким образом они становились слишком заметны, поэтому российской милиции было очень легко постоянно проводить рейды и выявлять нелегалов. В Еврейской автономной области согласно указаниям УВД №10/1157 от 27.08.1993 г. подразделением вневедомственной охраны ОВД области было обследовано 35 совместных предприятий и 151 место проживания иностранных граждан на предмет их технического состояния и оборудования средствами охранно-пожарной и тревожной сигнализации⁴. С 1994 года ФМС систематически выдворяла китайских граждан, проживающих на территории России нелегально. Так, в результате трёхэтапной операции «Иностранец» в 1994 г. за различные нарушения были задержаны 3328 китайцев и 2531 из них выдворены в Китай. В том же году в Амурской области было выявлено 1500 нарушителей паспортно-визового режима (операция «Заслон»). Динамика борьбы с нелегалами дала свои результаты: если в 1994 году по подсчётам ФМС 64% китайцев возвратились обратно в Китай, то

¹ По словам министра внутренних дел Российской Федерации (2001-2003) Б.В. Грызлова, в 1990-е гг. проблемой иммиграции в России никто серьезно не занимался (Грызлов Б. Иммиграция: перед кем открывать ворота? // Аргументы и факты. 2003. № 35).

² Друзьяка А.В. Роль органов государственной власти в регулировании внешней миграции на юге Дальнего Востока России в конце 1980-х - начале 2000-х годов: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Благовещенск, 2009 <https://www.dissercat.com/content/rol-organov-gosudarstvennoi-vlasti-v-regulirovanii-vneshnei-migratsii-na-yuge-dalnego-vostok/read> (дата обращения: 25.10.2019)

³ Ларин А.Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М., 2009. С.150.

⁴ Государственный архив Еврейской автономной области (далее - ГА ЕАО). Ф.569. Оп.1. Д.9. Л.8.

в 1999 году эта цифра достигла уже 99%¹. В течение 1999 г. к административной ответственности за нарушения паспортно-визовых правил было привлечено 2209 иностранных граждан, в том числе 1796 граждан КНР. С территории РФ было выдворено 420 граждан Китая, в т.ч. 227 чел. под конвоем; 91 гражданин КНР, прибывший в Амурскую область в качестве туриста, не выехал на родину².

Благодаря мерам такого рода ситуация с китайскими мигрантами оставалась под контролем. Так, в 1998 году Приморский край посетили 73 тыс. жителей КНР, в том числе 61 тыс. – по каналам безвизового туризма; за нарушение паспортно-визового режима было наказано в административном порядке 8957 граждан КНР, выдворено 3240, в том числе под конвоем – 1191 человек. В итоге же 99,6% посетивших Россию вернулись в КНР в положенные сроки³. Однако эти меры скорее были призваны не сдерживать внедрение китайских сил в экономику региона, а лишь усилить контроль за миграционными потоками для стабилизации социально-экономической обстановки. Административные меры были крайне слабы (санкция ст. 184 действовавшего в 1993 г. Кодекса об административных правонарушениях предусматривала для иностранцев-нелегалов штраф в 1–2 минимальных размера оплаты труда (МРОТ), т.е. 50-100 руб.), а уголовная ответственность за организацию незаконной миграции была введена в России лишь в январе 2004 года⁴.

Разумеется, власти были заинтересованы в том, чтобы экономические интересы мигрантов развивались в управляемых пределах. Оценивая масштаб экономических отношений, власти принимали меры по законодательному урегулированию ситуации. 19 августа 1992 г. между РФ и КНР был подписан документ, упорядочивающий трудовую деятельность китайских граждан на территории РФ «Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о принципах направления и приёма китайских граждан на работу на предприятиях, в объединениях и организациях России». Усиливающееся фактическое сотрудничество между приграничными регионами двух государств способствовало появлению «Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о принципах сотрудничества между администрациями (правительствами)

¹ Загребнов Е. Экономическая организация китайской миграции на российский Дальний Восток после распада СССР // Прогносис. 2007. №1. С.252-277.

² Гамерман В.Е. Проблемы безопасности, связанные с приграничным сотрудничеством Амурской области со странами АТР // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Благовещенск, 2002. С.159.

³ Ларин А. Г. Китайцы в России вчера и сегодня... С.157.

⁴ Друзья А.В. Незаконная миграция на российском Дальнем Востоке в 1993-2002 гг. (на примере Амурской области) // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2008. № 5. С.35.

субъектов Российской Федерации и местными правительствами Китайской Народной Республики» от 10.11.1997 г.¹

Таким образом, на местном уровне делались попытки ограничить использование туристических каналов для занятий коммерческой деятельностью, в т.ч. торговлей на рынках в регионах. Однако первые решения, принятые по этой проблеме администрацией Амурской области после подписания межгосударственного соглашения о групповых безвизовых поездках 18 февраля 2000 г., привели к сопротивлению китайских граждан, торгующих на рынках. В этой связи был поставлен вопрос о легализации торговой деятельности китайских граждан².

При этом подавляющее число китайских мигрантов все равно попадало на территорию РФ через канал безвизового туризма, а четкого ответа на вопрос о количестве осевших на Дальнем Востоке китайцев ни одно контролирующее ведомство не давало³. По данным первого заместителя министра внутренних дел В. Федорова, «в 1999 г. ежегодно в Россию въезжало свыше 500 тысяч граждан Китая, в том числе по безвизовому туристическому обмену – около 350 тысяч. Значительная их часть оставалась в РФ»⁴. Сводные данные паспортно-визовых служб Амурской и Еврейской автономной области, а также Хабаровского и Приморского краев свидетельствуют о том, что число ежегодных пересечений российской границы китайцами в 1990-е гг. колебалась на уровне 300 тыс. человеко-раз⁵. Китайские мигранты находились на первом месте из прибывающих в Приморье граждан зарубежных стран: в 1996 г. их прибыло в Приморский край 71726 чел., в 1997 г. – 167799 чел., в 1998 г. – 254033 чел., в 1999 г. – 276448 чел., в 2000 г. – 442368 чел. (в этом году граждане КНР составили 72,2% всех иностранцев в крае). В этот период (1996-2000 гг.) в Приморье происходит перераспределение мигрантов – из сфер строительства и сельского хозяйства они активно переходили в сферу торговли и общественного питания, например, в Уссурийске и Уссурийском районе доля торговцев составила 75,3%⁶.

Особый интерес представляет число китайцев, не вернувшихся обратно на родину в срок. В 1994-1995 гг. из Приморского края не выехали в срок примерно 6-7 тыс. китайских туристов, в 1996 г. – около 600, в 1997 г. – 350, за 1998 г. и первую половину 1999 г. – 400 туристов или менее 0,5 % их общего числа. Впрочем, китайцы могли покинуть Россию и через пропускные пункты

¹ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о принципах сотрудничества между администрациями (правительствами) субъектов Российской Федерации и местными правительствами Китайской Народной Республики URL: <http://base.garant.ru/2556542/5ac206a89ea76855804609cd950fcdf/> (дата обращения 26.01.2020).

² Понкратова Л.А. Особенности динамики и структуры международных миграции в приграничных районах Дальнего Востока. Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып.3. Благовещенск, 2002. С.315.

³ Семенов А.Б. Государственная политика по регулированию китайской миграции на Дальнем Востоке России 1991 - 2008 гг.: дис... канд.ист. наук. Комсомольск-на-Амуре, 2013. С.25.

⁴ Там же. С.31.

⁵ Гельбрас В.Г. Китайская реальность России. М., 2001. С.34.

⁶ Ващук А.С. Социально-экономические ориентации этнических мигрантов в приграничных территориях на рубеже XX - XXI вв. (на примере Приморского края) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск, 2002. С.330, 333.

других приграничных территорий Дальнего Востока. По данным Тихоокеанского регионального управления (ТОРУ) Федеральной пограничной службы, среди 2 577 китайских граждан, депортированных в 1998 г. из Приморья, 1 600 человек или более 60 % въезжали в Россию через Хабаровский край, Еврейскую АО, Амурскую и Читинскую области. В местах въезда они могут числиться не вернувшимися на родину¹.

Исследования Московского центра Карнеги показывают, что к концу 1996 г. общая численность китайцев в пограничных регионах России от Иркутской области до Приморского края оценивалась в пределах 200-300 тыс. чел., профессор В. Гельбрас утверждает, что в России к концу века проживало от 200 до 450 тысяч граждан КНР. По данным Министерства по делам федерации, национальной и миграционной политики РФ, около 75 тыс. граждан КНР ежегодно пересекало дальневосточную границу незаконно – и даже если бы все они остались на постоянном проживании на Дальнем Востоке, в период с 1993 по 2000 гг. в государстве осело не больше 600 тыс. граждан КНР, констатирует А.Б. Семенов; в реальности же, добавляет он, численность китайцев достигала нескольких десятков тысяч².

В некоторые периоды миграционный рост был очевидным образом обусловлен экономической обстановкой – так было на первом этапе, когда открыли границы, так было и после экономического кризиса 1998 г., когда сложившаяся разница цен на рынках стала исключительно выгодна для китайских предпринимателей, а стоимость проживания для китайцев в России существенно снизилась. В результате в 2000 г. был достигнут абсолютный максимум количества прибывших китайских граждан в Амурскую область за весь период с 1994 г. по 2008 г. – 166,9 тыс. чел. – и именно в это время «неоднократно поднимался вопрос о законности трудовой деятельности на рынках тех граждан КНР, которые прибыли в рамках безвизового туризма либо по служебной визе³. Нельзя не заметить, что в самой постановке проблемы крылась ее суть: усиление миграционного обмена имело в своей основе экономические мотивы, но несовершенство миграционной политики, установившееся на российском Дальнем Востоке, делало эту экономическую деятельность неподконтрольной, а статус находящихся в России мигрантов – неочевидным с правовой точки зрения.

В целом, российский Дальний Восток не считался приоритетным регионом миграции для граждан КНР: китайцы больше были заинтересованы в южных направлениях. Однако низкий уровень доходов населения Китая, безработица в северных провинциях КНР и дефицит рабочих рук (как и дефицит товаров) в России стали стимулирующими миграционными факторами. Кроме того, значительный интерес представлял сырьевой потенциал дальневосточного региона

¹ Витковская Г. Угрожает ли безопасности России китайская миграция // Брифинг Московского Центра Карнеги. 1999. Т.1. Вып.08. URL: <http://www.carnegie.ru/ru/pubs/briefings/48353.htm> (дата обращения 26.11.2018).

² Семенов А.Б. Указ.соч. С.36.

³ Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Указ. соч. С.61.

– потенциально содержащий значительные выгоды, что соответствовало долгосрочной китайской политике.

Рассмотрим ситуацию с регулированием китайского предпринимательства на дальневосточных российских территориях с альтернативной, китайской стороны. Принимая политическое решение о легализации частнокапиталистического уклада в Китае, руководство КНР, во-первых, исходило из стремления использовать для преодоления экономической отсталости любую адекватную реалиям Китая форму собственности и хозяйствования, если она исторически не изжила себя и способна обеспечить устойчивый рост производительных сил. «Все, что благоприятствует развитию производительных сил, – заявлялось в этой связи на XIII съезде, – отвечает интересам народа, а потому диктуется социализмом и допускается им... Вся проводимая нами перестройка – от развития экономики, основанной на разных формах собственности, среди которых ведущая роль принадлежит общественной собственности, вплоть до допущения существования и развития частного хозяйства – обусловлена реальным состоянием производительных сил на начальной стадии социализма. Только такая перестройка может содействовать развитию производительных сил»¹.

Кроме того, учитывалось, что частнокапиталистическое хозяйство характеризуется более высокой степенью «индустриализации, коммерциализации, обобществления и модернизации производства», а в конечном итоге и более высокой производительностью труда по сравнению с укладами и элементами укладов, на базе которых осуществляется его генезис («индивидуальное» хозяйство, мелкие кооперативы). Осенью 1989 г. в речи Генерального секретаря ЦК КПК Цзянь Цзэмина на 5-м пленуме ЦК КПК 13-го созыва со всей определенностью констатировалась стабильность курса на «развитие многообразных хозяйственных укладов на начальной стадии социализма»; в заявлениях ответственных функционеров промышленно-торговой администрации критиковались «перегибы на местах» в кампании перерегистрации частных предприятий, вызвавшие беспокойство их владельцев, звучали призывы к сочетанию в регулировании частного сектора мер «поощрения и контроля»².

Важную роль в подготовке общественного сознания к политической легализации крупного частного хозяйства сыграл и выдвинутый Дэн Сяопином тезис о «поощрении достижения частью людей зажиточности раньше других», активно пропагандировавшийся в печати начиная с 1983 года. «После поездки по югу страны (январь-февраль 1992 г.) Дэн Сяопина многие политические лидеры и простые люди начали принимать концепцию «социалистической рыночной экономики». Они стали понимать, что ключевым критерием, по которому можно судить, является ли

¹ Цит. по: Рогатов М.Д., Чжан Янь. Указ. соч. С.109.

² Карлусов В.В. Частное предпринимательство в Китае. М., 1996. С.28.

экономика социалистической или капиталистической – это не централизованное планирование, так как план и рынок – только инструменты построения социализма.

Речь Дэн Сяопина серьезно перевернула общественное мнение и «окунула Китай в “золотое время” для развития частного сектора, особенно частных предприятий. К концу 1992 г. количество зарегистрированных частных предприятий достигло 139600 – на 29,5% больше, чем в предыдущем году, а количество занятых на них достигло 2015000 – на 26,1% больше, чем в 1991 г. Более того, более 220 тысяч бывших госслужащих оставили свои должности и окунулись в «океан бизнеса»¹.

По замечанию исследователей, «политическое положение частного сектора в общественной системе Китая, сложившееся к началу 1990-х гг., можно характеризовать как относительно стабильное и устойчивое по сравнению с началом 1980-х гг. (и тем более по сравнению с периодом 1950-1970-х гг.). Даже рецидив авторитарно-бюрократического давления на частный сектор, связанный с политическим кризисом лета 1989 г. и последовавшим за ним обновлением высшего звена руководства КПК, носил скорее характер тактического ужесточения политики и не привел к сколько-нибудь радикальным регрессивным переменам в политической стратегии китайских коммунистов в отношении частного предпринимательства»². А открытие границ в 1990-е предоставило принципиально новые возможности для развития приграничной торговли. У китайских мигрантов была конкретная государственная поддержка: специально разработанные программы, мероприятия, законы, стратегия внешнеэкономической деятельности, общая для всей страны, но в ней было место и для «частников» – «народных торговцев» и пр.³.

Центральным органом управления внешнеэкономических связей Китая было Министерство внешней торговли и экономического сотрудничества КНР, занимавшееся совместно с Госпланом КНР и другими заинтересованными ведомствами разработкой торгово-экономической политики КНР, в том числе в региональном и отраслевом разрезах, стратегии реформы ВЭС, выдачей разрешений на внешнеэкономическую деятельность, распределением квот и выдачей лицензий по наиболее важным товарам китайского экспорта и импорта. Министерство внешней торговли и экономического сотрудничества КНР подчинялось непосредственно Госсовету КНР и работало в тесном контакте с Госпланом КНР, Минфином КНР, Государственным валютным управлением КНР, Народным банком Китая (центральный банк), Банком Китая (банк для осуществления валютных операций), Главным таможенным управлением КНР и отраслевыми министерствами.

¹ Рогатов М.Д., Чжан Янь. Указ. соч. С.111.

² Там же. С.110.

³ По оценкам Национального статистического бюро Китая, по состоянию на 2014 год 278 миллионов человек - или 20% от общей численности населения страны - жили за пределами своих родных городов не менее 6 месяцев в году. В перспективе, если бы китайские внутренние мигранты были отдельной страной, они составили бы четвертую по величине страну в мире (GiovanniF., MaggieY. Liu, AnnaM.M., ZhouM. China's "Great Migration": The impact of the reduction in trade policy uncertainty // Journal of International Economics. 2019. №120. P.127).

Все операции, связанные с импортом и экспортом капитала, регулировались самым строгим образом. Так, создание предприятия с участием иностранного капитала в КНР было обязательно связано с прохождением многоступенчатой схемы рассмотрения и регистрации его торгово-экономических отношений, учредительных и других документов в различных компетентных госорганах КНР, что зачастую делало значительное число проектов несостоятельными уже на самом раннем этапе их проработки. Такая жесткая и продуманная система мер госрегулирования экономических процессов русскими экспертами характеризовалась как «умеренно-протекционистская»¹, однако динамика развития китайского законодательства 1990-х позволяла им сделать оговорку о постепенной либерализации этой системы.

В то же время роль госорганов КНР в управлении внешних экономических связей по мере развития рыночных преобразований видоизменялась: сужалась сфера прямого директивного вмешательства госорганов в деятельность субъектов ВЭС, некоторые регулирующие функции Центра были переданы местным органам власти. При этом в макроэкономическом регулировании ВЭС роль госорганов лишь усилилась. С начала 1990-х г. последовательно сокращался перечень лицензируемых и квотируемых товаров, в 1994 г. было отменено директивное планирование экспортно-импортных операций. Ширился круг компаний, имеющих право внешнеэкономической деятельности.

Госсоветом КНР было разработано и в 1991 г. принято «Уведомление в отношении предложений по укреплению и процветанию приграничных районов посредством активного развития приграничной торговли и экономического сотрудничества», одна из его статей этого разрешала провинциям и автономным районам в целях упрощения приграничной торговли и пересечения границы на начальном этапе определить 1 – 2 города или округа, входящих в их состав, для получения приоритетного права на ведение приграничной торгово-экономической деятельности. «На российско-китайской границе такими городами стали Маньчжоули, Хуньчунь, Хэйхэ и Суйфэньхэ. С 1995 г. для этих городов были уменьшены отчисления в бюджет с целью стимулирования их экономического роста, предоставлено право самостоятельно утверждать создание предприятий с размером иностранных инвестиций до 10 млн.долл.»². Однако, по оценкам аналитиков, приграничные зоны экономического сотрудничества в Китае не оправдали экономических ожиданий и стали скорее «брендом приграничных уездов и городов, чем эффективным механизмом развития, привлекающим финансовые и административные ресурсы центрального правительства»³.

¹ ГАРФ. Ф.10212. Оп 1. Д 701. Л.96.

² Иванов С.А. Формирование приграничного с Россией пояса открытости КНР // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2009. №.3(10). С.54.

³ Он же. Влияние государства на российско-китайские торгово-экономические взаимодействия // Россия и АТР. 2013. № 4. С.67.

С 1996 г., после принятия Госсоветом КНР «Уведомления по вопросам приграничной торговли», была сформулирована новая концепция приграничного экономического сотрудничества, которая отразилась на дальнейшем развитии приграничных территорий Китая. Основными принципами этой концепции являлись:

- ограничение территории, на которую распространялся режим приграничной торговли;
- отмена 50% налоговой льготы для участников приграничной торговли (в связи с переходом к единому таможенному тарифу);
- либерализация системы лицензирования и квотирования товаров в рамках приграничной торговли;
- расширение прав местных органов власти в регистрации компании, имеющих право ведения приграничной торговли;
- повышение "потолка" индивидуальных сделок в рамках приграничной торговли, не облагаемых таможенной пошлиной¹.

Помимо льготного режима в сфере международной торговли и инвестиционной деятельности, которые получали компании на всей территории страны, фирмам приграничных территорий предоставили также преференции в виде субсидирования экспорта и существенных премий от местных властей в зависимости от результатов международной экономической деятельности².

В Китае были разработаны и воплощались в жизнь гибкие подходы в приграничной торговле. Так, с 1 января 1999 г. вступило в силу положение о новых правилах регулирования приграничной торговли; в частности, жителям приграничных районов Китая, осуществляющим операции в рамках «народной» торговли, разрешалось беспошлинно ввозить в Китай товары на 3 тыс. юаней (ранее – 1 тыс. юаней). Действие льготных таможенных и налоговых ставок для специально уполномоченных на ведение «малой» приграничной торговли компаний и предприятий, расположенных в приграничных районах, продлилось до 2001 г.³

Правовая база внешнеэкономической деятельности КНР была детально разработана. По состоянию на 2000 г. в эту базу входило более чем 200 законов, 700 декретов Госсовета и около 30-40 тыс. административных актов: «Значительная часть этого бумажного океана посвящена регулированию внешней торговли»⁴. Основой внешнеторговой системы Китая является Закон КНР о внешней торговле (ЗоВТ), принятый 12 мая 1994 г. и вступивший в силу с 1 июля 1994 г. Наибо-

¹ Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона.... С.228.

² Иванов С.А. Условия формирования и особенности пространственной организации внешнеэкономической деятельности на северо-востоке Китая // Вестник ДВО РАН. 2012. №.4(164). С.140.

³ Ду Цзяо. Торгово-экономическое сотрудничество Китайской Народной Республики с Российской Федерацией - новый этап: проблемы и перспективы: дис. ...канд. экон. наук. Москва, 2000. С.77.

⁴ Горюнов А.П. Реформирование внешнеторговой политики КНР: Проблемы и перспективы // Россия и АТР. 2002. № 2(36). С.78.

лее важными его положениями принято считать установление единого порядка ведения внешне-торговой деятельности на всей территории страны, предоставление независимости участникам внешнеторговой деятельности, разрешение свободного импорта и экспорта товаров, услуг и технологий, создание системы внешнеторговых предприятий-агентов. Считается, что ЗоВТ приблизил внешнеторговую политику Китая к мировым стандартам. Однако не избавил ее от ключевого принципа китайской экономики – жесткого административного контроля со стороны государства¹. Среди других законодательных актов, участвующих в регулировании внешней торговли, назовем положения КНР об импортно-экспортном тарифе (объявлены Госсоветом КНР Декретом № 96 от 18 марта 1992 года), Таможенный кодекс КНР (принят на 19-м заседании ПК ВСНП 6-го созыва 22 января 1987 года), положения о вопросах, касающихся рассмотрения и одобрения внешнеторговых предприятий (введены Министерством внешней торговли и экономического сотрудничества 24 мая 1988 г.), положения о процедурах автоматической регистрации прав производственных предприятий в свободных экономических зонах на независимое осуществление импорта и экспорта (введены 22 января 1997 года).

В апреле 1999 г. МИД России и Китай обменялись инструкциями по применению упрощенной системы въезда российских граждан на территорию торговой зоны «Хуши» на острове Большой Хэйхэ с 18 августа. В сентябре того же года в торговой зоне Суйфэньхэ также начался эксперимент по упрощенной процедуре, однако, в связи с отсутствием специальных торговых центров, он вскоре прекратился. Оставшиеся 6 торговых зон на уровне, достигнутом Хэйхэ, практически не функционировали. «Наибольшее количество таких зон до настоящего времени создано в провинции Хэйлунцзян – 10, во Внутренней Монголии – 1, в Цзилинь – 1, т.е. всего 12 зон. В провинции Хэйлунцзян самые значимые – Хэйхэ (российский город-сосед – Благовещенск) и Суйфэньхэ (Пограничный), а во Внутренней Монголии – Маньчжоули (Забайкальск)»².

Что касается подобных свободных экономических зон (СЭЗ) с российской стороны, то, рассматривая в ретроспективе опыт экономических преобразований на Дальнем Востоке в постсоветские годы, следует отметить попытки создания СЭЗ в первой половине 1990-х гг., в частности, проектов торговых и промышленно-производственных зон «Сахалин» и «Находка», Международной специальной экономической зоны (МСЭЗ) «Туманган» (проект ПРО ООН, 1993 г.). Ни один из упомянутых проектов не был реализован до предполагаемого уровня эффективности,

¹ Благодаря этому принципу Китаю удалось сохранить механизмы централизованной экономики, систему хорошо организованных, взаимосвязанных провинциальных и межпровинциальных компаний, тогда как со стороны России массу операций на китайском рынке совершали самостоятельные, но разобщенные предприятия и мелкие фирмы, не располагающие значительной товарной номенклатурой или компетентностью в области специфики китайского рынка.

² Симутина Н.Л., Рыжова Н.П. Экономические и социальные взаимодействия на трансграничном пространстве Благовещенск–Хэйхэ // Вестник ДВО РАН. 2007. № 5. С.132.

несмотря на удобное географическое положение, наличие природно-ресурсного и инфраструктурного потенциалов. Основными причинами неудач в реализации проектов называют как отсутствие необходимых объемов государственного финансирования развития инфраструктуры СЭЗ и несовершенство национального законодательства, так и недостаточная проработанность проектов, неэффективное и негибкое управление.

Итак, в Китае были разработаны механизмы поощрения китайских предпринимателей за рубежом, создаваемые в контексте «политики реформ и открытости», выстраивания отношения стратегического партнерства с Россией, открытия российско-китайской границы. Китайское государство осуществляло правовые решения в отношении китайского предпринимательства, в рамках курса, декларируемого китайским правительством в качестве официального с конца 1970-х годов. Китайские бизнесмены стали рассматривать прилегающие к России территории как плацдарм для своего предпринимательства. В Китае осуществлялась институциональная поддержка приграничной торговли и шло развитие «приграничного пояса открытости», в России же сложилась спонтанная зависимость от внешней торговли с китайскими партнерами. Социально-экономическая реальность России 1990-х гг. характеризовалась такими явлениями, как отсутствие четких прав собственности и норм хозяйственной деятельности, отсутствие законодательства о предпринимательской деятельности и защите собственности, о правах и обязанностях иностранцев в России, экономически несостоятельное налоговое законодательство, криминализация общества. Россия оказалась не готова к китайскому предпринимательству; для него не были разработаны необходимые механизмы, все миграционные законы разрабатывались и принимались наспех, и не были всесторонне продуманы. Вследствие этого в отношении китайского предпринимательства на Дальнем Востоке институциональное оформление было в большинстве своем реакцией на уже существующие практики присутствия китайских предпринимателей.

Российско-китайские отношения насчитывают четыре столетия. Традиции приграничной торговли между населением соседствующих территорий были заложены ещё в XVII веке. Хотя население дальневосточного края в той или иной форме всегда пользовалось услугами китайских предпринимателей, торговцы как устойчивая социальная группа возникает на Дальнем Востоке с середины XIX века. В XIX веке на российском Дальнем Востоке встретились китайский миграционный и российский колонизационный потоки. Возникли условия для взаимодействия двух этносов, в том числе и в сфере предпринимательства. Документы, законодательно регламентирующие возможность китайского предпринимательства на российской территории, носили общий характер, однако механизмы, более детально устанавливающие рамки деятельности китайских

торговцев, так и не были разработаны. Поэтому китайские предприниматели действовали во многом стихийно либо руководствуясь законами цинского правительства в торговой сфере; неизбежной особенностью торгового российско-китайского сотрудничества оставалась нелегальная сторона. Несмотря на все трансформации в российском обществе, китайская предпринимательская деятельность развивалась вплоть до начала 1930-х гг., китайские торговцы снабжали жителей Дальнего Востока необходимыми товарами и прекратили свой бизнес только по внешним социально-политическим причинам.

Вновь китайская предпринимательская деятельность на российском Дальнем Востоке возрождается более чем через полвека. Открытие дальневосточных границ означало выстраивание принципиально новой экономической политики. В этой ситуации Китай с его курсом на реформы и открытость, провозглашенном еще в 1978 году, был готов к новой модели экономических отношений гораздо лучше России. Разница в политико-экономических стратегиях определила специфику дальнейшего сотрудничества, в том числе и специфику китайского предпринимательства. На межгосударственном уровне Россия и Китай декларировали отношения взаимовыгодного взаимодействия, а на межрегиональном уровне приграничные территории обеих стран (выступавшие посредниками в двусторонних отношениях между внутренними территориями) столкнулись с необходимостью решения множества торгово-экономических проблем и выстраивания стратегий сотрудничества. Этот процесс во многом носил нестабильный характер в силу отсутствия необходимых регламентирующих документов и механизмов взаимодействия – как в торгово-экономической сфере, так и в сфере регулирования китайских мигрантов, прибывавших на российский Дальний Восток, в том числе китайских предпринимателей.

Документы, определявшие российскую миграционную политику в 1990-е гг., разрабатывались во многом бессистемно, являясь реакцией на формировавшиеся миграционные потоки, были несовершенны в части учета мигрантов, поэтому, как и столетие назад, определить количество китайских граждан, приезжавших в Россию для занятия предпринимательской деятельностью, можно лишь приблизительно. Для России китайские бизнесмены оказались неожиданным элементом формировавшегося торгово-экономического приграничного сотрудничества, возникшим за короткий временной промежуток и требующим выработки определенных мероприятий для его регулирования и дальнейшего успешного взаимодействия с Китаем на всех уровнях. Комплекс таких мер так и не был реализован.

В отличие от России, Китай не только разрабатывал стратегии приграничного сотрудничества, но и активно воплощал их в жизнь. Китайские предприниматели были частью общей концепции развития внешнеэкономического сотрудничества и имели всестороннюю государственную поддержку в своей деятельности. Таким образом, Китай поступательно реализовывал мероприятия

по подъему приграничных северо-восточных провинций в целях развития экономики в масштабах всего государства, и деятельность китайских предпринимателей была неотъемлемым фактором этого процесса. Россия же, открыв границы, не смогла выстроить стратегию взаимодействия в новых геополитических условиях, действия федеральных и региональных властей в этом направлении не вполне достигали ожидаемых результатов. Для российского Дальнего Востока китайское предпринимательство не стало фактором устойчивого развития и каким-либо определяющим элементом формирующихся межрегиональных торгово-экономических связей.

ГЛАВА 2. ФОРМИРОВАНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КИТАЙСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА НА РОССИЙСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В 1990-е гг.

2.1 «Народная» торговля как форма китайского предпринимательства

В советско-китайских отношениях после длительного периода конфронтации в середине 1980-х гг. обозначился, а в конце 1980-х гг. активизировался важный переход от противостояния к сотрудничеству. Развитие российско-китайских отношений характеризовалось дальнейшим расширением торгово-экономических связей. Товарооборот между СССР и КНР с 176,8 млн. руб. в 1981 г. увеличился до 1,8 млрд. руб. в 1986 г. В 1985 г. СССР занимал шестое место во внешней торговле Китая, являясь вместе с Японией, Гонконгом, США, ФРГ и Сингапуром важным торговым партнером КНР¹.

На региональном уровне поиск путей и форм экономического взаимодействия между приграничными регионами России и КНР, налаживание повседневных экономических связей стало одним из важных направлений деятельности местных властей. Одной из форм экономического взаимодействия стала появившаяся в начале и первой половине 1990-х гг. в экономической практике Китая «народная» торговля (в России она получила название «челночной» торговли). Это явление имело большое значение для социально-экономической жизни двух стран в 1990-е гг. и означало способ продвижения продукции одной страны на рынки другой страны преимущественно при помощи туристических каналов.

Приграничные территории российского Дальнего Востока в силу своего географического положения имели большие перспективы развития туристических связей с Китаем. Однако реализовываться они стали только после открытия границ. «В период СССР приезжавших в Китай россиян было чрезвычайно мало. В 1987 г. Китай посетили 24,8 тыс. россиян – СССР занимал 12-е место среди 15-ти стран, граждане которых в то время посещали Китай»².

Началом туристического обмена между двумя странами считается 24 сентября 1988 года, когда между СССР и КНР произошёл обмен первыми туристическими группами. Из Благовещенска в Хэйхэ однодневную поездку по безвизовому обмену совершили две встречные группы (по 40 чел. в каждой). «Компании организовали обмен туристическими группами, первое время – бес-

¹ Романова Г.Н. Формирование внешнеэкономических связей Китая в 80-е годы XX века // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2011. №3. С.114.

² Сун Куй, Чэнь Сюэце. Чжун Э люйю хэцзо дэ хуэйгу юй чжаньван (Прошлое и будущее сотрудничества России и Китая в сфере туризма) // Сиболия яньцзю. 2001. №5. С.11.

платно для путешественников. Основатели турбизнеса вспоминают: первым туристам даже выдавали местную валюту на покупку сувениров»¹. С этого момента туристический бизнес между российским Дальним Востоком и провинцией Хэйлунцзян стал развиваться быстрыми темпами. В 1989 г. Благовещенск и Хэйхэ взаимно обменялись 389 туристическими группами (в т.ч. с китайской стороны Россию посетила 191 туристическая группа общим количеством 7 858 чел., и с российской стороны – 198 туристических групп (8 138 чел.)². Туристические поездки стали настолько популярны, что желающие были вынуждены бронировать место в туристической группе минимум за месяц. Организаторами туристических поездок выступали как общероссийские («Интурист», «Спутник»), так и региональные предприятия («Приморсктурист», «Хабаровсктурист», «Амуртурист» и пр.). В качестве примера приведем Амурскую область, организатором туристических однодневных поездок в которой выступило советское туристско-экскурсионное предприятие «Амуртурист» (фирма была преобразована из Областного совета по туризму и экскурсиям, начавшего свою деятельность в 1965 г). В 1988 г. «Амуртурист» заключил долгосрочный контракт с Хэйхэским отделением Всекитайского Интуриста на ежедневный (кроме воскресенья) обмен восемью туристическими группами. В 1990 г. обе стороны достигли соглашения в вопросе увеличения количества туристических групп с двух до двенадцати в неделю. Но эти меры уже не могли удовлетворить растущий спрос российского и китайского населения по обе стороны границы. 9 марта 1992 г. «Амуртурист» был реорганизован в акционерное общество с ограниченной ответственностью. В рамках туристического направления «Амуртуристом» осваивался и ресторанный бизнес – на территориях России и КНР были открыты совместные предприятия (рестораны русской и китайской кухни). Также «Амуртурист» принимал долевое участие в строительстве международного пункта пропуска в Благовещенске (доля участия – 15 млн. руб.) и открыл в Благовещенске туристическую гостиницу международного класса³.

В области функционировали и другие фирмы, имевшие право на работу в сфере безвизового обмена. Согласно межправительственному соглашению от 31 марта 1991 г., это были: Всесоюзное акционерное общество «Интурист», бюро международного молодежного туризма «Спутник», внешнеэкономическая ассоциация «Благовест»; однако разрешение Совмина на использование КПП Благовещенска изначально имел только «Амуртурист»⁴. В 1992 г. правительством РФ было дано разрешение на использование КПП Благовещенска «Интуристу», «Спутнику» и «Благовесту». Администрация Благовещенска, указывая на активизацию торгово-экономических контактов между РФ и КНР, ходатайствовала о предоставлении права использовать вышеназванный

¹ В Благовещенск приехала китайская делегация во главе с заммэра Хэйхэ. URL: <http://www.amur.info/news/2018/09/28/143971> (дата обращения 28.09.2018).

² Сун Куй, Чэнь Сюцзе. Указ.соч. С.11-16.

³ ГААО. Ф.Р-2286. Оп.1. Д.280. Л.10.

⁴ ГААО. Ф.Р-2286. Оп.1. Д.7. Л.81.

КПП и другим коммерческим структурам (в частности, обществу «АЛЕК-Лтд»), готовым организовывать валютный туризм, а также вкладывать средства в строительство дополнительных таможенных объектов и развитие социальной сферы для сотрудников КПП¹. Тем не менее, в 1992 г. самой крупной организацией, основателем туристических связей с Хэйхэ являлась фирма «Амуртурист».

Анализируя институциональные условия этого периода, исследователи отмечают: большая часть принятых в тот период документов «была направлена на открытие границ, на снижение барьеров во взаимной торговле, что выразилось в развитии приграничной торговли в целом, прежде всего челночной, шоп-туризма при минимальном контроле со стороны государства»². Важную роль во внешней торговле сыграли документы, касающиеся таможенного регулирования. В Китае эти вопросы были урегулированы 1987 г. «Законом о таможенном регулировании в КНР» (дополнен в 2000 г.)³, который определил основные правовые рамки в этой сфере и упорядочил экспортно-импортные операции между странами. В РФ в 1993 г. были приняты «Таможенный Кодекс РФ»⁴ и закон «О таможенном тарифе»⁵. Эти документы оказали влияние на международную торговлю, но не повлияли на динамику миграционных потоков между странами, поскольку были основаны на «трансферном бизнесе» с обеих сторон – России и Китая. Эти меры способствовали массовому участию граждан Китая и России в торговых обменах, увеличению приграничных потоков населения по всем каналам⁶. В результате в 1993 г. был достигнут пик мобильности китайских и российских граждан между городами Благовещенск и Хэйхэ за всё последнее десятилетие XX века. Данные динамики туризма приведены в табл. 7:

Таблица 7

**Динамика приграничного туризма между Амурской областью
и провинцией Хэйлунцзян (тыс. чел.)**

Годы	Число пересекающих границу	В том числе	
		Выезжающих из АО	Въезжающих в АО
1990	35,1	18,0	17,1
1995	98,3	29,2	69,1
1999	123,9	55,9	68,0
2000	170,0	73,0	97,0

Таблица приведена по: Амурская область и провинция Хэйлунцзян: показатели развития. Благовещенск, 2001. С.23.

¹ ГААО. Ф.Р-2286. Оп.1. Д.7. Л.188.

² Понкротова Л. А. Трансграничные обмены и взаимодействия в приграничных регионах России и Китая: реакция на институциональные изменения на разных этапах развития // Россия и Китай: социально-экономическое взаимодействие между странами и приграничными регионами: материалы междунар. науч.-практ. конф. Вып. 1. Благовещенск, 2011. С. 37.

³ Чжунхуа жэньминь гунхэго хайгуаньфа «Закон о таможенном регулировании в КНР». URL: (<http://www.doc88.com/p-9032091986913.html>) (дата обращения 10.01.2020)

⁴ Таможенный Кодекс Российской Федерации от 18 июня 1993 г. N 5221-I (ТК РФ). Система ГАРАНТ. URL: (<https://base.garant.ru/3961659/>) (дата обращения 10.01.2020).

⁵ Закон РФ от 21 мая 1993 г. N 5003-I "О таможенном тарифе" (с изменениями и дополнениями) Система ГАРАНТ. URL: (<http://base.garant.ru/10101366/#ixzz6DLjxQ8DZ>) (дата обращения 10.01.2020).

⁶ Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкротова Л.А. Указ. соч. С.56.

Официально с туристической целью Благовещенск посетили в 1995 г. – 41,9 тыс. чел., в 1999 г. – 63,2 тыс. китайских туристов. Число российских туристов, посетивших КНР, в 1995 г. достигло 107,3 тыс. чел., в 1999 г. – 102,5 тыс. чел. (см. табл. 8):

Таблица 8

Целевые приграничные поездки российских и китайских граждан (тыс. чел.)

Год	1995	1999	2000
Число российских граждан, посетивших КНР	119	138,4	129,7
Туристы	107,3	102,5	86
Служебные поездки	2,9	16,1	17
Транспортные служащие	8,8	19,8	26,7
Число граждан КНР, посетивших Амурскую область	70,5	118,8	162,1
Туристы	41,9	63,2	73,7
Служебные поездки	18,1	42,9	70,4
Транспортные служащие	10,5	12,7	18

Таблица приведена по: Амурская область и провинция Хэйлунцзян: показатели развития. Благовещенск, 2001. С.22.

Фактически, под видом туристов, большинство китайцев, прибывавших на российскую территорию, в той или иной степени вовлекались в торговлю. По официальной статистике, охватывающей только иностранцев, получивших разрешение на торговлю, в Амурской области ею занимались в общей сложности около 40% китайцев, а по неофициальной – до 95% китайских туристов торговали на рынках области¹. В условиях экономических реформ в России, нараставшего дефицита такие «туристические» поездки не требовали визового оформления, а автобусы/пароходы не подлежали строгому таможенному досмотру, что позволяло ввозить в Россию большие партии дешевых китайских товаров. В то же время, развитие таких форм торговли способствовало появлению новых услуг на приграничных территориях: стали создаваться фирмы карго-перевозчики, которые не только организовывали доставку грузов, но и взяли на себя функции по их таможенному оформлению². При этом нельзя не отметить низкое качество товаров из Китая, создавшее негативный имидж китайских товаров в целом, что стало одним из препятствий перехода «народной» торговли на более высокий уровень. В то же время, в социально-экономических условиях Дальнего Востока России 1990-х гг., низкокачественные товары были востребованы

¹ Ярополова Т.В. Регулирование процессов внешней трудовой миграции: состояние и перспективы // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Вып. 1. Экономические и социально-демографические проблемы. Благовещенск, 2000. С.193.

² Капралова Н.Л., Карасева Л.А. Челночный бизнес в российской экономике: роль и оценка масштабов//Экономический журнал ВШЭ. 2005. №3. С.406.

российским населением. Китайские торговцы, осуществляющие свою деятельность неофициально, под видом туристов, обеспечивали недорогими товарами народного потребления широкие слои россиян-дальневосточников.

В разгар постсоветского кризиса явление однодневных «шоп-туров» в Хэйхэ, Суйфэньхэ, Цзиси и другие приграничные города стало жизненной необходимостью для многих жителей приграничных территорий¹. Соглашение между правительствами двух стран «О безвизовых групповых туристских поездках» (18.12.1992) сыграло немаловажную роль в развитии туристических обменов (фактически, неофициальной торговли). В целом, с 1988 г. по 1993 г. степень общей открытости России для китайских мигрантов можно оценить как очень высокую. Что же касается эффективности системы учёта трансграничной миграции, то измерить значение этой переменной невозможно, так как создание такой системы было начато лишь в самом конце выше-названного периода, «качество же едва сложившейся системы учёта и контроля трансграничной миграции находилось в целом на очень низком уровне»².

Однако уже с 29.12.1993 г. в результате реализации постановлений «О визовых поездках граждан» и «О безвизовых поездках по дипломатическим и служебным паспортам» изменился порядок перехода границы (право безвизового въезда в РФ и КНР оставалось только у ограниченного круга лиц)³. Представители административных органов и жители российского Дальнего Востока восприняли эту ситуацию крайне остро. Так, администрация Благовещенска опасалась, что для области установление визового порядка въезда подорвет сложившиеся торгово-экономические и культурные связи между Амурской областью и соседними районами КНР; затруднит оказание хозяйственным субъектам области комплекса транспортно-сервисных услуг по транзитным перевозкам в КНР грузов и товаров из других регионов России и стран СНГ; осложнит деятельность почти 70-ти совместных предприятий⁴. Высказывались опасения о возможной приостановке и возникновении значительных затруднений в деятельности китайских предпринимателей, неофициально/полуофициально работающих в сфере торговли и услуг⁵.

¹ В этот «туристический» бизнес вовлекалось и российское население. Возник феномен «челноков», «кирпичей», «фонарей», «помогаяк». Большинство жителей приграничных дальневосточных территорий из числа необеспеченных слоев населения, в том числе безработные, студенты и пр., получили возможность заработать на нелегальных перевозках товара через российско-китайскую таможню. «Челночный» бизнес стал одним из инструментов накопления первоначального капитала нескольких поколений предпринимателей. Необычным свидетельством значимости для Амурской области явления «народной» торговли стал памятник челноку работы скульптора В. Разгоняева, открытый в Благовещенске в 2008 г. (с надписью: «Труду и оптимизму предпринимателей посвящается») и представляющий собой мужчину интеллигентного вида, несущего огромные баулы.

² Киреев А.А. Воздействие российской миграционной политики на динамику трансграничной миграции из Китая // Ойкумена. 2014. № 4. С.16.

³ Друзяка А.В. Исторический опыт государственного регулирования внешней миграции на юге Дальнего Востока России (1858 - 2008 гг.). Благовещенск, 2010. С.104.

⁴ ГААО. Ф.Р-2286. Оп.1. Д.7. Л.65.

⁵ Беседа Чжоу Тяньхэ с китайским предпринимателями Ли Хунмэй, Чжан Сюебин от 19.02.2018 [Текст стенограммы беседы] // Личный архив Чжоу Тяньхэ.

Администрация составляла обращения в различные инстанции (МИД, МВД РФ и пр.), с просьбой возобновить прежний режим перехода российско-китайской границы, а также принимала экстренные меры по обеспечению контроля за мигрантами. Понимая, что одной из побудительных причин введения визового режима стало нарастание негативных моментов, связанных с массовой миграцией граждан КНР на территорию России, в том числе путем несанкционированного выхода из тургруппы, с 1 января 1994 г. администрацией области были введены в действие временные – до принятия соответствующего Федерального закона – «Правила въезда, передвижения и временного проживания иностранных граждан на территории Амурской области»¹.

Соглашение между РФ и КНР о визовых поездках граждан, вступившее в силу 28 января 1994 г., усугубило ситуацию: сократилось количество деловых, туристических контактов, грузооборот между Амурской областью и пров. Хэйлунцзян за 1-й квартал 1994 г. по сравнению с соответствующим периодом 1993 г. сократился в 3 раза, пассажиропоток – в 2,5 раза. Прямые финансовые потери составили более 10 млрд. руб., пропускные возможности инфраструктуры погранпереходов на территории области в первом квартале 1994 г. использовались на 12,5%². Если в 1993 г. сумма товарного экспорта и импорта через Хэйхэ достигла 407 млн. долл., то в 1994 г. произошло ее резкое снижение до 200 млн. долл.³. В 1994 году объем внешней торговли Амурской области сократился на 3/4. В первую очередь, резко сократился объем внешней торговли с Китаем (на 4/5), а в 1995 г. он сократился еще на 1/3⁴. Китайские предприниматели терпели значительные убытки, российское население испытывало нехватку привычных уже товаров⁵.

Новый визовый режим, принятый в 1994 году, ввел ограничения на въезд китайских граждан. Однако, как отмечает В.Л. Ларин, это «не остановило притока нелегалов, прежде всего потому, что соглашение о безвизовом обмене туристическими группами от 18 декабря 1992 года, явившееся главным «мостом» для «челночной» торговли с обеих сторон и для попадания китайцев в Россию, оставалось в силе вплоть до начала 2000 года, да и новая его версия не сильно изменила условия пересечения границы»⁶. В 1988-1993 гг., согласно статистическим данным китайской стороны, через 21 пункт пропуска провинции Хэйлунцзян количество пересечений границы достигло более 4 млн. При этом, из въехавших в Россию за 4 месяца 1994 г. через Приморье 4 тыс.

¹ ГААО. Ф.Р-2286. Оп.1. Д.7. Л.86.

² ГААО. Ф.Р-2286. Оп.1. Д.7. Л.87.

³ Юй Сяодун. Гуаньюй фачжань Чжунго Хэйхэ юй Элосы Амуэр чжоу цзинмао хэцзо дэ дуйцэ цзяньи (Ответные предложения по развитию торгово-экономического сотрудничества Хэйхэ (КНР) и Амурской области (Россия) // Дуньюу Чжунъя шичан яньцзю. 2001. №8. С.4.

⁴ Чжоу Шижуи. Элосы Амуэр чжоу цзици кайчжань дуйвай цзинмао хэцзо (Активное развитие внешнеторгово-экономического сотрудничества российской Амурской области) // Дуньюу Чжунъя шичан яньцзю. 1997. №5. С.47.

⁵ Беседа Чжоу Тяньхэ с китайскими предпринимателями Ли Хунмэй, Чжан Сюебин от 19.02.2018 [Текст стенограммы беседы] // Личный архив Чжоу Тяньхэ.

⁶ Ларин В.Л. Посланцы Поднебесной на Дальнем Востоке - легальные и нелегальные // Демоскоп Weekly. № 69-70. 3 - 16 июня 2002. Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2002/069/analit04.php#21> (дата обращения: 12.02.2018)

китайских туристов 1/3 не вернулись на родину в установленные сроки¹. Введение визового режима Россией не могло сдержать их наплыв. Только в Хэйхэ с 1987 по 1993 гг. в обоих направлениях границу пересекли в общей сложности 1,86 млн. чел.². Эти цифры соотносятся с данными российской таможни, согласно которым в 1987-1993 гг. через Благовещенскую таможенную границу в обоих направлениях пересекли 1,87 млн. чел., среди них российских граждан – 965 тыс. чел., иностранных граждан (в основном граждан КНР) – 910 тыс. чел. (см. табл. 9).

Таблица 9

Сведения о пересечении россиянами и гражданами КНР русско-китайской границы через переход Благовещенск-Хэйхэ в 1987-1993 гг.

	1987	1988	1989	1990	1991	1992	1993
Общее кол-во пересечений границы	244	9 426	51 209	141 474	283 885	618 006	771 008
Российские граждане	244	3 193	23 504	67 462	142 621	330 791	397 075
Иностранные граждане		6 233	27 705	74 012	141 264	287 215	373 933

Таблица приведена по: Чжан Цзунхай. Юаньдун дицхой шицзи чжицзяодэ Чжун Э гуаньси (Российско-китайские отношения в дальневосточном регионе на рубеже веков). Харбин, 2000. С.157.

Пик активности на китайско-российской границе пришёлся на 1993 год, когда в России побывали 751 тыс. граждан КНР. Большинство китайцев, прибывавших в Россию под видом туристов, так или иначе занимались бизнесом. Китайские торговцы вели индивидуальную мелкооптовую торговлю, транспортировку и реализацию товара в России; в Китае это явление получило название «народная» торговля.

Понятие «народная» торговля появилось в экономической практике Китая в первой половине 1990-х гг. В Китае это понятие означает товарообменную деятельность, мелкооптовую торговлю, осуществляемую в разрешенных правительством местах или рынках в приграничных районах, на удалении не более 20 км от линии границы. Это «неофициальная» (фэйгуаньфан, букв. «нечиновная») торговля, которую ведут индивидуальные предприниматели или «народные организации» (или частные фирмы)³. «Народная» торговля является одной из форм приграничной торговли⁴.

В России торговля, аналогичная «народной», традиционно называется «челночной», поскольку связана с продвижением товаров по туристическим каналам, часто с вывозом валюты в

¹ Нин Яньхун. Люй Э хуацяо ши (История китайских эмигрантов в России). Пекин, 2015. С.337.

² Чжан Цзунхай. Юаньдун дицхой шицзи чжицзяодэ Чжун Э гуаньси (Российско-китайские отношения в дальневосточном регионе на рубеже веков). Харбин, 2000. С.156.

³ Ларин А.Г. Китайские мигранты в России... С.160.

⁴ Приграничная торговля могла производиться в двух формах: в форме мелкооптовой торговли, которой занимались граждане КНР в 20-километровой приграничной полосе (как правило, это были продукты первой необходимости: фрукты, овощи, пищевые продукты, одежда, обувь, электроприборы), и в форме оптовой торговли, которой занимались компании приграничной торговли, зарегистрированные на порубежных территориях (Рыжова Н.П. «Приграничная «народная торговля» в Благовещенске как механизм формирования экономического и социального симбиоза» // Диаспоры. 2003. №2. С.99).

наличной форме¹. В российских приграничных реалиях это явление не ограничилось 20 километрами, а продвинулось значительно дальше вглубь России: практически во всех российских городах были «китайские» рынки, на которых занимались торговлей китайские «челноки». Бартер сделал возможным ведение торговли без доступа к твердой валюте или коммерческой и расчетной системе международных стандартов, но у такого рода торговли было значительное количество недостатков. Так, Дэвид Керр выделяет следующие: низкое качество бартерной продукции; отсутствие эффективного регулирования торговли и методов расчетов; проблемы недопоставок, обусловленные изменениями цены товара и стоимости доставки². Российский Дальний Восток осуществлял бартер с Японией, Кореей и др. странами, но, в основном, с Китаем, так как Китай был готов к этой форме торговли, а также по причине исключительного соседства Китая и дальневосточных российских территорий (географическая близость в бартере является более значительным фактором, чем в торговле твердой валютой).

В рамках этой торговли российские дальневосточные природные ресурсы и полуфабрикаты обменивались на товары, которые не производились в России либо не поставлялись на российский Дальний Восток. Согласно китайским источникам, 80% продуктов питания и 50% экспортируемой одежды были направлены на Дальний Восток России. В 1992 году уровень экспорта бартерных операций составил 90,6% в общем объеме всех экспортно-импортных операций Дальнего Востока. В связи с их беспрецедентным увеличением, российские власти предприняли попытку регулирования «народной» торговли. Хотя 9 октября 1992 года был принят Закон РФ «О валютном регулировании и валютном контроле» с последующим введением паспортов сделок, сначала специалистов, а затем импортеров, на Дальний Восток и в Северо-Восточную Азию³, 1993-й год стал пиковым для бартерной торговли. Китайско-российская приграничная торговля достигла 2 млрд. долл. США, в т.ч. только через Хэйлунцзян была осуществлена торговля на сумму более 1,5 млрд. долл.⁴. По данным на 1994 г., в Хэйхэ 13 компаний имели лицензию на совершение экспортно-импортных операций с Россией, более 18 компаний выполняли в этой

¹ Симутина Н.Л., Рыжова Н.П. Экономические и социальные взаимодействия на трансграничном пространстве Благовещенск-Хэйхэ // Вестник ДВО РАН. 2007. № 5. С.132.

² Kerr D. Opening and closing the Sino-Russian border: Trade, regional development and political interest in north-east Asia // Europe-Asia Studies. 1996. Vol. 48. No. 6. P.940.

³ Федеральный закон N 3615-I от 09.10.1992 г. «О валютном регулировании и валютном контроле» // <https://zakonbase.ru/content/base/434>. (дата обращения: 03.04.2019)

⁴ Kerr D. Op. cit. P.943.

сфере посреднические функции¹, а в целом около 10 тыс. чел. было вовлечено в приграничную торговлю².

На фоне предпринимаемых российскими административными органами попыток урегулирования приграничных контактов Китай уделял особое внимание дальнейшему развитию «народной» торговли. Намерения оживить деловую жизнь северо-восточных провинций в области международного сотрудничества начали реализовываться еще в начале 1980-х г., когда в Китае стали активно проводиться в жизнь реформы «открытости внешнему миру»: в 1984 г. Госсовет КНР утвердил «Временные способы регулирования приграничной торговли в малых размерах». В этом документе впервые были провозглашены пять принципов малой приграничной торговли – так называемые «пять действий, которые предпринимателю или торговой компании необходимо выполнять самостоятельно»: «самому искать ресурсы», «самому искать пути сбыта», «самому вести переговоры», «самому удерживать равновесие»; «самому отвечать за прибыли и убытки»³. С началом «политики открытых дверей» появилась необходимость заключать сделки с новыми партнерами и осуществлять это в рамках режима реформ, который, тем не менее, не давал рекомендаций относительно того, какие могут быть соответствующие нормы поведения в этих бизнес-сделках. Если китайские предприниматели считали, что традиционных внутренних связей недостаточно для достижения их целей, они искали опору в крупных, устоявшихся сетях зарубежных китайцев, что давало им более широкие возможности⁴.

В целом, Китай к началу 1990-х гг. имел гораздо более сильные коммерческие и предпринимательские традиции, чем Россия, и за 29 лет, прошедших с провозглашения КНР и до начала рыночных реформ в 1978 году, не утерял их. Лозунг о построении общества «сяокан» («средней зажиточности»), который можно расценивать как некую рыночную мораль, был основан на конфуцианских традициях. Хотя частное предпринимательство было практически уничтожено в Ки-

¹ На основании практики торговли между Россией и Китаем китайские исследователи разделяют приграничное посредничество на несколько типов: 1) торговые фирмы, имеющие право на приграничную торговлю, не могут найти подходящего торгового партнера в России, и поручают фирме-посреднику найти торгового партнера; 2) не имеющее право на приграничную торговлю предприятие поручает приграничной торговой фирме (имеющей право на приграничную торговлю) найти в бывшем СССР торгового партнера; 3) предприятие, не имеющее права приграничной торговли, приобретает доверенность у приграничной торговой фирмы, и, действуя от ее имени, ведет переговоры с российскими предпринимателями в экспортно-импортных операциях, заключении контрактов и их выполнении; 4) не имеющее права на осуществление приграничной торговли предприятие и приграничная торговая фирма действуют совместно по развитию приграничной торговли с Россией (например, осуществляют поставки товаров повышенного спроса в Россию) (Лян Маобан. Чжун-Э бяньмао "дайли" сяньсян си (Анализ явления «посредничество» в российско-китайской приграничной торговле) // Фасюэ таньтао. 1992. №4. С.15-19).

² Чэнь Гуйчжэнь. Цяньтань бяньмао цие дэ даньань гуаньли (Краткий анализ управления архивными документами предприятий приграничной торговли) // Хэйхэ сюэкань. 1994. №3-4. С.128.

³ Нырова Н. Китайские компании приграничной торговли и их место в международной преступной деятельности // Проблемы Дальнего Востока. 2004. №1. С.88.

⁴ Sheila M., Puffer Daniel J., Mccarthy Max Boisot. Entrepreneurship In Russia And China: The Impact Of Formal Institutional Voids // Entrepreneurship Theory And Practice. 2010. №3 (34). P.454, 457.

тае между 1949 и 1978 годами – действительно, маоистская доктрина сделала этот вопрос табуированным – экономические реформы, начатые в 1978 году, хотя и были санкционированы китайским руководством, в некоторых отношениях были ответом на восходящую предпринимательскую динамику, вызванную нищенским положением китайского крестьянства. Большинство принятых реформ способствовали развитию предпринимательского климата.

Предпринимательская деятельность стала ключевой целью пребывания китайских туристов в России и серьёзным вызовом российской экономике. Специфика этой деятельности и привела к возникновению феномена «народной/челночной» торговли как особому социально-экономическому явлению. Как отмечает В.И. Дятлов, «народная» торговля сыграла огромную, возможно, даже решающую роль в снабжении русского населения в критический момент краха социалистической экономики. Для сотен тысяч занятых в ней людей она стала школой предпринимательства, инкубатором для мелкого и среднего бизнеса. Были сформированы огромные товарные трансграничные потоки, почти не учтенные официальной статистикой¹. «Главными участниками приграничной торговли в области выступают различные коммерческие структуры, как правило, не имеющие собственной производственной базы и выполняющие посреднические функции, а также частные лица, так называемые «челноки». Доля физических лиц во внешнеторговом обороте области выросла с 21,1% в 1995 г. до 36,9% в 2001 г. А долю «челноков» вообще посчитать трудно, так как они не вписываются в действующую систему учета»².

Китайские исследователи, со своей стороны, отмечали: «между Россией и Китаем существуют самые простейшие формы торговли, в которой наибольшая доля принадлежит торговле сырьем, товарами легкой промышленности и товарами ежедневного потребления низкого качества. Среди китайских предпринимателей абсолютное большинство предлагают на российском рынке только простые повседневные товары. Качество управления предпринимателями своим бизнесом и выполнение ими взятых на себя обязательств – низкие. Одна из причин этому – их низкий уровень образования и культуры»³.

Характеризуя явление «народной» торговли, отметим, что оно было вызвано к жизни переходным характером экономик обеих стран. В начале 1990-х гг. российское государство, в условиях смены экономической парадигмы, разрешило беспрошленный ввоз товаров в ограниченных количествах, что позволило в краткие сроки частично решить проблему наполнения потребительского рынка. Хотя уже в этот период высказывались рекомендации перейти на следующий этап при-

¹ Дятлов В.И. Постсоветские рынки под открытым небом: новый феномен или продолжение традиции? // Сибирские исторические исследования. 2017. № 1. С.104.

² Дьяченко В.Н., Понкратова Л.А. Использование потенциала приграничного положения в социально-экономическом развитии Амурской области // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. 6. Благовещенск, 2003. С.335-336.

³ Ли Цзинъюй, Ли Цзин. Элосы Юаньдун цюйюй кайфа чжун дэ Чжунго иминь вэньти таньтао (К вопросу о роли китайских мигрантов в развитии дальневосточного региона России) // Сиболия яньцзю. 2012. №2 (39). С.25.

граничных отношений, который отличался бы качественно новыми видами хозяйственного партнерства, предполагающий производственную кооперацию, инвестиционное сотрудничество, создание производственных совместных предприятий¹.

Однако, как интенции китайских предпринимателей, стремящихся к быстрому обогащению и поэтому не планирующих долгосрочное инвестирование своих капиталов, так и российская экономика в состоянии реформ – все это не позволило перейти на качественно новый уровень сотрудничества. Что касается «народной» торговли, то в последующие годы она упорядочилась: появилось разделение между поставщиками, лицами, транспортирующими товар, и торговцами на российских рынках². «Народная» торговля обусловила создание целой инфраструктуры на приграничных территориях: разветвленная сеть турфирм, специализировавшихся на шоп-турах, карго-фирм, гостиниц, кафе, баз и складов.

С феноменом «челночничества» тесно связано и развитие уличных открытых рынков: именно «челноки» обеспечивали приток импортных товаров на базары, которые в 1990-е г. стихийно возникали по всей России. Их функционирование было закреплено указом Президента РСФСР № 232 от 25.11.1991 г. «О коммерциализации деятельности торговых предприятий в РСФСР», который предоставил торговым предприятиям самостоятельность, а также указом Президента РСФСР № 65 (1992 г.) «О свободе торговли», разрешившем торговлю без лицензии и регистрации любому физическому и юридическому лицу³.

Уличные рынки под открытым небом в 1990-е гг. стали качественно новым феноменом, новизна которого определялась контекстом – особыми экономическими и социальными функциями в переходную эпоху, новыми людьми и новыми отношениями. Как особый институт переходного периода в постсоветской России, уличные рынки представляли собой экономически важные объекты, отражавшие саму суть переходного периода. Также уличные рынки под открытым небом представляли собой общественные городские пространства, где взаимодействовали различные этнические группы, места, где пути людей и товаров были тесно взаимосвязаны. Рынки под открытым небом работали в отчетливо «серой» экономической зоне, где формальные экономические практики сливались с неформальными стратегиями⁴. По определению В.В. Радаева, «розничные рынки – групповое размещение торговых объектов внемагазинного формата. Независимо от того, располагаются они в крытом строении или под открытым небом, рынки –

¹ ГААО. Ф.Р-2286 Оп.1. Д.154. Л.5.

² Загребнов Е. Экономическая организация китайской миграции на российский Дальний Восток после распада СССР // Прогнозис. 2007. №1(9). С.252-277.

³ Указ Президента РФ от 29.01.1992 N 65 (ред. от 16.05.1997) «О свободе торговли». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_288/; Указ Президента РФ от 16 февраля 1992 г. N 144 «О коммерциализации деятельности предприятий потребительской кооперации в Российской Федерации» URL: <http://base.garant.ru/5139011/#ixzz6DQRce8gQ> (дата обращения: 09.02.2020).

⁴ Дятлов В.И. Постсоветские рынки под открытым небом: новый феномен или продолжение традиции? // Сибирские исторические исследования. 2017. №1. С.100.

это объединение торговых объектов, не относящихся к числу капитальных строений (павильон, киоск, палатка, товарный лоток, разъездная торговля)»¹.

«Народная» («челночная») торговля быстро переросла масштабы предложенных площадок – бывших колхозных рынков, городских рыночных площадей. Стали создаваться новые торговые площадки на пустырях, бывших стадионах, закрывшихся фабриках и заводах и пр. Так, в г. Зея Амурской области этнический «китайский» рынок расположился в зрительных залах бывшего кинотеатра. Однако, как отмечают исследователи, «это были не только новые площадки, но и новый стиль, новые механизмы организации, власти и контроля. Происходит быстрый переход от торговли с рук к прилавкам, контейнерам, ангарам. Рынки обрастают обслуживающей инфраструктурой и сопутствующими услугами. Был стремительно пройден путь от первоначального хаоса и индивидуальных усилий (где рынок был просто площадкой для торговли) к системе, от конгломерата отдельных торговцев – к структурированию, сетям, параллельным институтам власти и управления. К рынку – как сложно организованному организму»².

Китайские исследователи подтверждают: любой российский рынок любого российского города был исключительно важен для китайских торговцев, средних и малых китайских предприятий. С начала 1990-х гг. здесь была сформирована торговая сеть по продаже товаров среднего и низкого качества. Для этого необязательно было говорить по-русски, необязательно было иметь высшее образование, требовалось только арендовать место для торговли. Совершенно не умеющие вести бизнес тоже находили себе здесь применение – работали грузчиками. Эта среда рынка сформировала вокруг себя сопутствующие компоненты, рассчитанные только на китайцев: кафе, продуктовые магазины, парикмахерские, компании экспресс-почтовых перевозок, фирмы, занимающиеся оформлением визовых документов и т.д. Можно сказать, что большой рынок представлял собой отдельное общество. В этом «обществе» жизнь китайцев, не знающих российской культуры и русского языка, тем не менее, почти не отличалась от их жизни на родине³.

В 1990-е гг. рынки под открытым небом приобрели обиходное название «китайский» рынок. На самом деле, помимо китайских торговцев, фактически в одной местности жили и работали самые разные этнические группы. Согласно определению Т.Н. Журавской, «этнически маркированный «китайский» рынок – торговое предприятие, объединяющее независимых продавцов путем предоставления места на правах аренды, где преобладают товары китайского производства и торговля ведется преимущественно гражданами КНР (при этом не исключено присутствие граждан и товаров других государств)». На «китайском» рынке торговля осуществлялась как в

¹ Радаев В.В. Захват российских территорий: новая конкурентная ситуация в розничной торговле. М.: ГУ ВШЭ, 2007. С.54.

² Дятлов В.И. Постсоветские рынки ... С.104-105.

³ Хун Хуа. Элосы хуажэнь хуацзи дэ сяньчжуан цзи данди цзинци дэ гуаньси (Современное состояние китайских предприятий и китайских предпринимателей в России и региональные экономические связи) // Элосы Чжунъя Дунъюу шичан. 2011. №1. С.49.

розницу, так и оптом; в установленной цене заложена возможность торга¹. В то время как средняя заработная плата в Китае варьировалась от 30 до 120 долларов в месяц, ежедневная прибыль, многократно превышающая эту сумму, могла быть получена путем продажи китайских потребительских товаров. По одной из оценок, китайские «челноки» зарабатывали до 500 долларов в день, однако установить точную цифру не представляется возможным, потому что торговцы всячески уклонялись от налогов и скрывали свои доходы: так, во Владивостоке один китайский торговец, который торговал солнцезащитными очками, ручками, радио и женскими чулками сообщил, что он зарабатывал около 600 долларов в месяц².

Рынки были организованы по этническому признаку: каждый этнос занимал свое определенное место. Этническая топография этих рынков выражалась не только в пространственной сегрегации, но и в типах товаров, предлагаемых различными этническими группами. Среди китайских и вьетнамских торговцев существовала иерархия, причем среди вьетнамцев это было более скрыто. Но китайцы, например, имели от двух до трех начальников на каждые 150 торговцев³.

Рынки под открытым небом стали прибыльным бизнесом не только для владельцев палаток, но и для администрации рынка и целого ряда вовлеченных компаний. Кроме того, рынки под открытым небом привлекали рэкет-группы, которые пытались навязать продавцам и владельцам палаток так называемые «крыши» (меры защиты), иногда с самыми серьезными последствиями. В сентябре 2000 года на директора и совладельца Баляевского рынка (самого крупного на тот момент в г. Владивостоке вещевого рынка, где торговали в основном китайцы) Валериана Бачурина было совершено смертельное покушение. Бачурин стал уже четвертой жертвой борьбы за рынок, до этого расправились с его сыном, зятем и компаньоном. В совершении преступления подозревали китайские преступные группировки⁴.

Заместитель директора, в свою очередь, занял прагматичную позицию по отношению к организованной преступности на территории своего рынка: «У нас есть поговорка: на территории нашего рынка организованная преступность существует только в форме администрации. За пределами нашего рынка вы можете делать все, что захотите, построить крышу или что угодно. Но если к нам придет какая-то крыша, любая крыша, мы возьмем предпринимателей вместе с их крышей и просто выбросим их с рынка и тем самым прекратим их дела. Если я правильно помню, это случилось дважды. Китайцев [которые были вовлечены в это] больше нет, они отступили, и это больше не повторилось». Были и прецеденты, обусловленные жесткой конкуренцией. Так, по словам заместителя директора, «в 1996 году ОМОН появился на четырех автобусах, окружил

¹ Журавская Т.Н. Посетители «китайского» рынка... С.121.

² Hyer E. Dreams And Nightmares: Chinese Trade And Immigration In The Russian FarEast // The Journal of East Asian Affairs. 1996. Vol.10. No 2. P.299.

³ Holzlehner T. Shadow Networks: border economies, informal markets, and organized crime in Vladivostok and the Russian Far East. PhD Dissertation. University of Alaska Fairbanks, Alaska. 2006. P.66.

⁴ Коммерсантъ. № 175 от 20.09.2000. С.12.

наш рынок, собрал вместе всех китайских торговцев, конфисковал все их паспорта, отправил их на Спортивную и сказал им: если вы начнете работать здесь, вы получите свой паспорт обратно. До этого времени в этом месте был только продуктовый рынок, поэтому туда отправляли китайцев». Этот конфликт был спровоцирован частным предпринимателем со значительным влиянием в местных структурах власти¹.

Всего в 1990-е гг. во Владивостоке было три основных «китайских» рынка – на Второй Речке, на Баляева, на Спортивной; а также небольшой рынок на Луговой. Основные блоки этих рынков можно разделить на три категории: контейнеры, киоски и открытые лотки. По сравнению с рынком на Баляева рынок на Спортивной предлагал более широкий ассортимент товаров и имел более сложную структуру. Этот большой рынок под открытым небом, окружавший бывший спортивный стадион, в 1990-е гг. насчитывал около 1500 торговых палаток. Если учитывать в среднем от одного до двух продавцов в каждой палатке, на рынке присутствовало до 2000 торговцев разных национальностей и этнических групп².

В Благовещенске стихийное заполнение торговых площадок муниципального Центрального рынка стало происходить в начале 1990-х гг. Изначально здесь были торговые места на улице, места в здании и пристройка под крышей, затем китайские мигранты стали рядом стихийно оборудовать себе места для торговли. Рынок фактически разделился на две части: «китайскую» и «русскую». Торговаться можно было только в «китайских» рядах. Хотя были «русские» ряды, рынок стали называть «китайским»³. Организуя для китайских туристов шоп-туры, туристические фирмы Благовещенска бронировали для них торговые места на центральном рынке города. Плата за места для торговли в 1996 г. составила 5,2 млрд. руб., в 1997 г. – 8,7 млрд. руб. (цены указаны до деноминации), а за бронь – 486,4 млн. руб. и 636,1 млн. руб. соответственно. Сумма налогов с китайских граждан в бюджет города в 1996 г. равнялась 2,9 млрд. руб., в 1997 г. – 3,1 млрд. руб., в 1998 г. – 3,8 млн. руб., в 1999 г. – 8,8 млн. руб.⁴. Можно утверждать, что большая часть китайских предпринимателей концентрировалась здесь, это был для них своеобразный механизм адаптации к принимающему обществу, основное поле их экономической деятельности⁵. К концу 1990-х гг. в Благовещенске на «китайских» рынках торговли занимались по меньшей мере 10 тыс. китайских мигрантов⁶. Причем, если в начале своей коммерческой деятельности они

¹ Holzlehner T. Op. cit. P.66.

² Holzlehner T. Ibid. P.67.

³ Журавская Т.Н. Посетители «китайского» рынка... С.121.

⁴ Колядин А.М., Мосенцова Т.М. Экономическое сотрудничество и взаимосвязи Благовещенска со странами АТР // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Благовещенск, 2000. С.169-170.

⁵ Дятлов В.И. «Китайские рынки» российских городов – «уходящая натура»? // Известия Иркутского гос. ун-та. Серия «Политология. Религиоведение». 2008. №1. С.24.

⁶ Нин Яньхун. Люй Э хуацяо ши (История китайских эмигрантов в России). Пекин, 2015. С.338.

в случаях грабежей и вымогательств в отношении них обращались в правоохранительные российские органы, то в последующем стали обеспечивать свою защиту сами.

С конца 1990-х гг. функционировала как «китайская» плодоовощная база Благовещенска. Хотя она не имела статуса розничного рынка, этнически маркированной ее делало преобладающее (70–80 %) число предпринимателей из КНР (70–80 %). Здесь велась торговля мелким и средним оптом, не исключалась и продажа в розницу. Плодоовощная база была связующим звеном между китайскими производителями и амурскими потребителями, демонстрируя типичный механизм торговых связей: товар оформлялся русскими посредниками, затем передавался оптовым продавцам в России, поступал на плодобазу, где оказывался перекуплен торговцами, специализирующимися на более мелком опте – китайцами; далее товар поступал в точки сбыта (некоторые предприниматели и сами возили товар из Китая, но таковых были единицы). Другой вид китайского бизнеса – фирмы, выращивавшие овощи и бахчевые культуры на территории Амурской области, привлекая для сельскохозяйственного труда рабочих из КНР. Занятые таким родом деятельности предприниматели также могли участвовать в доставке товаров из КНР, при этом, как показало исследование, среди них практически не было тех, кто легально вел дела: в Россию они приезжали по гостевой визе, не разрешавшей занятия бизнесом¹.

Когда в начале 1990-х гг. на Дальнем Востоке России появились рынки под открытым небом, почти все торговцы и продавцы были гражданами Китая. Однако в конце 1990-х гг. уличные рынки уже представляли собой несколько иную картину. Русские и вьетнамские продавцы появились на рынках в большем количестве и заменили китайских граждан. Китайские продавцы отошли на второй план в качестве владельцев палаток, оптовых торговцев или импортеров, тем самым утвердившись в качестве посредников на российском Дальнем Востоке. Различные китайские предприниматели в 1990-е гг. накопили достаточно капитала, чтобы инвестировать его в конце 1990-х – начале 2000-х гг. в оптовую торговлю или постоянные магазины в новых торговых центрах. Рынки под открытым небом медленно, но неизбежно превращались в торговые центры.

У населения на российском Дальнем Востоке был накоплен разный, порой неоднозначный опыт взаимодействия с китайскими коммерсантами. Так, в г. Лучегорск (Приморский край) открывшийся в середине 1990-х гг. китайский рынок несколько раз становился объектом обсуждения на страницах местных СМИ. Журналисты освещали конфликты, связанные с недопониманием китайских продавцов и российских покупателей: отказ продавца возвращать деньги за некачественный товар, попытки покупателей вернуть бывший две недели в использовании товар,

¹ Журавская Т.Н. «Собственники без собственности»: неформальные практики в условиях открытого рынка // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. № 5. С.57-59.

попытки вернуть товар, который продавец не завозил в Россию и пр.¹. Помимо мелких конфликтов, журналисты указывали на завышение цен китайскими торговцами, отсутствие правил торговли и т.д. Действительно, китайские рынки в городах создавались стихийно, зачастую местными властями им выделялось просто место под открытым небом. Расцвет открытых рынков был характерен для всего постсоветского пространства, работающие на них «челноки» стали первыми предпринимателями, для которых бизнес начался «снизу» и стал возможен благодаря приватизации и либерализации внешнеэкономической деятельности². Однако в целом российская администрация отмечала, что китайские коммерсанты – удобные партнеры: «это самая законопослушная и управляемая категория торгующих. К тому же, в отличие от наших, они не обманывают покупателя и не выдают свой товар за какого-нибудь Кардена. Если получают претензии по качеству, обменивают товар без пререканий»³.

В целом, среди российских потребителей сложилось устойчивое предубеждение против качества китайских товаров: «кто-то мужественно травился китайским спиртом, кто-то нервно чесался от сахара, которым, кстати, даже пчелы наши брезгуют. Причем античеловечными были не только продукты, но и товары: достаточно вспомнить массовые отравления детей из-за краски на игрушках»⁴. В одной из статей приводилась следующая статистическая справка: «Из 1200 проверенных стереомагнитол 765 забракованы в связи с дефектами производственного характера. Из 13500 штук замков дверных забраковано 100 процентов. Термосы (арт. 021-5302), емкость 2 литра, – дефекты механического характера, некомплектность, нарушение целостности колб (поставщик – китайская компания изотермических сосудов, г. "Тяньцзинь")»⁵.

«Китайские» рынки нередко представляли собой сложную многоуровневую структуру. Торговый центр «Уссури-центр», созданный российскими организациями с привлечением китайского капитала, на август 1998 г. занимал площадь в 25 гектаров. Территория рынка была разбита на пять административных площадей, во главе каждой стоял администратор. В «ООО Уссури-центр» работало более 200 человек технического персонала и около 1500 торговцев. Для удобства продавцов (70% из них составляли китайские граждане) было построено пять общежитий, четыре гостиничных комплекса (на 900 человек). Инвестиции на их строительство выделяли китайские фирмы. На рынке работал международный переговорный пункт. Безопасность и порядок обеспечивала собственная служба безопасности. Функционировал также свой банно-прачечный

¹ Барчо А.А. И вновь о китайском рынке...: [беседа с владельцем, предпринимателем о проблемах китайской торговли в пос. Лучегорск / вела А. Тишкова] // Победа (Пожар. р-н). 1998. 18 авг.

² Яковлев А., Голикова В., Капралова Н. Непотопляемый челнок или Секреты успешного выживания «нецивилизованных форматов» в розничной торговле. 2005 //Федеральный образовательный портал «Экономика. Социология. Менеджмент». <http://www.ecsoman.edu.ru/db/msg/238214.html> (дата обращения: 29.04.2019).

³ Орел, Л. Китайцы не против правил: [на рынках Владивостока присутствие кит. торговцев неуклонно сокращается] // Золотой Рог. 2000. 4 апр. С. 17.

⁴ Пронин А. Торговля с Китаем: займет ли она свое место? // Владивосток. 1995. 1 июня. С. 4.

⁵ Уфимцев Ю. Приморье: миллиард китайцев: [о торговле с Китаем] // Новости. 1996. 19 апр. С. 15.

комбинат, кафе «Дружба» и «Караоке», пункт налоговой службы и пр.¹. Михаил Ветрик, директор Уссурийского китайского торгового центра, отмечал: «в 1996 году здесь было болото, и теперь на его месте у нас есть торговая зона площадью 20 гектаров с шестью залами. Это зона, где ведутся погрузочно-разгрузочные работы, техническое обслуживание, функционирует служба регистрации паспортов, полицейский участок, международная телефонная станция, новые общественные туалеты, а также рестораны китайской, корейской и русской кухни. Мы получаем [в 1998 году] 10-11% налоговых поступлений для города Уссурийска [население 160 000 человек], это где-то 750 тыс. – 1 млн. долл. США»².

В целом «китайские» рынки в 1990-е гг. выполняли важные социально-экономические функции: обеспечивали средне- и низкодходные сегменты потребителей дешевыми товарами, служили логистическими центрами для внутренней торговли, давали рабочие места для местного населения и мигрантов, служили площадкой для начинающих предпринимателей, предоставляли возможность временного заработка и пр. Всё это объясняет жизнеспособность открытых оптово-розничных этнически маркированных рынков, несмотря на все предпринятые со стороны властей попытки сделать такую торговлю «более цивилизованной», пресечь имевшую место незаконную трудовую деятельность китайских граждан на рынке, прибывавших по туристическим визам³.

Китайской «народной» торговле были свойственны определенные особенности. Для провинций Хэйлунцзян и Цзилинь (а затем для 20-километровой пограничной зоны) была создана оптимальная налоговая система, которая стимулировала экономическое развитие приграничных северо-восточных районов. На месте провинциальных деревень на китайской стороне развивались современные города и городские поселения; в Северо-Восточном Китае активно сооружались железные и автомобильные дороги, направленные к границам России. С китайской стороны сформировалась и функционировала структура, обслуживавшая рынки и магазины, гостиницы, рестораны и кафе для туристов и «челноков»⁴. Провинция Хэйлунцзян имела множество преимуществ для развития туристического бизнеса, важнейшее из которых – исключительно выгодное географическое положение и граница с Россией. Ежегодно провинция принимала более 70 тыс. туристов из России⁵.

¹ Город в городе: Китайский рынок // Коммунар (г. Уссурийск). 1998. 14 авг. С.1, 2, 6.

² Alexseev M.A. Economic valuations and interethnic fears: perceptions of Chinese migration in the Russian Far East // Journal of Peace Research. 2003. №1(40). P.88.

³ Журавская Т.Н. Особенности и социально-экономические функции «китайских» рынков на Дальнем Востоке // Современные проблемы регионального развития: материалы V международ. науч.-практич. конф. Биробиджан, 2014. С.224.

⁴ Майоров С. Челноки // Отечественные записки, 2002. №7. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/oz/2002/7/chelnoki-2.html>; Попов И. Челноки украли миллиард долларов у российско-китайской торговли // Финансовые известия. 2002. 26 марта.

⁵ Чжан Цинхэ. Майсян синь шицзи дэ Хэйлунцзян шэн льюйюе (Туристическая отрасль Хэйлунцзяна, устремленная в новый век) // Чжунго дуйвай маои. 1994. №7. С.13.

Создавались новые источники доходов местных бюджетов, что способствовало росту внутреннего рынка. Китайцам удалось минимизировать затраты на доставку грузов к границе, переложив большую часть из них на плечи «челноков», тем самым снизив стоимость своих расходов. Так, по данным В.Г. Гельбраса, торговые операции по закупке китайских товаров совершали ежегодно около 800 тыс.чел., причем объем закупок каждого из них мог составлять 5-6 тыс. долл.¹. Китайские исследователи так расценивают вклад «народной» торговли с Россией: она помогла удовлетворить срочные жизненные нужды россиян, оживила российскую экономику, помогла российским бизнесменам получить опыт ведения торговли, стимулировала трансформацию российской экономики от плановой к рыночной, создала множество возможностей для трудоустройства россиян и китайцев, усилила взаимодействие между Россией и Китаем². «Челночный» бизнес был чрезвычайно активной, но примитивной формой сотрудничества, «за счет его массовости достигался экономический эффект, ощутимый даже в масштабах государства»³.

Администрации северо-восточных китайских провинций неоднократно предпринимали попытки упорядочить хаотическую «народную» торговлю, поднять уровень товаров и пресечь производство контрафактных товаров. Они стали вовлекать в приграничную торговлю крупные китайские фирмы центральных и восточных провинций, усилили таможенный контроль и обратили особое внимание на регулирование деятельности приграничных торговых рынков. Все чаще поднимался вопрос о прекращении бартерной торговли и переходе к торговле твердой валютой, каким болезненным бы ни был этот шаг. В административных кругах росло понимание того, что торговый «бум» 1992-1993 гг. был результатом отсутствия необходимых норм в правовой и экономической сферах, а сама такая торговля мало способствовала устойчивому региональному развитию и вводила от необходимости структурных изменений⁴.

В целом же, за десятилетний период 1990-х гг. общая сумма экспорта и импорта товаров только через Хэйхэ составила 2 млрд. 80 млн. долл. Было совершено 1 млн. 120 тыс. пересечений границы «с целью туризма» (а фактически с целью торговли), объемы которой китайские исследователи за период 1990-х гг. оценивают в 590 млн. юаней⁵. Народное правительство Хэйхэ в построении туристического бизнеса руководствовалось выражением «Люй мао син е, син бянь

¹ Гельбрас В.Г. Китайская реальность России. М., 2001. С.300.

² Вэнь Цзиньхуа. Люй Э хуашан дэ дивэй, цзюнь хэ цянью - дуй Э миньмао шинянь хуэйгу (Статус, роль и перспективы китайских торговцев в России - десятилетняя ретроспектива народной торговли с Россией) // Дун Оу Чжун Я шичан яньцзю. 2001. №7. С.10-11.

³ Кравчук С.А. Формирование пограничной политики России в Дальневосточном регионе (90-е годы XX века). Хабаровск, 2007. С. 63. Так, по расчетам специалистов Института международных экономических и политических исследований РАН, к началу 2000-х гг. «челночным» бизнесом в стране занималось свыше 5 млн. чел., которые ежегодно добавляли 12-15% к официальному внешнеторговому обороту России (Костылева Е.В. Развитие «челночного» бизнеса в российской Федерации // Известия БГУ. 2009. №5. С.132).

⁴ Kerr D. Op. cit. 6. P.944.

⁵ Юй Сяодун. Гуаньюй фацжань Чжунго Хэйхэ юй Элосы Амуэр чжоу цзинмао хэцзо дэ дуйцэ цзяньи (Ответные предложения по развитию торгово-экономического сотрудничества Хэйхэ (КНР) и Амурской области (Россия) // Дуньюу Чжунъя шичан яньцзю. 2001. №8. С.3.

фу минь» («Туризм и торговля способствуют экономическому развитию, что служит обогащению народа»). Фактически туризм и торговля между приграничными российскими и китайскими городами представляли собой два неразделимых явления, они «слились воедино»¹.

Как замечают исследователи, Хэйхэ получил свой статус «открытого города первой категории» в 1986 г. именно в связи с решением китайского правительства «идти вовне»: 6 марта 1991 г. в КНР был открыт рынок российско-китайской «народной» торговли между городами Благовещенск и Хэйхэ (на острове Большой Хэйхэ), в том же году был открыт рынок «народной» торговли в г. Суйфэньхэ². В марте 1992 г. была утверждена зона приграничного экономического сотрудничества г. Хэйхэ, которой был предоставлен государственный статус. «Анализ различных источников позволяет утверждать, что правительство Китая надеялось на активное использование ресурса границы преимущественно за счет приграничной торговли, и когда стало понятно, что «нормальный» ее вариант развивается недостаточно эффективно, обратило внимание на «народную» торговлю и стало ее всячески стимулировать... Однако уже к концу 1990-х гг. неформальные модели экономического поведения закрепились, акторы двух стран адаптировались к рынку с «невключенными» формальными регуляторами, и поэтому изменение правил ведения бизнеса очень часто приводило (и приводит) к тому, что формируются новые неформальные деловые схемы и механизмы обхода применяющегося в РФ законодательства»³. Отметим, что торговые операции местного населения вряд ли поддаются учету, но не вызывает сомнения тот факт, что благодаря «народной» торговле население российских приграничных территорий с меньшими потерями перенесло тяготы начального периода постсоветских реформ.

Очевидно, что «народная» торговля имела существенные отличия от экономического поведения в условиях нормально функционирующей развитой рыночной системы, где оно соответствовало бы принятым правовым и моральным нормам. При этом, в 1990-е гг. на российско-китайской границе имело место столкновение не только деловых интересов, но и разных этических традиций: «в западной деловой практике соблюдение слова и доверие в бизнесе составляют часть

¹ Го Вэньгуй. Хэйхэ дуй Э люйю цуньцай дэ вэньти цзи дуйцэ (Туризм из Хэйхэ в Россию: существующие проблемы и пути их решения) // Хэйхэ сюэкань. 1998. №6. С.35.

² Уже к 1998 г. в маленьком городе Суйфэньхэ, население которого насчитывало 50-60 тыс. чел., действовали 3 международных туристические компании, 25 китайских турфирм, кроме того, ряд фирм действовали неофициально, не были зарегистрированы, и их количество невозможно установить. Годом ранее через Суйфэньхэ в Китай въехали туристы 173 тыс. раз, что составило 51% от всех посещений туристами пров. Хэйлуцзян. Валютная выручка Суйфэньхэ от приграничных поездок в 1997 г. составила 9,7 млн. долл., полученная сумма налогов – 18,8 млн. юаней (Лян Кэи. Чжун Э бяньцзин люйю сяньчжуан цзи хайгуань цзяньгуань дуйцэ (Современное состояние приграничного российско-китайского туризма и меры по его таможенному контролю) // Чжунго хайгуань. 1998. №9. С.25-26).

³ Симутина Н.Л., Рыжова Н.П. Экономические и социальные взаимодействия на трансграничном пространстве Благовещенск-Хэйхэ // Вестник ДВО РАН. 2007. № 5. С.136.

механизма капиталистической экономики. Однако в Китае значительно более важную роль играли неофициальные нормы человеческих отношений (гуаньси)»¹. Суть гуаньси (кит. 关系 – помощь, поддержка, связи) состоит в том, чтобы установить прочные связи между людьми посредством оказания взаимных услуг, причем это касается не только семейных отношений, но и деловых. Торговцы за рубежом тесно связаны с торговцами внутри Китая, любой спрос от покупателей в любой стране сразу же транслируется в Китай для скорейшего поиска необходимого заводизготовителя либо услуги². Сравнивая русскую дефиницию «блат» и китайское «гуаньси», исследователи отмечают, что термин гуаньси нейтрален в социуме и потерять гуаньси воспринимается как резко отрицательное явление, между тем как блат несет негативный оттенок, а потерять его означает нередко вопрос жизни и смерти³.

Гуаньси обуславливают существование иерархии внутри китайского предпринимательства, как формальные, так и неформальные практики ведения ими бизнеса. В «народной» торговле граница между законностью и незаконностью становилась все более размытой. «Народная» торговля могла объединять законное (например, импорт одежды) и незаконное (например, контрабанду алкоголя) поведение в одном транспортном канале. Кроме того, «народная» торговля использовалась в больших масштабах для уклонения от налогов на импорт. В 1999 году объемы торговли, осуществляемые китайскими предпринимателями, в три раза превысили объем официально зарегистрированной торговли между Приморским краем и Китаем⁴. При этом, торговцы «челноки» не считали свою экономическую деятельность незаконной, несмотря на то, что действовали в серой правовой зоне. Как замечает Т. Хольцленер, «это был как раз пример незаконных транснациональных перемещений, поскольку они бросали вызов нормам и правилам формальной политической власти, но они были вполне приемлемы, «законны» в глазах участников этих транзакций и потоков»⁵.

Можно выделить следующие типичные алгоритмы в китайском мелком бизнесе:

Закупка. Мелкий бизнес часто являлся семейным, специализирующимся на конкретных видах товара, которые закупались как в приграничных городах (г. Хэйхэ и пр.), так и в более крупных – Харбине, Пекине и т.п. Товар закупался на крупных предприятиях, в маленьких полукустарных частных кооперативах, брался под реализацию у третьих лиц, а также изготавливался самостоятельно.

¹ Борох О.Н. Рыночные реформы в КНР: этическое измерение // Китай и Россия: Развитие экономических реформ / Под ред. Л.В.Никифорова, Т.Е.Кузнецовой, М.Б.Гусевой. М.: Наука, 2003. С.89.

² Тан Линьяо. Фанжэнь юй гуаньли дэ хоцы хоби: Элосы дасин шичан яньбянь лу (Попустительство или тотальный контроль: размышления об эволюции российских крупных рынков). Пекин, 2010. С.201.

³ Michailova S., Worm V. Personal Networking in Russia and China: *Blat* and *Guanxi* // European Management Journal. 2003. №4 (21). P.515.

⁴ Alexseev M.A. Socioeconomic and Security Implications of Chinese Migration in the Russian Far East // Post-Soviet Geography and Economics. 2001. № 42(2). P.103.

⁵ Holzlehner T. Op.cit. P.12.

Доставка. Механизм доставки был связан как с неформальными, так и криминальными действиями. Китайские предприниматели привлекали не только собственные ресурсы: грузы доставлялись преимущественно российскими организациями (как формальными, так и неформальными). Официальная перевозка дешевых низкокачественных товаров с уплатой всех пошлин и налогов делала их неконкурентоспособными. Поэтому китайские предприниматели использовали организованные неформальные группы подставных лиц – «кирпичей», «фонарей», провозящих товары через границу под видом вещей для личного пользования. Сотрудники таможен имели возможность за определенное вознаграждение пропускать партии товаров без уплаты пошлин.

Сбыт. Труднопреодолимые административные барьеры для получения официального разрешения на торгово-коммерческую заставляли китайских торговцев прибегать к помощи российских граждан для осуществления торговли. На российских граждан оформлялись частные предприятия, бронировались места на рынках и пр.

Перевод валюты. Выручка могла быть переправлена в Китай несколькими способами.

- «финансовый посредник», имеющий свою «фирму», перевозил через российско-китайскую границу выручку в долларовой валюте, приобретенной как через официальные обменные пункты, так и на теневом валютном рынке. Валюта вывозилась контрабандно китайским или русским «фонарем».

- «телефонный» банк. При наличии на территории России легальной фирмы-нерезидента, выручка в рублевой валюте может оставаться на территории для текущей хозяйственной деятельности, а по телефону в Китай сообщалось, кому и сколько надо заплатить.

- «реинвестиционная» схема. Финансовый посредник вкладывал инкассированные рубли в товар для дальнейшего экспорта в Китай или открывал на территории России небольшой производственный бизнес¹.

Объемы неформального оборота товарами в торговле России и Китай в 1990-е – начало 2000-х гг. показаны в табл. 10.

Таблица 10

Ненаблюдаемый оборот в российско-китайской внешней торговле товарами, млн. долл.

Показатель	1992 г.	1997 г.	2001 г.
По данным КНР			
Экспорт КНР из РФ	2337	2035	2715
Импорт КНР из РФ	3512	4084	7959
Торговый оборот КНР с РФ	5849	6119	106674
По данным РФ			

¹ Рыжова Н.П. Трансграничный рынок в Благовещенске: формирование новой реальности деловыми сетями «челноков» // Экономическая социология. 2003. №5. С.54-71.

Экспорт РФ в КНР	2864	3981	5596
Импорт РФ из КНР	1790	1261	1646
Торговый оборот РФ с КНР	4655	5242	7242
(А) превышение данных по экспорту РФ в КНР над данными по импорту КНР из РФ	-648	-103	-2363
(В) превышение данных по импорту РФ из КНР над данными по экспорту КНР в РФ	-546	-774	-1069
Превышение данных по торговому обороту	-1194	-877	-3432
Совокупное расхождение (а+в)	1194	877	3432
То же, в %	25,7	16,7	47,4

Таблица приведена по: Рыжова Н.П. Неформальная модель торговой интеграции. Случай России и Китая // Ойкумена. 2011. №3. С.23.

Торговцы получали доходы, используя культурный и экономический дисбаланс в условиях приграничья. Так, растения и животные, которые высоко ценились в китайской кухне и медицине, стали ценным товаром для предпринимателей. «Народная» торговля включала в себя как товары, импортируемые из Китая (например, одежду, обувь и т. д.), так и контрабанду, экспортируемую из России (например, женьшень, части медведя и тигра и т. д.) и реализовывалась через различные теневые сети, объединявшие отдельных «челноков» и оптовых торговцев. Характеристики этих сетей зависели от конкретной формы торговли: наемные челночные торговцы работали группами, собранными оптовыми торговцами; независимые челночные торговцы были вовлечены в близкие семейные или дружеские сети; контрабандисты работали «в связке» с браконьерами и оптовыми торговцами. В первом случае, наемные челноки (наемные «челночные» торговцы) – это были временно собранные группы, связанные единственной целью своего путешествия – перевозкой товаров для оптового дилера. «Свободные челноки» (независимые челночные торговцы) были вынуждены полагаться на более сложные социальные сети для своей неформальной импортной деятельности, вовлекая членов семьи в свой индивидуальный бизнес и устанавливая долгосрочные социальные и экономические связи с оптовыми торговцами по обе стороны от границы. Особой характеристикой сетей челночных торговцев была их внутренняя мобильность, которая обеспечивала быстрый экономический успех. Хотя эти теневые сети были разнообразны по своим характеристикам, у них была одна общая черта: все они существовали и процветали благодаря пористости границы. «Челноки» в порубежной зоне активно использовали правовые лазейки в законах в свою пользу¹.

Для российского населения неизвестные ранее торговые практики оказались не столько «экономической возможностью», сколько способом выживания – сначала стихийным, позднее законодательно регулируемым, а в конечном счете, определившим социально-экономический уклад

¹ Holzlehner T. Op. cit. P.217-218.

дальневосточного региона в 1990-е годы. Упрощение выезда на сопредельную территорию, увеличение дефицитов, резкое снижение реальной зарплаты в госсекторе – таковы ключевые причины, породившие «челночный туризм», в первой половине 1990-х гг. – преимущественно стихийный и законодательно не вполне регулируемый, впоследствии – несколько стабилизировавшийся путем административных мер.

Что касается Китая, то там «народная» торговля, благодаря созданию особых условий хозяйствования в приграничных зонах, прошла несколько этапов в своем развитии от самоорганизации до «приграничного пояса открытости», для создания которого Китай обеспечил открытие пунктов таможенного пропуска, присвоение статуса «открытости» ряду приграничных городов, учреждение в приграничных регионах свободных зон с особыми режимами управления. Очевидно, что развитие российско-китайской «народной» торговли было «несимметрично»: в Китае ее поддерживали и стимулировали, а в России были созданы лишь минимально необходимые институциональные рамки; российское отставание от Китая в интеграции приграничных рынков было очевидным¹.

«Народная» торговля, как составляющая российско-китайских приграничных отношений, оказала непосредственное влияние на их характер и развитие. В процессе приграничных экономических трансформаций 1990-х гг., можно выделить несколько этапов: 1988-1990 гг. – «открытие», 1991-1993 гг. – «эйфория», 1994-1998 гг. – «наведение порядка»². Развитие порубежных связей территорий Дальнего Востока с Китаем и «народной» торговли привело к тому, что внутренний рынок ряда областей и краев российского Дальнего Востока оказался зависим от соседних провинций Китая.

При этом, с одной стороны, открывшиеся перспективы двусторонних контактов побуждали к оптимистичным прогнозам: «Динамика российско-китайского товарооборота показывает, что партнеры с обеих сторон сумели перестроить свою деятельность применительно к новым условиям ведения внешнеэкономической деятельности. На политическом уровне бизнесу даны необходимые сигналы и ориентиры»³. Однако экономическая повестка отставала от уже принятых политических договоренностей – и оборачивалась не столь благоприятными, как это было прописано в международных соглашениях, последствиями. «Фактически туризм и торговля между приграничными городами – два неразделимых явления, они слились воедино, что создает беспорядок и неразбериху во многих сферах взаимодействия, в т.ч. в сфере туризма»⁴. Российско-китайский туристический сектор активно развивался в нелегальной плоскости: неподконтрольная

¹ Атанов Н. И., Аюшеева Е. В. Российско-китайская приграничная торговля: современное состояние и перспективы развития в условиях евразийской интеграции // Вестник БГУ. Экономика и менеджмент. 2016. № 1. С.70.

² Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Указ. соч. С.53-57.

³ Карасин Г. Россия – Китай: партнерство, развернутое на стратегическую перспективу // Проблемы Дальнего Востока. 1997. № 2. С.27.

⁴ Го Вэньгуй. Указ. соч. С.35.

законодательной сфере деятельность становилась все более обширной. Одна из острых проблем заключалась в том, что китайская сторона продолжала делать ставку на развитие «народной» или «челночной» торговли, при которой физическими лицами перевозились крупные партии товаров. Такая примитивная форма торговли приводила к утечке поступления налогов в российские бюджеты всех уровней, невозможности контроля за технологическим процессом изготовления товаров, определения подлинности сертификатов качества и безопасности на ввозимые товары¹.

Итак, развивавшаяся в 1990-е гг. на порубежных российско-китайских дальневосточных территориях «народная» торговля для Китая стала продолжением тщательно и загодя спланированной долгосрочной экономической политики, а для российского населения оказалась во многом стихийной реакцией на резко меняющиеся экономические условия. При этом китайские граждане стали неотъемлемой частью экономической жизни российского Дальнего Востока. Приезжая на российский Дальний Восток как туристы, они активно занимали торговые экономические ниши по наполнению российских территорий товарами широкого потребления, в подавляющем большинстве, низкого качества. Фактически китайский туризм в значительной степени оказался той отправной точкой, с которой началось развитие предпринимательской деятельности китайских мигрантов. Стихийность и неупорядоченность «народной» торговли на российской территории, отсутствие механизмов для ее регулирования обусловили выработку китайскими предпринимателями форм и методов ведения хозяйственной деятельности в экономически нестабильных российских реалиях 1990-х гг. «Народная» торговля представляла собой некое циклическое явление, в котором этапы реализации товара чередовались – от закупки в Китае до продажи на российских рынках и возвращения полученной прибыли обратно в Китай. Перманентно сменявшие друг друга участники накапливали капиталы, которые становились стартовыми для дальнейшего развития их бизнеса в Китае. Мобильность китайских торговцев, их способность к успешному выстраиванию взаимовыгодного взаимодействия с русским населением – все это обеспечило существование явления «народной» торговли в условиях социально-экономических трансформаций 1990-х гг. – начала 2000-х гг.

2.2. Организация совместных российско-китайских предприятий

1989 год (год визита М.С. Горбачева в КНР) принято считать началом урегулирования отношений между Китаем и СССР. «Потепление» в российско-китайских отношениях происходило на фоне резких изменений в общественно-политической ситуации в Советском Союзе. Сложная внутри-

¹ Антонова Н.Е., Бардаль Л.Б., Калашников В.Л., Кучерявенко В.Е., Ломакина Н.В., Минакир П.А. Экономическое сотрудничество России и Китая на Дальнем Востоке // Пространственная экономика. 2009. №3. С.139.

политическая обстановка, ухудшившееся положение дел в народном хозяйстве обусловили снижение темпов экономического роста. Для дотационного региона, каковым оставался предперестроечный Дальний Восток, эта ситуация оказалась еще более болезненной. В период реформ правительство Горбачева пыталось переломить ситуацию: регион был объявлен приоритетным, в сентябре 1987 г. ЦК КПСС и Советом Министров СССР была принята «Долговременная государственная программа экономического и социального развития Дальневосточного экономического района и Забайкалья на период до 2000 г.».

Пытаясь найти выход из кризиса, руководство страны было вынуждено более активно использовать экономические стимулы. 14 августа 1986 г. Совмин СССР своим постановлением разрешил организацию кооперативов по сбору и переработке вторичного сырья при местных Советах. По другому постановлению, принятому 19 августа того же года, 20 министерств и около 60 предприятий получили право самостоятельно выходить на внешний рынок. В январе 1987 г. было принято постановление о создании и деятельности на территории СССР совместных предприятий (СП). Как отмечают исследователи, «складывалась ситуация, когда «молодое российское предпринимательство вынуждено было «встраиваться» в развитые формы предпринимательской деятельности стран АТР, имевшие специфические национальные черты»¹.

В регионах российского Дальнего Востока пути выхода на внешний рынок были различны. Так, в Амурской области объем экспортируемой продукции предприятиями и организациями в 1989 г. составил 100 млн. руб. (во внешнеторговых ценах) и 1,8 млн. руб. (на свободно конвертируемую валюту). И хотя договорные обязательства по экспортным поставкам по всем видам торговли не выполнялись, развитие внешнеэкономических связей было признано значимым резервом повышения экономического потенциала области: поставки в 1989 г. в целом по области были выполнены на 81%. «Не обеспечено выполнение обязательств управлением охотничье-промыслового хозяйства (49,7%), территориально-производственным лесозаготовительным объединением «Амурлеспром» (70,6%), территориально-производственным объединением, кооперативно-государственным «Амурагропромсоюз» (91%), производственным объединением «Тындалес» (95%). Объем недопоставленной продукции составил 344,1 тыс. рублей... В 1989 году эффективность экспорта составила 60-80%. Значительное влияние на объем экспортных поставок оказало снижение темпов роста промышленного производства. Серьезными недостатками страдает структура экспорта. В общем его объеме 97% приходится на сырьевые ресурсы»².

После принятого 1 апреля 1989 г. постановления Совета Министров СССР «О дальнейшем развитии внешнеэкономической деятельности государственных, кооперативных и иных обще-

¹ Моисеева Л.А., Ващук А.С. Указ. соч. С.264.

² ГААО. Ф.Р 480. Оп.17. Д.25. Л.4.

ственных предприятий, объединений и организаций» большое количество неорганизованных советских участников внешнеторговой деятельности вышло на китайский рынок, где право торговли с СССР в приграничных провинциях было предоставлено только пяти-шести компаниям. В СССР этим компаниям противостояли партнеры, зачастую не имевшие необходимой квалификации, не обладавшие нужными знаниями. «В результате стали возможны такие случаи, когда только в Читинской области цена на один кубический метр леса колебалась от 60 до 320 швейцарских фр., а некоторые китайские товары приобретались советской стороной по ценам, в несколько раз превышающим мировые»¹.

В 1991 г., после распада СССР, Российская Федерация объявила себя правопреемником Советского Союза, и в истории отношений КНР и России начался новый этап. Одним из важнейших направлений взаимоотношений двух стран стала предпринимательская деятельность, в том числе торговля. Российская экономика с ее падением объемов промышленного производства, нарастанием инфляции, нарушением финансовой сбалансированности, падением курса рубля, переходом к натуральному обмену и т.д. вынуждена была перейти на новые, рыночные, рельсы. Кроме того, в этот период правительство практически отказалось от централизованного снабжения дальневосточного региона продовольствием и материальными ресурсами. Так глубокий экономический кризис, в котором находилась страна, стал толчком для действий инициативных слоев населения приграничных регионов. Этому способствовало и открытие дальневосточных границ, и экономические и социальные трансформации, обусловившие возникновение и развитие предпринимательства.

Принятый 4 июня 1991 г. Закон РСФСР «Об иностранных инвестициях в РСФСР» создал правовую основу для привлечения и регулирования иностранных капиталовложений (инвесторы получили право не только вкладывать средства в качестве доли в уставный фонд совместного предприятия с участием российского партнера, но и основывать предприятия, полностью им принадлежащие, а также участвовать в приватизации российских предприятий, покупать их акции, облигации и другие ценные бумаги)², а Указ Президента РФ «О либерализации внешнеэкономической деятельности»³ от 15 октября 1991 г. предоставил субъектам любой формы собственности право на внешнеэкономическую деятельность (ВЭД) без специальной регистрации в качестве участника ВЭД. Постановление правительства РФ «О регистрации предприятий с иностранными инвестициями» от 28 ноября 1991 г. предоставило администрациям регионов право осуществлять

¹ Турчак Т.М. Сотрудничество РСФСР и КНР: возможности и перспективы // Проблемы Дальнего Востока. 1990. №2. С.51.

² Закон РСФСР от 04.07.1991 N 1545-1 (ред. от 10.02.1999) «Об иностранных инвестициях в РСФСР». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_102/ (дата обращения: 12.07.2019)

³ Указ Президента РСФСР от 15.11.1991 № 213 (ред. от 27.10.1992) «О либерализации внешнеэкономической деятельности на территории РСФСР». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_143/ (дата обращения: 12.07.2019).

непосредственную государственную регистрацию СП с иностранным капиталом¹. Однако у российских компаний отсутствовал как опыт организации предприятий по законам рынка, так и средства для значительных инвестиций. Поэтому для российских регионов было выгодно создание СП с иностранным капиталом – не только экономически, но и для получения опыта в этой сфере.

Первые СП с иностранными инвестициями на российском Дальнем Востоке были официально зарегистрированы в Приморском крае в 1987 г., там появилось 24 таких СП². Активно, начиная с 1988 г., создавались совместные предприятия в Хабаровском крае: СП «Харбин», СП «Надежда», СП «Чанли», СП «Чурин», экспортно-импортная компания «Аполлон», Российско-китайская международная компания «Ханин», Советско-китайское предприятие «Электронные приборы и компьютеры», ТОО СП «Созвездие», ТОО СП «Русско-Китайский центр», ТОО СП «ПАРИТЕТ РК», ТОО СП «Тэнфей», ТОО СП «Ю-И», ТОО СП «Лун Бо», ТОО СП «Даль-Ляо», ТОО СП «Пик», ОО СП «Интер», «Янляо», ТОО СП «Дальинтергео» и пр.³.

В Амурской области такое сотрудничество началось с создания в 1989 г. СП «Дружба», сферами деятельности которого были экспортно-импортные операции с КНР, а также гостинично-ресторанный бизнес. В 1991 г. в Амурской области было зарегистрировано советско-китайских 10 СП: СП «Вешенка», СП «Амит», СП «Комфорт», СП «Харбо», СП «Хэйхэ-Дружба», СП «Тайлун ЛТД», СП «Востокруно», СП «Комфорт-2», СП «Союз», СП «Начало»⁴. Данные за 1993 год свидетельствуют о существовании в области уже более 60-ти российско-китайских СП, зарегистрированных с 1989 по 1993 гг. Их совокупный уставной фонд составил около 24 млн. руб.⁵. Наибольшее количество российско-китайских СП в области функционировало в сфере производства товаров народного потребления, а также в торговле и общественном питании (рестораны китайской кухни): СП «Дружба», СП «Амит», СП «Дун Фан», СП «Надежда» и пр.⁶. Возник ряд успешных российско-китайских СП: «Харбо» (производство швейных и трикотажных изделий, пошив обуви, изготовление визиток); СП «Панда» (обработка шкур крупного рогатого скота); СП «Бам-Син» (производство швейных изделий); СП «Гасин» (изготовление очков); «Китайский

¹ Постановление правительства РФ от 28 ноября 1991 г. №26 «О регистрации предприятий с иностранными инвестициями». URL: <https://base.garant.ru/10104216/> (дата обращения: 15.04.2019)

² Моисеева Л.А. Создание на Дальнем Востоке России совместных предприятий с предпринимателями стран АТР в 1985-2000 г // Россия и АТР. 2005. №2. С.60.

³ Государственный архив Хабаровского края (далее - ГАХК). Ф.Р-1399. Оп.9. Д.1461. Л.1; Д.1482. Л.11; Д.1506. Л.Л.8-9.; Ф.Р-1736. Оп.8. Д.1030. Л.Л.1-18; Ф.Р-1971. Оп.1. Д.7. Л.Л.29-30; Д.40. Л.Л.170-171; Д.109. Л.123; Д.124. Л.Л.128-129; Д.128. Л.Л.7-8; Д.135. Л.28; Д.170. Л.40; Д.183. Л.Л.1-2; Д.189. Л.Л.5-6; Д.219. Л.192; Д.253. Л.128; Д.301. Л.Л.141-143; Д.334. Л.33; Д.493. Л.15; Д.597. Л.48 (Список совместных предприятий Хабаровского края, зарегистрированных в 1988 – 1995 гг. см. в Приложении (таблица, приведенная в Приложении 3, составлена автором).

⁴ ГААО. Ф.Р-480. Оп.17. Д. 727. Л.75; Д.1202. Л.Л.121-123; Д.1748. Л.31.

⁵ ГААО. Ф.Р-480. Оп.17. Д.1748. Л.65. Доля участия китайского капитала составляла 60% лишь в двух предприятиях – СП «Эйша-Ченс» и СП «Хэйпин». В 15 предприятиях было зарегистрировано 50% китайского капитала, в остальных – менее 50%. Более подробно динамика регистрации предприятий и сферы их деятельности отражены в Приложении 4 (таблица, приведенная в Приложении 4, составлена автором).

⁶ ГААО. Ф.Р-480. Оп.17. Д.1748. Л.20.

коммерческий центр Хайланьпо» (строительство жилых и нежилых зданий)¹. В «Отчете о работе областной администрации» сказано, что «начиная с 1990 года в области быстрыми темпами идет процесс создания предприятий с иностранными инвестициями. К настоящему времени их насчитывается 33, против 5-ти в 1990 году. Однако, рассчитывать на то, что на базе этой прогрессивной формы сотрудничества создается солидная база по выпуску конкурентоспособной продукции пока рано, так как к уставной деятельности приступило только пять СП, объем произведенной продукции составляет за текущий период с начала года всего 43,6 млн. рублей, что практически неощутимо»².

В Приморском крае в 1992-1994 гг. было зарегистрировано 256 предприятий с китайскими инвестициями (см. табл. 11), что составило более 50% от общего количества действующих в крае предприятий с иностранными инвестициями (ПИИ).

Таблица 11

**Количество предприятий с китайским капиталом, зарегистрированных
в администрации Приморского края**

	1992 г.	1993 г.	1994 г.
Совместные российско-китайские предприятия и их филиалы	57	94	28
Предприятия со 100% китайскими инвестициями и их филиалы	8	34	35
Общее количество предприятий с китайскими инвестициями	65	128	63
Итого	256		

Таблица составлена по: ГАПК. Ф.Р-1694. Оп.1. Д.230. Л.23.

Наименования и сферы деятельности совместных предприятий подробно представлены в Приложениях 1 и 2. Из имеющихся данных видно, что эти компании осуществляли преимущественно коммерческую, посредническую, торгово-закупочную, снабженческую деятельность, оказывали туристические услуги, услуги ресторанно-гостиничного бизнеса, занимались мелким и средним производством, а также реализацией товаров народного потребления. Из 94 совместных предприятий было 52 предприятия (55%), в уставном фонде которых китайских инвестиций насчитывалось 50% и более.

Добавим, что ПИИ регистрировались также в СЭЗ «Находка», так, на 01.01.1994 г. там было зарегистрировано 213 ПИИ, из них с китайским капиталом (СП и предприятия со 100% китайским капиталом) – 140. А всего на 01.01.1994 г. по Приморскому краю было зарегистрировано 732 предприятия с иностранным участием, из них с китайскими инвестициями – 333³. Основ-

¹ ГААО. Ф.Р-501. Оп.7. Д.762. Л.68.

² ГААО. Ф. Р 2251. Оп. 1. Д. 56. Л.Л. 205. Л. 190.

³ ГАПК. Ф.Р-1694. Оп.1. Д.230. Л.7.

ными направлениями их деятельности были торгово-посредническая, коммерческая деятельность, общественное питание, заготовка, переработка леса, строительство. Около половины действующих в Приморье российско-китайских СП были сосредоточены в социальной сфере (торговля, общественное питание и др.), около 30% занимались выпуском продукции (производственная деятельность тут была сосредоточена в рыбной и лесной отраслях). Одним из немногих предприятий, занимавшихся производством товаров народного потребления, было российско-китайское товарищество с ограниченной ответственностью «Ласточка». За 1993 г. им было изготовлено почти 66 тыс. термосов, большая часть которых была реализована на российском внутреннем рынке¹. Около 60% СП с участием китайских фирм действовали к 1996 г. в СЭЗ «Находка»; на долю предприятий с участием американского, японского и южнокорейского капитала там приходилось соответственно 10,5%, 7%, 3,4%².

На начало апреля 1995 г. администрацией Приморского края было зарегистрировано 708 предприятий с иностранным участием (включая данные по СЭЗ «Находка»), из них 549 СП и 159 – предприятий со 100% иностранным капиталом. Из них КНР – 290 предприятий. В справке по предприятиям с учетом иностранного капитала было указано, что к маю 1995 г. в краевой администрации Приморского края зарегистрировано 210 предприятий с участием КНР, из них 154 – совместные российско-китайские предприятия, 56 – предприятия со 100% китайским капиталом. В налоговой инспекции при этом стоит всего 125 предприятий с участием КНР, из них 105 совместных предприятий, 20 предприятий со 100% китайским капиталом³.

Около 2/3 китайских СП действовали в сфере торговли. В основном это были небольшие по численности работающих предприятия, торгующие китайскими товарами, – «Чан-Чен», «Юи-Дружба», «Насин» и другие. Услуги в строительстве оказывали китайские предприятия «Арксим», «Сань-Юань». СП «Синтетика», созданное на базе Спасского асбестоцементного завода, занималось производством синтетической тары. Российско-китайское предприятие «Муданьцзян – Кавалерово» специализировалось на заготовке и переработке леса СП «Хайжи» было известно в крае как изготовитель оригинальной спецодежды. Предприятия «Шугуан-Заря» и «Моби Дик» оказывали населению фотоуслуги. Гостиничный сервис налаживал в крае СП «Виктори» и «Юань-Дун», которые обеспечивали рабочими местами более 140 человек⁴.

Ежегодно возрастало и количество регистрируемых СП в Еврейской автономной области (см. табл. 12):

¹ ГАПК. Ф.Р-1694. Оп.1. Д.230. Л.Л.13-17.

² Моисеева Л.А., Ващук А.С. Указ.соч. С.265.

³ ГАПК. Ф.Р-1694. Оп.1. Д.349. Л.8.

⁴ ГАПК. Ф.Р-1694. Оп.1. Д.109. Л.Л. 65, 76-95, 116-123.

Количество СП в Еврейской автономной области с 1992 по 1997 гг.

Годы	1992 г.	1993 г.	1994 г.	1995 г.	1996 г.	1997 г.
Кол-во предприятий	27	64	66	74	72	79

Таблица составлена по: Мищук С.М. Совместные предприятия с участием КНР на территории Еврейской автономной области // Материалы докладов научн. семинара, посвящ. 350-летию похода Е.П. Хабарова «Российское Приамурье: История и современность». Хабаровск, 1999. С.196.

Географический фактор предопределил абсолютного лидера в создании СП на территории ЕАО. Им стал соседний Китай. Первые СП в ЕАО возникли в конце 1980-х гг.: «Дружба» (деревообработка), «ИнтерАгро» (выращивание и реализация овощных культур, продуктов растениеводства, а также развитие грибного хозяйства и животноводства). 17 октября 1988 г. было заключено соглашение о совместном производстве овощных культур между колхозом «Заветы Ильича» (Биробиджанский район ЕАО) и пригородным районом г. Цзямусы (пров. Хэйлунцзян, КНР). В 1992 г. СМИ сообщали о регистрации таких СП, как «Синьтун ЛТД» (учредители – фирма «ЕвроИнго», с китайской стороны – компания по экспорту и импорту текстиля, объединение электронных предприятий «Синьтун ЛТД» г. Цзямусы, сфера деятельности – реализация компьютерной техники); «Дабэн ЛТД» (учредители – фирма «ЕвроИнко» и торгово-экономическая компания портового комитета правительства г. Цзямусы; сфера деятельности – торговля, создание совместных предприятий, научно-исследовательская и проектно-конструкторская деятельность с привлечением на договорной основе специализированных предприятий и организаций) и «Чжунцзянь Алина» (учредители – товарищество с ограниченной ответственностью «Вторресурсы» и Тунцзянская компания погранично-экономической торговли «Тунсинь»; сфера деятельности – заготовка вторичного сырья, оптовая и розничная торговля товарами народного потребления и продовольствием)¹, а также «БХ жевательная резинка» (учредители – Биробиджанская кондитерская фабрика, кооператив «Строитель-89» и Сунфэньхэское отделение Харбинской торгово-промышленной компании «Хайнань-Бинчэнин»; сфера деятельности – производство товаров народного потребления, переработка сельскохозяйственной продукции и т.д.)². В 1993 г. доля СП с китайскими инвестициями составила более 72% (в их числе – СП «Хаби», созданное на базе Биробиджанского завода силовых трансформаторов³, СП «Вон-фа», специализирующееся на производстве гвоздей⁴ и пр.). К концу марта 1994 г. на территории ЕАО было зарегистрировано 69 совместных или полностью с иностранным капиталом предприятий⁵. Из них

¹ Батури В. Полку предпринимателей прибыло // Биробиджанская звезда. 1992. 23 октября.

² Батури В. Будет что жевать // Биробиджанская звезда. 16 мая 1992.

³ «От коммерции к производству» // Биробиджанер штерн. 17 апреля 1993.

⁴ «Гвоздь свободной экономической зоны» // Биробиджанская звезда. 31 сентября 1993.

⁵ ГА ЕАО. Ф.596. Оп.1. Д.6. Л.43.

бездействовало 38, хотя 10 из них были созданы в 1992 г., 19 – в 1993 г. Из неработающих предприятий 14 были созданы для производства продукции и товаров народного потребления, 23 – для оказания посреднических и других видов услуг. Приступили же к работе только 30 СП, из них 22 – в г. Биробиджане, по три – в Облученском и Ленинском районах, по одному – в Биробиджанском и Октябрьском районах. С участием инофирм Китая работало 24 предприятия, Израиля – 2, США – 2, Японии – 1, Австралии – 1. За первое полугодие 1994 года совместными предприятиями было произведено продукции на сумму 290,3 млн руб., оказано услуг на 441,7 млн. руб. в действующих на тот момент ценах. Для сравнения, в январе 1993 г. объем произведенной продукции (в действующих ценах) составил 238,3 млн. руб., реализация услуг – 282,7 млн руб. Объем капитальных вложений совместными предприятиями за шесть месяцев 1994 года составил 23 млн руб. Основная часть совместных предприятий занималась торговлей. Среди предприятий, имевших наибольший объем реализации товаров, были СП «Цзябир» (619,3 млн руб.), СП «Эс-пи-ай технолоджи» (384,5 млн руб.), СП «Хаби» (365 млн руб.)¹. В этом же году между инспекционными органами ЕАО и Хэйлунцзянским управлением по инспекции импортно-экспортных товаров был определен перечень товаров народного потребления, нуждавшихся в сертификате качества². В этот перечень вошли разные группы товаров: продукты (мясные консервы, алкоголь, сок, лапша, конфеты, фрукты, овощи), товары легкой (одежда, электроприборы и пр.) и тяжелой промышленности (строительные механизмы, машины), а также стройматериалы (цемент), лес, удобрения³.

В Приморском же крае в 1994 году объем привлеченных иностранных инвестиций составил 1,8 млн. долл. Речь идет о сфере строительства (в СП «Гигант» было привлечено 1 млн. долл.), торговли и общественного питания (СП «Кофе Браво ЛТД» – 0,2 млн. долл.), а также об индустрии развлечений (СП «Спартак Казино» – 0,2 млн. долл.). Вложения в легкую и пищевую промышленность, информационно-вычислительное обслуживание, физкультуру и спорт были незначительны. По-прежнему большинство предприятий после создания не получали инвестиций со стороны зарубежных партнеров: гарантии для инвесторов отсутствовали. И хотя уже в 1995 г., например, в Приморье насчитывалось более 500 предприятий с китайским капиталом⁴, зачастую они оказывались фирмами-«однодневками». Китайские компании широко применяли схему ввоза в Россию наличной валюты для закупки товара российской стороной для дальнейшего экс-

¹ Юркевич Г. Тяжкая доля СП // Биробиджанская звезда. 23 августа 1994.

² ГА ЕАО. Ф.596. Оп.1. Д.3. Л.46.

³ ГА ЕАО. Ф.596. Оп.1. Д.3. Л.127.

⁴ Ларин В. Л. Китай и Дальний Восток России в первой половине 90-х: проблемы регионального взаимодействия. Владивосток, 1998. С.148.

порта. Фактически же российские предприниматели, закупив товар, вывозили его, а в бухгалтерских документах данная сделка фиксировалась как убыточная по причине недобросовестности партнера¹.

Наиболее активно развивалось приграничное сотрудничество с приграничными районами провинции Хэйлуцзян: округами городов Цзямусы, Хэган, Ичунь. Эти отношения были закреплены подписанием 16.06.1998 г. международного соглашения «О долгосрочном дружественном торгово-экономическом и научно-техническом сотрудничестве между ЕАО (РФ) и Хэйлуцзян (КНР)». Подобные соглашения были подписаны правительством ЕАО и Народными правительствами городов Цзямусы (07.09.1995) и Хэган (07.08.1998). Далеко не все зарегистрированные предприятия реально работали: так, в 1997 году на территории ЕАО было зарегистрировано 79 СП с иностранными инвестициями, из которых действующими были только 27. Наибольшее количество совместных предприятий было создано с участием КНР (22, из действующих было только 5). Из 53 предприятий с китайским капиталом, зарегистрированных в 1993 г., действовало только 5, в 1994 и 1995 гг. – 2 предприятия, в 1996 – 9².

В 1991-1994 гг. Минфином РСФСР, Комитетом по иностранным инвестициям, Российским агентством международного сотрудничества и развития государственной регистрационной палатой при Министерстве экономики РФ в Государственный реестр было внесено 16063 предприятий с иностранными инвестициями (см. табл. 13).

Таблица 13

Предприятия с иностранными инвестициями, внесенные в Госреестр РФ за 1991-1994 гг.

	1991 г.	1992 г.	1993 г.	1994 г.
январь	56	258	387	397
февраль	61	264	409	438
март	94	276	561	481
апрель	150	282	539	415
май	74	291	467	329
июнь	104	437	476	354
июль	225	523	541	356
август	153	339	374	381
сентябрь	185	403	390	287
октябрь	189	414	390	329
ноябрь	253	572	442	267
декабрь	281	402	504	263
Итого	1825	4461	5480	4297

Таблица составлена по: ГАПК. Ф.Р-1694. Оп.1 Д.349. Л.6.

¹ Гамерман В.Е. Указ.соч. С.161-162.

²Мищук С.М. Совместные предприятия с участием КНР на территории Еврейской автономной области // Материалы докладов научн. семинара, посвящ. 350-летию похода Е.П. Хабарова «Российское Приамурье: История и современность». Хабаровск, 1999. С.196.

К 1 июля 1993 г. в России было зарегистрировано 9125 совместных предприятий, из них наибольшее количество с американским капиталом – 1433, с германским – 1141, английским – 557, итальянским – 511, австрийским – 475, польским – 438, финским – 429. КНР оказалась на 8-м месте – 347 совместных предприятий с китайским капиталом. Китайские инвесторы в основном создавали предприятия сферы услуг, и размеры их инвестиций были небольшими. На 1-м месте оказались инвесторы пров. Хэйлунцзян, из 347 совместных предприятий с участием их капитала были созданы 167¹. В 1992 г. дальневосточные административные округа получили право регистрировать свои собственные СП с уставным капиталом менее 100 млн. руб. В целом, в 1990-е гг. на Дальнем Востоке интенсивно возрастало количество СП: если в 1990-м г. их было 55, то к 1993 г. – уже 916, из них 236 (26,8%) – российско-китайские². К середине 1995 г. было зарегистрировано уже около 2000 совместных предприятий, а общий объем иностранных инвестиций в уставных фондах СП Дальнего Востока составлял около 600 млн. долл.³. Всего же за период 1988-1995 гг. на территории Дальнего Востока было зарегистрировано 2661 предприятие с участием иностранного капитала; наибольшее число предприятий с иностранными инвестициями было сосредоточено в Приморском и Хабаровском краях – 45,8% и 21,2% соответственно⁴.

Рост китайско-российской торговли стал причиной значительного увеличения числа СП, созданных на Дальнем Востоке, которое возросло с 900 в 1992 году до 1500 в начале 1994 года. Однако в 1993 г. фактически функционировала только треть из этих СП, и капитальные вложения аналогичным образом отставали. Это было в немалой степени из-за большого количества китайско-российских СП, 40% от общего числа, которые были в основном заняты в торговых операциях, требующих небольших инвестиций или развития производственной базы. Таким образом, хотя китайские СП были самыми многочисленными, японские капитальные вложения были в среднем в шесть раз больше и, соответственно, были самым крупным сектором по общему объему инвестиций⁵.

Наиболее активно процесс создания совместных предприятий шел в 1991-1993 гг., затем динамика регистрации предприятий с иностранными инвестициями несколько снизилась: российское законодательство стало придерживаться принципа национального режима иностранных инвестиций, приравнивающих их экономический статус к российским предприятиям. Впрочем,

¹ Сюй Цзинсюэ. Указ. соч. С.19.

² Литвинова А.В. Российско-китайские отношения в первой половине 90-х гг. // Шестая дальневосточная конференция молодых историков. Сборник материалов / Отв. ред. Л.Е. Фетисова. Владивосток, 2011. С.151.

³ Гун Жунцзинь. Элосы юаньдун дицуй дэ цзинци фацжань (Экономическое развитие российского Дальнего Востока) // Шицзе цзинци. 1996. №8. С.30.

⁴ Деваева Е.И., Норин В.Г. Совместная предпринимательская деятельность на Дальнем Востоке России // Проблемы Дальнего Востока. 1996. № 6. С.4.

⁵ Kerr D. Op. cit. P.944.

удельный вес действующих СП оставался стабильным – на уровне 33%. В 1994 г. взаимное инвестирование предпринимательского капитала российскими и китайскими предприятиями и организациями не получило заметного развития. Созданные предприятия относятся к категории мелких. Предприятия создавались, в подавляющей большинстве, в приграничных провинциях и областях, в отраслях с быстрой оборачиваемостью капитала. Главными причинами сохранявшейся низкой активности в развитии этой формы сотрудничества были нестабильность политической и экономической ситуации в России и неготовность китайских предприятий и компаний в условиях сохраняющейся в КНР в основных чертах планово-административной экономики вкладывать средства в высокоприбыльные, но с высокой степенью риска предприятия за рубежом. Такое экстенсивное развитие двусторонней торговли (только за 9 месяцев 1992 г. за счет экспортно-импортных операции получено товаров и продукции на 112,9 млн.долл., что в 3,6 раза больше, чем за соответствующий период 1991 г.)¹, несомненно, было выгодно обеим сторонам в условиях нехватки твердой валюты и решения сиюминутных потребностей. Однако, в конце концов, постоянно растущие цены на продукцию и удорожание транспортных расходов сделали бартерные сделки невыгодными, несмотря на то, что объем межрегионального товарооборота к 1992 г. достиг 2 млрд. долл.². Ситуация осложнялась недостатком свободно конвертируемой валюты у потенциальных российских соучредителей СП, усиливавшимся технологическим отставанием российской промышленности в тех отраслях, где китайские предприятия были преимущественно заинтересованы в создании СП (электронная, химическая, легкая промышленность, автомобилестроение и др.), и недостатками российского законодательства в отношении иностранных инвестиций³. В 1995 г. было создано лишь 15 СП. По различным оценкам реально действующих китайских предприятий в каждом дальневосточном субрегионе было 30-50%⁴. Трудности ведения китайского бизнеса в российских условиях 1990-х гг. иллюстрирует пример гостиницы «Юань Дун». Она была создана в декабре 1994 года, став самым большим предприятием с китайскими инвестициями на Дальнем Востоке. Но уже через полгода после открытия 85% дохода было потрачено на уплату разнообразных налогов, а к октябрю 1996 г. задолженность гостиницы по налогам составила 300 тыс.долл., задолженность по коммунальным услугам – 150 тыс.долл. Партия строительных материалов, отправленная в Россию в качестве вклада китайского учредителя в уставной фонд предприятия, была конфискована российской таможней.

¹ ГААО. Ф.Р-2216. Оп.1. Д. 25. Л.59.

² ГААО. Ф.Р-2216. Оп.1. Д. 25. Л.59. См. также: Клыков А.А. Китайский фактор регионального развития дальневосточных субъектов РФ: дис. ... канд. геогр. наук. СПб., 2007. С.76.

³ ГАРФ. Ф.10212. Оп.1. Д.484. Л.94.

⁴ Шкуркин А.М. Иммиграционный потенциал труда российского Дальнего Востока (китайцы на рынке труда Дальневосточного региона). Хабаровск, 2007. С.102.

Кроме того, за этот период гостиница 10 раз была обокрадена. В результате гостиница прекратила работу¹.

В середине 1990-х аналитики определяли целый ряд целей и направлений дальнейшего развития совместной предпринимательской деятельности на российском Дальнем Востоке, такие как: развитие экспортного потенциала, создание механизма регионального стимулирования экспорта и импортозамещения, рационализация импорта в целях изменения структуры экономики и обеспечения процесса модернизации основных средств производства, направленного на укрепление экспортной базы дальневосточного региона². На региональном уровне были приняты следующие законодательные акты: в декабре 1996 г. был принят закон «Об инвестициях в Амурской области», в декабре 1997 г. «Об инвестировании деятельности в Приморском крае», в 2000-м г. – «Об инвестиционной деятельности в Хабаровском крае»³. Но оказалось, что экономический климат российского Дальнего Востока в целом не слишком благоприятен для реализации подобных перспектив. Среди негативных факторов можно выделить отсутствие стабильной, учитывающей международную практику, правовой базы, регулирующей деятельность иностранного капитала, постоянные изменения в законодательстве по внешнеэкономической деятельности, рост социальной напряженности в связи с ухудшением материального положения значительной части населения Дальнего Востока, неразвитая инфраструктура, в том числе – связь, система телекоммуникаций, транспорт и гостиничное хозяйство. Под покровительством приграничной торговой фирмы предприятия, не готовые работать в приграничных торговых условиях, скрыто, в измененной форме получали право на приграничную торговлю. Некоторые из них использовали возможности приграничной торговой зоны с Россией, и везли туда товары, не соответствующие стандартам, что вызывало недовольство российских потребителей, влияя на репутацию китайских товаров за границей⁴.

Оценивая инвестиционный климат на Дальнем Востоке по международным стандартам, используя такие критерии, как политическая и социальная стабильность, динамизм экономического роста, степень либерализации внешнеэкономической сферы, наличие развитой промышленной инфраструктуры, банковской системы и системы телекоммуникаций, наличия рынка относительно дешевой квалифицированной рабочей силы и др., можно констатировать, что «практически по всем этим параметрам Дальний Восток уступает большинству соседних стран Юго-Восточной Азии и отдельным государствам Северо-Восточной Азии. По существующей в мировой практике оценке стран по отсутствию риска для иностранных капиталовложений, Япония, Китай,

¹ Ли Чуаньсюн. Взаимное инвестирование в российско-китайских соседних регионах: положение и перспективы // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Благовещенск: АмГУ, 2002. С.193-194.

² Деваева Е.И., Норин В.Г. Указ. соч. С.7.

³ Моисеева Л.А., Ващук А.С. Указ. соч. С.295.

⁴ Лян Маобан. Чжун-Э бяньмао "дайли" сяньсян си (Анализ явления "посредничество" в российско-китайской приграничной торговле) // Фасюэ таньтао. 1992. №4. С.16.

Южная Корея входят в первую десятку стран, а Россия занимает лишь 129 место»¹.

Соотнося положение дел с соответствующей ситуацией в Китае, отметим, что в экономике КНР привлечение иностранных инвестиций сыграло куда более значительную роль: механизм привлечения иностранного капитала охватывал практически весь арсенал современного международного инвестиционного производственного сотрудничества: и компенсационные соглашения, и совместную разработку нефтяных ресурсов на континентальном шельфе, и инвестирование за рубежом, и подрядное строительство, и экспорт рабочей силы, и иностранный туризм². По оценкам китайских экономистов, благодаря привлечению инвестиций и содействию других стран в Китае удалось создать совершенно новые отрасли, такие как производство компьютеров и цветных телевизоров, реконструировать авиационную промышленность, черную металлургию, транспорт, энергетику³.

Заметим, что на региональной основе совместное предпринимательство развивалось куда более интенсивно, нежели на межправительственном уровне, и это легко объяснимо – для регионов процесс создания СП был актуальной мерой по экономическому выживанию. Остановимся подробнее на нескольких примерах. 17 октября 1992 года в Хабаровске был подписан учредительный договор о создании и деятельности совместного российско-китайского предприятия «Совместная российско-китайская компания «Ляоха». Договор был подписан с российской стороны товариществом с ограниченной ответственностью «Форт» (г. Хабаровск) в лице генерального директора Е.М. Шишкина и гражданина РФ Г.П. Жука, с китайской стороны – внешнеэкономической компанией по пищевой промышленности провинции Ляонин (КНР) в лице заместителя генерального директора Чжан Цюнью. Компания была создана в целях организации оптовой и розничной торговли, производства и реализации продуктов питания, «инвестиционной и внешнеэкономической деятельности». Деятельность предприятия должна была осуществляться на условиях самокупаемости и полного хозрасчета. Уставной фонд предприятия составил 10 млн руб., из них доля российских участников составила 30% (3 млн руб.), в т.ч. товарищество «Форт» – 2 млн руб., Г.П. Жук – 1 млн руб., доля китайского участника – 70% (7 млн руб.). Китайский участник

¹ Андрианов В. Ресурсный потенциал и структура экономики Дальнего Востока России // Проблемы Дальнего Востока. 1995. № 6. С.26.

² Романова Г.Н. Реформирование внешнеэкономических связей Китая: торговля, инвестиции (80-е гг. XX в. – начало XXI в.) // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2017. № 2. С.33.

³ Она же. Подходы руководства КНР к реформированию экономической системы // Китай на пути модернизации и реформ: тез. докл. VI Междунар. науч. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». М., 1999. Ч. 1. С.26-28.

В Китае с 1990 г. наблюдается беспрецедентный рост притока иностранного капитала. Чистые и валовые ПИИ неуклонно росли - с менее 1,5 млрд. долл. США в начале 1980-х годов до более 35 млрд. долл. США к 1995 году. Этот рост заметно ускорился в 1991 году: ПИИ (как чистые, так и валовые) в абсолютном выражении более чем удвоились в 1992 году и вновь удвоились в 1993 году. После этого рост снизился до 10–20 % в год. Таким образом, в период 1991-1995 гг. приток ПИИ увеличился в десять раз (Sicular T. Capital Flight and Foreign Investment: Two Tales from China and Russia. Transition Economics Research Forum Reports (TERF). London, ON: Department of Economics, University of Western Ontario. 1998. P.3).

в счет вклада вносил товары и продовольствие; российские участники – денежные средства (200 тыс. руб. и 100 тыс. руб. соответственно), а также право пользования складскими помещениями, обеспечение электроснабжения и коммунальных услуг. Генеральным директором назначался гражданин России, заместителем генерального директора – гражданин КНР. Был подписан устав предприятия и утвержден на общем собрании участников предприятия¹.

Небезынтересно отметить, что российские участники в счет вклада обеспечивали доступ к базам данных – экономическим, юридическим и информационным. Эта обязанность была возложена на предприятие «Форт», созданное 24 февраля 1992 года в Хабаровске как акционерное общество закрытого типа и декларировавшее предметом своей деятельности весьма разнообразные направления, а именно: оказание консультационных и справочных услуг в области инвестиций, внешней торговли и права, выполнение договоров поручительства, организация туризма, производство товаров народного потребления и продовольственных товаров, торгово-посредническая и внешнеэкономическая деятельность, осуществление инвестиционной деятельности, а также защита гражданско-правовых интересов клиентов в судах, арбитражных судах, третейских судах и административных органах. Уставной фонд предприятия составил 50 тыс. руб.².

Капитал китайской внешнеторговой компании по пищевой промышленности провинции Ляонин (辽宁省食品工业对外贸易公司) на конец 1991 г. составил 7 млн. 840 тыс. юаней. Обязанности генерального директора исполнял Су Юйцюань (苏玉泉). Данная компания являлась одним из дочерних предприятий крупной торговой корпорации провинции Ляонин 辽宁省商业集团有限公司, объединявшей 11 компаний (либо имеющей в них пакеты акций), занимавшихся производством и реализацией пищевой продукции в провинции Ляонин и за ее пределами. Создание совместной российско-китайской компании в идеале должно было стать одним из выходов на внешние рынки, своеобразным шагом корпорации к осваиванию нового направления, а именно приграничного сотрудничества. Созданная российско-китайская компания "Ляоха" была внесена в реестр предприятий с иностранными инвестициями по Хабаровскому краю³.

Предприятие получило статус юридического лица по законодательству РФ и должно было осуществлять свою деятельность на основании учредительных документов. Однако в дальнейшем в ходе налоговых проверок было установлено, что предприятие не встало на налоговый учет, не занимается хозяйственной деятельностью, уставной фонд предприятия учредителями не сформирован. На основании результатов проверок глава администрации Хабаровского края В.И.

¹ ГАХК. Ф-1399. Оп.9. Д.1306. Л.Л.10-25, 40-45.

² ГАХК. Ф-1399. Оп.9. Д.1306. Л.Л.27-39.

³ ГАХК. Ф-1399. Оп.9. Д.1306. Л.9; Шицзе гунчан ван - цюанцю цие ку (Мировые фабрики. Портал. Предприятия всего мира). URL: http://company.gongchang.com/p-210000/269492_bbed/ (дата обращения: 02.04.2017).

Ишаев 15 июля 1996 г. подписал распоряжение о признании предприятия несостоявшимся и его юридической ликвидации¹.

30 декабря 1992 г. в реестр предприятий с иностранными инвестициями по Хабаровскому краю было внесено совместное российско-китайское предприятие «Цзили» как товарищество с ограниченной ответственностью (吉利俄中合资有限公司). Согласно уставу, оно было создано для производства и реализации товаров народного потребления и продуктов питания, организации оптовой и розничной торговли товарами народного потребления, открытия магазинов и торговых точек, торгово-закупочной, рекламно-информационной и внешнеэкономической деятельности. Уставной фонд предприятия составил 6 млн. руб., с равными долями от российского и китайского участников. В состав доли РФ вошли: демонстрационный зал, складские и магазинные помещения, автотранспорт и оборудование магазина; от КНР – товары народного потребления на сумму 3 млн. руб. Цель деятельности предприятия была обозначена несколько неопределенно, а именно: удовлетворение потребностей российских и иностранных граждан, а также юридических лиц в товарах и услугах и получение прибыли. Китайской стороне было вменено в обязанность осуществлять поставку товаров для организации оптовой и розничной торговли. Перечень обязанностей российской стороны был гораздо шире: оформление необходимой документации для регистрации предприятия; предоставление производственных площадей, обеспеченных электроэнергией, телефонной связью, пожарно-охранной сигнализацией и т.д.; поиск партнеров и оказание услуг по компенсации китайскому участнику рублевой части прибыли материалами и изделиями по его потребности; выполнение таможенных формальностей, в т.ч. декларирование грузов; предоставление грузового автотранспорта; содействие китайской стороне в оформлении въездных виз для специалистов и членов их семей; обеспечение рабочих мест открываемых производств специалистами и вспомогательным персоналом. Устав предприятия подписали с российской стороны директор предприятия «Изотоп» В.В. Федоров, с китайской стороны – генеральный директор компании по экономической торговле коммерческого управления уезда Цзидун Цзяо Чуаньян (教传杨). Данное предприятие, как и компания «Ляоха», было ликвидировано по результатам налоговых проверок в январе 1997 г.²

Учредителями предприятия от РФ было Хабаровское предприятие Всесоюзного объединения «Изотоп», от КНР – компания по экономической торговле коммерческого управления уезда Цзидун провинции Хэйлунцзян (黑龙江省鸡东县商业经济贸易公司). Уставной капитал китайской компании составлял 1 млн. 100 тыс. юаней, и сфера деятельности ее была довольно широка: компания занималась сбытом на рынке продуктов питания, сельхозпродукции, машин и механизмов,

¹ ГАХК. Ф-1399. Оп.9. Д.1306. Л.Л.1-6.

² ГАХК. Ф-1399. Оп.9. Д.1482. Л.Л.45-57, 60.

электроники, древесины, металлопроката и т.д. Что касается российского предприятия «Изотоп», то оно было зарегистрировано как региональное 26 ноября 1992 г. на базе Хабаровского межобластного предприятия Всесоюзного объединения «Изотоп», которое, в свою очередь, было образовано в 1973 г. Оно входило в состав Всесоюзного объединения «Изотоп» Министерства РФ по атомной энергии; главным предметом его деятельности было внедрение услуг и работ в области атомной науки и техники, ядерного, изотопного, экологического и медицинского приборостроения, а также удовлетворение потребностей народного хозяйства региона в средствах измерения радиационных полей, защитной техники и оборудования, диагностической аппаратуры и аппаратах. В сентябре 1992 г. от Министерства по атомной энергии РФ было получено разрешение создать с компанией по экономической торговле коммерческого управления уезда Цзидун провинции Хэйлуцзян на базе Хабаровского регионального предприятия в/о «Изотоп» совместное предприятие. В новых социально-экономических условиях в качестве предмета деятельности было добавлено оказание дистрибьюторских и дилерских услуг, маркетинг и посреднические услуги в области торговли, экспорт и импорт на комиссионных условиях услуг и товаров, полученных от других поставщиков и т.п.¹

На территории Хабаровского края в 1990 г. совместно с зарубежными компаниями было создано восемь совместных предприятий. Так, реализация услуг в обслуживании общественного питания с использованием рецептов и технологии китайской кухни стала сферой деятельности СП «Харбин», чьими партнерами выступали управление общественного питания крайисполкома и Харбинская компания по техническому и экономическому сотрудничеству².

Типичным примером международного сотрудничества начала 1990-х гг. было совместное советско-китайское предприятие «АМИТ», созданное в Амурской области в 1990 г., генеральным директором которого в 1990 г. стал С.И. Колотий, в 1991 г. – А.А. Агарков. «АМИТ» занимался международной перевозкой грузов из КНР и обратно на автомобилях КамАЗ, при этом грузы доставлялись не только на Дальний Восток. При предприятии в 1991 г. открылся магазин для реализации населению товаров народного потребления. Работникам предприятия регулярно выплачивались премии, материальная помощь, а также повышались оклады «в связи с повышением розничных цен»³. К 1994 г. в Амурской области около 90% СП было зарегистрировано с участием китайского капитала, в Хабаровском крае – около 40%, в Приморском крае – 38%. Для СП, зарегистрированных до 1 января 1992 г., на всей территории РФ были установлены налоговые каникулы сроком на 2 года, а на Дальнем Востоке – 3 года. При этом, СП с более 30% иностран-

¹ ГАХК. Ф-1399. Оп.9. Д.1482. Л.Л.5-6, 21-31.

² ГАХК. Ф. Р-1736. Оп. 8 Д. 1030. Л.Л.2-3.

³ ГААО. Ф.Р 2363. Оп.1. Д.1. Л.1-8.

ных инвестиций уставного фонда и предприятия, полностью принадлежавшие иностранным инвесторам, получили право без лицензии экспортировать продукцию собственного производства и импортировать продукцию для собственных нужд¹.

В середине 1995 г. региональное распределение дальневосточных совместных предприятий было следующим: 38% в Приморском крае, 23% в Хабаровском крае, 14% на Сахалине, 8% в Камчатке, 7% в Амурской области, по 5% в Республике Саха (Якутия) и в Магаданской области. Большая часть иностранных инвестиций была сосредоточена в сфере услуг и рыбной промышленности, а остальные в строительной отрасли, лесной промышленности и др. Сфера услуг, в свою очередь, включала в себя сферу коммуникаций, транспорта, гостиничного бизнеса, маркетинга общественного питания, консалтинга и т.д. Наибольшее значение в деятельности СП, безусловно, имели иностранные инвестиции. Большинство совместных предприятий представляли собой небольшие компании, занимавшиеся торговым и посредническим бизнесом. Принадлежащие к производственной сфере совместные предприятия обычно широко использовали старое оборудование, и в основном занимались первичной обработкой сырья². По признанию китайских экспертов, свидетельства которых приведены в труде А.М. Шкуркина, «действуют только несколько десятков мелких китайских предприятий (общий объем капиталовложений в каждом – около 10 тыс. долл.). Несмотря на неоднократно предпринимаемые попытки расширить ассортимент товаров, спектр предлагаемых услуг (так, в Хабаровске предполагалось создание китайских предприятий по изготовлению соевого соуса, швейных изделий, обуви, продукции из древесины, строительство гостиниц в традиционном китайском стиле), в основном эти проекты оказались нереализованными»³.

При создании предприятий с иностранным капиталом, внешних партнеров привлекали отрасли с быстрым оборотом средств, а также сырьевые отрасли. Так, по данным статистического управления Приморского края, из 300 действующих совместных предприятий около 60% были заняты в торговле и сфере услуг, 6,7% – в рыбной, 5,7% – в лесной и деревообрабатывающей промышленности. Аналогичная картина распределения сфер деятельности СП была характерна и для остальных территорий Дальнего Востока. Исследователи отмечали, что результаты деятельности предприятий с иностранным капиталом на Дальнем Востоке могли бы быть значительно выше, если бы возможности центрального правительства по оказанию прямой финансовой поддержки экономики региона не были столь ограниченными⁴.

¹ Моисеева Л.А., Ващук А.С. Указ. соч. С.272, 274-275.

² Гун Жунцзинь. Элосы юаньдун дицуй дэ цзинци фачжань (Экономическое развитие российского Дальнего Востока) // Шицзе цзинци. 1996. №8. С.30.

³ Шкуркин А.М. Указ. соч. С.102.

⁴ Деваева Е.И., Норин В.Г. Указ. соч. С.6.

Совокупный приток иностранного капитала в Россию был незначительным по сравнению с Китаем. Несмотря на свои обширные природные ресурсы в виде нефти, газа, древесины, полезных ископаемых и металлов, Россия привлекла только 3 900 млн. долл. США в виде прямых иностранных инвестиций в период с 1989 по 1995 год (что эквивалентно 1,10 долл. США на душу населения в 1995 г.), причем только половина этой относительно небольшой суммы было привлечено в форме СП. За тот же период Китай получил иностранных инвестиций 121 700 млн. долл. США (18,20 долл. США на душу населения), практически все через форму СП. Это можно объяснить выбранным подходящим путем реформ, т.к. уровни притока прямых иностранных инвестиций определяются преобладающими уровнями ожидаемой нормы прибыли, скорректированной с учетом странового риска. Таким образом, страновой риск влияет на выбор начального режима для прямых иностранных инвестиций – там, где страновой риск высок, например, в результате высоких политических рисков и/или неопределенностей, связанных с правовой защитой прав собственности, иностранные инвесторы не спешат с инвестициями. В случае России страновой риск на протяжении 1990-х гг. был самым высоким в мире, и ожидаемые нормы прибыли, предлагаемые приватизированными производственными предприятиями, были низкими, поскольку иностранцы были обязаны предоставлять гарантии занятости в отношении социального обеспечения и другой убыточной деятельности. Потенциальные иностранные инвесторы в российские приватизированные производственные компании (в отличие от первичной добывающей промышленности) сталкивались с низкими ожидаемыми нормами прибыли, самыми высокими уровнями странового риска и требованием принять на себя высокие обязательства. Иностранные инвесторы предпочитали выбирать низкоуровневые уровни выхода на российский рынок, например, в форме прямого экспорта, контрактов с местными торговыми агентствами, соглашений о лицензировании производства, но в очень редких случаях – в форме СП¹.

Российский Дальний Восток не стал исключением в этой тенденции. Деятельность СП на российских дальневосточных территориях в большей мере была направлена на перепродажу товаров, а не на развитие собственного производства. Так, по данным Амурстата, доля производства промышленной продукции совместных и иностранных предприятий в объеме промышленного производства области составила только 0,3% по состоянию на 1997 год. Динамика зарегистрированных в Амурской области совместных российско-китайских и ПИИ с китайским капиталом была такова: в 1991 г. – более 10, в 1992 г. – 30, в 1993 г. – 69, в 1994 г. – 82, в 1995 г. – 110, 1996 г. – 126, в 1997 г. – 145 предприятий². Из них СП с китайским капиталом было: в 1989 г. – 1, в 1990 г. – 1, в 1991 г. – 10, в 1992 г. – 22, в 1993 – 30³.

¹ Buck T., Filatotchev I., Nolan P., Wright M. Different Paths to Economic Reform in Russia and China: Causes and Consequences // Journal of World Business. 2000. №4 (35). P.384-385.

² ГААО. Ф.Р-480. Оп.17. Д.727. Л.121; Д. 1202. Л.123.

³ ГААО. Ф.Р-480. Оп.17. Д. 727. Л.75; Д.1202. Л.Л.121-123; Д.1748. Л.31.

В целом же, китайские инвестиции в развитие Дальнего Востока были невелики, а доходы от деятельности СП оседали главным образом в Китае. Если в России (в т.ч. на Дальнем Востоке) к концу 1993 г. было зарегистрировано 800 полностью китайских компаний и СП, то в Китае с участием российского капитала – около 400. Для российского Дальнего Востока Китай был вторым торговым партнером, а Дальний Восток для Китая – лишь седьмым¹. Незначительными были вложения в легкую и пищевую промышленность, информационно-вычислительное обслуживание, физкультуру и спорт. По-прежнему большинство предприятий после создания не получали инвестиций со стороны зарубежных партнеров. Это было связано с отсутствием гарантий для инвесторов, а также с тем, что многие предприятия были созданы для оказания различных услуг и только небольшая часть их была занята непосредственно производством продукции. Поэтому рост совместного предпринимательства не оказывал существенного влияния на экономику региона².

Согласно российским статистическим данным, в 1995 г. на юге Дальнего Востока (в Приморье, Амурской области и Хабаровском крае, Еврейской автономной области) насчитывалось более 400 СП (по всей России – полторы тысячи)³, однако они зачастую оказывались фирмами-«однодневками», создавались для выполнения единственной сделки, не выполняли требований российского законодательства и быстро ликвидировались.

Типичным примером такой фирмы может послужить совместное предприятие «Динсин», зарегистрированное в Хабаровске 4 декабря 1992 г. Спектр деятельности таких предприятий обычно был крайне широк – как и в случае с «Динсин». Согласно Уставу, предметом деятельности ТОО «Динсин» являлись: реализация проектов по освоению и глубокой переработке природных ресурсов на базе современных экологически чистых технологий; организация производств по выпуску промышленной и сельскохозяйственной продукции, в том числе экспортной; сбор и переработка отходов производства; заготовка и переработка леса и лесоматериалов на базе безотходных технологий и производство из них изделий для внутреннего и внешнего рынков; организация производства паркета, мебели, фанеры, палочек для еды с привлечением производственных возможностей китайского участника; производство строительных материалов; обработка поделочных и полудрагоценных камней, изготовление из них ювелирных и художественных изделий; добыча песка, гравия, других материалов; их переработка, хранение и транспортировка; экспорт в Гонконг и третьи страны; сбор, заготовка и переработка дикорастущих растений, в том числе лекарственных, а также продуктов, используемых в тибетской медицине; организация предприятий по оказанию различного рода услуг гражданам и юридическим лицам; организация

¹ Моисеева Л.А., Ващук А.С. История предпринимательства на Дальнем Востоке России в конце XX - начале XXI в. Владивосток, 2006. С.269.

² ГАПК Ф.Р-1694. Оп.1. Д.230 Л.Л.13-17.

³ Ларин В.Л. Китай и Дальний Восток России в первой половине 90-х... С.66.

и ведение внутреннего и международного туризма; сервисные услуги, связанные с туристической деятельностью; строительство и эксплуатация гостиничных комплексов, туристических баз, отелей, кемпингов, спортивно-оздоровительных сооружений; организация любительской и спортивной охоты и рыболовства; услуги по обслуживанию зарубежных делегаций, деловых людей и туристов; организация оптовой, розничной и комиссионной торговли через действующую и собственную сеть фирменных магазинов; ведение торговли и оказание услуг за валюту, в соответствии с действующим законодательством; торгово-закупочная деятельность; посредническая деятельность, в том числе на внешнем рынке, в соответствии с действующим законодательством; внешнеэкономическая деятельность. Фирма также оставляла за собой право «заниматься другими видами деятельности и выполнять иные функции, способствующие достижению целей предприятия»¹. Подчеркнем, что заявленные в Уставе услуги и сферы бизнеса давали таким предприятиям возможность быстро получать прибыль, а также мобильно менять направления деятельности в соответствии с запросами рынка, перестраиваться с учетом потребительского спроса и социально-экономических трансформаций.

Уже через год, 22 декабря 1993 г., администрация Хабаровского края подписала постановление о ликвидации «не состоявшейся» российско-китайской совместной компании «Динсин». Этот случай показателен: в новых социально-экономических и политических условиях, когда государство утратило часть своих ограничительных функций, СП создавались без препятствий со стороны российского законодательства; при этом обозначенная в договоре многопрофильность в большинстве случаев оказывалась фиктивной. Сами китайские предприниматели отмечали, что в России очень легко зарегистрировать компанию – нужно лишь нотариально заверить паспорт, предоставить соответствующие документы, оформить их в налоговой, открыть счёт в банке, положив на него примерно 10 тыс. руб.² Нередко такие предприятия регистрировались для выполнения одной сделки (чаще экспортно-импортной операции), не отвечали требованиям российского законодательства и ликвидировались по результатам налоговой проверки. В том числе и такими способами ведения дел объясняется резкий спад товарооборота, сокращение количества совершаемых сделок и процента выполнения заключенных контрактов – все эти явления имели место уже со второй половины 1993 г. В 1994 г. уровень товарооборота снизился более чем на 40%, а в 1995 г. общая доля России в торговом сотрудничестве с КНР составила лишь 1,95%³.

¹ ГАХК. Ф.Р-1399. Оп.9. Д.1461. Л.Л.1-4.

² Тан Линьяо. Фанжэнь юй гуаньли дэ хоцы хоби: Элосы дасин шичан яньбянь лу (Попустительство или тотальный контроль: размышления об эволюции российских крупных рынков). Пекин, 2010. С.199.

³ Данилов В.Е. Развитие экономики провинций северо-востока Китая в 90-е годы // Проблемы Дальнего Востока. 1994. № 5. С.57.

С 1995 г. начала вырисовываться картина «замороженных» совместных предприятий. Некоторые создавались на непродолжительное время – для проведения одной или нескольких сделок. Отмечалось увеличение налоговых преступлений по каналам внешнеэкономических связей, где наиболее распространенными видами нарушений были: сокрытие выручки при выполнении контрактов с иностранными партнерами, ведение двойной документации, одностороннее выполнение взятых на себя обязательств, а также валютные нарушения. Отрицательно сказывалось на поступлении налогов в бюджет увеличение количества компаний со ста процентами китайских инвестиций, которые создавались для совершения разовых крупных сделок по вывозу с территории РФ сои, лома черных и цветных металлов. Доля таких предприятий постоянно росла. При этом, в частности, в Амурской области, по данным областной налоговой инспекции, отчетность представляли 40% указанных фирм, показывали минимальную прибыль – 14%, остальные были убыточны. А резкое сокращение внешнеторгового оборота Дальнего Востока (с 3039,3 млн. долл. в 1993 г. до 2216,8 млн. долл. в 1994 г., т.е. на 45%) далеко не всеми аналитиками было воспринято как «качественный сдвиг в экономических отношениях», как переход от «нецивилизованной» бартерной торговли к более передовым формам отношений¹.

Статистика на середину десятилетия была такова: на Дальнем Востоке России было зарегистрировано около 2 тыс. СП, при этом удельный вес СП Дальнего Востока в их общем количестве, зарегистрированном на территории России, возрос с 2% в 1989 г. до 7% в 1995 г., а общий объем иностранных вложений в уставные фонды СП, созданных на территории Дальнего Востока, составил около 600 млн. долл. Однако, учитывая возросшие в 1990-е гг. иностранные вложения в развитие инфраструктурных отраслей и покупку акций приватизированных предприятий, общий объем накопленных зарубежных инвестиций в середине 1995 г. оценивался в 1-1,2 млрд. долл. Большинство СП было создано в форме акционерных компаний, где на одного иностранного партнера приходилось в среднем 4 российских учредителя. Примерно 1/4 всех СП на территории Дальнего Востока полностью принадлежала иностранным вкладчикам и была зарегистрирована как частные фирмы с ограниченной ответственностью. Около 9% от общего коли-

¹ Так, В. Ларин резко критикует провозглашенную «цивилизованность» смены экономических форм сотрудничества: «возможна ли в нынешних условиях Дальнего Востока трансформация «дикого» бартера в «цивилизованную» внешнюю торговлю, когда ему нечего вывозить, кроме леса, рыбы и топлива, когда на долю машин и оборудования приходится (как в 1994 г.) всего 2% экспорта? Когда для этой «цивилизованной» торговли нет ни правовой базы, ни соответствующей банковской, страховой, информационной и прочей инфраструктуры? когда Дальний Восток минимум на 50% зависит от импорта продуктов питания и непродовольственных товаров?» (Ларин В.Л. Россия и Китай на пороге третьего тысячелетия: кто же будет отстаивать наши национальные интересы // Проблемы Дальнего Востока. 1997. № 1. С. 21). «Большая часть товаров, импортируемых из России в Китай – это сталь, цемент, удобрения, древесина и другое сыпучее сырье и погрузчики, тяжелая техника, такая как экскаваторы, а на российский рынок в основном экспортируются повседневные потребительские товары и продукты питания. ...Упрощение торговой структуры делает рынок все более и более узким» (Тан Жэньго, Линь Дунхуэй. Хэйхэ бяньцзин цзинмао хэцзо цуньцзай дэ вэньти хэ дуйцэ цзяньи (Приграничное торгово-экономическое сотрудничество в Хэйхэ: существующие проблемы, контрмеры и предложения) // Хэйхэ цзинмао луньтань. 1995. №3. С.67).

чества СП являлись филиалами и отделениями иностранных фирм. При этом зарубежные инвесторы по-прежнему предпочитали вкладывать деньги в отрасли, не требующие значительных первоначальных затрат или связанные с экспортом валютных товаров¹. На российском Дальнем Востоке за 1988-1996 гг. было создано 504 предприятия с китайскими инвестициями, по состоянию на 1.01.1998 г. их совокупный капитал составлял 11,4 млн. долл.².

К 1998 г. китайские исследователи не относили экономическое сотрудничество Китая и Дальнего Востока к развитому. На Дальнем Востоке было немало совместных российско-китайских предприятий и предприятий, находившихся в полной собственности китайских предпринимателей. Это, в основном, были предприятия сферы общественного питания, торговли и т.д. В конце 1990-х гг. многие компании оказались в затруднительном положении из-за финансового кризиса, например, в Приморском крае было зарегистрировано более 360 китайских компаний, и фактически работали только 99 компаний. В Хабаровском крае около 128 китайских компаний не могли нормально работать из-за нехватки оборотных средств, в Еврейской автономной области только 5 из зарегистрированных 50-ти китайских компаний занимались производством продукции³.

За 1988-2005 гг. число зарегистрированных предприятий провинции Хэйлунцзян, вложивших инвестиции в Россию, составило более 200 компаний, общее число вложенных инвестиций составило 470 млн. юаней⁴. Исследования хэйлунцзянских аналитиков свидетельствуют, что проникновение капитала из этой провинции в СССР началось в конце 1980-х гг. и через несколько лет десятки компаний ежегодно открывали фирмы в России. «Но если до 1993 г. речь шла исключительно о совместных предприятиях, то в дальнейшем китайские бизнесмены стали ориентироваться на учреждение собственных компаний без участия российской стороны, и в 1997-1998 гг. доля таких фирм достигла 80%»⁵.

¹ Андрианов В. Ресурсный потенциал и структура экономики Дальнего Востока России // Проблемы Дальнего Востока. 1995. № 6. С. 25.

² Ли Чуаньсюн. Взаимное инвестирование в российско-китайских соседних регионах: положение и перспективы // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Благовещенск, 2002. С.190.

³ Мэн Чжэн. 1998 нянь Элосы юаньдун дицью шэхуэй цзинци чжуанкуан (Социально-экономическая ситуация на российском Дальнем Востоке в 1998 г.) // Дуньюу Чжунъя шичан яньцзю. 1999. №9. С.29.

⁴ Юй Цзянбо. Чжун Э бяньцзин дицью Хэйлунцзян дуань цзыюань тэдянь цзи цзинмао хэцзо (Особенности группы ресурсов пров.Хэйлунцзян в российско-китайской приграничной зоне и торгово-экономическое сотрудничество) // Элосы Чжунъя Дуньюу шичан. 2010. №6. С.44.

⁵ Иванов С.А. Инвестиции компаний провинции Хэйлунцзян в России: особенности роста в условиях господдержки // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 5. С.47.

Одним из примеров таких фирм является пример Хабаровской торгово-экономической компании с ограниченной ответственностью "Хуаи", созданной в России Департаментом внешней торговли и экономического сотрудничества Китая в 1998 г. и являвшейся полностью иностранным предприятием. Компания построила свиноферму «Хуаи» на окраине Хабаровска, занимавшую площадь 3,8 га; наняла технических консультантов из Северо-Восточного сельскохозяйственного университета Китая и Северо-Восточной Ассоциации производства свиного мяса. Деятельность фермы была положительно отмечена Министерством внешней торговли и экономического сотрудничества и правительством провинции Хэйлунцзян. (Чу Сян, Су Гофу. Элосы Юаньдун дэ Чжунгожэнь хэ Чжунго цие (Китайцы и китайские предприятия на российском Дальнем Востоке) // Сиболия яньцзю. 2007. №2(34). С.38).

Большинство из создаваемых предприятий с китайским капиталом изначально были ориентированы на экспорт с территории российского Дальнего Востока лома цветных, и черных металлов, сои, зерновых культур, часть таких предприятий создавалась для совершения одной или нескольких сделок. Манипуляции с количеством, качеством и как следствие стоимостью вывозимых стратегически важных сырьевых ресурсов (лом отходов, а также изделий из цветных и черных металлов, деловой древесины и др.) позволяла экспортерам образовывать до 30-40% неучтенной валютной выручки. Предприниматели вывозили ресурсы, используя подложные документы, включая и лжерегистрацию индивидуального предпринимателя для проведения экспортно-импортных операций по разовому контракту. Как отмечает Н.П. Рыжова, в частности, в контактной зоне Благовещенск – Хэйхэ поведение китайских предпринимателей было обусловлено: 1) активной политикой китайского правительства, направленной на развитие приграничной торговли и соответственно пассивной политикой российских органов власти; 2) отсутствием нормативно-правовой базы по многим коммерческим вопросам либо, при наличии такой базы, игнорированием многих ее положений предпринимателями и распространением неформальных правил ведения бизнеса; 3) приходом китайского капитала в экономику Амурской области преимущественно в форме неформального инвестирования и деятельности нелегальных (зарегистрированных на подставных лиц) фирм¹.

Как отмечали исследователи, заметного эффекта от деятельности иностранного капитала на Дальнем Востоке в 1990-е гг. не было, так как большинство российско-китайских СП представляли собой мелкие компании, работавшие в сфере торговли и осуществлявшие посредническую деятельность. В 1995 г. в Амурской области спрос на китайских рабочих почти полностью исходил от предприятий с китайским капиталом². В качестве примера слабой эффективности присутствия иностранного капитала можно привести служебную записку главы представительства администрации Амурской области в г.Хэйхэ В. Гайдина на имя А.Н. Белоногова, где был изложен анализ ситуации на потребительском рынке Амурской области в 1997 г. Акцент был сделан на несбалансированности международных экономических отношений: «Расчеты на саморегулирующие рычаги стихийного рынка не оправдались... Торговая инфраструктура и оборотные средства оказались раздробленными на множество мелких, конкурирующих между собой сегментов... Зарегистрированные в этот период многочисленные СП и компании со 100% иностранным (китайским) капиталом ничем, кроме торговли, не занимаются. Не вкладывая в экономику области ничего, кроме незначительных оборотных средств, которые к тому же через 3-4 месяца возвращаются в Китай в виде прибыли, компании стремятся к захвату доминирующих позиций в

¹ Рыжова Н.П. Процессы региональной интеграции в российско-китайском приграничье // Вестник ВолГУ. Сер.4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2008. №1. С.109.

² Иванов С.А. Миграция китайского капитала и труда в Приморском крае // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2014. №.4 (31). С.40.

торговли области, в том числе в мелкооптовой и даже розничной». По убеждению Гайдина, одной из эффективных экономических мер могло стать создание в Амурской области «двух-трех оптовых компаний, которые бы обеспечили поставку в область товаров, по количеству и ассортименту соответствующих поставляемым ныне посредническими компаниями Хэйхэ... Но учитывая сложное финансовое положение города и области, наиболее реальной формой могут быть совместные предприятия»¹.

Российское правительство и региональные дальневосточные администрации преследовали разные интересы: на межгосударственном уровне стремились к развитию сотрудничества между крупными компаниями и предприятиями, на местах же такие формы взаимодействия воплотить в жизнь не представлялось возможным в силу объективных причин. Сложилась непростая парадоксальная ситуация – границы были открыты для торгово-экономического, культурного и иного сотрудничества, но ни «сверху» (на межгосударственном уровне, уровне концепций и стратегий), ни «снизу» (на уровне юридическом и правовом) не было необходимых опор и основ.

Это обусловило, в частности, заключение на межрегиональном уровне огромного количества соглашений, договоров и протоколов о намерениях (большинство которых так и остались на бумаге) и активное создание предприятий с китайским капиталом. Китайская статистика зафиксировала на начало 1997 г. в России более 1500 совместных предприятий с китайским капиталом, на конец 1998 г. – 1300 таких предприятий². С 14.07.99 г. вступил в силу закон «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации», в котором в качестве льготы для предприятий с иностранными инвестициями предусматривалась государственная гарантия от неблагоприятного изменения законодательства РФ тем предприятиям, которые осуществляли приоритетные инвестиционные проекты, в уставных капиталах которых иностранным инвесторам принадлежало более 25%³. Однако сам принцип «иммунитета» был избирательным (суммарный объем иностранных инвестиций в проект должен был быть не менее 1 млрд.руб., либо доля иностранных инвесторов в капитале должна была быть не менее 100 млн. руб., и проект должен был быть включен в перечень, утвержденный правительством РФ); в конечном итоге предприятия не получили гарантированных льгот. Поэтому никак не повышалась инвестиционная привлекательность для зарубежных партнеров, и инвесторы продолжали соблюдать осторожность. Многие зарегистрированные предприятия создавались лишь для проведения крупных разовых сделок по вывозу стратегического сырья или совершения других внешнеэкономических операций и прекратили свою деятельность после их осуществления. Задолженность в бюджетные и внебюджетные фонды не поз-

¹ ГААО. Ф.Р-501. Оп.7. Д.891. Л.Л.1-2.

² Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона... С.110.

³ Федеральный закон от N 160-ФЗ от 09.07.1999 г. «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации».URL: <https://zakonbase.ru/content/base/32131> (дата обращения: 13.06.2019)

воляла предприятиям пройти процедуры ликвидации, и они продолжали оставаться зарегистрированными, хотя фактически не действовали и не предоставляли отчетность в финансовые, налоговые и статистические органы. Из общего числа совместных и иностранных предприятий, зарегистрированных в Амурской области с 1998 г., к началу 2000 г. ликвидированы 79 (38%). Из 94 зарегистрированных российско-китайских предприятий функционируют лишь 18 (это более половины действующих на территории области предприятий с иностранным капиталом)¹.

Вплоть до начала 2000-х гг. пути капитала, проникавшего в Россию из провинции Хэйлунцзян, были запутанны и хаотичны. Во-первых, далеко не все предприятия проходили требуемую законодательством регистрацию. Во-вторых, даже те предприятия, которые следовали букве закона, относились в основном к малому и среднему бизнесу. В 1990-х гг. средняя сумма инвестиций одной хэйлунцзянской фирмы в России достигала 143 тыс. долл., к 2003 г. этот показатель возрос до 840 тыс. долл. В-третьих, торговля, ставшая основной деятельностью хэйлунцзянского бизнеса в России, пусть его представители и заявляли иные цели, была нерегулярной, определяясь обслуживавшимися ими трансграничными торговыми потоками. В результате, например, «в 1997 г., в период стагнации приграничной торговли, при перерегистрации 438 предприятий, зафиксировавших в предыдущие годы хозяйственную деятельность в РФ, лишь 50 подтвердили ее продолжение, занимаясь преимущественно торговыми операциями»².

Реализуя на протяжении 20-ти лет стратегическую политику постепенного открытия внешнему миру, Китай добился существенных успехов в привлечении иностранного капитала для своего социального и экономического развития, тогда как российская политика привлечения иностранных инвестиций в форме создания совместных предприятий и предприятий, основанных полностью на иностранном капитале, оказалась неэффективна: так, главной целью большинства иностранных инвесторов, создававших предприятия на территории Амурской области, было скорейшее получение прибыли³. Если в 1992 г. наблюдалась тенденция по созданию российско-китайских СП, то в 1993-1994 гг. наряду с использованием этой формы прямых инвестиций китайский инвестор стал все более активно использовать другую форму инвестиционной деятельности – создание предприятий, полностью принадлежащих китайским компаниям⁴. По данным управления Министерства по налогам и сборам РФ по Амурской области, «на 01.01.1998 г. на территории области было зарегистрировано 47 юридических лиц со 100-процентными иностранными

¹ Цветкова Н.М. Функционирование совместных предприятий в Амурской области // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Благовещенск, 2002. С.293.

² Иванов С. Инвестиции компаний провинции Хэйлунцзян в России: особенности роста в условиях господдержки // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 5. С.47.

³ Карасин Г. Россия – Китай: партнерство, развернутое на стратегическую перспективу // Проблемы Дальнего Востока. 1997. № 2. С.28.

⁴ ГАПК.Ф.Р-1694. Оп.1. Д.230. Л.22.

инвестициями, 01.01.99 г. – 57, на 01.01.2000 г. – 61, причем 99% их создано китайскими инвесторами. Эти предприятия занимаются экспортно-импортными операциями, производством плодоовощной продукции, жилищным строительством... По состоянию на 01.01.2001 г. на налоговом учете в инспекции МНС России по Благовещенску состояло 148 организаций с иностранными инвестициями»¹. Руководители многих предприятий со 100% китайским капиталом выехали в КНР, оставляя незавершенные контракты и задолженности. Вклад предприятий с участием иностранного капитала в экономику субрегионов Дальнего Востока оказался незначительным. Это обусловило отток значительной части финансовых ресурсов за границу в виде «неисполнения импортной части товарообменных контрактов, непоступления валютной выручки от экспорта товаров на территорию области»².

В научных работах второй половины 1990-х гг., анализируя российскую инвестиционную политику, ученые называют в качестве отличительной черты советской/российской практики ограниченный набор форм инвестиционного сотрудничества – в противовес китайской практике сотрудничества с иностранным капиталом с ее разнообразием форм привлечения инвестиций³. Так, В.Л. Ларин утверждает, что «плохо продуманная экономическая политика центрального правительства никак не способствует активному притоку иностранного капитала на Дальний Восток. В результате ситуация с иностранными инвестициями на Дальнем Востоке в 1994-1995 гг. выглядит даже хуже, чем за год-два до этого, а внешнеторговый оборот предприятий с иностранным капиталом в 1994 г. сократился на 20% по сравнению с 1993 г. и на 48% по сравнению с 1992 г. Китайский же капитал практически не выходит за сферу внутренней и внешней торговли, предприятия с китайскими инвестициями только и стараются воспользоваться предоставляемыми СП льготами для сбыта импортируемой продукции, да трудоустроить рабочую силу из КНР. Да и доля китайского капитала в иностранных инвестициях на Дальнем Востоке очень невелика. На начало 1996 г. в Хабаровском крае она составляла 6,5% всех зарубежных инвестиций, в Приморском – 13%, и даже в наиболее зависимой от Китая Амурской области – только 24%»⁴.

Российские ученые скептически оценивали ситуацию в сфере российско-китайского сотрудничества: «Приамурью за все годы развития приграничных внешнеэкономических связей не удалось привлечь к себе внимания крупных инвесторов. Во многом это определяется спецификой сложившейся в прошлом структуры экономики. Вместе с тем очевидно, что нынешние властные

¹ Павлова С.В. Предприниматели КНР на территории Амурской области: проблемы налогообложения // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск, 2001. С.556.

² Кашина Н.В., Межаков В.З. Насущные проблемы развития экономических связей Амурской области с Китаем // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. 4. Благовещенск, 2002. С.240-241.

³ Мозиас П. Привлечение иностранного капитала в акционерной форме: опыт КНР // Проблемы Дальнего Востока. 1997. № 2. С.108.

⁴ Ларин В.Л. Россия и Китай на пороге третьего тысячелетия: кто же будет отстаивать наши национальные интересы // Проблемы Дальнего Востока. 1997. № 1. С.22.

структуры не делают попыток изменить ситуацию... В итоге даже те попытки, которые предпринимаются иностранным бизнесом, в подавляющем большинстве случаев остаются нереализованными»¹.

Китайские эксперты отмечали, что за последние годы (конец 1990-х гг.) в России наметилась тенденция к росту инвестиций в основные капиталы (фонды). Однако, во-первых, этот рост сложился после резкого экономического спада, происшедшего до стадии роста восстановительного характера, в связи с чем российское национальное хозяйство по-прежнему страдает от хронического инвестиционного голода. Во-вторых, темпы прироста производства и инвестиций на российском Дальнем Востоке ниже, чем в России в целом².

Отметим, что вышеприведенные оценки как с российской, так и с китайской стороны объективно освещали сложившуюся ситуацию в сфере поступления иностранных инвестиций на российский Дальний Восток, которая была обусловлена практически мгновенным переходом от плановой экономики к нерегулируемым ее формам в условиях тесного геополитического соседства с другим государством (Китаем), потепления российско-китайских отношений и появления возможности практически свободных контактов между приграничным населением.

В качестве примера подробнее рассмотрим инвестиционную ситуацию в Хабаровском крае: с конца 1980-х гг. в Хабаровский край начали поступать иностранные инвестиции. Здесь можно выделить несколько этапов. На первом этапе (1989-1991 гг.) инвестиции в основном вкладывались в создание небольших СП, в каждое предприятие вкладывалось не более 800 тыс. долл. На втором этапе (1992-1994 гг.) количество предприятий, в которые были вложены иностранные инвестиции, увеличивается. Совместно с Китаем создавались, в основном, средние предприятия с вложением инвестиций не более 200 тыс. долл. Большинство создавалось с целью импорта китайских товаров в Россию, так как для таких предприятий устанавливалась льгота беспошлинного ввоза. Позднее, с трансформацией бартерной торговли, такие предприятия постепенно сворачивали свою деятельность. Особенность третьего периода (начался с 1995 г.) в том, что это было более осознанное и вдумчивое вложение капитала со стороны инвесторов – только в более-менее солидные проекты, в основном, в переработку древесины и металлов. На 1 января 1997 г. в Хабаровском крае было зарегистрировано 616 предприятий с иностранным капиталом, из них наибольшее количество с китайским – 234 предприятия (38% от всех вложенных инвестиций). Однако с 1996 г. создание иностранных предприятий стало контролироваться в России, и тенден-

¹ Дьяченко В.Н., Понкратова Л.А. Использование потенциала приграничного положения в социально-экономическом развитии Амурской области // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып.6. Благовещенск, 2003. С.332-341. С.337.

² Цзинь Хуэйсинь. Перспективные направления развития китайско-российского экономического сотрудничества // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып.6. Благовещенск, 2003. С.320.

ция активного создания таких предприятий пошла на спад, предприниматели заняли выжидательную позицию. В 1996 г. в Хабаровском крае было зарегистрировано 52 предприятия с иностранным капиталом, на 13 предприятий меньше, чем в 1995 году. Кроме того, предприятия с китайским капиталом не были в числе крупных по объемам уставного фонда либо объемам экспорта или импорта, в отличие, например, от российско-японских или российско-корейских¹.

В целом, деятельность предприятий с китайским капиталом стала неотъемлемой частью экономической жизни многих предприятий, организаций и структур Дальнего Востока. За счет установления прямых связей между предприятиями и организациями-партнерами регион смог смягчить проблемы снабжения населения потребительскими товарами. Совместные предприятия, действовавшие на Дальнем Востоке, являлись важным звеном формирования рыночных отношений, фактически они стали «пионерами» свободной экономики, опередив во времени кооперативы, малые частные предприятия. Совместные предприятия способствовали разрушению государственной монополии в сфере экономики и внешней торговли. Они внесли определенный вклад в привлечение управленческого опыта из-за рубежа².

Для российской экономики усиление финансовых связей скорее носило вынужденный характер, нежели свидетельствовало о формировании нового типа открытой экономики (тем более – о создании долгосрочной экономической программы). Отдельные позитивные начинания по развитию двусторонних связей не получили полномасштабного воплощения. Прежде всего, у российского государства не было четких принципов приграничной политики. Создание совместных китайско-российских компаний на российской территории было стихийным и проходило в условиях абсолютной неподготовленности к этому региональных властей, при отсутствии прослойки накопленного частного капитала с российской стороны, а именно на базе предприятий самой различной направленности, изначальная деятельность которых была далека от торговли товарами народного потребления и предпринимательства. Система государственной политики регулирования развития предпринимательства оказалась далеко не совершенной. Незавершенность международных стандартов бухгалтерского учета, непонятная для предпринимателей из стран АТР налоговая и таможенная система (так, например, пошлины на экспортную продукцию с высоким уровнем обработки были выше, чем на сырье и т.д.), частая смена законов в этой сфере – все это осложняло создание СП и привлечение иностранных инвестиций в дальневосточный регион³.

По мнению В.Л. Ларина, «с конца 80-х начался новый раунд в соревновании двух великих держав – России и Китая» и, хотя соперники «оказались в иных условиях» и «сменили тактику»,

¹Вэнь Ли, Ван Фуши. Элосы Хабалофусыкэ бяньцзянцюй иньцзинь вайцзы дэ сяньчжуан (Современная обстановка по привлечению инвестиций в приграничный Хабаровский край России) // Элосы Дунъя Чжуньюу шичан. 1997. №11. С.7-10.

² Моисеева Л.А., Ващук А.С. Указ. соч. С.268.

³ Моисеева Л.А., Ващук А.С. Указ. соч. С.265.

но цели их и стратегии остались те же. При этом, первые 10 лет можно назвать «разведочными», или «пристрелочными». И прошли они «явно не в пользу России», уступившей и инициативу, и пространство. Не последней причиной этого был тот факт, что в период «нового политического мышления» СССР отказался от своей «деструктивной роли» в Восточной Азии, а конструктивная часть концепции тихоокеанской политики так и не была разработана¹. Возникающие вопросы межрегионального взаимодействия были отданы «на откуп» решению на местах, а несформированность механизмов приграничных взаимоотношений привела к тому, что 1990-е гг. не стали периодом активного привлечения иностранных инвестиций (в форме СП и ПИИ) на российский Дальний Восток, а характеризовались лишь расцветом «челночной» торговли и бартерных сделок и отсутствием государственного регулирования в торговле между приграничными территориями.

Если для российской стороны любые, даже самые примитивные формы торгово-экономических взаимоотношений способствовали выживанию региона, то китайская сторона везде открывала для себя новые перспективы в контексте долгосрочного экономического плана: «И Хэйхэ и Амурская область – в экономическом плане отсталые регионы, технологии и денежные потоки сюда поступают слабо. Усиление сотрудничества может привести к какому-либо положительному результату в их экономическом развитии. В целом, исторический опыт сотрудничества, накопленный с 90-х гг., свидетельствует, что для Хэйхэ, да и для всей провинции Хэйлуунцзян это – уникальный исторический шанс»², – таково мнение китайских аналитиков. Тем не менее, политическая нестабильность в России, инфляция, трудности с получением валютных и рублевых кредитов, технологическая отсталость в производстве и управлении – все это обуславливало опасения зарубежных предпринимателей инвестировать свои капиталы на российский Дальний Восток, поэтому сотрудничество в форме СП как вид международной кооперации несло в себе серьезные проблемы и риски³.

Итак, совместные компании создавались в изменившихся социально-экономических и политических условиях, в совершенно новой ситуации на приграничных территориях, когда граница утратила часть своих барьерных функций, но приобрела функции контактные. Отметим, что контактные функции она получила в результате договоренностей высших политических лидеров, а не в результате эволюционно-поступательного движения к открытости «снизу», что, при значительной институциональной неопределенности приграничного поля породило неупорядоченность новых форм сотрудничества, в частности, в создании СП и ПИИ. Возникновение китайско-российских СП в целом следует охарактеризовать как слабо упорядоченный, хаотичный процесс

¹Ларин В.Л. Китай и Дальний Восток России в первой половине 90-х... С.54-55.

²Чжан Миньюань, Чжан Юйлун. Хэйхэ юй Амуэрчжоу дицзюй хэцзо яньцзю баогао (Доклад об исследовании регионального сотрудничества между Амурской областью и Хэйхэ) // Хэйхэ сюэкань. 2011. №1. С.14.

³Моисеева Л.А., Ващук А.С. Указ. соч. С.319.

в приграничном взаимодействии, проходивший на фоне отсутствия общей концепции развития дальневосточных территорий и неразработанности стратегии тихоокеанской политики. Этот процесс зачастую был направлен на получение сиюминутной прибыли и вследствие этого не сыграл какой-либо заметной роли ни в развитии торгово-экономических отношений России с Китаем, ни в российской экономике, ни в повышении благосостояния российских дальневосточных территорий.

2.3 Сферы деятельности и быт китайских предпринимателей

Особое геополитическое положение приграничных дальневосточных территорий – Амурской области, Приморского края, Еврейской автономной области, Хабаровского края – обусловило специфику международных связей с соседним государством. Находясь непосредственно на границе с Китаем (так, например, Благовещенск Амурской области от г. Хэйхэ пров. Хэйлуцзян отделяет всего 700 м реки Амур), эти регионы оказались наиболее доступными территориально, а потому привлекательными для китайских предпринимателей в 1990-е гг., в начале развития (или, точнее, возобновления) приграничной торговли.

Возобновление сотрудничества между Россией и Китаем происходило сразу в нескольких направлениях: активизировалась «народная» торговля, создавались совместные предприятия, а также стала привлекаться иностранная рабочая сила, призванная решить проблему нехватки трудовых ресурсов на российском Дальнем Востоке. Многие мигранты, приезжавшие в качестве наемной рабочей силы, впоследствии становились и участниками «народной» торговли, и учредителями совместных предприятий. В дальневосточном регионе сформировалась своеобразная маятниковая миграция, обладавшая следующими характеристиками: постоянство социального состава мигрантов, совершавших систематические поездки в КНР и обратно в Россию; значительная часть мигрантов являлась наемными работниками или доверенными лицами частных фирм.

Еще одним фактором привлекательности российского Дальнего Востока для китайских мигрантов являлась относительно благоприятная экологическая обстановка (связанная с отсутствием массового промышленного производства в этом регионе и малонаселенностью), экологически чистые, с точки зрения китайцев, продукты, значительный природный потенциал. На фоне серьезных экологических проблем в Китае (нехватка воды, загрязнение воздуха, эрозия почв и т.д.) дальневосточный регион выступал как удобное, безопасное для здоровья место для занятия хозяйственной деятельностью и проживания. В конце 1996 г. в пограничных регионах России на

протяжении от Байкала (Иркутская область) до Приморского края насчитывалось 200-300 тыс. китайцев¹.

В целом, в 1990-е гг. на Дальний Восток приезжали предприниматели из Китая, которые не ориентировались в российском законодательстве, и практически ничего не знали о России. Приехав в Россию, они в течение двух-трех недель знакомились с обстановкой, проводили переговоры, а затем практически сразу подписывали контракты и уезжали обратно в Китай. Далее они направляли своих подчиненных в Россию регистрировать созданную фирму. Поиск людей, согласных ехать в Россию, велся бессистемно: находилось немного желающих ехать в охваченную реформами и испытывающую немалые социально-экономические трудности страну. Нередко в Россию ехали люди, не только не владеющие русским, но даже и английским языками, не имеющие опыта работы за границей, не имеющие достаточно квалификации и потенциала для такого рода деятельности. При таком подходе работа этих поспешно созданных фирм была направлена не на долгосрочный результат, а, скорее, на быстрый доход. Следует отметить, что китайские предприниматели в России могли работать только по рабочей визе, полученной на основании приглашения российской стороны. Без знания языка им было трудно оформить все необходимые документы, поэтому они работали по туристической либо по коммерческой визе, оформленной на короткий срок. Таким образом, торговцы не могли долго находиться в России либо заниматься крупным бизнесом².

Были и примеры успешного создания и развития крупного бизнеса китайскими предпринимателями на дальневосточных территориях. Так, в 1993 г. предпринимательница Ян Сяоли (г. Харбин, КНР) основала компанию «Вань Ян», которая впоследствии стала крупнейшей многопрофильной международной корпорацией. Бывшая школьная учительница, Ян Сяоли в 1990-е гг. решила начать бизнес в России. Начав в 1993 гг. с продажи автозапчастей в небольшом магазине г. Уссурийска, через 10 лет корпорация Ян Сяоли совместно с уссурийской компанией «Центр» построила российско-китайский оптовый рынок строительных материалов, расположенный на территории более чем 50 тыс. кв. м³.

Однако большинство китайских коммерсантов составляли именно представители мелкого и среднего бизнеса, или «народной» торговли. Китайские мигранты быстро осваивали оптовую, мелкооптовую, а затем и розничную торговлю товарами народного потребления, а также сферу

¹ Витковская Г., Зайончковская Ж. Новая столыпинская политика на Дальнем Востоке России: надежды и реалии // Перспективы Дальневосточного региона: межстрановые взаимодействия/под ред. Г. Витковской, Д. Тренина; Московский Центр Карнеги. М., 1999. С.98.

² Salovskaia Ekaterina. Чжунго шанжэнь цзай Хабалофусыкэ цунши сяоэ маои дэ яньцзю (Китайские предприниматели, занимающиеся малым бизнесом в Хабаровске): дис. ... магистра экон. наук. Харбин, 2015. С.2, 14-15.

³ Цзян Сяохуа. Чжунго цзоусян Элосы цзяньцай шичан дии жэнь - цзи Хэйлунцзян Ваньян цзинмао цзитуань цзунцай Ян Сяоли (Первый китаец «заходит» на российский рынок стройматериалов - о женщине-президенте Хэйлунцзянской торгово-экономической корпорации "Вань Ян" Ян Сяоли) // Шицзи цяо. 2005. №7. С.27.

бытовых услуг (починка обуви, мелкий ремонт одежды и др.). Китайские торговцы, таким образом, были как «челноками», так и оптовиками; многие знали русский язык на минимальном уровне. Большинство из них, как правило, были очень мобильны и всегда готовы двигаться дальше, когда появлялись новые возможности. Почти половину китайских торговцев составляли женщины, в отличие, например, от сфер сельского хозяйства и строительства, где доминировали мужчины¹.

Приведем несколько примеров становления бизнеса китайских предпринимателей. Некто Чжан Чжи начал свою предпринимательскую карьеру простым водителем, а затем стал владельцем вещевого рынка в Суйфэньхэ. В 1990-е гг., приезжая на российский Дальний Восток, он заметил, что, хотя в российских дальневосточных городах есть китайские рынки, и там продают много одежды, но русские неохотно покупают ее, и конкуренция в этой сфере бизнеса высокая именно из-за того, что предложение превышало спрос. Он побеседовал с русскими женщинами, которые не могли найти для себя подходящих фасонов и размеров на китайских рынках одежды в российских городах, и вынуждены ездить за одеждой в Суйфэньхэ. Тогда у Чжан Чжи возник бизнес-план – открыть магазин тканей и пошивочное ателье.

Вскоре Чжан Чжи перебрался во Владивосток, где взял в аренду торговые площади и открыл ателье. У него не было опыта такого бизнеса, все он осваивал «с нуля». Нанял дизайнеров одежды, закройщиков и портных. В то время средства у него были очень ограничены, он не мог вложить в этот бизнес большие инвестиции, поэтому не мог предложить высокую зарплату дизайнерам и нанял на эту работу довольно посредственные кадры. Разработанная ими одежда не имела успеха у покупателей. Торговля не шла, положение спасал только магазин в Суйфэньхэ. Чжан Чжи осознал свою ошибку, изучил соответствующий сегмент деятельности во Владивостоке, нашел достойных дизайнеров, закройщиков и портных за среднюю зарплату 350 долларов в месяц, закупил в Китае большую партию ткани для пошива верхней одежды и продолжил свою деятельность на более высоком уровне².

Как вспоминает владелец одного из пошивочных ателье «У Катюши» Ло Цимин, «сначала нам было все незнакомо, мы не знали языка, не знали особенностей рынка и сразу понесли убытки в 10 тыс. юаней. Но постепенно поняли, что надо действовать на опережение, и нашим девизом стало «когда все думают, мы уже делаем, когда все делают, мы уже перестраиваемся». В ателье у Ло Цимина и его жены одновременно трудились 9 русских женщин, которые перенимали китайский опыт пошива одежды. Хозяин отметил, что постоянно происходил взаимовыгодный обмен опытом и искусством изготовления одежды. «Прибыли приносит это ателье немного, чуть

¹ Repnikova M., Balzer H. Chinese Migration to Russia: Missed Opportunities. Washington, D.C.: Woodrow Wilson International Center for Scholars, 2009. P.16.

² Чжан Чжи. Во цзай Элосы баньци «Учанди пифа шичан» (Я в России открыл «оптовый рынок без рынка») Да-луцяо. 2005. №11. С.38-40.

больше 100 тыс. юаней в год, это среди моих ателье (у Ло Цимина есть еще подобные ателье на родине в Китае) можно сказать, «сынок», но отказываться от него или перепродавать я не буду»¹.

Большое внимание китайских предпринимателей занимала строительная сфера. Здесь открывались широкие возможности: китайские строительные бригады нанимались для строительства торговых центров, жилых домов, гостиниц и т.д. Китайские рабочие отличались чрезвычайной работоспособностью: в отличие от российских бригад они работали круглосуточно. Впрочем, из-за того, что фундаменты в РФ и КНР закладываются по-разному, фундаменты зданий по-прежнему закладывали русские бригады. В крупных дальневосточных городах появились китайские строительные компании («Шимао» во Владивостоке, «Хуафу» в Благовещенске). Они занимались постройкой новых жилых домов и торговых комплексов и стали широко известны местным жителям². Примером успеха в этой сфере может служить история Хэ Вэньяня. Его история начинается с того, что в начале 1989 г. между Хэйхэ и Благовещенском было заключено межправительственное соглашение по привлечению из Хэйхэ специалистов по строительному делу. 13 мая 1989 г. глава будущей корпорации некто Хэ Вэньянь со своими рабочими (141 человек) приехал в Благовещенск. В то время амурское правительство и комитет по строительству г. Хэйхэ подписали три строительных контракта. Трудовой отряд Хэ Вэньяня должен был выполнить первый из трех строительных контрактов: объект – Амурская областная больница, площадь работ – почти 85 тыс.кв.м. После этого была начата работа над объектами «Театр» (известный благовещенский долгострой, который позже будет именоваться Общественно-культурным центром) и гостиница «Дружба» (общая площадь – 26 тыс.кв.м.). Работа по всем трем объектам была выполнена в соответствии со всеми необходимыми требованиями. Менее чем за два года Хэ Вэньянь соорудил также запруду реки Бурхановка, построил искусственный водоём и другие объекты (всего более десяти). Погодные (короткое лето, длинная зима), социальные (распад СССР) и экономические (девальвация рубля) условия не прекращали его работы.

В 1990 г. Хэ Вэньянь выполнил работу по сооружению автоматической телефонной станции (1.1 тыс.кв.м.). В 1991 г. им был выполнен заказ на строительство кооперативных квартир (общая площадь – 15 тыс.кв.м.). Площадь работ, выполненных в 1992 году, составила почти 38 тыс.кв.м. (детский сад в микрорайоне и Парк Дружбы). В период с 1993 по 1994 гг. Хэ Вэньянь работал с такими объектами, как квартиры Амурского завода «Металлист» (1.5 тыс.кв.м.), квартиры компании «Соппит» – 28.6 тыс.кв.м., инвестиционные строительные проекты – 32 тыс.кв.м.³.

¹ Лань Тянь. Чуан Элосы дэ Чжунгожэнь (Китайцы, пробившие себе дорогу в России) // Сяндай цзяоци. 1995. №8. С.57-58.

² Загребнов Е. Экономическая организация китайской миграции на российский Дальний Восток после распада СССР. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0315/analit05.php#_FN_4 (дата обращения 10.03.2019)

³ О компании «Хуафу». URL: <http://novostroy.2x2.su/firm/103> (дата обращения: 28.02.2016).

После распада СССР социально-экономическое состояние страны претерпело большие изменения, и проекты международного сотрудничества уже не финансировались должным образом. Хэ Вэньань осознал, что в такой ситуации нужно срочно менять методы управления и решил создать независимую компанию в России. 27 ноября 1995 г. в Благовещенске была основана ООО Коммерческо-строительная компания «Хуафу» (ООО КСК «Хуафу»). Эта организация была зарегистрирована как самостоятельное предприятие со 100-процентным иностранным капиталом. Хэ Вэньань стал ее генеральным директором и начал осуществлять независимое управление компанией. В это время его рабочими в Благовещенске уже было построено почти 250 тыс.кв.м площадей.

В 1998 г. «Хуафу» и 28 российских строительных компаний на равных конкурировали в области ценовой политики. «Хуафу» выиграл право пользования землей в центре города (по улице Октябрьской). Компания завершила работу по переносу деревянных домов в квартале № 45, при этом компании пришлось выдержать серьезное давление административных структур (полиции, налоговой инспекции, иммиграционной службы). В этом районе почти все дома были старыми, а в большинстве своем и вовсе опасными для проживания. Несколько благовещенских компаний были серьезно заинтересованы этим проектом, но так и не смогли принять в нем участие. В марте 1998 г. «Хуафу» начал строительство¹.

Несмотря на то, что в результате проверок неоднократно выявлялись недостатки при строительстве объектов (отмечались случаи, когда компанией нарушалась технология возведения кирпичных зданий и сооружений, на специализированные работы привлекались неквалифицированные китайские рабочие, использовались материалы, не соответствующие требованиям СНиП, ГОСТ и т.п.)², с 1996 по 1998 гг. компания завершила работу по строительству многоквартирного жилого дома в 212 квартале (1 очередь – 2679 кв.м, 2 очередь – 2493 кв.м), жилого дома в 72 квартале (2844,9 кв.м), работы по украшению фасада и внутренней экспозиции Амурской ярмарки – 6 тыс.кв.м. С 1998 по 2000 гг. компанией были завершены работы по возведению здания между ул. Октябрьская и ул. 50 лет Октября (22.86 тыс.кв.м.), жилого дома в 45 квартале (6263,6 кв.м)³. Площадь работ по остальным объектам составила 5 тыс.кв.м. С 2000 по 2001 гг. компанией были завершены следующие строительные объекты: Центральный рынок по ул. Красноар-

¹ Беседа Чжоу Тяньхэ с китайским предпринимателем Хэ Вэньанем от 09.02.2018 [Текст стенограммы беседы] // Личный архив Чжоу Тяньхэ.

² Дурицына Р.Ф., Кукшенева О.В. Организация жилищного строительства с участием иностранного капитала на территории Благовещенска // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Благовещенск: АмГУ, 2002. С. 275.

³ Официальный сайт КСК «Хуафу». URL: <http://kskhuafu.ru/company/facilities.php> (дата обращения: 17.03.2018)

мейской (ок. 30 тыс.кв.м), 3-х звездочная коммерческая гостиница «Хуафу» (25 тыс.кв.м). В общем же, начиная с 1992 года, компанией «Хуафу» было построено 500 тыс.кв.м., к работе были привлечены 3200 человек в качестве экспортной трудовой силы¹.

Работа этой компании свидетельствовала об инвестиционном потенциале Амурской области. Однако, как уже говорилось выше, намного чаще китайских бизнесменов интересовали финансовые схемы, позволяющие получить экономическую выгоду в кратчайшие сроки. Экономическая ситуация середины 1990-х гг. была такова, что предприятия работали даже себе в убыток. На семинарах и встречах, посвященных деятельности совместных предприятий, постоянно отмечались одни и те же причины, влияющие на создание любого производства в России: слишком высокие налоги, отсутствие каких-либо гарантий и льгот для бизнеса. Таким образом, импорт любых товаров из Китая был более выгоден, чем их производство в России².

Впрочем, экономические интересы китайских торговцев были, как правило, куда шире одной торговой сферы. Показателен пример уже упомянутой успешной предпринимательницы Ян Сяоли. Ее компания вошла на российский рынок в 1993 году: «Сначала мы открыли в России магазин автомобильных запчастей, а в 2003 году открыли большой оптовый рынок и биржу по продаже строительных материалов, став серьезным связующим звеном для китайских предприятий отрасли по изготовлению строительных материалов. Мое видение России с годами менялось – сначала, с открытием границ между нашими странами, Россия была для китайских бизнесменов как золотой рудник буквально под открытым небом – приехав сюда даже с коробкой жевательной резинки, можно было заработать несколько тысяч юаней. В то время к китайским предпринимателям не предъявлялось слишком много требований, и было огромное количество возможностей для бизнеса. Первая девальвация рубля, однако, сильно пошатнула наши позиции, и мы ушли с российского рынка. После первой волны развития китайского бизнеса и налаживания торговых связей с российскими бизнесменами наступил период относительной нормализации и стабилизации. В 1995 году мы открыли в Суйфэньхэ площадку по международным перевозкам. Кризис 1998 года стал одним из испытаний для китайских предпринимателей, но те, кто сразу понял ситуацию, смогли выиграть на ней, очень быстро купив товары и «скинув» рубли»³.

В этой характеристике обращает на себя внимание и широта интересов предприимчивых китайских торговцев (магазин автомобильных запчастей превращается в оптовый рынок и биржу по продаже строительных материалов), и открывшийся для применения их предпринимательских усилий простор («приехав сюда даже с коробкой жевательной резинки, можно было заработать

¹ Вершины «Хуафу». URL: <http://kvartirer.su/articles/stroitelstvo-i-remont/vershiny-khuafu/> (дата обращения: 25.01.2016).

² Якименко Т.Н. Иньсян Амуэрчжоу сиинь вайцзы дэ жогань взньти (Некоторые вопросы влияния привлечения иностранных инвестиций для Амурской области) // Хэйхэ сюэкань. 1996. №1. С.64.

³ Ян Сяоли. Элосы ши игэ лутянь цзинькуан (Россия – золотой рудник под открытым небом) // Чжунго циебао. 2005. 17 ноября.

несколько тысяч юаней»), и непосредственное влияние на их бизнес российских экономических реалий (кризис 1998 года). Все перечисленное было характерно для предпринимательской деятельности китайских бизнесменов 1990-х гг. в России.

Еще одна сфера активного применения усилий китайских предпринимателей – переработка древесины и изготовление различных изделий из нее. В качестве примера можно привести ТОО «Нава» в Приморском крае, которое специализировалось именно в этой сфере. Так, за 1994 год этим предприятием было реализовано на внутреннем рынке продукции собственного производства (оконные и дверные блоки, полки под товары, мягкая мебель и др.) на 137,3 млн. руб.¹

Китайские торговцы быстро оказались интегрированы и в сферу сельского хозяйства. Как и в других областях, китайские овощеводы оказались намного более организованными и менее прихотливыми работниками в сравнении с российскими. Эффективность применения их труда с учётом технологий, адаптированных для климата Северо-Востока Китая, оказалась очень высокой. Поскольку с 1994 г. уровень безработицы на Дальнем Востоке стал социально заметным явлением (в 1995 году около 9% от экономически активного населения Амурской области, более 10% в Хабаровском крае и 7,8% в Приморском крае²), а также в связи с ужесточением правил пребывания и регистрации трудовых мигрантов (указ Президента России «О привлечении и использовании иностранной рабочей силы в РФ от 16.12.1993 г.»)³, со второй половины 1990-х гг. импорт китайской рабочей силы пошёл на спад. При формировании сельхозугодий в бригадах с китайцами стали работать русские. Однако и несмотря на высочайший уровень безработицы (до 24%), многие хозяйства, как коллективные, так и фермерские, нанимали не местных жителей, а китайцев, которым сдавали на обработку пустующие земли. При этом опыт китайской приграничной торговли показал, что импортировать овощи и фрукты из Китая дешевле, чем выращивать их на Дальнем Востоке, даже при помощи китайских овощеводов. Поэтому на юге Дальнего Востока количество рекрутируемых овощеводов пошло на спад⁴.

Ван Ханьминь, специализировавшийся на выращивании овощей в России, отмечает, что столкнулся с такой серьезной проблемой, как обман русских: «После того, как урожай собран, часто русские заказчики отказываются выплачивать деньги. Например, Хабаровский колхоз три года подряд – в 1993, 1994, 1995 гг. обманул нашу компанию, только в 1993 году не выплатил более 100 млн. руб. за выращенную продукцию. Здесь не так, как на стройке – сначала задаток,

¹ ГАПК. Ф.Р-1694. Оп.1. Д.230. Л.Л.13-17.

² Ларин В.Л. Российско-китайские отношения в региональных измерениях ... С.287.

³ Указ Президента РФ от 16.12.1993 N 2146 (ред. от 05.10.2002) «О привлечении и использовании в Российской Федерации иностранной рабочей силы». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2863/ (дата обращения: 12.02.2020)

⁴ Загребнов Е. Экономическая организация китайской миграции на российский Дальний Восток после распада СССР. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0315/analit05.php#_FN_4 (дата обращения 10.03.2019)

потом работа. Урожай надо сначала вырастить. Пока мы не видим решения этой проблемы, кроме как тщательно отбирать заказчиков нашего труда»¹.

Как было отмечено выше, большинство китайских предприятий было сосредоточено в социальном комплексе – торговле, общественном питании, туризме, гостиничном, ресторанном обслуживании и так далее. Поэтому в реализации на внутреннем рынке доля услуг, связанных с такого рода деятельностью, занимала значительное место. Услуги, которые китайские мигранты предлагали российскому населению, были разнообразны. Так, семья Ван Сяодуна из Суйхуа занялась во Владивостоке ремонтом обуви, которым, по словам Ван Сяодуна, можно заработать 200-300 юаней в день, а в удачные дни – и 100 долларов. По словам Вана, во Владивостоке примерно 500-600 китайцев занимаются ремонтом обуви, и русские сапожники им абсолютно не конкуренты, так как делают все медленно и некачественно. «В целом, китайцы смеются над тем, что русские все делают очень медленно и неумело, а русские критикуют низкое качество работы китайцев. Это касается и строительного бизнеса и ремонта домов и квартир»². Китайцы признаются, что представители каждого города не посягают на сферу деятельности соседей из другой местности. Например, «харбинские» китайцы в Уссурийске занимаются обувью, и не будут пытаться посягать войти на рынок бытовых электротоваров – «вотчину» торговцев из Суйфэньхэ³.

Еще одна сфера хозяйственной деятельности китайцев – ремонт автомобилей, торговля автозапчастями. В 1990-е гг. во Владивостоке у некоего Ли Чуньфэна была большая мастерская по ремонту машин размером 750 кв. м, где одновременно могли ремонтироваться 50 машин. По его словам, с апреля по ноябрь этот бизнес шел очень хорошо, отбоя не было от клиентов; постоянно были заказы на ремонт машин, а также на сборку японских машин, которые после аварий в Японии везли в большом количестве во Владивосток. «Китайцы называют российский Дальний Восток большим рынком для битого японского автопрома»⁴.

Столь активная интеграция китайцев в русскую жизнь предполагала, конечно, не только экономическую, но и собственно социальную составляющую. В 1995 г. в Россию приезжали преимущественно мужчины (до 90%) в возрасте от 20 до 50 лет, в основном из приграничных уездов провинций Хэйлунцзян и Цзилинь. Работавшие по рабочим контрактам в большинстве своем принадлежали к менее образованной и беднейшей страте китайского общества, в то время как торговцы были преимущественно люди со средним образованием и средними доходами. В свою

¹ Ван Ханьминь. Жухэ цзиньбу кайто во цзай Э юандун дицюй дэ чэнбао лаоу шичан – дуйвай цзинци маои дасюе (Как Китай шаг за шагом открывает рынок подряда и трудовой деятельности на российском Дальнем Востоке – иностранные торгово-экономические «университеты») // Гоцзи маои взньти. 1996. №5. С.5-7.

² Беседа Чжоу Тяньхэ с китайским мигрантом Ван Сяодун от 20 февраля 2018 года [Текст стенограммы беседы] // Личный архив Чжоу Тяньхэ.

³ Загребнов Е. Экономическая организация китайской миграции ...

⁴ Чжунгожэнь цзай Хайшэньвай (Китайцы во Владивостоке) // Шицзицяо. 2006. №6. С.62-64.

очередь, мигрантов-предпринимателей из КНР можно разделить на два потока – квалифицированные бизнесмены и начинающие. Первые обычно открывали предприятия в России и вели крупный бизнес, вторые – занимались торговлей на рынках. Так, г-н Ван, уже 25 лет живущий на Дальнем Востоке России, утверждает: «В основном приезжали опытные бизнесмены, уже имевшие успешный бизнес в Китае, нужные связи в обоих государствах»¹. На территории России они проявили себя как энергичные, деятельные предприниматели, способные получить прибыль от налаживания российско-китайской торговли и повысить свой социальный и имущественный статус. Соответственно, они стали более требовательными к выбору торговых партнеров и условиям в стране пребывания. Тем не менее, большинство арендовали квартиры, либо проживали в гостиницах, так как опасались приобретать недвижимость в чужой стране². Типичными характеристиками таких китайских коммерсантов 1990-х гг. были: 1) среднее или высшее образование; 2) успешный опыт ведения бизнеса в Китае; 3) опыт работы в государственной сфере; 4) связи, наработанные за время работы в бизнесе или в государственной сфере; 5) стремление вести многопрофильный бизнес, мобильность, использование всех имеющихся связей как в России, так и в Китае.

Постоянный массовый приток китайских торговцев вкупе с дешевой рабочей силой привел к формированию стереотипных представлений о так называемой «желтой угрозе». С середины 1992 г. в центральной, дальневосточной и даже сибирской печати стало появляться все больше статей, посвященных китайской экспансии в дальневосточном регионе – по имеющимся подсчетам, за два с половиной года таких материалов появилось более 100³. С осени 1993 г. пресса начала развивать идею «китайской экспансии». Назывались цифры в 40, 100, 150 тыс. китайцев, нелегально проникших в Приморье, и от 400 тыс. до 2 млн. – на Дальний Восток. В прессе активно муссировалась информация о высланных из Приморья за 1993 год 200 тыс. китайцев⁴. Зарубежная пресса свидетельствовала о «ежедневном напряжении» между Россией и Китаем на дальневосточных рынках⁵. Опасения о китайской экспансии Дальнего Востока возникли несмотря на тот факт, что число китайских граждан, присутствовавших в Приморском крае в любой конкретный момент в 1996-2001 гг., вряд ли превысило 0,3–1,5% местного населения, и что эти мигранты приезжали, главным образом, чтобы заработать деньги и легально пересекали границу

¹ Беседа Чжоу Тяньхэ с китайским мигрантом Ван Шихун от 13 февраля 2018 года [Текст стенограммы беседы] // Личный архив Чжоу Тяньхэ.

² Там же.

³ Ларин В.Л. Синдром «желтой опасности» в дальневосточной политике России в начале в конце XX века // Известия Российского государственного исторического архива Дальнего Востока. Сб. науч. трудов. Т. I. Владивосток. 1996. С. 34.

⁴ Ларина Л.Л. Китайцы на Дальнем Востоке России: динамика их восприятия за последнее десятилетие // Взгляд вне рамок старых проблем: опыт российско-китайского пограничного сотрудничества. Occasional Papers / Slavic Research Center. Hokkaido University. Sapporo, 2005. № 6. С. 15.

⁵ Бейкер П. Напряжение на российском Дальнем Востоке. Китайских мигрантов беспокоят гнев и зависть северных соседей, которые боятся переворота. Вашингтон Пост. 2003. 29 июля // ГАХК. Ф.Р-353. Оп. 4. Д.83. Л.11.

как туристы. Согласно данным иммиграционной и пограничной служб, в 1997 г. в Приморский край въехали 52 тыс.чел. граждан Китая; 73 тыс.чел. в 1998 г.; 80 тыс.чел. в 1999 г.; и 42 тыс.чел. в первой половине 2000 г. В каждый из этих годов менее 500 из них не вернулись в Китай¹. Апофеозом стали слухи о готовящемся вооруженном нападении Китая на Россию, распространившиеся по Приморью в 1995 году – их даже был вынужден официально опровергнуть командующий Тихоокеанским пограничным округом А. Седых².

Как известно, никакого нападения китайцев на Дальний Восток не произошло. Очевидно, что в 1990-е гг. большинство китайцев, находившихся в России с целью предпринимательской деятельности, рассматривали ее как место своего временного пребывания, место накопления капитала. Даже пребывающие на «полулегальном» положении китайские предприниматели не способны были долгое время оставаться вне поля зрения правоохранительных органов либо раствориться в массе преобладающего славянского населения. Поэтому не приходится говорить о какой-либо реальной угрозе для демографической и социальной обстановки в регионе.

Для русских, живущих на Дальнем Востоке, присутствие китайцев всегда было важным социальным фактором, а в 1990-е годы и вовсе стало реалией повседневной жизни. Начало 1990-х – это время «культурного шока» от слишком внезапного столкновения с китайским населением и спровоцированного им мнения о китайской экспансии дальневосточных территорий. «Неопрятность, невоспитанность, бескультурье, ненадежность китайцев как ключевые признаки нации – вот первые впечатления, которые получило население Дальнего Востока от массовых контактов с китайцами, в основном представлявшими крестьянские слои Северо-Восточного Китая, в конце XX века... Опрос общественного мнения, проведенный Институтом истории осенью 1994 года на юге Дальнего Востока России, показал, что 62% населения полностью или частично согласны с утверждениями о китайской экспансии на Дальнем Востоке России, причем в наивысшей степени – люди максимально информированные: интеллигенция (81%) и лица с высшим и средним специальным образованием (77%). 33% опрошенных отрицательно относятся к самому факту нахождения китайцев на российской территории, для 40% их намерение остаться на постоянное жительство в России совершенно недопустимо»³.

Однако нельзя не учитывать социально-экономический контекст происходящих событий. Во-первых, впечатления от встречи с азиатским соседом наложились на негативный эмоциональный фон (события на Даманском, советские идеологические штампы о «китайской агрессии»). Во-

¹Alexseev M.A. Economic valuations and interethnic fears: perceptions of Chinese migration in the Russian Far East // Journal of Peace Research. 2003. № 1(40). P.87.

²Ларин В.Л. Российско-китайские отношения в региональных измерениях ... С.322.

³Ларин В.Л. Синдром «желтой опасности» в дальневосточной политике России в начале в конце XX века // Известия Российского государственного исторического архива Дальнего Востока. Сб.науч.трудов. Том I. Владивосток. 1996. С. 47.

вторых, волна китайской миграции сопутствовала неоднозначным по своим следствиям российским реформам. «Присутствие китайцев стало частью реальности, в которую входили политические потрясения, развал производства, денежные реформы, приватизация, ваучеризация и прочие явления, резко повышавшие градус отрицательных настроений народа. В этническом самосознании опыт встречи с китайцами совместился с опытом социального кризиса»¹.

В-третьих, россияне, не подготовленные к встрече с принципиально иной культурой, а также в связи с невозможностью преодолеть языковой барьер, часто принимали поведение китайцев в быту – громкую речь, прилюдное сморкание и плевок – за бескультурье, агрессию. Известный китаевед А. Маслов иначе объясняет такое поведение китайцев: это «не нарушение каких-то правил вежливости, это просто – народные традиции и привычки, некоторые из которых связаны с древними поверьями. Например, слюну надо обязательно сплевывать, поскольку она содержит «грязную», или «отработанную», энергию – ци»².

Однако в целом уровень претензий российских граждан к китайскому присутствию на Дальнем Востоке оказался не очень высоким. Активная деятельность китайских предпринимателей не вызывала протеста у местного населения. Массовых конфликтов в приграничных регионах не наблюдалось – единичные конфликты носили бытовой характер. Жители дальневосточного приграничья, традиционно веками соседствующие с китайцами, в целом не опасаются их ассимилирующего влияния и с уважением относятся к ним, как к работающей нации³.

Итак, в начале 1990-х гг. на юге Дальнего Востока уже сформировались неоднозначные отношения к китайцам. Безусловно, их предпринимательская деятельность на российской территории заключала в себе и криминогенные факторы. Так, в «Служебной записке о социально-политической ситуации на Дальнем Востоке в местах проживания выходцев из Китая и тенденциях ее развития» отмечалось, что в течение 1992-1993 гг. в местах проживания выходцев из КНР на Дальнем Востоке серьезно обострилась социально-политическая обстановка. Подчеркивалось, что экспорт иностранной рабочей силы из Китая на Дальний Восток России сопровождается активным стремлением китайских граждан натурализоваться в России, принять участие в приватизации жилья, промышленных объектов и земельных участков; усилилось их криминальное проникновение в коммерческие структуры и взаимодействие с местными коррумпированными элементами, а китайские браконьеры стали свободно промышлять на российских территориях. «В настоящее время в Чугуевском, Хасанском, Михайловском, Октябрьском и Красноармейском районах Приморского края формируются мобильные вооруженные группы специалистов по

¹ Забияко А.П. Этническое сознание как субъективный фактор взаимоотношений России и Китая: теоретические и прикладные аспекты // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 2. Благовещенск, 2002. С.425.

² Маслов А.А. Наблюдая за китайцами. Скрытые правила поведения. М., 2010. С.35.

³ Белоглазов Г.П. Россия в Китае и Китай в России: исторические аспекты этнокультурного взаимодействия // Россия и Китай: опыт и потенциал регионального и приграничного взаимодействия. Владивосток, 2014. С.75.

борьбе с китайскими браконьерами. Однако бороться с ними будет не просто хотя бы потому, что в некоторых районах краев и областей Дальнего Востока количество китайских граждан превышает количество местных жителей. Так, в Пограничном и Партизанском районах Приморского края незаконно проживают 15 тысяч китайцев, тогда как количество российских граждан составляет соответственно всего по 7,5 тысяч человек. Имеют место случаи хулиганства со стороны китайских граждан в общественных местах городов Хабаровска и Владивостока с избиением сотрудников милиции»¹.

Алармистские настроения у дальневосточников были обусловлены несколькими причинами, среди которых были: массовый приток китайских мигрантов на российскую территорию, их мобильные трансграничные перемещения, быстрый захват пустующих экономических ниш – для жителей приграничного региона, до конца 1980-х гг. закрытого для внешних (а некоторые области – и для внутренних) миграций это стало неким «культурным шоком». В социально-экономической жизни дальневосточного общества 1990-х гг. появляется новый элемент – китайские мигранты, которых слабо учитывала официальная статистика, что углубляло недоверие русского населения. Тем не менее, дальневосточники активно пользовались услугами китайских предпринимателей; в сложных социально-экономических условиях 1990-х гг. китайские товары были востребованы у российского потребителя. В проигрыше от китайского присутствия оказалась определенная часть российских бизнесменов, т.к. цены на китайские товары были слишком низкими, и импорт из стран Европы и европейской части России был трудноокупаем, а зачастую совершенно невыгоден. Поэтому местные российские предприниматели использовали существующее этническое недоверие, чтобы побудить региональные власти, которые сами не хотели разыгрывать антикитайскую карту, ограничивать экономическую активность Китая. На федеральное правительство также оказывали влияние влиятельные торговые и финансовые круги в Москве, которые хотели защитить свои рынки от проникновения китайских торговцев².

Осваиваясь в России начала 1990-х, китайцы были готовы адаптироваться к бюрократической реальности другой страны, и одним из механизмов адаптации стали фиктивные браки³. Вопреки сложившимся стереотипам, браки китайцев с россиянками не имели большого значения для ведения бизнеса. Во-первых, таких случаев были единицы. Так, 1997-1999 гг. в Амурской области зарегистрировано 17 семейных российско-китайских пар. В 1992-1997 гг. в Хабаровском крае

¹ ГААО. Ф.Р-2286. Оп.1. Д.94. Л.Л.34-35.

² Kerr D. Op. cit. P.949.

³ «В Амурской области за последние 10 лет получил вид на жительство 51 китаец, смешанных браков заключено 20. В Читинской области за 7 лет зафиксировано всего 14 смешанных браков» (Синдром «жёлтой опасности» в дальневосточной политике России в начале и конце XX в. // Известия РГИА ДВ: сб. науч. тр. - Владивосток, 1996. - Т. 1. - С. С.48). Опрос китайских граждан, проживающих в г. Хабаровске, показал факт сокращения доли тех, кто проживает один (с 71,1% в 1998-1999 гг. до 52,9% в 2001 г.) и увеличения доли тех, кто проживает с женой (мужем) и детьми (соответственно 16,8% и 34,6%) (Мотрич Е.Л. Демографический потенциал и присутствие китайцев на российском Дальнем Востоке // Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 6. С.55-63).

170 китайцев получили вид на жительство, а 27 человек за указанный период вступили в брак с русскими. В ЕАО в 1998 г. только 4 китайских гражданина вступили в брак с русскими и получили вид на жительство¹.

Во-вторых, межнациональные браки давали лишь возможность ускорить получение вида на жительство на территории РФ. В свою очередь, эта виза, конечно, давала иностранцу определённые права для ведения бизнеса в России, но, учитывая отсутствие законодательства о приграничном бизнесе как таковом, браки не давали особенных льгот и преимуществ. В начале XXI века вид на жительство в РФ уже давал возможность вести торговлю в России, открывать индивидуальные предприятия, свободно перемещаться по территории страны, не нарушая законов РФ. Согласно статистике, в 1992-2006 гг. (за 15 лет) 17 тысяч китайцев постоянно проживали в России. Они либо имели российское гражданство, либо вид на жительство. В 1995 г. в Приморье получили вид на жительство 26 китайских мигрантов, а к концу 1999 г. их количество увеличилось до 46 человек. В Амурской области в 1991-1996 гг. вид на жительство получили 99 китайцев, еще 15 человек – российское гражданство, еще 28 человек вступили в брак с русскими. В Хабаровском крае за этот же период 170 человек получили вид на жительство². Но для нарушителей законов, даже имеющих вид на жительство в РФ, применялась депортация.

Отметим, что браки между китайцами и россиянками были в какой-то степени обусловлены китайскими традициями – если в Китае за жену полагалось выплачивать её родителям большой выкуп, а в России этого не требуется. Учитывая сложные экономические условия в Китае в 1990-е гг., собрать выкуп за невесту было очень сложно. Стоит иметь в виду и количественное соотношение мужчин и женщин в Китае – женщин там значительно меньше, чем мужчин. Половозрелому мужчине в Китае трудно найти жену, поэтому китайские мужчины находили себе жен в России в том числе и по этой причине. Неоспоримая положительная черта межрасовых браков – возможность скорейшего овладения супругами языками друг друга.

Однако, в целом, экономические интересы китайских мигрантов в России редко бывали долговременными, поэтому они не стремились понять российскую культурную и языковую реальность. Мотивы их присутствия на российской территории были несколько иными: «все китайские мигранты, ориентированные на постоянное место жительства в России, говорят о том, что привыкли здесь жить. Немногим более 92% уверены, что в России легче зарабатывать деньги, чем в Китае и других странах. Наконец, порядка 89% респондентов хотят остаться жить в России потому, что здесь есть работа... По сравнению с началом 1990-х гг., миграционные установки ки-

¹ Нин Яньхун. Хэй шуй вэй чжэн: Люй Э хуацяо дэ лиши цзии (Амур-свидетель: Воспоминания по истории китайских эмигрантов в России). Пекин, 2018. С.63.

² Там же.

тайских мигрантов в России изменились. По крайней мере, это касается той части китайских мигрантов, которые успешно адаптировались на российском рынке труда»¹. Так, в интервью с китайскими предпринимателями, приехавшими в Россию в середине 1990-х, респонденты в качестве причины выбора Дальнего Востока России в качестве территории для бизнеса указывали «богатые ресурсы, например, земля, лес, продукты минерального происхождения. С другой стороны, Дальний Восток России не имеет достаточно рабочей силы. Здесь есть много шансов построить доходный бизнес»².

Однако к числу очевидных проблем, серьезно затруднявших процесс адаптации китайцев к российским условиям, относились проблемы с правоохранительными органами, проблемы в общении с местными жителями; проблемы с трудоустройством, проблемы с чиновниками и администрацией, отсутствие социальных гарантий. Нужно учитывать и криминогенные факторы, которые в глазах некоторых российских наблюдателей приобретали угрожающие масштабы: «Каждый четвертый прибывший в Приморский край гражданин КНР нарушает действующее законодательство. Китайские граждане создают устойчивые преступные сообщества, ведут активную противоправную деятельность, посягают на национальное богатство России, а также совершенствуют инфраструктуру разведывательных операций против неё»³.

Автор данной работы, тем не менее, придерживается точки зрения В.Л. Ларина, который подчеркивает, что присутствие китайцев на приграничных территориях российского Дальнего Востока – объективная реальность, хотя китайские предприниматели, будучи интегрированы в экономическое пространство региона, тем не менее, не поддаются полному контролю и учету, а значительная доля правонарушений, совершаемых китайцами на Дальнем Востоке, относится к категории административных⁴. «Криминальной деятельности китайцев посвящено немало гневных разоблачительных публикаций, в которых правда перемешана с вымыслом, подчас при заметном перевесе в пользу последнего, и которые читаются как беллетристика, написанная в форме документальной прозы. Отчасти это явление объясняется понятной скудостью фактического материала, которым соответствующие органы считают возможным поделиться с общественностью, отчасти же – очевидными пристрастиями авторов»⁵. Фактически, в Амурской области, в 1999 г. было зарегистрировано 69 преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без

¹ Рязанцев С.В. Социально-экономическая адаптация и миграционные установки китайских мигрантов в России // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы III международной научно-практической конференции (Благовещенск – Хэйхэ – Харбин, 15-20 мая 2013 г.). Выпуск 3 / отв.ред. Д.В. Буяров. Благовещенск, 2013. С.329-330.

² Беседа Чжоу Тяньхэ с китайскими мигрантами Ли Хунмэй, Цзян Шэньсюань, Цю Байсун от 21.02.2018 г. [Текст стенограммы беседы] // Личный архив Чжоу Тяньхэ.

³ Ткаченко Б.И. Экономические и социально-демографические аспекты взаимодействия России и Китая на Дальнем Востоке в XXI веке: взгляд в будущее // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск, 2003. С.329.

⁴ Ларин В.Л. Российско-китайские отношения в региональных измерениях ... С.304.

⁵ Ларин А.Г. Китайские мигранты и российский правопорядок... С.116-117.

гражданства на территории области, в т.ч. гражданами КНР – 9. В том же году в отношении иностранных граждан было совершено 92 преступления, из них в отношении граждан КНР – 67. Чаще всего граждане КНР становились жертвами корыстных и корыстно-насильственных преступлений¹.

Исследователи отмечали, что неосведомленность в отношении проблем иммиграции китайцев, их участия в национальной экономике России, перспектив интеграции в жизнь российского общества приводили к тому, что проблемы эти не находили отражения во внешней и внутренней политике Российской Федерации². Между тем, предпринимательская деятельность китайцев продолжала оказывать существенное влияние на социальную жизнь и структуру рынка дальневосточного региона.

Экономические, хозяйственные и бытовые отношения, сложившиеся между китайскими предпринимателями и русским населением, могут быть проанализированы в рамках концепции «этнического предпринимательства» применительно к китайским мигрантам на дальневосточных приграничных территориях. Термин «этническое предпринимательство» используется в социологии и экономике, однако, полагаем, его возможно применять и в области исторических дисциплин.

Сама проблема этнического предпринимательства впервые была рассмотрена еще в начале XIX в. немецким историком В. Зомбартом, который предполагал наличие у тех или иных народов особых «нравственных сил», позволяющих успешно заниматься предпринимательской деятельностью³. К настоящему моменту существует множество исследований в социологии и экономике, посвященных проблеме этнического предпринимательства: так, Р. Уолдингер рассматривал феномен этнического бизнеса в контексте массовых миграционных процессов, начавшихся во второй половине XX в. и тесно увязывал развитие этнического предпринимательства с иммиграционными волнами. Р. Уолдингер предлагал такую трактовку «этнического предпринимательства»: основой успеха мигрантов является освоение ими пустующих рыночных ниш, а не постепенное вытеснение местных предпринимателей из-за недоступной для них групповой мобилизации или

¹ Гамерман В.Е. Указ.соч. С.159.

² Сушко В.А. Организационно-правовые и социально-психологические проблемы трудовых мигрантов в Москве (на примере иностранных работников из Китая) // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: Материалы VIII международной научно-практической конференции (Благовещенск – Хэйхэ, Чанчунь, Шэньян, 21-28 мая 2018 г.). Выпуск 8 / Отв. ред. Д.В. Буяров, Д.В. Кузнецов. Благовещенск, 2018. С.461.

³ Зомбарт В. Буржуа: Пер. с нем./ Ин-т социологии. М., 1986.

действия жесткой конкуренции»¹. И. Лайт и С. Карагергис подчеркивали, что этническая экономика – это, прежде всего, характер занятости иммигрантов в принимающем обществе, их самостоятельное решение проблемы обеспечения себя средствами к существованию².

Одной из главных причин высокой профессиональной мобильности этнических мигрантов и развития этнического предпринимательства (по мнению как большинства западных исследователей, так и российских социологов, например, В.В. Радаева) является социально-экономическая маргинализация этнических меньшинств. Этнические мигранты создают достаточно прочные общины, представляющие собой изолированную среду, которая оказывает поддержку вновь прибывшему, обучает и передает опыт и квалификацию. Основными причинами развития этнического сектора в экономике являются: массовая миграция; рост сферы услуг с преобладанием малого бизнеса; существование в сфере услуг свободных ниш, не занятых или покидаемых представителями коренного населения³. В подавляющем большинстве мотивацией миграции являются экономические причины, особенно в условиях нынешнего глобального кризиса.

Развитие этнического предпринимательства в России можно отнести к концу 1980-х – началу 1990-х гг., когда в российских городах начали массово появляться предприятия, владельцами и работниками которых были преимущественно представители неславянских этносов. В России развитие этнического предпринимательства отличалось от западноевропейских моделей. С самого начала рынком сбыта для этнических предприятий был рынок товаров и услуг для всего населения, а не для конкретных этнических групп. При этом, каждая из этнических групп осваивала свою экономическую нишу.

По мнению некоторых исследователей, китайские предприниматели с их развитой бизнес-культурой, на становление которой, в частности, оказала влияние конфуцианская философия, представляют собой особое «меньшинство-посредник» (термин Э. Боначич)⁴, которое наиболее активно проявляет себя в предпринимательской деятельности как на внутренних, так и на внешних рынках. В каждом регионе мира и даже в каждой отдельно взятой стране существуют свои «меньшинства-посредники», хотя есть и «меньшинства-посредники», действующие в международном масштабе (например, еврейские и армянские диаспоры)⁵. Не оспаривая эту концепцию,

¹ Waldinger R. Immigrant Enterprise: A Critique and Reformulation // *Theory and Society*. Vol.15. No.1/2. Special Double Issue: Structures of Capital. (Jan., 1986). P.249-285.

² Light I., Karageorgis S. The Ethnic Economy // N. Smelser, R. Swedberg (eds.). *The Hand book of Economic Sociology*. Princeton, 1994. P.646–671.

³ Снисаренко А. Этническое предпринимательство в большом городе современной России (на материалах исследования азербайджанской общины С.-Петербурга) // *Неформальная экономика: Россия и мир*. М., 1999. С.138.

⁴ Bonacich E. Class and Race Under Neoliberal Globalization: Whither (or Whither) the Labor Movement // *Contemporary Sociology*. 2008. Jan. P. 1-4.

⁵ Лайша А. В. Традиции предпринимательства у различных этнических групп // *Вестник Краснодарского университета МВД России*. 2012. №3(17). С.80.

заметим, что предпринимательство китайцев на территории Дальнего Востока объясняется скорее экономическими причинами: общественно-политическая обстановка в конце 1980-х – начале 1990-х гг. была такова, что наиболее выгодным для китайцев было именно занятие бизнесом, чаще всего – куплей-продажей, экспортно-импортными операциями, что в условиях открытия дальневосточных границ и товарного дефицита означало быструю и высокую прибыль («приехав с коробкой жевательной резинки, можно было заработать десятки тысяч»¹).

Проанализировав имеющиеся концепции в данной области, можно выделить следующие критерии этнического предпринимательства: «этничность» бизнеса – внутреннюю замкнутость, приоритетность этнической принадлежности компаньонов по бизнесу; отсутствие «жесткой» привязанности потребителей продукции или наемных работников этнических предпринимателей к той же или близкой этнической группе»; склонность к определенной экономической деятельности (чаще всего – торговле); занятие пустующих рыночных ниш и самообеспечение (или самозанятость) как единственный способ заработать. «Этническими предпринимателями» мы называем предпринимателей, основывающих свой бизнес на использовании ресурса этничности, на этнических сетях².

Формирование этнического предпринимательства на Дальнем Востоке напрямую определяется миграционными процессами, происходившими в описываемый период. После нормализации российско-китайских отношений в 1991 г. на Дальнем Востоке кардинально меняется миграционная ситуация. В 1992 г. было подписано Соглашение о безвизовом пересечении границы. Оно пришлось на период, отмеченный критическим состоянием внутреннего потребительского рынка, отменой монополии и либерализацией внешней торговли, распадом СССР и образованием Российской Федерации. Следствием этого стало появление на Дальнем Востоке множества китайцев – предпринимателей, туристов и контрактных рабочих. Так или иначе, уже в 1992-1993 гг. в регионе проживало, по разным оценкам, 50-100 тыс. китайцев³.

Несмотря на постоянное присутствие китайских мигрантов на приграничных территориях Дальнего Востока России, китайская диаспора как отличительный признак этнического предпринимательства, тем не менее, не сформировалась. Это во многом объяснялось близостью родной страны – мигранты могли в любой момент вернуться в Китай, как на время (календарные праздники, неотложные дела, семейные проблемы и пр.), так и навсегда (неудача в бизнесе, проблемы с законом и пр.). Так, перейти границу с Китаем в Благовещенске Амурской области можно за 30

¹ Ян Сяоли. Элосы ши игэ лутянь цзинькуан (Россия – золотой рудник под открытым небом) // Чжунгоциебао. 2005. 17 ноября.

² Интеграция экономических мигрантов в регионах России. Формальные и неформальные практики / Науч. ред. Н.П. Рыжова. Иркутск, 2009. С.112.

³ Клыкков А.А. Указ.соч. С.92.

минут. Поэтому дальневосточной миграции из Китая была свойственна «мятниковость». Большинство проживавших в России китайцев рассматривали страну как место временного пребывания, как площадку для накопления капитала¹. По результатам опросов, проведенных среди китайцев, работавших в южном Приморье в 1995-1997 гг., лишь 18% хотели бы поселиться в России². Кроме того, рабочих мест для какой-то иной сферы деятельности, кроме предпринимательской и рабочей, на Дальнем Востоке практически не было. Единицы работали в сфере образования (в качестве приглашенных преподавателей в вузах, в частных языковых школах и пр.). Однако, как правило, эта деятельность не была достаточно прибыльной, и многие служащие дополнительно занимались частной предпринимательской деятельностью (обычно это была купля-продажа и перевозка российских и китайских товаров небольшими партиями). Таким образом, к особенностям китайского этнического предпринимательства стоит отнести то, что, несмотря на немалое количество (так, число граждан КНР, посетивших Амурскую область, в 1995 г. превысило 70 тыс.чел., в 1999 г. – 118 тыс.чел., в 2000 г. – 160 тыс.чел.) китайских мигрантов на приграничных территориях Дальнего Востока России в 1990-е гг., диаспора как таковая в этом регионе не сложилась.

Опираясь на классификацию А. Сусоколова³, мы уточнили признаки этнического предпринимательства применительно именно к китайским предпринимателям на Дальнем Востоке России в 1990-е гг. Спроецировав понятие «этнического предпринимательства» на торгово-экономическую деятельность китайских мигрантов на Дальнем Востоке России в 1990-е гг., определили характер и мотивы этой деятельности. Итак, нами были выделены следующие признаки китайского предпринимательства.

Социальная составляющая китайского этнического предпринимательства (роль внутриэтнических социальных связей в предпринимательской деятельности).

Китайская миграция на Дальнем Востоке России – это специфический тип этнического самоопределения. Для его обозначения не подходят понятия ни диаспоры, ни общины, а только землячества. Как замечает В.Г. Гельбрас, это объясняется тем, что с понятием диаспора, как правило, ассоциируется этническая самоидентификация, ориентированная на возвращение в родные края, с общиной – этническая самоидентификация, подчиненная интересам собственного культурного и хозяйственного самоутверждения и развития. Понятие землячество – это особый тип этнической самоорганизации, сочетающий этническое обособление от принимающего общества с воздействием на него, с завоеванием и расширением своих социально-экономических позиций на новом месте жительства⁴. По мнению исследователей, «этнические связи играют роль на первом

¹ Гельбрас В.Г. Китайская реальность России. М., 2001. С.119.

² Ларин В.Л. Российско-китайские отношения в региональных измерениях ... С.284.

³ См.: Сусоколов А.А. Культура и обмен: Введение в экономическую антропологию. М., 2006.

⁴ Гельбрас В.Г. Китайская реальность России. М., 2001. С.54-55.

этапе вхождения в новое принимающее сообщество, где необходима поддержка родственников при поиске места проживания, места работы, оформления необходимых документов. По прошествии некоторого времени мигранты начинают решать свои проблемы самостоятельно и обращаются к землякам уже не за помощью, а с целью пообщаться со своими, отметить национальные праздники»¹.

Еще одной особенностью, о которой упоминалось выше, и оказывающей влияние на формирование этнического предпринимательства, называют *маргинализацию*: мигранты, имея у себя на родине прочный социальный статус, теряют его при переезде и вынуждены сменить сферу деятельности на (как правило) менее квалифицированную. Можно отметить, что на Дальнем Востоке России социальный состав китайских мигрантов в 1990-е гг. был неоднороден. Исследователи так характеризуют социальное положение большинства мигрантов в Китае: это студенты, служащие, предприниматели. Доля рабочих, крестьян, безработных незначительна (см. табл. 14).

Таблица 14

Основные виды занятий респондентов в КНР

Виды занятий	Доля респондентов (в процентах к общему их числу)		
	Хабаровск	Владивосток	Уссурийск
Учился (училась)	48,6	14,0	30,0
Был(а) рабочим	11,7	13,0	14,0
Был(а) рядовым служащим	12,3	17,0	20,0
Был(а) руководящим государственным служащим	8,4	18,0	20,0
Был(а) крестьянином (крестьянкой)	2,2	4,0	0
Занимался (занималась) предпринимательством	15,1	20,0	20,0
Был(а) безработным(ой)	3,9	1,0	4,0
Другое	5,0	13,0	2,0
Не дали ответа	0	1,0	0

Таблица приведена по: Гельбрас В. Г. Китайская реальность России. М., 2001. С.73.

Низкую долю крестьянства исследователь объясняет финансовой малодоступностью для них оформления необходимых для миграции документов.

В России статус и род занятий китайских мигрантов претерпели некоторые изменения (см. табл. 15).

¹ Мишук С.Н. Особенности этнического предпринимательства в России: кейс Дальнего Востока // Институты развития демографической системы общества: V Уральский демографический форум: сборник материалов. Екатеринбург, 2014. С.495-499.

Род занятий респондентов в России

Виды занятий	Доля респондентов (в процентах к общему их числу)		
	Хабаровск	Владивосток	Уссурийск
Руководитель московского офиса китайской фирмы	3,3	2,0	8,0
Владелец гостиницы (общежития)	1,6	0	12,0
Владелец ресторана	7,2	4,0	4,0
Владелец магазина	1,6	3,0	2,0
Оптовая торговля	20,6	8,0	30,0
Розничная торговля	13,9	53,0	10,0
Владелец мастерской		1,0	2,0
Другое	41,2	29,0	20,0
Учредитель китайско-российской фирмы	5,0	0	12,0
Не дали ответа	3,4	0	0

Таблица приведена по: Гельбрас В. Г. Китайская реальность России. М., 2001. С.76.

Итак, официальные сферы занятости мигрантов представляли собой свободное предпринимательство (большинство), работу по найму (пятая часть респондентов), обучающиеся (менее трети). Неофициально же «абсолютное большинство анкетированных считало, что они занимаются собственным бизнесом»¹.

Необходимо отметить, что в конце 1980-х – начале 1990-х гг. на российский Дальний Восток ехали те, кто занимался «народной» торговлей; чаще всего это были уже маргинализованные слои: «китайцы, начинавшие свой бизнес с Россией в начале 90-х годов, принадлежали к беднейшей части населения Северо-Восточного Китая»². В Китае в 1990 г. численность трудовых ресурсов составила 754,5 млн. чел. (65,6% от всего населения); среди них социально занятых – около 614 млн. чел.³. Не нашедшие себе места в перенаселенном Китае, китайские безработные устремились к открывшейся границе с Россией, используя это как шанс исправить свое финансовое положение. Китайские ученые уточняют, что «уровень образования китайских бизнесменов в большинстве своем был невысок, число предпринимателей с высшим и средним специальным образованием не превышало 40%. Часть из них имела опыт административной управленче-

¹ Гельбрас В. Г. Китайская реальность России... С.76.

² Ларин В.Л. Посланцы Поднебесной на Дальнем Востоке: ответ алармистам // «Диаспоры». 2001. №2-3. С. 76-112. С. 111.

³ Чэнь Вэй. Современный Китай: проблема занятости // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2009. №3. С.62.

ской работы, но все они впервые столкнулись с необходимостью развертывания бизнеса в приграничье»¹. Таким образом, концентрация представителей китайского этнического этноса в хозяйственной деятельности была связана с преодолением маргинальности в чуждой языковой и культурной среде.

Предпринимательская деятельность китайцев была связана с иерархией внутри этнической группы. По А.А. Сусоколову, «этническое предпринимательство может базироваться преимущественно на мигрантах или временных жителях. Но весьма часто основу составляют постоянно проживающие в данной местности представители данной национальности, использующие мигрантов (в том числе и сезонных) лишь как рабочую силу и курьеров»². Действительно, этнические китайцы, являвшиеся гражданами России, либо длительное время проживавшие в России, знавшие русский язык на уровне носителя, имевшие многочисленные деловые и личные связи как среди русских, так и среди китайцев, имели преимущество перед впервые приехавшими в Россию. Социальная организация их семейной и этнической общинной жизни способствовала получению преимуществ в соответствующих экономических нишах³.

Немаловажное значение в организации взаимного сотрудничества в начале 1990-х гг. играли конкретные люди, помогавшие китайским предпринимателям осваивать российский рынок. Рассмотрим это на примере предпринимательницы госпожи Ван. В 1990 г. она работала в китайской школе в городе Хума (пров. Хэйлунцзян) и решила заняться бартерным бизнесом на территории России. Несмотря на то, что ей предложили возглавить администрацию города, она все же в июне 1992 г. прибыла в Благовещенск. В районе улице Чайковского (район таможни) в то время находилось несколько домиков, в которых располагались совместные российско-китайские предприятия, занимавшиеся бартером. Самым популярным видом деятельности считался обмен китайского сахара на советские грузовые «КамАЗы». Там она познакомилась с господином Чжэном, о котором до этого уже слышала. Господин Чжэн родился и вырос в пров. Сычуань; скрываясь от китайской полиции, в 1960 г. он перешел советскую границу через Маньчжурию и остался на Дальнем Востоке в г. Благовещенске. Господин Чжэн для вновь прибывавших китайцев был исключительно важным человеком в организации бизнеса, потому что хорошо говорил по-русски, имел много знакомых российских предпринимателей и руководителей, знал российские законы, а главное – был гражданином СССР. Господин Чжэн имел компанию, которая занималась именно

¹ Линь Дунхуэй. Чжуачжу цзюй, цзэнцян холи - цзай цзинчжэн чжун цю шэнцунь хэ фачжань -- гуаньюй Хэйхэ 20 цзя бяньмао гунсы цинлуан дэ дяоча (Использовать шансы и усиливать жизнеспособность - существовать и развиваться в условиях конкуренции: анализ деятельности 20-ти предприятий приграничной торговли в Хэйхэ) // Хэйхэ сюэкань. 1993. №2. С.31.

² Сусоколов А.А. Культура и обмен: Введение в экономическую антропологию. М., 2006. С.221.

³ Patsiorkovsky V., Stephen S. Fugita, David J. O'Brien. Asians in Small Business in the Russian Far East: A Historical Overview and Comparison with Asians on the American West Coast // International Migration Review. 1995. Vol. 29. No. 2. P.567.

посредничеством, заключал договоры с китайскими предпринимателями и получал за это проценты. Ещё одним важным человеком для китайских предпринимателей был Люй Дэшань, мама у него была русской. Семья Люй приехала в Благовещенск из Пекина. Он также обладал большими связями, как в Китае, так и в России, хорошо говорил по-русски¹.

Обладатели советского гражданства сыграли важную роль в развитии бизнеса китайцев. Так, некий Леонид Константинович В., отец которого был китайцем, владел и русским, и китайским языком, занимался бартером, связанным с советской техникой, и управлял посреднической фирмой. Имея российское гражданство, такие граждане могли создавать и российские компании, занимавшиеся самыми разными торгово-экономическими операциями, но в большинстве своем прямыми бартерными сделками: меняли сахар на грузовики КамАЗы, китайский рис на советские комбайны и т.д. В бартерных сделках преуспел и знакомый госпожи Ван по фамилии Чжан из провинции Шаньдун, который, женившись на россиянке, получил русское гражданство и тоже занялся бизнесом. Коллеги госпожи Ван занимались мелким частным бартером. Характерна обстановка, в которой зачастую проходили такие сделки. В Благовещенске по адресу ул. Горького, 1 находилось большое одноэтажное складское помещение, оборудованное металлическими столами для ведения торговли — там проходили бартерные сделки, объем которых ныне посчитать невозможно по причине того, что товар обменивался без учета его стоимости. Точный период деятельности этого рынка неизвестен, но известен широкий диапазон бартерных товаров: так, китайская одежда обменивалась на фототехнику, часы, электробритвы и пр.².

Типичным представителем среднего бизнеса можно назвать также некоего Цю Ши, бывшего государственного служащего. После выхода на пенсию он решил освоить новую сферу деятельности — международный бизнес. Обзаведясь за время работы в государственных структурах пров. Хэйлунцзян обширными связями, г-н Цю, как и большинство китайских мигрантов, ориентировал свой бизнес сразу на несколько направлений. Он предпочитал заниматься разными направлениями торговли, реализовывал товары самого разного назначения, используя все возможности для получения прибыли, развития бизнеса: импорт, экспорт, продажа китайских товаров, предоставление услуг в сфере туризма и пр. Жил в арендованной квартире, одну из комнат которой использовал как офис. Не владея русским языком, он вел вполне успешный бизнес на российской территории. По его признанию, ему помогали именно прочные связи с другими бизнесменами в Китае и России³. Зачастую также крупные китайские компании привлекали на работу бывших

¹ Беседа Чжоу Тяньхэ с китайской предпринимательницей г-жой Ван от 18.02.2018 года [Текст стенограммы беседы] // Личный архив ЧжоуТяньхэ.

² Беседа Чжоу Тяньхэ с китайской предпринимательницей г-жой Ван от 18.02.2018 года [Текст стенограммы беседы] // Личный архив ЧжоуТяньхэ.

³ Беседа Чжоу Тяньхэ с китайским мигрантом Цю Ши от 13.02.2018 года [Текст стенограммы беседы] // Личный архив ЧжоуТяньхэ.

государственных служащих, подобных г-ну Цю, которые за долгие годы службы смогли обзавестись обширной сетью контактов: «Работа этих людей весьма ценна, так как они помогают решать «внешние вопросы», используя связи в государственных органах, они могут заранее узнавать о предстоящих реформах или лоббировать некоторые из них»¹. Этот тезис отражает концепцию неформальных отношений в китайской среде – гуаньси.

Гуаньси облегчает принятие решений между сторонами, подчеркивая взаимные отношения, они играют важнейшую роль в построении бизнеса как в Китае, так и на международной арене, и до тех пор, пока формальные институты не станут более эффективными и лучше сформированными, опора на собственные доверенные сети, а также на блат и гуаньси будет необходимой, если не преобладающей чертой российского и китайского предпринимательства. Предпринимательская деятельность зависима от конкретных внешних условий, институциональная среда имеет решающее значение как для предпринимательства, как и для доверия. Общее доверие основано на рациональном поведении, которое обычно встречается только в средах с формальными институтами, предоставляющими доступ к информации об экономических субъектах для принятия рациональных решений. В этом контексте очевидна формальная институциональная пустота в России. Особенность российской культуры (это присуще и китайской культуре) – не доверять отдельным лицам, группам и организациям, которые выходят за рамки личных отношений². Кроме того, Россия традиционно рассматривается как общество с низким уровнем доверия. Доверительные отношения существуют внутри групп членов семьи, друзей и коллег, в то время как внешним группам обычно не доверяют, потому что они не рассматриваются как разделяющие культурные ценности, и, таким образом, установить доверительные отношения с посторонними людьми трудно. Решения в бизнесе обычно основываются на отношениях, а не на правилах поведения³. Хотя национальная культура является одним из важных факторов, влияющих на организацию бизнеса и его поведение, ее влияние опосредуется общественными институтами и теми механизмами, которые задействованы в обеспечении товарно-денежных отношений⁴.

Тем не менее, предприниматели могут играть ключевую роль в изменении деловой культуры в странах с формирующейся рыночной экономикой, поскольку они могут действовать в соответ-

¹ Веселова Л.С. Понятие и роль неформальных отношений «Гуаньси» в экономической жизни современного Китая // Проблемы современной экономики. 2014. №1(49). С.219.

² «Обычно даже бизнесом занимается в целом семья, клан, каким-то одним видом бизнеса. И старается покупать квартиры рядом, чтобы жить поблизости. И их земляки стараются покупать квартиры поблизости. Обычно родственники внутри клана и проводят свободное время вместе - гуляют, играют в мацзян. То есть круг общения достаточно закрытый» (Цинь Дань. Элосы Юаньдун дицюй хуашан дэ шэхуэй ванло фэньси (Анализ социальной сети китайских предпринимателей на Дальнем Востоке России) // Чжунго шанлунь. 2017. №30. С.59).

³ Sheila M., Puffer Daniel J., Mccarthy Max Boisot. Entrepreneurship In Russia And China: The Impact Of Formal Institutional Voids // Entrepreneurship Theory And Practice. 2010. №3(34). P.449.

⁴ Buck T., Filatotchev I., Nolan P., Wright M. Different Paths to Economic Reform in Russia and China: Causes and Consequences // Journal of World Business. 2000. №4(35). P.381.

ствии с преобладающей культурой или порвать с ней и следовать рыночным ценностям и практикам, как это сделали некоторые. Этому переходу к большей зависимости от официальных институтов может способствовать развитие стабильной и последовательной политической системы и эффективной судебной системы. Такие условия могут помочь развитию других организаций поддержки предпринимательства, таких как рынки капитала, источники кредитов и доступ к технологиям¹.

Экономическая составляющая китайского этнического предпринимательства (частный капитал как основа этнического предпринимательства). Большинство регистрируемых китайскими предпринимателями СП создавались с участием частного капитала. Отметим, что достоверная статистика по формам собственности инвесторов из КНР недоступна, поскольку из-за китайской специфики ведения приграничного бизнеса большинство инвестиций проходило через фирмы-посредники, вошедшие в квоту имеющих право на предпринимательство в приграничной зоне².

Сферы деятельности совместных предприятий были разнообразны. Основными направлениями деятельности предприятий, созданных при участии китайских предпринимателей, являлись организации общественного питания, гостиничные услуги, торгово-закупочная деятельность, сельскохозяйственная деятельность, строительный бизнес, грузовые перевозки, торговля. В этих сферах наиболее активно создавались совместные российско-китайские предприятия.

Очевидно, что лишь незначительная часть предприятий была занята непосредственно производством продукции, бóльшая же – оказанием различных услуг. В результате рост совместного предпринимательства существенного влияния на экономику края не оказывал. Около половины действующих совместных предприятий в 1994 г. были сосредоточены в социальном комплексе (торговля, общественное питание и др.): четверть их создана для оказания услуг населению, порядка 30 процентов занималось выпуском продукции (производственная деятельность тут была сосредоточена в рыбной и лесной отраслях)³.

«Теневая» составляющая китайского этнического предпринимательства (связь китайской этнической экономики с неформальной экономикой).

Значительная часть мигрантов была занята незаконной предпринимательской деятельностью:

- нарушения правил въезда через границу, пребывания и занятий трудовой деятельностью;
- «теневая экономика» (контрабанда, «серая растаможка»);

¹ Sheila M., Puffer Daniel J., Mccarthy Max Boisot. Op. cit. P.456.

² Лян Маобан. Указ. соч. С.15-19.

³ ГАПК. Ф.Р-1694. Оп.1. Л.13.

- преступная хозяйственная деятельность на российской территории: незаконное предпринимательство, уход от налогов, подкуп должностных лиц, вывод денежных средств за рубеж через подпольные банки, браконьерство и т. д.;
- уголовные преступления: грабежи, вымогательства, похищения, убийства¹.

Как отмечает Н.П. Рыжова, большинство русских и китайских предпринимателей на приграничных дальневосточных территориях «разделяет представление о дозволенности применения неформальных норм ведения бизнеса и их «закономерном» преобладании над «правилами писанными»². Исследователь объясняет это исключительной геополитической близостью России и Китая на Дальнем Востоке и обусловленной этим мобильностью перемещений предпринимателей и товаров через границу. Добавим, что Россия и Китай – страны с переходной экономикой. В этих условиях эффективные и законные формальные институты развиваются медленно. Таким образом, предприниматели полагались в первую очередь на неформальные институты. Институциональная среда в России и Китае заметно отличается от среды в более развитых странах и может дать представление о взаимоотношениях предпринимателей и их институциональной среды в странах с переходной экономикой. Оно явно отличается от предпринимательства в развитых странах, поскольку предприниматели в этих условиях работают с большей уверенностью в рамках эффективных формальных институтов, даже если они используют неформальные институты, такие как сети, для достижения целей³.

Отсутствие отлаженной системы обменно-валютных операций, опыта международных сделок – как на уровне предприятий, так и на частном уровне – приводило к «лотерее» бартерного обмена, в котором обман был с обеих сторон. Так, в 1994 г. на имя главы администрации Приморского края Е. Наздратенко пришло письмо за подписью президента Харбинвнешторга Гао Вэнгэ, в котором сообщалось, что в 1991 г. с управлением общественного питания Приморского крайисполкома был заключен контракт на поставку в край 120 тонн груш, 60 тонн мороженых гусей, 1500 тонн картофеля. Взамен китайцы должны были получить рыбу и удобрения. Китайская компания поставку продовольствия произвела, но российская сторона обязательств не выполнила. В результате задолженность общепита составила 657 225 шв. франков⁴. В китайских СМИ также была популярна тема конфликтов между российской и китайской сторонами. Упоминалось, что

¹ Ларин А.Г. Китайские мигранты и российский правопорядок... С.116.

² Рыжова Н.П. Процессы региональной интеграции в российско-китайском приграничье // Вестник Волгу. Серия 4. 2008. №1(13). С.109.

³ Sheila M., Puffer Daniel J., Mccarthy Max Boisot. Op. cit. P.460.

⁴ Дека Н. Обман на паритетных началах, или как мы торгуем с зарубежными фирмами: [на примере торговли с Китаем] // Красное знамя. 1994. 7 апреля.

китайские юристы столкнулись с такими проблемами, как нарушение контракта российской стороной, непоставка товара, задержка оплаты по счету, споры по процессу внесения инвестиций¹.

Китайским бизнесменам была свойственна та же модель поведения. Российские коммерсанты, не имеющие достаточного опыта деловых переговоров, неоднократно были обмануты китайскими партнерами: получив задаток и отправив партию товара, они не получали оставшуюся сумму. Договорные обязательства нарушались обеими сторонами, поскольку в начале 1990-х гг. контракты составлялись по образцам тех времен, когда каждая сделка предполагала государственную поддержку. Однако выгода от совершавшихся экономических сделок имела большее значение, нежели незаконные нюансы финансовых операций. Для перенаселенного Китая, отягощенного безработицей, как и для переживающей смену экономической формации и государственного уклада России достаточно «легкие» прибыли стали естественным выходом.

Как и в конце XIX – начале XX века, столетие спустя китайские мигранты занимались контрабандой и браконьерством. Их привлекали природные богатства дальневосточного региона: морской огурец (трепанг), морской еж, амурский тигр, бурый и гималайский черные медведи (особенно лапы и желчь), женьшень, лягушки, панты оленя и пр. Контрабанда и браконьерство здесь представляли собой неформальные организованные русско-китайские сети. Потребители находились почти исключительно в Китае, а китайские посредники играли роль оптовых покупателей. Сбор урожая или охота осуществлялась местными русскими. Для безработного русского населения браконьерство в 1990-е гг. стало способом выживания. Несмотря на серьезные риски (неожиданные проверки, конфискации снаряжения, опасные погружения), незаконная добыча морского огурца шла непрерывно, принося высокий доход для всех участников сети. В 1990-е гг. ежедневный сбор браконьерской бригады мог достигать до 1200 морских огурцов².

Также большим спросом у китайских оптовых торговцев пользовались шкура и кости амурского тигра (в Китае тигровые кости используются для изготовления афродизиаков и лекарственных препаратов, а спиртные напитки на основе тигровых костей являются ценным свадебным подарком для жениха), а также желчный пузырь, лапы и внутренности бурого и гималайского медведя. Панты маньчжурского оленя используются в качестве лекарственных ингредиентов и часто добывались браконьерами для продажи китайским торговцам. Китайские оптовые торговцы также были готовы платить хорошие деньги за лягушек, которые ценятся в Китае за свой жир.

¹ Хуан Госянь. Чжунго луйши жухэ инчжань - тань цзецзюэ Чжун-Э мао цзюфэнь (Как китайские юристы приняли вызов - о разрешении торговых конфликтов между Россией и Китаем) // Чжунго луйши. 1998. №2. С.60-62.

² Holzlehner T. Op. cit. P.124-125.

Одним из самых дорогих продуктов на черном рынке биоресурсов является корень женьшеня. Несмотря на то что крупные сельскохозяйственные предприятия в Китае, Корею и США производят корни для международного рынка лекарств, дикая форма женьшеня гораздо ценнее и дороже, а наиболее высоко ценятся большие и старые корни. Средний корень мог быть продан за 200 долларов США, в то время как цена крупных и антропоморфно выглядящих корней могла легко достигать нескольких тысяч долларов.

Китайские покупатели платили от 20 до 50 рублей за килограмм очищенных кедровых орехов. В зимний период цены выросли до 100 рублей. Таким образом, опытные сборщики могли зарабатывать 1000-2000 долларов США за сезон¹.

В 1999 г. в связи с запретом на вырубку леса в северных районах Китая в КНР резко возрос спрос на российскую древесину. Частные фирмы и предприниматели активно стали скупать древесину на российском Дальнем Востоке и вывозить ее в Китай, используя для этого «серые» каналы. Только по официальным данным Благовещенской таможни, экспорт леса увеличился по сравнению с 1998 г. в 13 раз. За этот год в КНР было вывезено свыше 200 тыс. кубометров лесоматериалов, но лишь немногим более 80 тыс. кубометров прошло через Благовещенскую таможню².

Росту теневой экономики в дальневосточном регионе способствовал не только контрабандный вывоз биоресурсов. Прибыльным бизнесом русского населения с китайскими торговцами был экспорт металлолома, особенно для городов с высокими погрузочными мощностями, таких как Владивосток и Находка. Заброшенные промышленные комплексы с советских времен стали площадкой для сбора металлолома, а истощение бывшего советского военно-морского и рыболовного флота в Тихом океане добавило значительные объемы стали этому бизнесу³. Это привело к росту преступлений, связанной с хищениями изделий из цветных, черных и драгоценных металлов на предприятиях региона⁴.

В 1990-е гг. китайские предприниматели предоставляли услуги аренды жилья и сопровождения своих соотечественников на территории России, предоставляя им возможность купить сравнительно дешевые золотые украшения, поиграть в азартные игры, и получить доступ к эскорт-

¹ Holzlehner T. Op. cit. P.126-127.

² Гамерман В.Е. Указ. соч. С.163.

³ Holzlehner T. Op. cit. P.128-129.

⁴ В 1999 г. на территории Амурской области было зарегистрировано 880 фактов хищений металлсодержащих изделий. Во многих случаях это вызвало остановки производственных процессов, отключения электроэнергии, нарушения движения транспорта, а, следовательно, большие материальные потери. Так, в Райчихинске в результате хищения кабелей с насосной станции население в течение нескольких дней оставалось без воды. Кроме того, при демонтаже действующего электрооборудования зарегистрировано 28 случаев гибели людей. В 1999 г. выявлены 43 преступления, связанные с незаконным оборотом драгметаллов (против 28 в 1998 г.). 7 преступлений этой категории совершены группами, два – организованной группой. У преступников изъято 5346 г промышленного золота, около 16 кг серебра, 333,4 г платины. Кроме того, изымались палладий, осмий, алмазы. Было задержано 36 человек, среди которых были и китайцы. (Гамерман В.Е. Указ.соч. С.161, 164.)

услугам. Культурные и правовые различия между Россией и Китаем (проституция и азартные игры запрещены в Китае) в 1990-е гг. создали процветающую индустрию в городах на Дальнем Востоке России. Китайские предприниматели также способствовали импорту алкогольной продукции и наркотических синтетических веществ (эфедрин и пр.) на российский Дальний Восток¹. Так, в Благовещенске в начале 1990-х гг. алкогольная продукция (преимущественно водка «АНТ») реализовывалась лицами китайской национальности фактически по всему городу, в определенных укромных местах; при этом китайского торговца сопровождали 2-3 охранника.

Разветвленную сеть финансовых операций со своими нюансами представлял и обмен валюты китайскими предпринимателями. Это было обусловлено отсутствием механизмов безналичной легальной и в то же время оперативной передачи ее через границу. Участники этого процесса выделяли несколько форм валютного обмена:

1. Обмен юаней на рубли в российских банках – способ, с одной стороны, самый безопасный и совершенно легальный, с другой стороны, неудобный в силу ограничений количества денег для обмена.

2. Обмен юаней на рубли на китайских рынках, работающих на территории России, – способ, удобный из-за выгодного курса, отсутствия запрета на количество обмениваемых денег, скорости совершения валютной операции.

3. Обмен денежных средств через профессиональных китайских валютчиков, проживавших на территории России; имеет несколько разновидностей:

а) Если китайскому предпринимателю, ведущему бизнес в России, нужно было закупить товар в Китае, валютчик получал в России рубли, а на территории Китая представителю предпринимателя выдавались юани, равным образом операция могла быть совершена в обратном направлении².

б) Валютчик передавал деньги в валюте США китайским гражданам, уезжавшим из России в Китай или обратно. Такой вариант использовался, когда требовалась очень крупная сумма денег, которая, однако, не превышала обязательные для декларирования 10 тыс. долларов. Китайские

¹ Holzlehner T. Op. cit. P.131.

² Ни китайский юань, ни российский рубль не являлись официально конвертируемыми, что значительно усложняло валютные операции между двумя странами. Поэтому сложилась простая, но очень эффективная система подпольного банкинга. Известная под китайским названием *hui kuaqi* («переводить денежные суммы») или *fei qian* («летающие деньги»), система денежных переводов регулярно использовалась китайскими торговцами для перевода денег из Китая в страны их операций и обратно. Например, если китайский оптовый дилер в России хотел купить товар в Китае, он платил определенную сумму посреднику в России, который за небольшой процент организовывал перевод своих денег принимающей стороне в Китае, которая могла забрать деньги у его партнера в Китае. Китайские туристические компании играли важную роль в качестве посредников для перевода денег. Термин «летающие деньги» на самом деле является неточным, потому что особенность этой системы денежных переводов заключалась в том, что на самом деле деньги не пересекали границу. Финансовые записи были сведены к минимуму, общение происходило только посредством телефонных звонков, электронных писем и закодированных записок. Эта система транзакций практически не оставляла следов на бумаге, и гарантировалась анонимность для всех участников, что сделало ее почти идеальной системой транснациональных денежных переводов (Holzlehner T. Op. cit. P.141).

граждане выполняли роль курьеров, везущих необходимую сумму денег, валютчик же имел дополнительный доход из-за разного курса доллара к юаню и к рублю. Этот способ, вероятно, был одним из самых популярных видов обмена денежных средств между китайскими предпринимателями.

4. Большие суммы денежных средств могли быть получены в случае занижения покупательской цены на изделия в таможенной декларации: в данном случае имел место уход от таможенных сборов. Конечный же расчет с продавцом и покупателем происходил по условленной ранее фактической цене, что предполагало обоюдное доверие сторон.

5. Когда турист возвращался на родину, остаток валюты он мог продать валютчикам по заниженному курсу или же купить валюту по завышенной цене¹.

Связь этнической экономики с неформальной признается и подчеркивается многими российскими исследователями². Несовершенство российского законодательства дало многим китайским компаниям возможность быстрого накопления первоначального капитала, и, в то же время, способствовало быстрой криминализации приграничной торговли, особенно таких видов, как бартерная и «челночная». При этом во многих нормативных документах, регулирующих приграничную торговлю, китайцы на первое место своей заинтересованности ставили именно бартерную торговлю. Это неслучайно: в эту примитивную форму торговли были вовлечены самые широкие и социально низкие слои населения. При бартерном обмене с китайской стороны участвовали простые товары, в число которых входили продукция сельского хозяйства, пищевой переработки, изделия легкой промышленности и кустарных промыслов, продукция низкотехнологичных производств. Часто такая продукция была не сертифицирована, имела весьма низкое качество, не лицензировалась и потому была контрафактна³. В «челночной» торговле широко использовались механизмы «серого импорта», «серой растаможки» (灰色清关) – с помощью фирм-посредников. С началом взаимной торговли, российская сторона, чтобы упростить ввоз так необходимых ей дефицитных товаров легкой промышленности, предложила создание на таможене компаний по таможенной очистке и службу «одного окна». Но эти компании брали плату за незаконные действия, поэтому получили название «серая растаможка». Более половины товара, поступавшего в Россию из Китая, шло через эту схему. Это снижало себестоимость товаров китайских предпринимателей для россиян и намного упрощало таможенные процедуры для китайских

¹ Беседа Чжоу Тяньхэ с китайскими предпринимателями Бай Мэй, Чжан Сюебин, Чжоу Тянь от 21.02.2018. [Текст стенограммы беседы] // Личный архив Чжоу Тяньхэ.

² См. напр.: Нырова Н.Н. Китайские компании приграничной торговли и их место в международной преступной деятельности // Проблемы Дальнего Востока. 2004. №1. С.87-114; Рыжова Н.П. Феномен этнического предпринимательства: западная традиция и российское прочтение // Новые российские гуманитарные исследования. 2008. № 3, URL: http://www.nrgumis.ru/articles/article_full.php?aid=77 (дата обращения: 01.02.2017).

³ Нырова Н.Н. Китайские компании приграничной торговли ... С.89.

торговцев, не понимавших российских законов и русского языка, значительно сокращало время доставки товара до потребителя, способствовало наполнению российского рынка товарами¹.

Схема китайского «серого импорта» включала в себя представителей как с китайской, так и с российской стороны. Участниками «серой» схемы становились собственники товара (предприниматели), через подставных лиц («кирпичей», «фонарей») организующие перевозку товаров через границу под видом товаров личного пользования. Схема работала следующим образом: бизнесмен обращался к «кирпичам», которые нанимали группу «фонарей» – обычно студентов или безработных – для перевозки товаров. Группа «фонарей» получала билеты, пересекала границу, находилась в Китае заранее оговоренное «кирпичом» время (обычно от одного часа до суток). Часто поездка включала в себя оплаченный обед в кафе. «Фонари» имели возможность купить вещи для личного использования, однако они не должны были добавлять вес к будущему грузу, поэтому купленные вещи могли надеть на себя (например, две рубашки, две пары брюк и пр.). На обратном пути «фонари» получали груз – баулы, нагруженные до максимально разрешенного к перевозке веса, а также документы (чеки) на перевозимый товар. На российской стороне «фонари» получали свою оплату, которая менялась в зависимости от прожиточного минимума в регионе. Свою «долю» получали также «свои» люди на таможне. Далее «кирпичи» должны были развозить товары предпринимателям, нанявшим их².

При перевозке китайских овощей и фруктов действовала иная схема, поскольку административных барьеров, связанных с доставкой продуктов питания, было больше. Участниками схемы были фирмы-«производители», продававшие товар фирме-«экспортеру» (фиктивно оформленной на российского гражданина), а также фирма-«посредник», переправляющая товар через границу и «декларант» (физ- или юрлицо), оформлявшее таможенные документы. После переправки товар поступал на оптовую фирму, оформленную на российского предпринимателя, где его покупали мелкие предприниматели для розничной торговли³. Согласно исследованиям, проведенным Центром стратегических разработок, «основная часть китайского экспорта в Россию фактически не подвергается формальной процедуре растаможивания, и является объектом так называемой "серой растаможки". По сути дела, это либо прямой вывоз китайских товаров в Россию в формате "челночной торговли", которая очень плохо контролируется, либо же это "серое" растаможивание китайских товаров»⁴. Подтверждением этой мысли может служить «исчисляемая

¹ Ма Юцзюнь. «Хуэйсэ» цингуань юй во шэн дуй Э маои («Серая» растаможка и торговля провинции Хэйлунцзян с Россией) // Фэньдоу цзиньлунь. 2010. №8. С.48.

² Журавская Т.Н. «Серый» импорт на российско-китайской границе: что нового? // Экономическая социология. 2011. Т.12. №5. С.60.

³ Она же. «Китайский» торговый центр vs. «китайский» рынок: что изменилось со времени запрета на торговлю иностранцев на розничных рынках (на примере Амурской области) // Политика. 2012. №4 (67). С.116.

⁴ Дмитриев М. Россия и Китай впервые разрабатывают план взаимного экономического сотрудничества. URL: http://www.chinaruslaw.com/RU/CnRuTrade/003/20051027113401_3489801.htm (дата обращения 11.01.2018)

миллиардами разница между китайскими данными об экспорте в Россию и российскими данными об импорте из КНР»¹.

В целом, структура и составляющие китайского этнического предпринимательства на российском Дальнем Востоке в 1990-е гг. имели ряд характерных черт: как социокультурного (отсутствие китайской диаспоры как отличительный признак этнического предпринимательства на приграничных территориях Дальнего Востока России, маргинализация как фактор формирования этнического предпринимательства, внутриэтническая поддержка бизнеса), так и экономического характера (разнообразие сфер деятельности совместных предприятий, частный капитал как основа китайского бизнеса на Дальнем Востоке России). Этническое предпринимательство мигрантов из КНР оказало влияние на развитие российско-китайских приграничных отношений не только в конце XX века, но и в XXI веке.

Итак, хозяйственная деятельность китайских мигрантов на российском Дальнем Востоке была сложным многогранным явлением, связанным и с экономической, и с социальной сферами. Это были экономические практики, отразившие всю разницу политических стратегий России и Китая, наложившиеся на сложную социально-политическую и правовую обстановку и напрямую определяемые этими противоречивыми условиями. В данной социально-экономической ситуации китайские предприниматели адаптировались к постоянно меняющимся условиям, изыскивая различные формы и способы своей деятельности и в силу своих возможностей упорядочивая и оптимизируя ее. Наиболее рентабельным для китайцев было занятие бизнесом, чаще всего – операциями, означавшими быструю и высокую прибыль. Начав с примитивного бартерного обмена, они постепенно переходили на новый уровень деловых операций, улучшая качество своих товаров и услуг, расширяя их ассортимент, создавая и развивая трансграничные посреднические сети. Значительную роль в этом сыграли принципы этнического предпринимательства, которых они придерживались. Отметим, что хозяйственная деятельность китайских бизнесменов с трудом поддавалась учету и была слабо отражена официальной статистикой.

Китайские предприниматели, хотя и не стремились ассимилироваться к культуре принимающего российского общества, но стали частью его экономической жизни в силу взаимовыгодности их деятельности для обеих сторон. Их присутствие на российском Дальнем Востоке на протяжении 1990-х годов было значимым для русского населения, заинтересованного в разных формах сотрудничества. Векторы этого сотрудничества оставались неизменными, формируя специфику российского дальневосточного региона. Деятельность китайских предпринимателей оказала непосредственное влияние на дальнейшее развитие российско-китайских отношений, а также заложила основы для формирования трансграничного пространства на приграничных территориях.

¹ Ларин А.Г. Китайские мигранты и российский правопорядок... С.123.

Характерной чертой развития Дальнего Востока России является присутствие и хозяйственная деятельность китайских мигрантов на его территории. Начиная с разграничения дальневосточных земель в середине XIX века, уже на протяжении более 150 лет здесь идут процессы тесного взаимодействия представителей русского и китайского народов, функционируют различные направления и зоны межрегиональных контактов. И в 1990-е гг., с открытием дальневосточных границ и возобновлением китайских миграционных потоков на российские территории, эти взаимоотношения продолжали активно развиваться, приобретая новые характеристики и особенности, формируя новые векторы взаимодействия и сотрудничества, в том числе в сфере предпринимательства.

Предпринимательская деятельность китайцев на Дальнем Востоке России в 1990-е гг. представляла собой сложный феномен, в котором соединились и собственно экономические, и правовые, и культурные, и бытовые факторы. Хозяйственная деятельность китайских предпринимателей проявилась в нескольких формах: «народной» торговле, совместных предприятиях, а также предприятиях со 100%-ми китайскими инвестициями. Особенности хозяйственной деятельности китайских предпринимателей на российском Дальнем Востоке в 1990-е гг. были обусловлены как межгосударственными отношениями России с Китаем, так и общей социально-экономической обстановкой на российском Дальнем Востоке, а также сложившимся историческим опытом контактов россиян с представителями других культур. При этом для Китая китайская предпринимательская деятельность на российских приграничных территориях была продолжением загодя спланированной долгосрочной политики, для российского же населения не известные ранее туристические и торговые практики оказались формой экономического выживания в условиях кризисной экономики.

Открытие границ, либерализация внешнеэкономической деятельности, развертывание прямой торговли между населением, возможность размещения своих инвестиций на российском Дальнем Востоке в 1990-е гг. стало для китайских предпринимателей новым ресурсом для их экономического развития, способствовало более тесному социальному, экономическому и культурному взаимодействию приграничных территорий двух стран. Дальнейшее развитие форм китайского предпринимательства, их эволюция не состоялись в полной мере ввиду несформированности необходимой нормативно-правовой базы в России и фактической неготовности российских властей к взаимовыгодному бизнесу китайских мигрантов на российской территории, а также в целом низкой культуры ведения бизнеса китайскими предпринимателями, плохого качества китайских товаров, что обусловило формирование имиджа китайских бизнесменов как временных партнеров, нацеленных на получение быстрых прибылей.

Китайское предпринимательство к концу 1990-х гг. не претерпело качественных изменений в своих формах и принципах организации. Для китайских предпринимателей российский Дальний Восток не стал местом постоянного пребывания, а был только трамплином для дальнейшего развития бизнеса на родине и/или в странах Европы и в США. Здесь сыграла свою роль и исключительная близость границы с Китаем, отсутствие как такового институционального оформления китайской диаспоры на российских приграничных территориях.

Тем не менее, китайская предпринимательская деятельность стала неотъемлемым элементом дальневосточного общества. Сложившийся исторический опыт российско-китайского взаимодействия способствовал формированию в целом толерантной среды в приграничной зоне.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. в России происходят принципиальные политические и социально-экономические перемены. К этому времени в стране назрел глобальный экономический и политический кризис, а одновременно с ним проводилась политика либерализации и свободных контактов с соседними странами. В российской социальной структуре появляется новый элемент – предприниматели. В этих условиях открытие границ (1988 г.) стало и знаком новой политической реальности, и антикризисной мерой. Дальний Восток России оказался притягателен для китайских мигрантов и по причине слабой заселенности, и в силу наличия богатых природных ресурсов, близкого соседства с Китаем.

В 1990-е гг. на приграничных территориях Дальнего Востока разворачивается межрегиональное российско-китайское сотрудничество, неотъемлемой частью которого стала предпринимательская деятельность китайских мигрантов в российском дальневосточном регионе. Во многом она была подобна китайской торговой деятельности, сформировавшейся в регионе в конце XIX – начале XX вв., в первую очередь из-за быстро сложившейся экономической потребности российского населения в китайских товарах.

В условиях трансформации российской экономики в конце XX века и открытия границ потребность в китайском присутствии на Дальнем Востоке оставалась стабильной, и приток мигрантов из Китая продолжался (не прерываясь, как в советские годы, директивными методами). Воспользовавшись сложившимися условиями, китайский бизнес стал быстро расширять свое влияние на сферы общественного питания, строительство, производство. Экономика российских дальневосточных территорий развивалась в том числе и с участием китайских деловых людей, которые умели приспособиться к покупательскому спросу и обнаружили в себе необходимые для такого рода деятельности деловые качества.

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

1. В 1990-е годы на российском Дальнем Востоке сложились социально-экономические условия для китайского предпринимательства. Уже с 1988 г. советско-китайская межрегиональная торговля вступила в этап быстрого развития, трансформировавшись из регулируемой в децентрализованную торговлю. Развернувшееся приграничное сотрудничество, одной из составляющих которого была предпринимательская деятельность китайских мигрантов, развивалось в условиях перестройки российской экономики и открытия границ. Но если со стороны России шел поспешный поиск новой экономической платформы, то со стороны Китая имело место сохранение регулирующей роли государства. Непосредственное влияние на политику Китая в отношении китайского предпринимательства за рубежом в 1990-е годы оказали следующие факторы:

сложный демографический вопрос, избыточность трудовых ресурсов, а также ресурсно-сырьевая проблема в КНР.

2. Китайское предпринимательство на российском Дальнем Востоке развивалось в период реформ и в России, и в Китае. Но если в России экономика переживала глубокий спад, усиливался разрыв в развитии регионов (дотационный Дальний Восток оказался в исключительно сложном экономическом положении), то в китайской экономике предприниматели были встроены в складывающуюся экономическую реальность. Китайское правительство поощряло предпринимателей на государственном уровне, в России же предпринимательство складывалось стихийно, и российские властные органы оказались не готовы к присущим китайскому предпринимательству формам организации на российской территории. Эффективная правовая база для такой деятельности так и не была создана.

3. Новая социально-экономическая ситуация регулировалась в РФ законодательством, принятым в условиях закрытой границы и ограниченных контролируемых внешних миграций; имела место и рассогласованность деятельности федеральных органов законодательной и исполнительной власти и власти «на местах». В результате развитие китайского предпринимательства пошло по своему внутреннему сценарию. Китайская предпринимательская деятельность была направлена на несистематическое получение прибыли преимущественно от продажи товаров или оказания услуг; она осуществлялась, как правило, самостоятельно на свой риск лицами, не всегда зарегистрированными в установленном законом порядке.

4. Возникшую в 1990-е гг. форму китайского предпринимательства, получившую в Китае название «народная» торговля (в России – «челночная» торговля) следует характеризовать как стихийное явление, возникшее в условиях открытия границ и усиливавшихся туристических потоков. Фактически при помощи туристических каналов шло продвижение китайских товаров на российские рынки. Этому способствовала, как и столетие назад, возможность выезда на сопредельную территорию и практика беспошлинного ввоза ряда товаров как мера наполнения российского потребительского рынка, а также увеличение дефицитов в России и стагнирующий характер российской экономики. Очевидно, что сущность «народной» торговли, сложившейся на приграничных дальневосточных территориях в 1990-е гг., отличалась от экономического поведения в условиях нормально функционирующей рыночной системы. Не вполне соответствуя принятым правовым нормам, «народная» торговля была в первую очередь формой социальной и экономической поддержки для российских граждан.

5. В исследуемый период началось вложение инвестиций в российскую дальневосточную экономику путем создания совместных российско-китайских предприятий и предприятий, полностью принадлежавших китайским бизнесменам. Благодаря деятельности этих предприятий в

определенной мере решалась проблема снабжения населения потребительскими товарами. Однако, вследствие несформированности правовых механизмов в этой области большинство из создаваемых предприятий были ориентированы на экспорт либо регистрировались для совершения одной или нескольких сделок: очевидным и главным мотивом их деятельности было скорейшее получение прибыли. Для российской стороны такое развитие экономических связей носило скорее вынужденный характер, нежели свидетельствовало о формировании нового типа открытой экономики: они не были направлены на производство товаров, а только на их перепродажу и обогащение ограниченного круга лиц. В то же время, совместные предприятия, действовавшие на Дальнем Востоке, явились важным звеном формирования рыночных отношений и способствовали развитию российско-китайских межцивилизационных контактов. Совместные предприятия внесли определенный вклад в привлечение управленческого опыта из-за рубежа, способствовали разрушению государственной монополии в сфере экономики и внешней торговли. В целом, деятельность компаний с китайским капиталом стала неотъемлемой частью социально-экономической жизни многих предприятий, организаций и структур российского Дальнего Востока.

6. Сложившиеся в исследуемый период формы китайского бизнеса не вписывались ни в один сценарий развития дальневосточного региона, но китайское предпринимательство стало неотъемлемой составляющей его социально-экономической жизни. Если для России такая стихийно формирующаяся региональная модель российско-китайского взаимодействия была в первую очередь способом выживания отдаленного от центра края, то для Китая – продолжением «политики реформ и открытости». Таким образом, Китай оказался готов к развертыванию предпринимательства на российских территориях гораздо лучше России. Эта модель включала свободу торговли, бартерные сделки как основу новых торговых отношений, возникновение «народной» торговли, совместных российско-китайских и китайских предприятий и, в связи с этим, постоянное присутствие китайских предпринимателей на приграничных территориях российского Дальнего Востока.

7. Китайские предприниматели активно занимали различные экономические ниши. Китайский фактор стал существенным для социально-экономической жизни региона. Интересы китайских предпринимателей подразумевали самые разные формы деятельности, от создания предприятий общественного питания до внедрения в сельское хозяйство региона. Активность китайских предпринимателей в 1990-е гг. на приграничных территориях российского Дальнего Востока привела к возрождению алармистских настроений в российском обществе. Однако в контактной российско-китайской приграничной зоне не произошло ни формирования китайской диаспоры, ни, тем более, захвата российских территорий. Большинство китайцев, находящихся в России с целью предпринимательской деятельности, не стремилось надолго остаться на российской территории, рассматривало ее как место своего временного пребывания, место накопления капитала.

8. Особенности хозяйственной деятельности и быта китайских предпринимателей на Дальнем Востоке в 1990-е гг. и их взаимодействие с русским населением были обусловлены как межгосударственными отношениями России с Китаем, так и общей социально-экономической обстановкой на российском Дальнем Востоке, а также сложившимся историческим опытом контактов россиян с представителями другой культуры. Как и столетие назад, на российском ДВ осуществляли предпринимательскую деятельность китайские подданные, большую часть которых составляли представители малоимущих слоев с низкой культурой, реализовывавших на российской территории товары невысокого качества. И, как и в конце XIX – начале XX века, когда шло освоение дальневосточных окраин, в 1990-е гг. в российском приграничье сформировался вектор взаимодействия между российским и китайским народами, который предоставлял возможность долгосрочного взаимовыгодного сотрудничества.

9. В принимающем (российском) обществе китайские предприниматели строили свою деятельность на принципах этнической экономики, создав достаточно изолированную среду, построенную на четкой иерархии и земляческих связях (гуаньси). Основными видами деятельности коммерческих мигрантов, занимавших различные ниши в экономической жизни Дальнего Востока России, были индивидуальная и мелкооптовая торговля и оказание услуг, создание предприятий общественного питания, производство и переработка сельскохозяйственной продукции, строительство. Более развитая законодательная база Китая по вопросам торговли, целенаправленная политика властей по поощрению инициативы китайских граждан работали на укрепление позиций китайских предпринимателей в России. Недостаточная проработанность правовой базы российского законодательства, а также нехватка товаров массового спроса в 1990-е гг. в России дали многим китайским компаниям возможность быстрого создания первоначального капитала.

В целом, накопленный исторический опыт функционирования китайского предпринимательства на российском Дальнем Востоке в конце XX века способствовал формированию толерантной среды российско-китайского взаимодействия в дальневосточной приграничной зоне, эволюции российско-китайских отношений на всех уровнях и подготовил почву для утверждения стратегического партнерства России и КНР в XXI веке.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ**ИСТОЧНИКИ****Неопубликованные****Государственный архив Российской Федерации - ГАРФ****1. Ф.10200. Правительство Российской Федерации.**

Оп.4. Д.7877. Переписка с министерствами и ведомствами, правительствами республик в составе Российской Федерации, администрациями краев и областей о разработке программы развития транспортных переходов на российско-китайской границе, о работе железнодорожного транспорта в республиках Ингушетии и Карелии и о соблюдении предприятиями железнодорожного транспорта антимонопольного законодательства.

2. Ф.10212. Министерство внешних экономических связей и торговли Российской Федерации.

Оп.1. Д.484. Обзор экономики КНР, информации Торгпредства Российской Федерации в КНР о состоянии экономики страны в 1994 году. 1994.

Оп.1. Д.701. Информации Торгпредства Российской Федерации в КНР о состоянии экономики страны. 1995.

Оп.5. Д.4754. Дело об открытии временного пункта пропуска через российско-китайскую границу на период строительства волоконно-оптической линии связи Харбин – Фуюань – Хабаровск.

3. Ф. Р.-200. МИД Российского правительства (А. В. Колчак). Омск. 1918-1920.

Оп.1. Д. 430. Донесения и переписка дипломатических представителей за границей.

4. Ф.Р-9119. Управление пограничного комиссара Амурской области. Благовещенск. 1917-1921.

Оп.1. Д.22. Переписка с представителем Китайской Республики Хэйхэским даоинем.

Государственный архив Хабаровского края - ГАХК**1. Ф.Р-353. Комитет по экономике администрации Хабаровского края.**

Оп.4. Д.83. Экономические обзоры, справочники, характеристики районов и областей Хабаровского края. Экономические паспорта городов, округов.

2. Ф.Р-1399. Регистрационная палата Хабаровского края по государственной регистрации юридических лиц.

Оп.9. Д.1306. Регистрационное дело совместного российско-китайского предприятия «Совместная российско-китайская компания «Ляоха» (1993-1996).

Оп.9. Д.1461. Регистрационное дело совместного российско-китайского предприятия «Динсин».

Оп.9. Д.1482. Регистрационное дело совместного российско-китайского предприятия «Цзили» (1992-1997).

3. Ф.Р-1971. Администрация города Хабаровска 1992-2008 гг.

Оп.1. Д.7. Регистрационное дело советско-китайского предприятия «Надежда».

Оп.1. Д.40. Регистрационное дело совместного советско-китайского предприятия «Чанли».

Оп.1. Д.109. Регистрационное дело российско-китайского предприятия «Чурин».

Оп.1. Д.124. Регистрационное дело российско-китайской экспортно-импортной компании «Аполлон».

Оп.1. Д.128. Регистрационное дело «Российско-китайской международной компании «Ханнин».

Оп.1. Д.135. Регистрационное дело советско-китайского предприятия «Электронные приборы и компьютеры».

Оп. 1. Д.170. Регистрационное дело российско-китайского предприятия «Созвездие».

Оп.1. Д.183. Регистрационное дело российско-китайского предприятия «Русско-Китайский центр».

Оп.1. Д.189. Регистрационное дело российско-китайского предприятия «ПАРИТЕТ РК».

Оп.1. Д.219. Российско-китайское предприятие «Гэнфей».

Оп.1. Д.253. Регистрационное дело российско-китайского предприятия «Ю-И».

Оп.1. Д.301 Регистрационное дело компании с китайскими инвестициями «Лун Бо».

Оп.1. Д.334. Регистрационное дело российско-китайского предприятия «Даль-Ляо».

Оп.1. Д.493. Предприятие с иностранными инвестициями «Интер».

Оп.1. Д.597. Регистрационное дело российско-китайского предприятия «Дальинтергео».

4. Ф.Р-1736. Государственный архив Хабаровского края.

Оп.8. Д.1030. Советско-китайское предприятие «Харбин».

Государственный архив Приморского края - ГАПК

1. Ф.Р-1694. Администрация Приморского края.

Оп.1. Д.109. Документы (справки, информации, списки) о регистрации в Приморском крае предприятий с иностранными инвестициями за 1993 г.

Оп.1. Д.230. Отчеты о деятельности иностранных предприятий.

Оп.1 Д.349. Документы (справки, информации, списки) о регистрации в Приморском крае предприятий с иностранными инвестициями за 1995 г.

Оп.1. Д.750. Протокол совместного совещания российской и китайской делегаций по транзитным перевозкам.

Государственный архив Амурской области - ГААО

1. Ф.Р-480. Амурский областной комитет государственной статистики.

Оп.17. Д.727. Списки организаций и предприятий по районам и городам. Том 1.

Оп.17. Д.1748. Сводные годовые отчеты по форме 1-ВЭС «Отчет совместного предприятия».

Оп.17. Д.1202. Отдел материально-технических ресурсов и ВЭС.

2. Ф.Р-501. Департамент экономического развития и внешних связей администрации Амурской области.

Оп. 7. Д.762. Анализ внешнеэкономической деятельности Амурской области за 9 месяцев.

Оп.7. Д.891. Документы о работе российско-китайской группы по международным и приграничным отношениям в г. Благовещенске.

3. Ф.Р-2251. Акционерное общество открытого типа «Трест «Мостострой № 10» Мостостроительный отряд № 76».

Оп.1. Д.56. Отчет о работе областной администрации.

4. Ф.Р-2286. Администрация Амурской области.

Оп.1. Д.25. Постановления главы администрации № 297-345.

Оп.1. Д.46. Переписка с Администрацией Президента, Правительством РФ по основной деятельности. Т.2. 1993 г.

Оп.1. Д.94. Администрация Амурской области. Переписка с Администрацией Президента РФ, Правительством РФ по основной деятельности.

Оп.1. Д.154. Протокол регионального совещания по проблемам развития российско-китайских отношений в дальневосточном регионе.

5. Ф.Р-2363. Совместное российско-китайское предприятие «АМиТ».

Оп.1. Д.1. Приказы №1-№16 по производственной деятельности за 1993 год.

Государственный архив Еврейской автономной области - ГА ЕАО

1. Ф.569. Мэрия муниципального образования г. Биробиджан.

Оп.1. Д.3. Годовые планы работы отделов, комитетов, управлений мэрии.

Оп.1. Д.6. Годовые планы работы отделов, комитетов, управлений мэрии.

Оп.1. Д.9. Годовые отчеты работы отделов, комитетов, управлений мэрии.

Опубликованные**Акты и законодательные документы**

1. Гражданский кодекс Российской Федерации Гарант – информационно-правовой портал. [Электронный ресурс]: – Режим доступа: <http://base.garant.ru/10164072/>
2. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой от 16 июля 2001 г. // Сборник российско-китайских документов. 1999-2007 гг. – М., 2007. – С. 143-151.
3. Документы 3-его пленума ЦК КПК 11-ого созыва, 18-22 декабря 1978 г. – Пекин, 1978. – 15 с. – Кит.
4. Закон о таможенном регулировании в КНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: (<http://www.doc88.com/p-9032091986913.html>). – Кит.
5. Закон РФ от 21 мая 1993 г. N 5003-I «О таможенном тарифе» (с изменениями и дополнениями). Система ГАРАНТ. [Электронный ресурс]: – Режим доступа: <http://base.garant.ru/10101366/#ixzz6DLjxQ8DZ>.
6. Закон РСФСР от 04.07.1991 N 1545-1 (ред. от 10.02.1999) «Об иностранных инвестициях в РСФСР». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_102/
7. Конституция Китайской Народной Республики. Пекин, 1982 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution. – Кит.
8. Постановление Правительства РФ от 1 марта 1993 г. «Об утверждении Положения о Федеральной миграционной службе России» [Электронный ресурс]: – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102023131&backlink=1&&nd=102021962>
9. Постановление правительства РФ № 1021 от 08.10.94 г. «О мерах по предупреждению и сокращению неконтролируемой внешней миграции» [Электронный ресурс]: – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102021709&backlink=1&nd=102032148>
10. Постановление правительства РФ от 28 ноября 1991 г. №26 «О регистрации предприятий с иностранными инвестициями» [Электронный ресурс]: – Режим доступа: <https://base.garant.ru/10104216/>
11. Постановление Совмина СССР от 02.12.1988 N 1405 «О дальнейшем развитии внешнеэкономической деятельности государственных, кооперативных и иных общественных предприятий, объединений и организаций» [Электронный ресурс]: – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=1571#09757551496124226>

12. Сборник договоров России с другими государствами. 1856-1917. – М.: Госполитиздат, 1952. – 463 с.
13. Сборник российско-китайских договоров, 1949-1999 / Г. Б. Карасин и др. – М.: Терра-спорт, 1999. – 492 с.
14. Сборник российско-китайских документов, 1999-2007 гг. / редкомис.: А. П. Лосюков (пред. комис.) и др. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. – 508 с.
15. Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. М., 1993-1994. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.szrf.ru/szrf/docslst.shtml?nb=106&year=&issid=1061994006000>.
16. Совместная декларация об основах взаимоотношений между РФ и КНР. 1992 г.; Совместная российско-китайская декларация 1996 г. // Сборник российско-китайских договоров, 1949-1999. – М., 1999. – С. 333-337.
17. Совместное советско-китайское коммюнике // Вестник МИД СССР. – 1989. – №11. – С. 25-27.
18. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о принципах сотрудничества между администрациями (правительствами) субъектов Российской Федерации и местными правительствами Китайской Народной Республики [Электронный ресурс]: – Режим доступа: <http://base.garant.ru/2556542/5ac206a89ea76855804609cd950fcdf7/>
19. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о распространении практики упрощенного пропуска граждан Российской Федерации в торговые комплексы в гг. Хэйхэ и Суйфэньхэ, действующие по китайскую сторону российско-китайской границы в форме обмена нотами от 2 июня 1999 года // Бюллетень международных договоров. – 1999. – №11. – С. 70.
20. Таможенный Кодекс Российской Федерации от 18 июня 1993 г. N 5221-I (ТК РФ) [Электронный ресурс]: – Режим доступа: <https://base.garant.ru/3961659/>
21. Указ Президента РФ от 29.01.1992 N 65 (ред. от 16.05.1997) «О свободе торговли» [Электронный ресурс]: – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_288/
22. Указ Президента РСФСР от 15.11.1991 N 213 (ред. от 27.10.1992) «О либерализации внешнеэкономической деятельности на территории РСФСР». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_143/
23. Указ Президента РФ от 16 февраля 1992 г. N 144 «О коммерциализации деятельности предприятий потребительской кооперации в Российской Федерации» [Электронный ресурс]: – Режим доступа: <http://base.garant.ru/5139011/#ixzz6DQRce8gQ>

24. Федеральный закон N 3615-I от 09.10.1992 г. «О валютном регулировании и валютном контроле» [Электронный ресурс]: – Режим доступа: <https://zakonbase.ru/content/base/434>
25. Федеральный закон N 157-ФЗ от 13.10.1995 г. «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности» [Электронный ресурс]: – Режим доступа: <http://base.garant.ru/10164409/#ixzz6CI8XCUNf>
26. Федеральный закон от N 160-ФЗ от 09.07.1999 г. «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» [Электронный ресурс]: – Режим доступа: <https://zakonbase.ru/content/base/32131>
27. Федеральный закон N 4-ФЗ от 04.01.1999 г. «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов РФ» [Электронный ресурс]: – Режим доступа: <http://base.garant.ru/179963/>
28. Федеральный закон N 101-ФЗ от 15.07.1995 г. «О международных договорах Российской Федерации» [Электронный ресурс]: – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7258/

Статистические материалы

1. Амурская область и провинция Хэйлунцзян: показатели развития. – Благовещенск: Амуроблкомстат, 2001. – 31 с.
2. Деятельность совместных и иностранных предприятий за 1997 г. – Благовещенск: Амуроблкомстат, 1998. – 50 с.
3. Деятельность совместных предприятий в Приморском крае. – Владивосток: Приморскстат, 1996. – 24 с.
4. Деятельность совместных предприятий в Приморском крае. – Владивосток: Приморскстат, 2000. – 14 с.
5. Инвестиции в экономику области. Госкомстат Амурской области. – Благовещенск: Амуроблкомстат, 2001. – 26 с.
6. Итоги работы совместных предприятий за 1994 г. – Благовещенск: Амуроблкомстат, 1995. – 17 с.
7. Итоги работы совместных предприятий за 1995 г. – Благовещенск: Амуроблкомстат, 1996. – 51 с.
8. О деятельности предприятий с иностранными инвестициями. – Благовещенск: Амуроблкомстат, 2002. – 45 с.
9. О работе совместных предприятий. – Владивосток: Приморскстат, 1993. – 47 с.
10. О работе совместных предприятий. – Владивосток: Приморскстат, 1995. – 22 с.

11. Сведения об иностранных инвестициях за 1999 г. – Благовещенск: Амуроблкомстат, 1999. – 18 с.
12. Хабаровский край в цифрах: Стат. справ. 1997 г. / Госкомстат России, Хабар. краев. ком. гос. статистики. – Хабаровск: Б. и., 1998. – 67 с.
13. Хабаровский край в цифрах: Стат. справ. 1998 г. / Госкомстат России, Хабар. краев. ком. гос. статистики. – Хабаровск: Б. и., 1999. – 71 с.
14. Хабаровский край в цифрах: Стат. сб. 1999 год / Госкомстат России, Хабар. кр. ком. гос. статистики. – Хабаровск, 2000. – 83 с.

Периодические издания

1. Барчо, А. А. И вновь о китайском рынке...: [беседа с владельцем, предпринимателем о проблемах китайской торговли в пос. Лучегорск / вела А. Тишкова] / А. А. Барчо // Победа (Пожар. р-н). – 1998. – 18 августа.
2. Батулин, В. Будет что жевать / В. Батулин // Биробиджанская звезда. – 1992. – 16 мая.
3. Батулин, В. Полку предпринимателей прибыло / В. Батулин // Биробиджанская звезда. – 1992. – 23 октября.
4. Братчикова, В. У Китайской стены есть калитка в Приморье: [о вывозе из края ценного сырья и бесконтрольных туристов из Китая] / В. Братчикова // Российская газета. – 1995. – 21 июля.
5. «Гвоздь свободной экономической зоны» // Биробиджанская звезда. – 1993. – 31 сентября.
6. Город в городе: Китайский рынок // Коммунар (г. Уссурийск). – 1998. – 14 августа.
7. Грызлов, Б. Иммиграция: перед кем открывать ворота? / Б. Грызлов // АИФ. – 2003. – № 35.
8. Дека, Н. Обман на паритетных началах, или как мы торгуем с зарубежными фирмами: [на примере торговли с Китаем] / Н. Дека // Красное знамя. – 1994. – 7 апреля.
9. Лань, Тянь. Чуан Элосы дэ Чжунгожэнь (Китайцы, пробившие себе дорогу в России) / Лань Тянь // Сяньдай цзяоци. – 1995. – №8. – С. 57-58. – Кит.
10. Орел, Л. Китайцы не против правил: [на рынках Владивостока присутствие кит. торговцев неуклонно сокращается] / Л. Орел // Золотой Рог. – 2000. – 4 апр. – С. 17.
11. «От коммерции к производству» // Биробиджанер штерн. – 1993. – 17 апреля.
12. Полынцев, Ю. Эти спорные очевидные истины / Ю. Полынцев // Тихоокеанская звезда. – 1989. – №43. – С. 8.
13. Попов, И. Челноки украли миллиард долларов у российско-китайской торговли / И. Попов // Финансовые известия. – 2002. – 26 марта.

14. Пронин, А. Торговля с Китаем: займет ли она свое место? / А. Пронин // Владивосток. – 1995. – 1 июня. – С. 4.
15. Терешкин, П. Перспективы развития советско-китайских отношений / П. Терешкин // Блокнот агитатора. – 1989. – №21. – С. 36-41.
16. Уфимцев, Ю. Приморье: миллиард китайцев: [о торговле с Китаем] / Ю. Уфимцев // Новости. – 1996. – 19 апр. – С. 15.
17. Цзян, Сяохуа. Чжунго цзоусян Элосы цзяньцай шичан дии жэнь - цзи Хэйлунцзян Ваньян цзинмао цзитуань цзунцай Ян Сяоли (Первый китаец "заходит" на российский рынок стройматериалов - о женщине-президенте Хэйлунцзянской торгово-экономической корпорации "Вань Ян" Ян Сяоли) / Цзян Сяохуа // Шицзи цяо. – 2005. – №7. – С. 27. – Кит.
18. Чжан, Чжи. Во цзай Элосы баньци "Учанди пифа шичан" (Я в России открыл "оптовый рынок без рынка") / Чжан Чжи // Далуцяо. – 2005. – №11. – С. 38-40. – Кит.
19. Чжунгожэнь цзай Хайшэньвай (Китайцы во Владивостоке) // Шицзи цяо. – 2006. – №6. – С. 62-64. – Кит.
20. Юркевич, Г. Тяжкая доля СП / Г. Юркевич // Биробиджанская звезда. – 1994. – 23 августа.
21. Ян, Сяоли. Элосы ши игэ лутянь цзинькуан (Россия - золотой рудник под открытым небом) / Ян Сяоли // Чжунго циебао. – 2005. – 17 ноября. – Кит.

Личный архив

Личный архив Чжоу Тяньхэ. Беседа с китайскими предпринимателями Бай Мэй, Ван Сяодун, Ван Шихун, Ли Хунмэй, Цзян Шэньсюань, Цю Байсун, Цю Ши, Чжан Сюебин, Чжоу Тянь от 07-21.02.2018. [Текст стенограммы беседы]. 17 с.

ИССЛЕДОВАНИЯ

Монографии и статьи

На русском языке

1. Адмидин, А. Г. Предприятия с иностранными инвестициями на Дальнем Востоке / А. Г. Адмидин. – Хабаровск: Ин-т экон. исслед. ДВО РАН, 1998. – 33 с.
2. Адмидин, А. Г. Экономическое сотрудничество российского Дальнего Востока со странами Северо-Восточной Азии // А. Г. Адмидин, Е. И. Деваева. – Проблемы Дальнего Востока. – 1998. – №6. – С. 68-77.
3. Александров, В. А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.) / В. А. Александров. – 2-е доп. изд. – Хабаровск: Хаб. кн. изд-во, 1984. – 271 с.
4. Алексеев, А. И. Освоение русского Дальнего Востока (конец XIX в. – 1917 г.) / А. И. Алексеев, Б. Н. Морозов. – М.: Наука, 1989. – 224 с.

5. Алепко, А. В. Китайский торговый бизнес в Приамурском крае (вторая половина XIX – начало XX вв.) / А. В. Алепко // Вестник международного центра азиатских исследований. – 2001. – №6. – С. 7-13.
6. Алепко, А. В. Китайское предпринимательство на российском Дальнем Востоке во второй половине XIX-XX вв. / А. В. Алепко // Россия – Китай: история и современность: сборник научных статей. – Хабаровск: Изд-во ХГПУ, 2000. – С. 31-33.
7. Алепко, А. В. Незаконное предпринимательство китайцев на российско-маньчжурской границе в начале XX века / А. В. Алепко // Российское Приамурье: история и современность. – Хабаровск, 1999. – С. 269-271.
8. Алепко, А.В. Экономическая деятельность китайцев в дальневосточном регионе России в XIX – начале XX вв. / А. В. Алепко // Проблемы Дальнего Востока. – 2002. – №4. – С. 135-144.
9. Андрианов, В. Ресурсный потенциал и структура экономики Дальнего Востока России / В. Адрианов // Проблемы Дальнего Востока. – 1995. – № 6. – С. 19-28.
10. Антонова, Н. Е. Экономическое сотрудничество России и Китая на Дальнем Востоке / Н. Е. Антонова, Л. Б. Бардаль, В. Л. Калашников, В. Е. Кучерявенко, Н. В. Ломакина, П. А. Минакир // Пространственная экономика. – 2009. – №3. – С. 134-158.
11. Анча, Д. А. Китайская диаспора во Владивостоке: страницы истории / Д. А. Анча, Н. Г. Мизь. – Изд. 2-е, доп. – Владивосток: Дальнаука, 2015. – 312 с.
12. Арсеньев, В. К. Китайцы в Уссурийском крае: Историко-этнографический очерк / В. К. Арсеньев // Зап. Приам. отд. ИРГО. – Т. X. – Вып.1. – Хабаровск: Тип канцелярии Приамурского генерал-губернатора, 1914. – 203 с.
13. Атанов, Н. И., Российско-китайская приграничная торговля: современное состояние и перспективы развития в условиях евразийской интеграции / Н. И. Атанов, Е. В. Аюшеева // Вестник БГУ. Экономика и менеджмент. – 2016. – №1. – С. 67-72.
14. Бажанов, Е. П. Актуальные проблемы международных отношений / Е. П. Бажанов. – Избранные труды в 3 т. – Т. 2. – М.: Научная книга, 2002. – 480 с.
15. Белоглазов, Г. П. Россия в Китае и Китай в России: исторические аспекты этнокультурного взаимодействия / Г. П. Белоглазов // Россия и Китай: опыт и потенциал регионального и приграничного взаимодействия. – Владивосток: «Дальнаука», 2014. – С. 63-79.
16. Беспрозванных, Е. Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений: XVII – середина XIX в. / Е. Л. Беспрозванных. – М.: Наука, 1983. – 206 с.
17. Борох, О. Н. Рыночные реформы в КНР: этическое измерение / О. Н. Борох // Китай и Россия: Развитие экономических реформ / Под ред. Л. В. Никифорова, Т. Е. Кузнецовой, М. Б. Гусевой. – М.: Наука, 2003. – С. 87-105.

18. Вардомский, Л. Внешнеэкономические связи и развитие регионов / Л. Вардомский // Внешняя торговля. – 1991. – №7. – С. 20-22.
19. Ващук, А. С. Миграционная политика России в конце XX – начале XXI века: надежды управленцев и реалии сельской глубинки юга Дальнего Востока / А. С. Ващук // Вестник ДВО РАН. – 2012. – №4. – С. 24-31.
20. Ващук, А. С. Социально-экономические ориентации этнических мигрантов в приграничных территориях на рубеже XX-XXI вв. (на примере Приморского края) / А. С. Ващук // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2002. – С. 329-334.
21. Веселова, Л. С. Понятие и роль неформальных отношений «Гуаньси» в экономической жизни современного Китая / Л. С. Веселова // Проблемы современной экономики. – 2014. – №1. – С. 218-222.
22. Витковская, Г. С. Новая столыпинская политика на Дальнем Востоке России : надежды и реалии / Г. С. Витковская, Ж. А. Зайончковская // Перспективы Дальневосточного региона: межстрановые взаимодействия / под ред. Г. Витковской, Д. Тренина; Московский Центр Карнеги. – М.: Гендальф, 1999. – 126 с.
23. Воскресенский, А. Д. Китай и Россия в Евразии. Историческая динамика политических взаимодействий / А. Д. Воскресенский. – М.: Муравей, 2004. – 600 с.
24. Воскресенский, А. Д. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений / А. Д. Воскресенский. – М.: Московский общественный научный фонд; ООО «Издательский центр научных и учебных программ», 1999. – 408 с.
25. Воскресенский, А. Д. Россия – Китай: формирование обновленного мира / А. Д. Воскресенский, С. Г. Лузянин. – М.: Весь Мир, 2018. – 328 с.
26. Воскресенский, А. Д. Современные концепции русско-китайских отношений и погранично-территориальных проблем в России и Китае / А. Д. Воскресенский. – М., 1999. – 88 с.
27. Галенович, Ю. М. Российско-китайские отношения (конец XIX - начало XXI в.) / Ю. М. Галенович. – М.: ИДВ РАН, 2007. – 272 с.
28. Галлямова, Л. И. Китайское предпринимательство в Приморье на рубеже XIX-XX вв. (по данным анкетирования 1904 г.) / Л. И. Галлямова // Китайской Народной Республике 50 лет: история и современность: Тезисы докладов и сообщений международной научной конференции. – Владивосток, 1999. – С. 107-109.
29. Гамерман, В. Е. Проблемы безопасности, связанные с приграничным сотрудничеством Амурской области со странами АТР / В. Е. Гамерман // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. – Благовещенск: АмГУ, 2002. – С. 158-164.

30. Гельбрас, В. Г. Китайская реальность России / В. Г. Гельбрас. – М.: Муравей, 2001. – 320 с.
31. Гельбрас, В. Г. Россия в условиях глобальной китайской миграции / В. Г. Гельбрас. – М.: Муравей, 2004. – 204 с.
32. Горюнов, А. П. Реформирование внешнеторговой политики КНР: Проблемы и перспективы / А. П. Горюнов // Россия и АТР. – 2002. – № 2(36). – С. 75-85.
33. Граве, В. В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье / В. В. Граве // Труды Амурской экспедиции. Вып. XI. – СПб.: Тип-я В. Ф. Киршбаума, 1912. – 479 с.
34. Данилов, В. Е. Развитие экономики провинций северо-востока Китая в 90-е годы / В. Е. Данилов // Проблемы Дальнего Востока. – 1994. – № 5. – С. 47-52.
35. Даниловских, Т. Е. Этапы развития и формы приграничной торговли между Китаем и Россией / Т. Е. Даниловских, И. А. Кузьмичева, Е. Г. Флик, Д. И. Кузьмичев // Территория новых возможностей. – 2016. – №3(34). – С. 16-22.
36. Датган, А. В. Исторический очерк развития Приамурской торговли / А. В. Датган. – М.: Тип. Г. И. Гагена, 1897. – 127 с.
37. Дацышен, В. Г. История российско-китайских отношений в конце XIX – начале XX вв. / В. Г. Дацышен. – Красноярск: Изд-во КнаГТУ, 2000. – 472 с.
38. Дацышен, В. Г. История российско-китайских отношений в конце XIX – начале XX вв. – М.: Директ-Медиа, 2014. – 593 с.
39. Дацышен, В. Г. Китайская трудовая миграция в России. Малоизвестные страницы истории / В. Г. Дацышен // Проблемы Дальнего Востока. – 2008. – №5. – С. 99-104.
40. Дацышен, В. Г. Китайцы-земледельцы в Приморье: эпизод длиной в сто лет / В. Г. Дацышен // Известия Восточного института. – 2005. – №9. – С. 70-89.
41. Дацышен, В. Г. Торгово-экономические отношения между Россией и Китаем в период становления советского государства (1918-1924 гг.) / В. Г. Дацышен // Мир Евразии. – 2013. – №4(23). – С. 12-18.
42. Дацышен, В. Г. Уссурийские купцы. Судьбы китайцев в дореволюционной России / В. Г. Дацышен // Родина. – 1995. – №7. – С. 54-57.
43. Дацышен В.Г. Четыреста лет истории русско-китайских отношений: Сборник статей / В. Г. Дацышен. – Ч. 1, 2. – М.-Берлин: Директ-Медиа, 2014.
44. Деваева, Е. И. Совместная предпринимательская деятельность на Дальнем Востоке России / Е. И. Деваева, В. Г. Норин // Проблемы Дальнего Востока. – 1996. – №6. – С. 3-8.
45. Деваева, Е. И. Иностранные инвестиции на Дальнем Востоке / Е. И. Деваева, В. Г. Норин // Экономическое развитие и международное сотрудничество на Дальнем Востоке России:

- Мат-лы междунар науч. конф. (III; 13-14 мая, 1996; Хабаровск; Отв. ред. А.С. Шейнгауз). – Хабаровск: ДВО РАН, 1996. – С. 70-73.
46. Долгов, Л. Н. Некоторые проблемы взаимоотношений власти и русского и иностранного предпринимательства на Дальнем Востоке накануне первой мировой войны / Л. Н. Долгов // Российское Приамурье: история и современность. Мат-лы докладов научного семинара, 24-25 ноября 1999 г. – Хабаровск: Изд-во ХГПУ, 1999. – 295 с.
 47. Друзяка, А. В. Исторический опыт государственного регулирования внешней миграции на юге Дальнего Востока России (1858 – 2008 гг.) / А. В. Друзяка. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2010. – 290 с.
 48. Друзяка, А. В. Незаконная миграция на российском Дальнем Востоке в 1993-2002 гг. (на примере Амурской области) / А. В. Друзяка // Вестник ДВО РАН. – 2008. – №5. – С. 32-36.
 49. Друзяка, А. В. Российско-китайский туристический обмен и возрождение приграничной «народной торговли» в период 1988-1990-х гг. / А. В. Друзяка, Е. Н. Корнейчук, И. А. Попова // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы VIII международной научно-практической конференции (Благовещенск – Хэйхэ, Тяньцзинь, Пекин, 20-28 мая 2019 г.). Вып.9. Ч.2 / Отв. ред. А. В. Друзяка. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2019. – С. 69-73.
 50. Дударь, Л. А. Государственное регулирование частной и иностранной торговли на Дальнем Востоке в 1920-е гг. / Л. А. Дударь // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып.4. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2002. – С. 369-375.
 51. Дурицына, Р. Ф. Организация жилищного строительства с участием иностранного капитала на территории Благовещенска / Р. Ф. Дурицына, О. В. Кукшенева // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. – Благовещенск: АмГУ, 2002. – С. 271-276.
 52. Дьяченко, В. Н. Использование потенциала приграничного положения в социально-экономическом развитии Амурской области / В. Н. Дьяченко, Л. А. Понкратова // Россия и Китай на дальневосточных рубежах: Материалы междунар. науч. конф. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2003. – Вып. 6. – С. 332-341.
 53. Дятлов, В. И. Китайцы в Сибири и на Дальнем Востоке – хорошо это или плохо для России? / В. И. Дятлов // Азия и Африка сегодня. – 2003. – №4. – С. 40-42.
 54. Дятлов, В. И. Миграция китайцев и дискуссия о «желтой опасности» в дореволюционной России / В. И. Дятлов // Вестник Евразии. – 2000. – №1. – С. 63-89.
 55. Дятлов, В. И. Постсоветские рынки под открытым небом: новый феномен или продолжение традиции? / В. И. Дятлов // Сибирские исторические исследования. – 2017. – №1. – С. 99-118.

56. Дятлова, Е. В. Деловая культура китайских торговцев в дореволюционной России глазами русских современников / Е. В. Дятлова // Известия ИрГУ. Серия «Политология. Религиоведение». – 2008. – №1 (2). – С. 55–72.
57. Журавская, Т. Н. «Китайские» рынки в Сибири и на Дальнем Востоке / Т. Н. Журавская // Служба занятости. – 2015. – №4. – С. 36-39.
58. Журавская, Т. Н. «Китайский» торговый центр vs. «китайский» рынок: что изменилось со времени запрета на торговлю иностранцев на розничных рынках (на примере Амурской области) / Т. Н. Журавская // Полития. – 2012. – №4 (67). – С. 104-123.
59. Журавская, Т. Н. «Серый» импорт на российско-китайской границе: что нового? / Т. Н. Журавская // Экономическая социология. – 2011. – Т.12. – №5. – С. 54-71.
60. Журавская, Т. Н. «Собственники без собственности» или неформальные практики в условиях открытого рынка / Т. Н. Журавская // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2014. – Том XVII. – №5(76). – С. 52-69.
61. Журавская, Т. Н. Особенности и социально-экономические функции «китайских» рынков на Дальнем Востоке / Т. Н. Журавская // Современные проблемы регионального развития: материалы V международ. науч.-практич. конф. –Биробиджан, 2014. – С. 223-224.
62. Журавская, Т. Н. Посетители «китайского» рынка: символическое потребление и экономия на масштабе / Т. Н. Журавская // Известия ИрГУ. Серия «Политология. Религиоведение». – 2014. – Т.10. – С. 120-135.
63. Забияко, А. П. Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке / А. П. Забияко, Р. А. Кобызов, Л. А. Понкротова / под ред. А.П. Забияко. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2009. – 412 с.
64. Забияко, А.П. Этническое сознание как субъективный фактор взаимоотношений России и Китая: теоретические и прикладные аспекты / А.П. Забияко // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 2. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2002. – С. 422-429.
65. Залеская, О. В. Китайские мигранты в условиях политической ситуации на Дальнем Востоке в конце 1920-х середине 1930-х годов / О. В. Залеская // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2008. – №12(86). – С. 52-64.
66. Залеская, О. В. Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1917-1938 гг.) / О. В. Залеская. – Владивосток: Дальнаука, 2009. – 380 с.
67. Залеская, О. В. Российско-китайские приграничные отношения на Дальнем Востоке (1917-1924 гг.) / О. В. Залеская / Под общ. ред. проф. Н.А. Шиндялова. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2002. – 157 с.
68. Зомбарт, В. Буржуа: Пер. с нем./ В. Зомбарт / Ин-т социологии. –М.: Наука, 1986. – 443 с.

69. Иванов, В. И. О роли внешнеэкономических связей в развитии тихоокеанских районов СССР / В. И. Иванов, П. А. Минакир // *Мировая экономика и международные отношения*. – 1988. – №5. – С. 59-70.
70. Иванов, С. А. Влияние государства на российско-китайские торгово-экономические взаимодействия / С. А. Иванов // *Россия и АТР*. – 2013. – №4. – С. 59-72.
71. Иванов, С. А. Деятельность субнациональных правительств в приграничном сотрудничестве России и Китая / С. А. Иванов // *Россия и АТР*. – 2011. – №2. – С. 143-153.
72. Иванов, С. А. Инвестиции компаний провинции Хэйлунцзян в России: особенности роста в условиях господдержки / С. А. Иванов // *Проблемы Дальнего Востока*. – 2015. – №5. – С. 46-58.
73. Иванов, С. А. Миграция китайского капитала и труда в Приморском крае / С. А. Иванов // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. – 2014. – № 4(31). – С. 35-46.
74. Иванов, С. А. Условия формирования и особенности пространственной организации внешнеэкономической деятельности на северо-востоке Китая / С. А. Иванов // *Вестник ДВО РАН*. – 2012. – №.4(164). – С. 136-144.
75. Иванов, С. А. Формирование приграничного с Россией пояса открытости КНР / С. А. Иванов // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. – 2009. – № 3(10). – С. 52-59.
76. Иванова, Е. Г. Проблемы российско-китайского приграничного сотрудничества: взгляд из России и Китая / Е. Г. Иванова, О. И. Костюкова // *Инновационное развитие экономики*. – 2016. – № 2(32). – С. 224-230.
77. Интеграция экономических мигрантов в регионах России. Формальные и неформальные практики / Науч. ред. Н.П. Рыжова. – Иркутск: «Оттиск», 2009. – 264 с.
78. История Северо-Восточного Китая XVII-XX вв. Кн.1. Маньчжурия в эпоху феодализма (XVII - начало XX в.). – Владивосток: Дальневост. книжное изд-во, 1987. – 424 с.
79. История Северо-Восточного Китая XVII-XX вв. Кн.2. Северо-Восточный Китай. 1917-1949 гг. – Владивосток: Дальневост. книжное изд-во, 1989. – 350 с.
80. Кабузан, В. М. Дальневосточный край в XVII – начале XX вв. (1640-1917). – М.: Наука, 1985. – 260 с.
81. Кабузан, В. М. Как заселялся Дальний Восток (вторая половина XVII в. – начало XX в.). – Хабаровск: Хаб. кн. изд-во, 1976. – 197 с.
82. Капралова, Н. Л. Челночный бизнес в российской экономике: роль и оценка масштабов / Н. Л. Капралова, Л. А. Карасева // *Экономический журнал ВШЭ*. – 2005. – №3. – С. 400-411.
83. Карасин, Г. Россия – Китай: партнерство, развернутое на стратегическую перспективу / Г. Карасин // *Проблемы Дальнего Востока*. – 1997. – №2. – С. 22-28.

84. Карлусов, В. В. Внешнеэкономические связи России и Китая: баланс интересов и совершенствование механизма организации / В. В. Карлусов // Проблемы Дальнего Востока. – 1999. – №3. – С. 50-55.
85. Карлусов, В. В. Частное предпринимательство в Китае / В. В. Карлусов. – М.: Изд. фирма «Вост. лит.», 1996. – 382, [2] с.
86. Кашина, Н. В. Насущные проблемы развития экономических связей Амурской области с Китаем / Н. В. Кашина, В. З. Межаков // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск: АмГУ. – 2004. – Т. 4. – С. 238-243.
87. Киреев, А. А. Воздействие российской миграционной политики на динамику трансграничной миграции из Китая / А. А. Киреев // Ойкумена. – 2014. – №4. – С. 8-27.
88. Китай в диалоге цивилизаций: К 70-летию академика М. Л. Титаренко / гл. ред. С. Л. Тихвинский. – М.: Памятники исторической мысли, 2004. – 837 с.
89. Колядин, А. М. Экономическое сотрудничество и взаимосвязи Благовещенска со странами АТР / А. М. Колядин, Т. М. Мосенцова // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2000. – С. 165-173.
90. Корсун, В. А. Внешнеполитический механизм с китайской спецификой / В. А. Корсун // Внешнеполитический процесс в странах Востока. – М., 2011. – С. 272-275.
91. Кравчук, С. А. Формирование пограничной политики России в Дальневосточном регионе (90-е годы XX века) / С. А. Кравчук. – Хабаровск: Хабаровский пограничный институт ФСБ России, 2007. – 140 с.
92. Крестьянство Дальнего Востока СССР. XIX-XX вв.: Очерки истории / под общ. ред. акад. А. И. Крушанова. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1991. – 416 с.
93. Крушанова, Л. А. Миграционная политика советского государства на Дальнем Востоке (1980-е гг.) / Л. А. Крушанова // Россия и АТР. – 2009. – №3. – С. 123-131.
94. Кузык, Б. Н. Китай–Россия — 2050: стратегия соразвития / Б. Н. Кузык, М. Л. Титаренко. – М.: Институт экономических стратегий, 2006. – 656 с.
95. Лаврентьев, А. В. Проблемы регионального развития Дальнего Востока России и попытки их централизованного преодоления: опыт 90-х годов XX века / А. В. Лаврентьев // Территория новых возможностей. – 2010. – №1(5). – С. 104-112.
96. Лайша, А. В. Традиции предпринимательства у различных этнических групп / А. В. Лайша // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2012. – №3. – С. 77-82.
97. Ларин, А. Г. Китайские коммерсанты в России / А. Г. Ларин // Азия и Африка сегодня. – 2009. – №4. – С. 28-36.
98. Ларин, А. Г. Китайские мигранты в России и политика Пекина / А. Г. Ларин // Проблемы Дальнего Востока. – 2012. – №1. – С. 100-111.

99. Ларин, А. Г. Китайские мигранты в России. История и современность / А. Г. Ларин. – М.: Восточная книга, 2009. – 512 с.
100. Ларин, А. Г. Китайские мигранты и российский правопорядок. Проблема ответственности / А. Г. Ларин // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2009. – №14. – С. 115-134.
101. Ларин, А. Г. Китайцы в России вчера и сегодня / А. Г. Ларин. – Москва: Муравей, 2003. – 223 с.
102. Ларин, В. Л. В тени проснувшегося дракона. Российско-китайские отношения на рубеже XX-XXI веков / В. Л. Ларин. – Владивосток: Дальнаука, 2006. – 423 с.
103. Ларин, В. Л. Китай и Дальний Восток России в первой половине 90-х: проблемы регионального взаимодействия / В. Л. Ларин. – Владивосток: Дальнаука, 1998. – 284 с.
104. Ларин, В. Л. Посланцы Поднебесной на Дальнем Востоке: ответ алармистам / В. Л. Ларин // Диаспоры. – 2001. – №2-3. – С. 76-112.
105. Ларин, В. Л. Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80-е годы XX-начало XXI в.) / В. Л. Ларин. – М.: «Восток-Запад», 2005. – 390 с.
106. Ларин, В. Л. Россия и Китай на пороге третьего тысячелетия: кто же будет отстаивать наши национальные интересы / В. Л. Ларин // Проблемы Дальнего Востока. – 1997. – №1. – С. 15-26.
107. Ларин, В. Л. Синдром «желтой опасности» в дальневосточной политике России в начале в конце XX века / В. Л. Ларин // Известия Российского государственного исторического архива Дальнего Востока: сборник науч. трудов. – Т.1. – Владивосток, 1996. – С. 34-52.
108. Ларина, Л. Л. Китайцы на Дальнем Востоке России: динамика их восприятия за последнее десятилетие / Л. Л. Ларина // Взгляд вне рамок старых проблем: опыт российско-китайского пограничного сотрудничества. Occasional Papers / Slavic Research Center. Hokkaido University. – Sapporo, 2005. – № 6. – С. 15-25.
109. Ли, Чуаньсюн. Взаимное инвестирование в российско-китайских соседних регионах: положение и перспективы / Ли Чуаньсюн // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2002. – С. 190-195.
110. Литвинова, А. В. Российско-китайские отношения в первой половине 90-х гг. / А.В. Литвинова // Шестая дальневосточная конференция молодых историков: Сборник материалов / Отв. ред. Л. Е. Фетисова. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2011. – С. 147-155.
111. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина: Документы высших органов партийной и государственной власти. 1927-1938 / под ред.

- акад. А. Н. Яковлева; сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. – М.: МФД, 2004. – 736 с.
112. Маленкова, А. А. Политика советских властей в отношении китайской диаспоры на Дальнем Востоке СССР в 1920–1930-е гг. / А. А. Маленкова // Проблемы Дальнего Востока – 2014. – №4. – С. 120-136.
113. Маслов, А. А. Наблюдая за китайцами. Скрытые правила поведения / А. А. Маслов. – М.: РИПОЛ классик, 2010. – 288 с.
114. Матюнин, Н. Г. Записка о китайцах и маньчжурах, проживающих на левом берегу Амура / Н. Г. Матюнин // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып.58. – СПб.: Издание Военно-ученого комитета Главного штаба, 1894. – С. 33-39.
115. Минакир, П. А. Внешнеэкономическое сотрудничество на Дальнем Востоке России: проблемы и перспективы / П. А. Минакир // Регион: экономика и социология. – 2000. – №1. – С. 69-84.
116. Минакир, П. А. Россия – Китай на Дальнем Востоке: мнимые страхи и реальные угрозы / П. А. Минакир // Пространственная экономика. – 2009. – №3. – С. 7-19.
117. Минакир, П. А. Экономика советского Дальнего Востока: вызов кризису / П. А. Минакир // Проблемы Дальнего Востока. – 1991. – №5. – С. 55-64.
118. Михайлова, Е. В. Роль трансграничного территориального образования Благовещенск-Хэйхэ в российско-китайском приграничном сотрудничестве / Е. В. Михайлова // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы III международной научно-практической конференции (Благовещенск – Хэйхэ – Харбин, 15-20 мая 2013 г.). Выпуск 3 / отв.ред. Д.В.Буяров. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2013. – С. 297-300.
119. Мищук, С. Н. Миграция и этническое предпринимательство на Дальнем Востоке России / С. Н. Мищук // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2014. – №1. – С. 89-94.
120. Мищук, С. Н. Совместные предприятия с участием КНР на территории Еврейской автономной области / С. Н. Мищук // Материалы докладов науч. семинара, посвящ. 350-летию похода Е. П. Хабарова «Российское Приамурье: История и современность». – Хабаровск: 1999. – С.195-198.
121. Мищук, С. Н. Миграция и национальный состав населения на Дальнем Востоке России в конце XX – начале XXI в. / С. Н. Мищук // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». – 2013. – №2(11). – Ч.2. – С. 210-221.

122. Мищук, С. Н. Особенности этнического предпринимательства в России: кейс Дальнего Востока / С. Н. Мищук // Институты развития демографической системы общества: V Уральский демографический форум: сборник материалов. – Екатеринбург, 2014. – С. 495-499.
123. Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы / под ред. А. Д. Воскресенского ; Федеральное гос. автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностранных дел Российской Федерации». – М.: Стратегические изыскания, 2019. – 736 с.
124. Мозиас, П. Привлечение иностранного капитала в акционерной форме: опыт КНР / П. Мозиас // Проблемы Дальнего Востока. – 1997. – №2. – С. 102-111.
125. Моисеева, Л. А. Создание на Дальнем Востоке России совместных предприятий с предпринимателями стран АТР в 1985-2000 гг. / Л. А. Моисеева // Россия и АТР. – 2005. – №2. – С. 58-70.
126. Моисеева, Л. А. История предпринимательства на Дальнем Востоке России в конце XX – начале XXI в. / Л. А. Моисеева, А. С. Вашук. – Владивосток: Дальнаука, 2006. – 348 с.
127. Мотрич, Е. Л. Демографический потенциал и присутствие китайцев на российском Дальнем Востоке / Е. Л. Мотрич // Проблемы Дальнего Востока. – 2001. – №6. – С. 55-63.
128. Мотрич, Е. Л. Китайцы на российском Дальнем Востоке: проблемы и перспективы / Е. Л. Мотрич // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2002. – С.323-329.
129. Мотрич, Е. Л. Оценка миграционной ситуации на Дальнем Востоке России: 1991–2016 гг. / Е. Л. Мотрич // Уровень жизни населения регионов России. – 2017. – № 2. – С. 70-77.
130. Мясников, В. С. Договорными статьями утвердили (дипломатическая история русско-китайской границы XVII-XX вв.) / В. С. Мясников. – М.: РИО Мособлупрполиграфиздата, 1996. – 482 с.
131. Мясников, В. С. Кастальский ключ китаевода. соч. в 7 тт. / ИНИОН РАН / В. С. Мясников. – М.: Наука, 2014.
132. Мясников, В. С. Квадратура китайского круга: избранные статьи: в 2 кн.; Ин-т Востоковедения РАН / В. С. Мясников. – М.: Вост. лит., 2006.
133. Мясников, В. С. Россия и Китай: перспективы партнерства в АТР в XXI веке / В. С. Мясников // Проблемы Дальнего Востока. – 1998. – №6. – С. 5-22.
134. Надаров, И. П. Северо-Уссурийский край / И. П. Надаров // Записки ИРГО. Т.17. – СПб.: Воен. тип-я, 1887. – 166 с.

135. Назаров, А. Ю. Военно-статистический очерк Амурской области / А. Ю. Назаров // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии Вып.31. – СПб.: Издание Военно-ученого комитета Главного штаба, 1888. – 365 с.
136. Назаров, А. Ю. Записка о китайских подданных Амурской области Генерального Штаба Подполковника Назарова / А. Ю. Назаров // Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Т. 4. Иностранческое население Приамурского края. Вып.1. Иностранцы Амурской области. – Иркутск, 1883. – С. 17-55.
137. Назаров, А. Ю. Маньчжуры, дауры и китайцы Амурской области / А. Ю. Назаров // Известия Восточно-Сибирского отдела ИРГО. Т. XIV. № 1-2. – Иркутск, 1883. – 171 с.
138. Нарочницкий, А. Л. Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн.1. (С конца XVI в. до 1917 г.) / А. Л. Нарочницкий. – М.: Мысль, 1973. – 326 с.
139. Нестерова, Е. И. «Этническое» предпринимательство во Владивостоке (конец XIX - начало XX вв.) / Е. И. Нестерова // Известия Иркутского гос. ун-та. Серия «Политология. Религиоведение». – 2014. – Т.10. – С. 67-83.
140. Нестерова, Е. И. Деятельность китайских торговых обществ на Дальнем Востоке России в начале XX в. / Е. И. Нестерова // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Вып.4. Этнические контакты. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2001. – С. 136-144.
141. Нестерова, Е. И. Китайский торговый дом «Шуанхэшэн» (Владивосток - Харбин, конец XIX - первая половина XX в.) / Е. И. Нестерова // Вестник ДВО РАН. – 2011. – №1. – С. 36-45.
142. Нестерова Е. И. Управление китайским населением в Приамурском генерал-губернаторстве (1884-1897 гг.) / Е. И. Нестерова // Вестник ДВО РАН. – 2000. – №2. – С. 40-50.
143. Нестерова, Е. И. Русская администрация и китайские мигранты на Юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX вв.) / Е. И. Нестерова. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2004. – 372 с.
144. Нин, Яньхун. Китайское торговое сообщество на российском Дальнем Востоке в 1858-1917 гг. / Нин Яньхун, Чжао Хуэйцин, А. В. Друзяка // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. – №6 (68). – В 2-х ч. – Ч.2. – С. 141-145.
145. Нырова, Н. Китайские компании приграничной торговли и их место в международной преступной деятельности / Н. Нырова // Проблемы Дальнего Востока. – 2004. – №1. – С. 87-114.
146. Осипов, Ю. Н. Китайская эмиграция в Приморье и отношение к ней российских властей в конце XIX в. / Ю. Н. Осипов, В. Г. Дацышен // Миграционные процессы в Восточной Азии. – Владивосток, 1994. – С. 107-108.

147. Павлова, С. В. Предприниматели КНР на территории Амурской области: проблемы налогообложения / С. В. Павлова // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2001. – С. 554-559.
148. Петров, А. И. История китайцев в России: 1856-1917 г. / А. И. Петров. – СПб.: Бвеста, 2003. – 958, [1] с.
149. Петров, А. И. «Русский китаец» Николай Иванович Тифонтай (Цзи Фэнтай) / А. И. Петров // Россия и АТР. – 2005. – №2. – С. 141-151.
150. Петров, А. И. Некоторые стороны деятельности Китайского общества взаимного вспомоществования в Приамурском крае: 1907-1917 гг. / А. И. Петров // Российское Приамурье: история и современность. Мат-лы докладов научного семинара, 24-25 ноября 1999. – Хабаровск, 1999. – С. 103-106.
151. Позняк, Т. З. Иностранцы подданные в городах Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX вв.) / Т. З. Позняк. – Владивосток: Дальнаука, 2004. – 316 с.
152. Понкратова, Л. А. Особенности динамики и структуры международных миграций в приграничных регионах Дальнего Востока / Л. А. Понкратова // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып.3. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2002. – С. 308-319.
153. Понкратова, Л. А. Трансграничные обмены и взаимодействия в приграничных регионах России и Китая: реакция на институциональные изменения на разных этапах развития / Л. А. Понкратова // Россия и Китай: социально-экономическое взаимодействие между странами и приграничными регионами: материалы междунар. науч.-практ. конф. Вып. 1 / под общ. ред. Л. А. Понкратовой, А. А. Забияко. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2011. – С. 35-47.
154. Портяков, В. Я. Концепция экономической реформы в КНР: формирование и эволюция / В. Я. Портяков // Проблемы Дальнего Востока. – 1997. – №1. – С. 60-66.
155. Портяков, В. Я. О некоторых аспектах совершенствования российско-китайского стратегического партнерства / В. Я. Портяков // Проблемы Дальнего Востока. – 2007. – №5. – С. 18-31.
156. Портяков, В. Я. Российско-китайская торговля: политико-экономический дискурс / В. Я. Портяков // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2011. – №16. – С. 155-171.
157. Портяков, В. Я. Становление Китая как ответственной глобальной державы / В. Я. Портяков. – М.: ИДВ РАН, 2013. – 239 с.
158. Пржевальский, Н. М. Путешествие в Уссурийском крае. Монголия и страна Тангутов / Н. М. Пржевальский. – М.: Дрофа, 2010. – 768 с.

159. Пржевальский, Н. М. Иностранное население в южной части Приморской области / Н. М. Пржевальский // Известия ИРГО. – 1869. – Вып. 5. – 238 с.
160. Проблемы торгово-экономического сотрудничества российского Дальнего Востока и Северо-Востока Китая / отв. ред. А. В. Островский; сост. П. Б. Каменнов. – М.: ИДВ РАН, 2019. – В 2-х кн.: кн. 1. – 432 с.; кн. 2. – 224 с.
161. Радаев, В. В. Захват российских территорий: новая конкурентная ситуация в розничной торговле / В. В. Радаев. – М.: ГУ ВШЭ, 2007. – 220 с.
162. Радаев, В. В. Этническое предпринимательство: мировой опыт и Россия / В. В. Радаев // Полис. – 1993. – №5. – С. 79-87.
163. Рогатов, М. Д. Государственная стратегия развития предпринимательства в Китае / М. Д. Рогатов, Чжан Янь // Вестник РУДН. Серия: Экономика. – 2005. – №1. – С. 105-122.
164. Романова, Г. Н. Подходы руководства КНР к реформированию экономической системы / Г. Н. Романова // Китай на пути модернизации и реформ: тез. докл. VI Междунар. науч. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». – М., 1999. – Ч. 1. – С. 24-28.
165. Романова, Г. Н. Порто-франко и протекционизм. Торговые связи Дальнего Востока России и Северо-Восточного Китая (вторая половина XIX – начало XX вв.). / Г. Н. Романова // Россия и АТР. – 2006. – №3. – С. 110-121.
166. Романова, Г. Н. Реформирование внешнеэкономических связей Китая: торговля, инвестиции (80-е гг. XX в. – начало XXI в.) / Г. Н. Романова // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. – 2017. – №2. – С. 25-38.
167. Романова, Г. Н. Торговая деятельность китайцев на Дальнем Востоке России (конец XIX – начало XX в.) / Г. Н. Романова // Россия и АТР. – 2009. – №3. – С. 142-151.
168. Романова, Г. Н. Формирование внешнеэкономических связей Китая в 80-е годы XX века / Г. Н. Романова // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. – 2011. – №3. – С. 113-124.
169. Романова, Г. Н. Экономическая деятельность китайцев на российском Дальнем Востоке: торговля, предпринимательство, занятость (конец XIX – начало XX в.) / Г. Н. Романова // Адаптация этнических мигрантов в Приморье в XX в. – Владивосток, 2000. – С. 83-101.
170. Россия и Китай: четыре века взаимодействия: история, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / Под ред. А. В. Лукина. – М.: Весь мир, 2013. – 704 с.
171. Рыбаковский, Л. Л. Население Дальнего Востока за 150 лет / Л. Л. Рыбаковский. –

- М.: Наука, 1990. – 138 с.
172. Рыжова, Н. П. «Политика открытых дверей» в приграничных регионах КНР / Н. П. Рыжова // *Полития*. – 2008. – № 4 (51). – С. 95-104.
173. Рыжова, Н. П. Неформальная модель торговой интеграции. Случай России и Китая / Н. П. Рыжова // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. – 2011. – №3. – С. 20-29.
174. Рыжова, Н. П. Процессы региональной интеграции в российско-китайском приграничье / Н. П. Рыжова // *Вестник ВолГУ. Сер.4. История. Регионоведение. Международные отношения*. – 2008. – №1. – С. 107-114.
175. Рыжова, Н. П. Роль приграничного сотрудничества в развитии окраинных городов Китая и России / Н. П. Рыжова // *Проблемы Дальнего Востока*. – 2009. – №4. – С. 59-74.
176. Рыжова, Н. П. Трансграничный рынок в Благовещенске: формирование новой реальности деловыми сетями «челноков» / Н. П. Рыжова // *Экономическая социология*. – 2003. – №5. – С. 54-71.
177. Рыжова, Н. П. Экономическая интеграция приграничных регионов / Н. П. Рыжова / отв. ред. акад. РАН Минакир П. А.; Рос. акад. наук, Дальневост. отд-ние, Ин-т экон. исследований. – Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2013. – 348 с.
178. Рыжова, Н. П. Приграничная «народная торговля» в Благовещенске как механизм формирования экономического и социального симбиоза / Н. П. Рыжова // *Диаспоры*. – 2003. – №2. – С. 88-126.
179. Рязанцев, С. В. Социально-экономическая адаптация и миграционные установки китайских мигрантов в России / С. В. Рязанцев // *Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы III международной научно-практической конференции (Благовещенск – Хэйхэ – Харбин, 15-20 мая 2013 г.)*. Выпуск 3 / отв.ред. Д.В. Буюров. Благовещенск, 2013. – С. 326-332.
180. Рязанцев, С. В. Этническое предпринимательство как форма адаптации мигрантов / С. В. Рязанцев // *Общественные науки и современность*. – 2000. – №5. – С. 73-86.
181. Сергеева, Г. П. Китайский аспект в период становления городской культуры Дальнего Востока // *Исторический опыт освоения Дальнего Востока*. Вып.4. Этнические контакты. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2001. – С. 37-41.
182. Симутина, Н. Л. Экономические и социальные взаимодействия на трансграничном пространстве Благовещенск-Хэйхэ / Н. Л. Симутина, Н. П. Рыжова // *Вестник ДВО РАН*. – 2007. – №5. – С. 130-144.
183. Сладковский, М. И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.) / М. И. Сладковский. – М.: Наука, 1974. – 366 с.

184. Сладковский, М. И. История торгово-экономических отношений СССР с Китаем (1917-1974) / М. И. Сладковский. – М.: Наука, 1977. – 368 с.
185. Снисаренко, А. Этническое предпринимательство в большом городе современной России (на материалах исследования азербайджанской общины С. -Петербурга) / А. Снисаренко // Неформальная экономика: Россия и мир. – М., 1999. – С. 138-155.
186. Соловьев, Ф. В. Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861 - 1917 гг.) / Ф. В. Соловьев. – М.: Наука, 1989. – 127 с.
187. Сонин, В. В. Экономическая политика ДВР и ее правовое обеспечение / В. В. Сонин // Государственно-правовое развитие Дальневосточного региона и роль органов внутренних дел в этом процессе: сборник научных трудов. – Хабаровск: Высшая школа МВД РФ, 1994. – С. 22-30.
188. Сорокина, Т. Н. «Заветная мысль каждого китайца»: форматы китайской торговли в Приамурском крае на рубеже XIX-XX вв. / Т. Н. Сорокина // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». – 2014. – Т.10. – С. 84-102.
189. Сорокина, Т. Н. Китайское Владивостокское общество взаимного вспомоществования в 1906-1914 гг. / Т. Н. Сорокина // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып.4. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2002. – С. 354-362.
190. Сорокина, Т. Н. Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политика администрации Приамурского края (конец XIX - начало XX вв.) / Т. Н. Сорокина. – Омск: Омск. госуниверситет, 1999. – 264 с.
191. Ставров, И. В. Социально-экономическое развитие северо-восточного региона КНР в программных документах Центра / И. В. Ставров // У карты Тихого океана. – 2013. – №28 (226). – С. 35-41.
192. Сталинские депортации. 1928-1953 / Под общ. ред. акад. А. Н. Яковлева; Сост. Н. Л. Поболь, П. М. Полян. – М.: МФД: Материк, 2005. – 904 с.
193. Сусоколов, А. А. Культура и обмен: Введение в экономическую антропологию / А. А. Сусоколов. – М.: Русская Панорама, 2006. – 446 с.
194. Сушко, В. А. Организационно-правовые и социально-психологические проблемы трудовых мигрантов в Москве (на примере иностранных работников из Китая) / В. А. Сушко // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: Материалы VIII международной научно-практической конференции (Благовещенск – Хэйхэ, Чанчунь, Шэньян, 21-28 мая 2018 г.). Выпуск 8 / Отв. ред. Д.В. Буяров, Д.В. Кузнецов. – Благовещенск, 2018. – С. 458-463.

195. Тимофеев, О. А. Российско-китайские отношения в Приамурье (сер. XIX – нач. XX вв.) / О. А. Тимофеев. – Благовещенск, Изд-во БГПУ, 2003. – 302 с.
196. Титаренко, М. Л. Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии / М. Л. Титаренко. – М.: Памятники исторической мысли, 2008. – 624 с.
197. Титаренко, М. Л. Китай: цивилизация и реформы / М. Л. Титаренко. – М.: Республика, 1999. – 240 с.
198. Титаренко, М. Л. Россия и ее азиатские партнеры в глобализирующемся мире. Стратегическое сотрудничество: проблемы и перспективы / М. Л. Титаренко. – М.: ИД «ФОРУМ», 2012. – 544 с.
199. Титаренко, М.Л. Внешняя политика России: дальневосточный вектор / М. Л. Титаренко, Б. Т. Кулик // Проблемы Дальнего Востока. – 1993. – №1. – С. 14-27.
200. Тихвинский, С. Л. Век стремительных перемен / С. Л. Тихвинский. – М.: Наука, 2005. – 540 с.
201. Ткаченко, И. Б. Экономические и социально-демографические аспекты взаимодействия России и Китая на Дальнем Востоке в XXI в.: взгляд в будущее / И. Б. Ткаченко // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2003. – №6. – С. 328-332.
202. Турчак, Т. Сотрудничество РСФСР и КНР: возможности и перспективы / Т. Турчак // Проблемы Дальнего Востока. – 1990. – №2. – С. 49-52.
203. Холцленер, Т. Восточная пористость: антропология трансграничной торговли и контактов на российском Дальнем Востоке / Т. Холцленер // Ойкумена. – 2009. – №3. – С. 102-111.
204. Цветкова, Н. М. Функционирование совместных предприятий в Амурской области / Н. М. Цветкова // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2002. – С. 289-294.
205. Цзинь, Хуэйсинь. Перспективные направления развития китайско-российского экономического сотрудничества / Цзинь Хуэйсинь // Россия и Китай на дальневосточных рубежах: Материалы междунар. науч. конф. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2003. – Вып. 6. – С. 307-327.
206. Цзян Цзэминь. О социализме с китайской спецификой: сб. высказываний по темам / Пер. с кит.: Ю. М. Галенович (отв. ред., науч. ред.) и др. – Москва: Ин-т Дал. Востока РАН, 2004. – 811 с.
207. Цыплаков, С. С. Российско-китайские торгово-экономические связи: извилистый подъем / С. С. Цыплаков // Проблемы Дальнего Востока. – 2008. – №6. – С. 52-68.

208. Черемисин, В. Ю. Экономические и социально-демографические аспекты взаимодействия России и Китая / В. Ю. Черемисин // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2002. – Вып. 4. – С. 159-166.
209. Чернолуцкая, Е. Н. Вытеснение китайцев с Дальнего Востока и депортация 1938 г. / Е. Н. Чернолуцкая // Проблемы Дальнего Востока. – 2008. – № 4. – С. 133-145.
210. Чэнь, Вэй. Современный Китай: проблема занятости / Чэнь Вэй // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. – 2009. – №3. – С. 61-75.
211. Шабалин, В. О сопоставлении динамики роста экономических потенциалов России и Китая / В. Шабалин, В. Портяков // Проблемы Дальнего Востока. – 1993. – №3. – С. 42-50.
212. Шкуркин, А. М. Иммиграционный потенциал труда российского Дальнего Востока (китайцы на рынке труда Дальневосточного региона) / А. М. Шкуркин. – Хабаровск: ДВГУПС, 2007. – 167 с.
213. Экономическое развитие и международное сотрудничество в Северо-Восточной Азии [А. Г. Адмидин, В. И. Иванов, Ван Ци Янь и др.]; [Отв. ред. П. А. Минакир]. – Владивосток, Дальнаука, 2001. – 147 с.
214. Этнические рынки в России: пространство торга и место встречи / науч. ред. В. И. Дятлов, К. В. Григоричев. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. – 343 с.
215. Ярополова, Т. В. Регулирование процессов внешней трудовой миграции: состояние и перспективы / Т. В. Ярополова // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2000. – Вып. 1. – С. 185-193.

На китайском языке

1. Ван, Ханьминь. Жухэ цзиньбу кайто во цзай Э юаньдун дицзой дэ чэнбао лаоу шичан – дуйвай цзинцзи маои дасюе (Как Китай шаг за шагом открывает рынок подряда и трудовой деятельности на российском Дальнем Востоке – иностранные торгово-экономические «университеты») / Ван Ханьминь // Гоцзи маои вэньти. – 1996. – №5. – С. 5-7.
2. Ван, Ци. Чжун-Э чжанлюе хобань дуйхуа: сяньчжуан, вэньти, цзяньи (Стратегический партнерский диалог между Китаем и Россией: современное состояние, проблемы и предложения) / Ван Ци. – Пекин: Чжунъян бяньи чубаньшэ, 2014. – 581 с.
3. Вэнь, Ли. Элосы Хабалофусыкэ бяньцзянцзой иньцзинь вайцзы дэ сяньчжуан (Современная обстановка по привлечению инвестиций в приграничный Хабаровский край России) / Вэнь Ли, Ван Фуши // Элосы Дунъя Чжуньюоу шичан. – 1997. – №11. – С. 7-10.
4. Вэнь, Цзиньхуа. Люй Э хуашан дэ дивэй, цзоюн хэ цянтьу - дуй Э миньмао шинянь хуэйгу (Статус, роль и перспективы китайских торговцев в России - десятилетняя ретроспектива

- народной торговли с Россией) / Вэнь Цзиньхуа // Дун Оу Чжун Я шичан яньцзю. – 2001. – №7. – С. 10-18.
5. Го, Вэньгуй. Хэйхэ дуй Э люйю цуньцзай дэ вэньти цзи дуйцэ (Туризм из Хэйхэ в Россию: существующие проблемы и пути их решения) / Го Вэньгуй // Хэйхэ сюекань. – 1998. – №6. – С. 35-36.
 6. Гун, Жунцзинь. Элосы юаньдун дицзюй дэ цзинци фачжань (Экономическое развитие российского Дальнего Востока) / Гун Жунцзинь // Шицзе цзинци. – 1996. – №8. – С. 28-31.
 7. Дин, Хуэйюй. Гуаньюй Хэйхэ ши дуй Э цзинци цзишу хэцзо цинкуан дэ дяоча (Изучение ситуации в сфере технико-экономического сотрудничества Хэйхэ и России) / Дин Хуэйюй // Элосы Чжунъя Дуньюу шичан. – 2011. – №12. – С. 25-28.
 8. Дин, Хуэйюй. Хэйхэ ши цзякуай яньбянь кайфа кайфан гунцзо дэ дуйцэ цзяньи (Контрмеры и советы по скорейшему открытию и приграничному развитию г. Хэйхэ) / Дин Хуэйюй // Элосы Чжунъя Дуньюу шичан. – 2011. – №5. – С. 40-45.
 9. Дин, Юй. Хэйлунцзян шэн яньбянь кайфандай юй Элосы цюйюй хэцзо дэ юши (Преимущества сотрудничества российских регионов с «приграничным поясом открытости» провинции Хэйлунцзян – на примере приграничного открытого города Хэйхэ) / Дин Юй, Дин Хуэйюй // Элосы Чжунъя Дуньюу шичан. – 2011. – №2. – С. 34-40.
 10. Кун, Цзинвэй. Чжунго Дунбэй дицзюй цзинци ши (История экономики Северо-Восточного Китая) / Кун Цзинвэй. – Изд-е 2-е, испр. и доп. – Чанчунь: Цзилинь цзяюй чубаньшэ, 1994. – 756 с.
 11. Ли, Суйань. Чжунго дэ Элосы сяньсян (Образ России в Китае): 1949-2009 / Ли Суйань. – Харбин: Хэйлунцзян цзяюй чубаньшэ, 2012. – 487 с.
 12. Ли, Цзиньюй. Элосы Юаньдун цюйюй кайфа чжун дэ Чжунго иминь вэньти таньтао (К вопросу о роли китайских мигрантов в развитии дальневосточного региона России) / Ли Цзиньюй, Ли Цзин // Сиболия яньцзю. – 2012. – №2 (39). – С. 19-26.
 13. Ли, Цзягу. Чжун Су гуаньси (Китайско-советские отношения) (1917-1926) / Ли Цзягу. – Пекин: Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 1996. – 317 с.
 14. Ли, Юнцин. Элосы Амуэр чжоу дэ вайшан шанци (Шанс для иностранных торговцев в развитии предпринимательства в Амурской области России) / Ли Юнцин // Элосы Чжунъя Дуньюу шичан. – 2003. – №7. – С. 49-50.
 15. Линь, Дунхуэй. Чжуачжу цзюйюй, цзэнцян холи - цзай цзинчжэн чжун цю шэнцунь хэ фачжань -- гуаньюй Хэйхэ 20 цзя бяньмао гунсы цинлуан дэ дяоча (Использовать шансы и

- усиливать жизнеспособность - существовать и развиваться в условиях конкуренции: анализ деятельности 20-ти предприятий приграничной торговли в Хэйхэ) / Линь Дунхуэй // Хэйхэ сюэкань. – 1993. – №2. – С. 30-33.
16. Линь, Шэнчжун. Шилунь Чжунго (Хэйхэ) юй Элосы (Амуэрчжоу) куа го жэнькоу людун сяньчжуан цзи фачжань цюйсян (О современном состоянии и тенденциях трансграничных перемещений населения между Хэйхэ (КНР) и Амурской областью (Россия) / Линь Шэнчжун // Жэнькоу юй цзинци. – 1995. – №2. – С. 39-42.
17. Лю, Цюаньшунь. Хэйхэ ши юй Э Амуэрчжоу цзинмао хэцзо фачжань гайкуан цзи дуйцэ цзяньи (Обзор развития торгово-экономического сотрудничества Хэйхэ и Амурской области (Россия) и предложения по ответным мероприятиям) / Лю Цюаньшунь // Сиболия яньцзю. – 2007. – №1(34). – С. 30-32.
18. Лю, Шаоюй. Дуй Хэйхэ ши дуйвай кайфан гунцзо дэ хуэйгу юй чжаньван (Ретроспектива и перспективы работы по открытию города Хэйхэ внешнему миру) / Лю Шаоюй, Цзян Ян, Сюй Чжияо, Лю Дэчцзюнь, У Инцзе, Цзи Айлин // Хэйхэ сюэкань. – 1994. – №1. – С. 22-27.
19. Люй Э хуацяо ши ляо сюань. Хэйхэ вэнь ши цзыляо диба цзи (Сборник материалов по истории китайских мигрантов в России. Вып.8: Материалы по истории и культуре г. Хэйхэ). – Хэйхэ: Чжэнсе Хэйхэ ши вэйюаньхуэй, 1991. – 147 с.
20. Лян, Кэи. Чжун Э бяньцин люйю сяньчжуан цзи хайгуань цзяньгуань дуйцэ (Современное состояние приграничного российско-китайского туризма и меры по его таможенному контролю) / Лян Кэи // Чжунго хайгуань. – 1998. – №9. – С. 25-26.
21. Лян, Маобан. Чжун-Э бяньмао "дайли" сяньсян си (Анализ явления "посредничество" в российско-китайской приграничной торговле) / Лян Маобан // Фасюэ таньтао. – 1992. – №4. – С. 15-19.
22. Ма, Юцзюнь. «Хуэйсэ» цингуань юй во шэн дуй Э маои («Серая» растаможка и торговля провинции Хэйлунцзян с Россией) / Ма Юцзюнь // Фэньдоу цзиньлунь. – 2010. – №8. – С. 48-49.
23. Мэн, Сяньчжан. Чжун Су маои ши цзыляо (Материалы по истории китайско-советской торговли) / Мэн Сяньчжан. – Пекин: Чжунго дуйвай цзинци маои чубаньшэ, 1991. – 654 с.
24. Мэн, Чжэн. 1998 нянь Элосы юаньдун дицзюй шэхуэй цзинци чжуанкуан (Социально-экономическая ситуация на российском Дальнем Востоке в 1998 г.) / Мэн Чжэн // Дуньоу Чжунъя шичан яньцзю. – 1999. – №9. – С. 26-31.
25. Нин, Яньхун. Люй Э хуацяо ши (История китайских эмигрантов в России) / Нин Яньхун. – Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2015. – 362 с.

26. Нин, Яньхун. Хэй шуй вэй чжэн: Люй Э хуацяо дэ лиши цзии (Амур-свидетель: Воспоминания по истории китайских эмигрантов в России) / Нин Яньхун. – Пекин: Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2018. – 325 с.
27. Сун, Куй. Чжун Э люйю хэцзо дэ хуэйгу юй чжаньван (Прошлое и будущее сотрудничества России и Китая в сфере туризма) / Сун Куй, Чэнь Сюцзе // Сиболия яньцзю. – 2001. – №5. – С. 11-16.
28. Сун, Сяовэй. Дунбэй саньшэн ваймао цзегоу цзи ци юхуа вэньти яньцзю (Изучение структуры внешней торговли Трех Северо-Восточных провинций Китая и других вопросов по ее оптимизации) / Сун Сяовэй. – Чанчунь: Цзилинь жэньминь чубаньшэ, 2017. – 260 с.
29. Сюй, Ваньминь. Дунбан хуашан цзай Эго Юаньдун (Шаньдунские предприниматели на Дальнем Востоке России) / Сюй Ванминь // Хэйхэ сюэкань. – 1993. – №2. – С. 86-91.
30. Сюй, Цзинсюэ. Чжун Э маои хэ Дун Бэй Я цюйюй хэцзо (Российско-китайская торговля и сотрудничество в Северо-Восточной Азии) / Сюй Цзинсюэ // Дуньоу Чжунья яньцзю. – 1994. – №1. – С. 18-25.
31. Тан, Жэньго. Хэйхэ бяньцзин цзинмао хэцзо цуньцзай дэ вэньти хэ дуйцэ цзяньи (Приграничное торгово-экономическое сотрудничество в Хэйхэ: существующие проблемы, контрмеры и предложения) / Тан Жэньго, Линь Дунхуэй // Хэйхэ цзинмао луньтань. – 1995. – №3. – С. 66-68.
32. Тан, Линьяо. Фанжэнь юй гуаньли дэ хоцыхоби: Элосы дасин шичан яньбяньлу (Попустительство или тотальный контроль: размышления об эволюции российских крупных рынков) / Тан Линьяо. – Пекин: Чжунго Шидай цзинци чубаньшэ, 2010. – 250 с.
33. Фэн, Аньцюань. Элосы юаньдун дицюй нунье цзыюань кайфа юй лиюн (Освоение и использование сельскохозяйственных ресурсов российского Дальнего Востока) / Фэн Аньцюань, Сун Аньли // Сиболия яньцзю. – 2013. – №6(40). – С. 31-33.
34. Хуан, Госянь. Чжунголюйшижухэинчжань - таньцзэцзюэЧжун-Э маои цзюфэнь (Как китайские юристы приняли вызов - о разрешении торговых конфликтов между Россией и Китаем) / Хуан Госянь // Чжунго люйши. – 1998. – №2. – С. 60-62.
35. Хуан, Динтянь. Чжун-Э гуаньси тунши (Общая история российско-китайских отношений) / Хуан Динтянь. – Пекин: Жэньминь чубаньшэ. – 397 с.
36. Хуацяо хуажэнь ланьпишу: Хуацяо хуажэнь яньцзю баогао (Синяя книга по зарубежным китайцам: Доклад об изучении китайской диаспоры) / Гл.ред. Цю Цзинь. – Пекин: Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2011-2018.

37. Хун, Хуа. Элосы хуажэнь хуацзи дэ сяньчжуан цзи данди цзинцзи дэ гуаньси (Современное состояние китайских предприятий и китайских предпринимателей в России и региональные экономические связи) / Хун Хуа // Элосы Чжунъя Дунъюу шичан. – 2011. – №1. – С. 46-54.
38. Цзян, Ли. Цзай Элосы юаньдун дэ исе Чжунгожэнь (Китайцы на российском Дальнем Востоке) / Цзян Ли // Гоцзи цзыляо синьси. – 1994. – №9. – С. 29-32.
39. Цинь, Дань. Элосы Юаньдун дицзой хуашан дэ шэхуэй ванло фэньси (Анализ социальной сети китайских предпринимателей на Дальнем Востоке России) / Цинь Дань // Чжунго шанлунь. – 2017. – №30. – С. 57-59.
40. Чжан, Вэй. Шилунь Э Амуэрчжоу шэхуэй цзинцзи фачжань дуй Чжунго Хэйхэ ши вайсянсин цзинцзидэ инсян (О влиянии социально-экономического развития Амурской области на экспортноориентированную экономику г.Хэйхэ КНР) / Чжан Вэй // Элосы Чжунъя Дунъюу шичан. – 2011. – №7. – С. 38-43.
41. Чжан, Минъюань. Хэйхэ юй Амуэрчжоу дицзой хэцзо яньцзю баогао (Доклад об исследовании регионального сотрудничества между Амурской областью и Хэйхэ) / Чжан Минъюань, Чжан Юйлун // Хэйхэ сюэкань. – 2011. – №1. – С. 10-15.
42. Чжан, Сюэхунь. Чжун-Э гуаньси дэ яньбянь юй фачжань (Эволюция и развитие российско-китайских отношений) / Чжан Сюэхунь. – Шанхай: Шанхай цзяотун дасюэ чубаньшэ, 2013. – 262 с.
43. Чжан, Хуанхай. Сиболия юй Юаньдун цзинцзи тунцзи (Статистические данные по Сибири и Дальнему Востоку) / Чжан Хуанхай // Сиболия яньцзю. – 1995. – №5 (22). – С. 40-53.
44. Чжан, Цзунхай. Юаньдун дицзой шицзи чжицзядэ Чжун Э гуаньси (Российско-китайские отношения в дальневосточном регионе на рубеже веков) / Чжан Цзунхай. – Харбин: Хэйлунцзян жэньминь чубаньшэ, 2000. – 278 С.
45. Чжан, Цинхэ. Майсян синь шицзи дэ Хэйлунцзян шэн люйюе (Туристическая отрасль Хэйлунцзяна, устремленная в новый век) / Чжан Цинхэ // Чжунго дуйвай маои. – 1994. – №7. – С. 13.
46. Чжао, Хуньин. Шицзе шиэ: цзоучу гомэнь дэ Чжунго иминь (Мировая ретроспектива: китайские иммигранты за границей) / Чжао Хуньин, Чжан Чуньван. – Пекин: Чжунго хуацяо чубаньшэ, 2013. – 494 с.
47. Чжоу, Шижуй. Элосы Амуэр чжоу цзицзи кайчжань дуйвай цзинмао хэцзо (Активное развитие внешнего торгово-экономического сотрудничества российской Амурской области) / Чжоу Шижуй // Дунъюу Чжунъя шичан яньцзю. – 1997. – №5. – С. 47-48.

48. Чжунго Дунбэй тунши (Общая история Северо-Восточного Китая). – Изд. 2-е, испр. и доп. – Чанчунь: Цзилинь вэньши чубаньшэ, 1995. – 836 с.
49. Чу, Сян. Элосы Юаньдун дэ Чжунгожэнь хэ Чжунго цие (Китайцы и китайские предприятия на российском Дальнем Востоке) / Чу Сян, Су Гофу // Сиболия яньцзю. – 2007. – №2 (34). – С. 37-40.
50. Чэнь, Гуйчжэнь. Цяньтань бяньмао цие дэ даньань гуаньли (Краткий анализ управления архивными документами предприятий приграничной торговли) / Чэнь Гуйчжэнь // Хэйхэ сюэкань. – 1994. – №3-4. – С. 128-129.
51. Шао, Цзинью. Чжун Э бяньмао цзянь вэнь сань цзи (Путевые заметки о российско-китайской приграничной торговле) / Шао Цзинью // Чай ю цзи шэцзи юй чжицзао. – 1994. – №4. – С. 52-56.
52. Шицзе хуашан цзинци няньцзянь: 2008-2009 (Ежегодный справочник по китайским предпринимателям в мире). – Пекин: Синьхуа шудянь фасинсо, 2010. – 524 с.
53. Шицзе цяоцин баогао (Доклад о состоянии китайской диаспоры в мире) (2011-2012), (2012-2013). – Гуанчжоу: Изд-во Цзинаньского университета. – 2012-2013.
54. Юй, Сяодун. Гуаньюй фачжань Чжунго Хэйхэ юй Элосы Амуэр чжоу цзинмао хэцзо дэ дуйцэ цзяньи (О контрмерах и предложениях в сфере торгового сотрудничества Амурской области (Россия) и г. Хэйхэ (КНР) / Юй Сяодун // Дуньюу Чжунъя шичан яньцзю. – 2001. – №8. – С. 3-6.
55. Юй, Цзянбо. Чжун Э бяньцзин дицьюй Хэйлунцзян дуань цзыюань тэдянь цзи цзинмао хэцзо (Особенности группы ресурсов пров. Хэйлунцзян в российско-китайской приграничной зоне и торгово-экономическое сотрудничество) / Юй Цзянбо // Элосы Чжунъя Дуньюу шичан. – 2010. – №6. – С. 44-46.
56. Якименко, Т. Н. Иньсян Амуэрчжоу сиинь вайцзы дэ жогань вэньти (Некоторые вопросы влияния привлечения иностранных инвестиций для Амурской области) / Т. Н. Якименко // Хэйхэ сюэкань. – 1996. – №1. – С. 64.

На английском языке

1. Alexseev, Mikhail A. Economic Valuations and Interethnic Fears: Perceptions of Chinese Migration in the Russian Far East / Mikhail A. Alexseev // Journal of Peace Research. – 2003. – Vol. 40. No. 1. – pp.85-102.
2. Alexseev, Mikhail A. Socioeconomic and Security Implications of Chinese Migration in the Russian Far East / Mikhail A. Alexseev // Post-Soviet Geography and Economics. – 2001. – Vol. 42. No. 2. – pp.95-114.

3. Anderson, J. *The Limits of Sino-Russian Strategic Partnership* / J. Anderson. – London: Oxford University Press, 1997. – 94 p.
4. Bonacich E. *Class and Race Under Neoliberal Globalization: Whither (or Whither) the Labor Movement* / E. Bonacich // *Contemporary Sociology*. – 2008. – Jan. – pp.1-4.
5. Bradshaw, Michael J. *Resource-Based Development in the Russian Far East: Problems and Prospects* / Michael J. Bradshaw, Nicholas J. Lynn // *Geoforum*. – 1998. – Vol. 29. No. 4. – pp.375-392.
6. Buck, T. *Different Paths to Economic Reform in Russia and China: Causes and Consequences* / T. Buck, I. Filatotchev, P. Nolan, M. Wright // *Journal of World Business*. – 2000. – Vol. 35. No. 4. – pp.379-400.
7. Chan, K. *Migration, Ethnic Relations and Chinese Business* / K. Chan. – Abington, Oxfordshire; New York, Raitledge, 2005. – 196 p.
8. *Chinese Migrants Abroad: Cultural, Educational, and Social Dimensions of the Chinese Diaspora* / editors Michael W. Charney, Brenda S. A. Yeoh, Tong Chee Kiong. – Singapore: Singapore University Press, 2003. – 277 p.
9. Fairbank, J. *China: A New History* / J. Fairbank, M. Goldman. – Cambridge, Mass.; London: Belknap Press of Harvard University Press, 1998. – 546 p.
10. Giovanni, F. *China's "Great Migration": The impact of the reduction in trade policy uncertainty* / F. Giovanni, Maggie Y. Liu, Anna M.M., Zhou Minghai // *Journal of International Economics*. – 2019. – Vol. 120 (C). – pp.126-144.
11. Hyer, E. *Dreams And Nightmares: Chinese Trade And Immigration In The Russian Far East* / E. Hyer // *The Journal of East Asian Affairs*. – 1996. – Vol. 10. No. 2. – pp. 289-308.
12. Kerr, D. *Opening and closing the Sino-Russian border: Trade, regional development and political interest in north-east Asia* / D. Kerr // *Europe-Asia Studies*. – 1996. – Vol. 48. No. 6. – pp.931-957.
13. Light, I. *The Ethnic Economy* / I. Light, S. Karageorgis // N. Smelser, R. Swedberg (eds.). *The Handbook of Economic Sociology*. – Princeton, 1994. – pp.646-671.
14. Lockwood, D. *Border Economics Versus Border Mentality: the Politics of Russia. China border trade* / D. Lockwood. – Melbourne: Cerc Working papers series, 2001. – 35 p.
15. McKinnon, Ronald I. *Financial Growth and Macroeconomic Stability in China, 1978–1992: Implications for Russia and Other Transitional Economies* / Ronald I. McKinnon // *Journal of Comparative Economics*. –1994. –No. 18. – pp.438-469.
16. Michailova, S. *Personal Networking in Russia and China: Blat and Guanxi* / S. Michailova, V. Worm // *European Management Journal*. – 2003. – Vol. 21. No. 4. – pp.509-519.

17. Patsiorkovsky, V. Asians in Small Business in the Russian Far East: A Historical Overview and Comparison with Asians on the American West Coast / V. Patsiorkovsky, Stephen S. Fugita, David J. O'Brien // *International Migration Review*. – 1995. – Vol. 29. No. 2. – pp.566-575.
18. Repnikova, M. Chinese Migration to Russia: Missed Opportunities / M. Repnikova, H. Balzer. – Washington, D.C.: Woodrow Wilson International Center for Scholars, 2009. – 58 p.
19. Sheila, M. Entrepreneurship In Russia And China: The Impact Of Formal Institutional Voids / M. Sheila, Daniel J. Puffer, Max Boisot Mccarthy // *Entrepreneurship Theory And Practice*. – 2010. – Vol. 34. No. 3. – pp.441-467.
20. Sicular, T. Capital Flight and Foreign Investment: Two Tales from China and Russia. Transition Economics Research Forum Reports (TERF) / T. Sicular. – London, ON: Department of Economics, University of Western Ontario. 1998. – 20 p.
21. Stefan, J. The Russian Far East. A History / J. Stefan. – Stanford: Stanford University Press, 1994. – 482 p.
22. Tinguy, A. Chinese Immigration to Russia: a Variation on an Old Theme / A. Tinguy // *The Chinese in Europe* / Ed. by G. Berton and F. Pieke. – London: Macmillan, 1997. – pp.650-685.
23. Waldinger, R. Immigrant Enterprise: A Critique and Reformulation / R. Waldinger // *Theory and Society*. – 1986. – Vol. 15. No. 1/2. – pp.249-285.
24. Weiner, M. Migrants, Refugees and Foreign Policy: Prevention and Intervention Strategies / M. Weiner, Münz Rainer // *Third World Quarterly*. – 1997. – Vol. 18. No. 1. – pp.25-51.
25. Wishnick, E. Russia and China: Brothers again? / E. Wishnick // *Asian Survey*. – 2001. – Vol. 41. No. 5. – pp.797-821.
26. Won, Bae Kim. Sino–Russian Relations and Chinese Workers in the Russian Far East: A Porous Border / Bae Kim Won // *Asian Survey*. – 1994. – Vol. 34. No. 12. – pp.1064-1076.

Диссертации и авторефераты диссертаций

1. Александрова, М. В. Китай и Россия: особенности регионального экономического взаимодействия в период реформ : дис. ... канд. экон. наук / М. В. Александрова. – М., 2001. – 273 с.
2. Александрова, Н. А. Современный этап экономической интеграции стран АТР и возможности участия России: дис. ... канд. экон. наук / Н. А. Александрова. – М., 2002. – 171 с.
3. Деваева, Е. И. Развитие внешней торговли Дальнего Востока в период реформы: дис. ... канд. экон. наук / Е. И. Деваева. – Хабаровск, 1997. – 137 с.
4. Друзяка, А. В. Роль органов государственной власти в регулировании внешней миграции на юге Дальнего Востока России в конце 1980-х - начале 2000-х годов: автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. В. Друзяка. – Благовещенск, 2009. – 29 с.

5. Ду, Цзяо. Торгово-экономическое сотрудничество Китайской Народной Республики с Российской Федерацией - новый этап: проблемы и перспективы: дис. ... канд. экон. наук / Ду Цзяо. – Москва, 2000. – 156 с.
6. Иванов, С. А. Участие властей провинции Хэйлунцзян в российско-китайском экономическом сотрудничестве (1979-2009 гг.): дис. ... канд. ист. наук / С. А. Иванов. – Иркутск, 2015. – 277 с.
7. Клыков, А. А. Китайский фактор регионального развития дальневосточных субъектов РФ: дис. ... канд. геогр. наук / А. А. Клыков. – СПб., 2007. – 173 с.
8. Мищук, С. Н. Тенденции развития и направления регулирования малого предпринимательства на уровне субъекта Федерации: автореф. дис. ... канд. экон. наук / С. Н. Мищук. – Хабаровск, 2004. – 23 с.
9. Моисеева, Л. А. История формирования предпринимательства на Дальнем Востоке России в 1985-2000 гг.: дис. ... докт. ист. наук / Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дал. Востока ДВО РАН/ Л. А. Моисеева. – Владивосток, 2004. – 536 с.
10. Муратшина, К.Г. Становление и эволюция стратегического партнерства РФ и КНР в конце XX – начале XXI вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / К. Г. Муратшина. – Екатеринбург, 2014. – 27 с.
11. Попова, Л. В. Формирование системы экономических интересов России в АТР: На примере развития российско-китайского сотрудничества: дис. ... канд. экон. наук / Л. В. Попова. – СПб., 1999. – 302 с.
12. Рыжова, Н. П. Эффекты международной экономической интеграции на региональном уровне (на примере России и Китая): автореф. дис. ... докт. экон. наук / Н. П. Рыжова. – Хабаровск, 2013. – 46 с.
13. Сатаев, А. Г. Китайская миграция на российский Дальний Восток: причины, масштабы и последствия явления : политический и социально-экономический аспекты : автореферат дис. ... канд. полит. наук / А. Г. Сатаев. – Владивосток, 2009. – 28 с.
14. Семенов, А.Б. Государственная политика по регулированию китайской миграции на Дальнем Востоке России 1991 - 2008 гг.: дис. ... канд. ист. наук / А. Б. Семенов. – Комсомольск-на-Амуре, 2013. – 260 с.
15. Бу, Цзюньчжэ. Цзиньдай Элосы Сиболия цзи Юаньдун дицюй хуацяо хуажэнь шэхуэй яньцзю (Изучение китайского этноса и китайской диаспоры на российском Дальнем Востоке и в Сибири в новое время) (1860-1931) : дис. ... магистра ист. наук / Бу Цзюньчжэ. – Чанчунь, 2003. – 49 с. – Кит.
16. Чи, Цинлин. Бяньцзин маои юй цзинци фачжань – Дунбэй дицюй дуй Э (Су) бяньцзин маои юй цюйной цзинци фачжань яньцзю (Приграничная торговля и развитие экономики

- исследование развития региональной экономики и приграничной торговли Северо-Восточного Китая с Россией (СССР): дис.... доктора экон. наук / Чи Цинлин. –Пекин, 2001. – 101 с. – Кит.
17. У, Шуся. Хэйлунцзян шэн бяньцзин маои сяньчжуан, вэньти цзи дуйцэ яньцзю (Исследование контрмер, проблем и современного состояния приграничной торговли провинции Хэйлунцзян): дис.... магистра полит. наук / У Шуся. – Харбин, 2002. – 33 с. – Кит.
18. Salovskaia, E. Чжунго шанжэнь цзай Хабалофусыкэ цунши сяоэ маои дэ яньцзю (Китайские предприниматели, занимающиеся малым бизнесом в Хабаровске): дис. ... магистра экон. наук / E. Salovskaia. –Харбин, 2015. – 71 с. – Кит.
19. Holzlehner, T. Shadow Networks: border economies, informal markets, and organized crime in Vladivostok and the Russian Far East / T. Holzlehner. – PhD Dissertation. – University of Alaska Fairbanks, Alaska. 2006. – 242 p.

Электронные ресурсы

1. Александрова М. 20 лет российско-китайского межрегионального и приграничного сотрудничества [Электронный ресурс] / М. Александрова // «Перспективы. Электронный журнал». Центр исследований и аналитики Фонда исторической перспективы. – Режим доступа: http://www.perspektivy.info/history/20_let_rossijsko-kitajskogo_mezhregionalnogo_i_prigranichnogo_sotrudnichestva_2009-03-06.htm
2. В Благовещенск приехала китайская делегация во главе с заммэра Хэйхэ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.amur.info/news/2018/09/28/143971> (дата обращения 28.09.2018).
3. Вершины «Хуафу». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kvartirer.ru/articles/stroitelstvo-i-remont/vershiny-khuafu/> (дата обращения: 25.01.2016).
4. Витковская, Г. Угрожает ли безопасности России китайская миграция [Электронный ресурс] / Г. Витковская // Брифинг Московского Центра Карнеги. 1999. Том 1, вып. 08. – Режим доступа: <http://www.carnegie.ru/ru/pubs/briefings/48353.htm> (дата обращения 26.11.2018).
5. Гражданский кодекс Российской Федерации: Гарант – информационно-правовой портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/10164072/> (дата обращения 03.05.2018).
6. Демоскоп Weekly: Девятый ежегодный демографический доклад «Население России-2001». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/ns_r01/razdel5g5_7.html (дата обращения 28.08.2018).

7. Дмитриев Михаил: Россия и Китай впервые разрабатывают план взаимного экономического сотрудничества [Электронный ресурс] / Михаил Дмитриев. – Режим доступа: http://www.chinaruslaw.com/RU/CnRuTrade/003/20051027113401_3489801.htm (дата обращения 11.01.2018)
8. Загребнов Е. Экономическая организация китайской миграции на российский Дальний Восток после распада СССР [Электронный ресурс] / Е. Загребнов. – Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0315/analit05.php#_FN_4 (дата обращения 10.03.2019)
9. Ларин, В. Л. Посланцы Поднебесной на Дальнем Востоке - легальные и нелегальные [Электронный ресурс] / В. Л. Ларин // Демоскоп Weekly. – № 69-70. – 3 - 16 июня 2002. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2002/069/analit04.php#21> (дата обращения: 12.02.2018)
10. Майоров, С. Челноки [Электронный ресурс] / С. Майоров // Отечественные записки. – 2002. – №7. – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/oz/2002/7/chelnoki-2.html>
11. Нынешнее состояние и перспективы развития китайско-российских отношений. Речь Чрезвычайного и Полномочного посла КНР в РФ Ли Хуэя в Московском государственном лингвистическом университете (22 апреля 2010 года). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.china-embassy.org/rus/sgxw/t687998.htm> (дата обращения: 2.09.2018).
12. Официальный сайт КСК «Хуафу». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kskhuafu.ru/company/facilities.php> (дата обращения: 17.03.2018)
13. Рыжова, Н. П. Феномен этнического предпринимательства: западная традиция и российское прочтение / Н. П. Рыжова // Новые российские гуманитарные исследования. – 2008. – № 3. URL: http://www.nrgumis.ru/articles/article_full.php?aid=77 (дата обращения: 01.02.2017).
14. Хэйхэ и Благовещенск станут первыми и пока единственными «городами-близнецами» на китайско-российской границе // Официальный сайт Генерального Консульства КНР в г. Хабаровске. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.chinaconsulate.khb.ru/rus/xwdt/t200696.htm> (дата обращения: 17.09.2018)
15. Шицзе гунчан ван - цюанцю цие ку (Мировые фабрики. Портал. Предприятия всего мира) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://company.gongchang.com/p-210000/269492_bbed/ (дата обращения: 02.04.2017). – Кит.
16. Яковлев, А. Непотопляемый челнок или Секреты успешного выживания «нецивилизованных форматов» в розничной торговле. 2005 [Электронный ресурс] / А. Яковлев, В. Голикова, Н. Капралова //Федеральный образовательный портал «Экономика. Социология.

Менеджмент». – Режим доступа: <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/238214.html> (дата обращения: 29.04.2019).

ПРИЛОЖЕНИЯ

**СПИСОК СОВМЕСТНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ,
ЗАРЕГИСТРИРОВАННЫХ В ПРИМОРСКОМ КРАЕ УПРАВЛЕНИЕМ ВНЕШНИХ СНОШЕНИЙ В 1993 г.**

п/п	Дата регистрации	Наименование СП	Адрес	Российский партнер	Его доля в уст. фонде	Иностраный партнер	Его доля в уст. фонде	Уставной фонд (тыс.руб.)	Сфера деятельности
1	06.01. №159	"РТМ-Дальсо Инжиниринг энд Констракшн Компани-Муданцзянская Компания"/Полное товарищество/	г.Владивосток, ул. Ленинская, д.165	СП "РТМ-Дальсо Инжиниринг энд Констракшн Компани"	50.0%	Муданцзянская промышленная компания готового платья	50.0%	536720,0	Продажа товаров народного потребления (ТНП), торгово-посредническая, коммерческая деятельность.
2	06.01. №160	Компания "Чжунэ"/АО	г.Артем, ул.Зеленая	859 отдел торговли ТОФ	50.0%	Дуннинская главная компания по приграничной экономике и торговли "Нинтун"	50.0%	1000,0	Торгово-посредническая деятельность,
3	06.01. №161 Гос.Р.2 265.15. 12.02.	"Лотос Ко.,Лтд"/ООО	г.Владивосток, ул.Светланская, д.57	Государственное предприятие связи и информатики "Россвязь-информ"	50.0%	Компания электрического оборудования Хэйлуунцзянской провинции	50.0%	200,0	Производство и реализация ТНП, организация торговой сети, развитие агропромышленного производства, переработка полуфабрикатов, бартер, организация международных перевозок.
4	15.01. №163	Дальневосточный коммерческий центр "Гуцин" /ООО	г.Владивосток, ул. 1-го Мая, 2	ТУРНИФ	50.0%	Чжедаоская городская экспортная и импортная компания	50.0%	20000,0	Коммерческая, посредническая, торгово-закупочная, снабженческая деятельность, туризм, оздоровительные и реабилитационные мед.услуги, в/э деятельность, реализация ТНП.
5	25.01. №167	"Силуэт" /ООО	г. Уссурийск, ул. Лермонтова, д.2а	ООО "Мегаполис"	55.0%	Трикотажная фабрика г.Далаянь	45.0%	921,8	Производство ТНП, торгово-закупочная деятельность, реставрационные работы
6	25.01. №168	"Совместный полет" /АО/	г.Артем, ул.1-ая Рабочая, д.25а	Индивид, частное предприятие Н.Н.Свинникова "Нериск"	35.0%	Главная компания по торговле и технико-экономическому сотрудничеству	65.0%	1300,0	Изготовителе обуви и ТНП, предметов народного продуктов, организация научного туризма, транспортные услуги, торгово-закупочная деятельность.

7	22.01. №166	"Тайянь-Солнце" /ТОО	г.Владивосток, ул. Нерчинская, д.40	Владивостокская фирма фотоуслуг и звукозаписи	35.0%	Торгово-экономическая компания "Шэнцзин"	65.0%	3938,0	Создание центра по обработке цветных фотоматериалов, фотоуслуги, в/э, представительская деятельность, культурное сотрудничество, организация выставок, ярмарок , аукционов.
8	25.01. №169 Гос.Р-р.2163. 15.02.0 2.	"Чанхай" /ТОО	Красноармейский р-н, с.Новопокровка	1. Коллективное арендное предприятие "Красноармейское" 2. Индивид.частное предприятие "Тайга"	40% 10%	Яньбеньская компания по переработке меда	50.0%	18017,0	Производство, заготовка продукции с/х, лесозаготовка, деревообработка, изготовке ТНП, торгово-закупочная и посредническая деятельность культурно-бытовое обслуживание.
9	01.02. №176	"Зеленое море" /ТОО	г.Владивосток, ул. Слущкого, 16	ТОО "Научно-производственный центр "АКВЭС"	51.0%	"Центр научно-технического развития р-на Пин Фан" г.Харбин	49.0%	27000,0	Производство и реализация продуктов питания, ТНП, торгово-закупочная, посредническая деятельность, маркетинг.
10	05.02. № 178	"Хайжи" /ТОО	г.Владивосток, пр-т 100 лет Владивостоку, 103	Институт моделирования одежды	50.0%	Трикотажная фабрика г.Жичжао	50.0%	33400,0	Производство изделий швейного ассортимента, в/э, коммерческо-посредническая деятельность, организация выставок, ярмарок.
11	24.02. № 187	"Береза" /ТОО	Уссурийский р. П. Тимирязевский ул. Воложениа, д.30	Научно-производственное объединение "Уссури"	57.1%	Суйфэньхэская приграничная торгово-экономическая компания, специальный отдел по производству лесопроductии.	42.9%	7000,0	Торговая, коммерческая, рекламная деятельность, розничная торговая и общественное питание.
12	15.02. №182	"Вереск" /ТОО	Хасанский р-он, п. Славянка	Хасанский центральный районный госпиталь	40.0%	Хунчуньский филиал Всекитайской компании сотрудничества с заруб. странами в области медико-санитарной техники	60.0%	2000,0	Медицинское обслуживание, зуботехнические работы, коммерческая, посредническая деятельность
13	25.02. №189	"Чхинсон" /ТОО	г. Уссурийск, ул. Комсомольская, 55-63	ТОО "Фиаи"	51.0%	Торгово-промышленная компания "Канлэ" Яньбянь-Корейского автономного округа КНР	49.0%	300,0	Производство и реализация мягкой мебели, выполнение научно-исслед. и проектно-конструкторских работ, осуществлен, торгово-закупочной деятельности, транспортно-экспедиционное обслуживание.

14	26.02. №190	"Золотая звезда" /ТОО	г.Лесозаводск, ул.Кирова, 1	Уссурийский ДОК (АО открыт.т)	50.0%	1.Торговый отдел"Да Дун" Шэньянской компании международной экономики и торговли 2.Завод матерчатой обуви г.Шэньяна.	25% 25%	36000,0	Производство различных видов обуви, организация сети сбыта продукции, коммерческая, посредническая, торгово-закупочная деятельность
15	03.03. №191	"Еди-Юнсин" /ТОО	г.Владивосток, ул.Батарейная, д.2а т.254705,259633	ТОО "Еди-ЮЮ"	50.0%	Отдел материальных ресурсов "Юнсин" Суйфэньхэйской торгово-экономической коммерции	50.0%	4000,0	Программное обеспечение ЭВМ, внедрение передовых научных разработок.
16	№ 193 10.03.	"Ветеран" /ТОО	г. Уссурийск, ул.Попова,33	Уссурийское рефрижераторное депо	51.0%	Крахмальная фабрика, пр-в.Цилинь	49.0%	10 млн.р.	Ж/д, автотранспортные перевозки, выращивание и переработка с/х продукции, деревообработка и изготовление столярных изделий, туризм, создание объектов общественного питания, торгово-закупочная деятельность.
17	№195 15.03.	"Сандэли" /ТОО	п.Кировский, ул.Ленинская,28	ТОО "Сервис"	70.0%	Компания по экономической торговле и металлургической промышленности, г.Дуннин	30.0%	24,2015 млн.р.	Организация совместного магазина, ресторана, изготовление швейных и трикотажных изделий, иностранный туризм, э/и операции.
18	№198 17.03.	"Панда Ко., ЛТД" /ТОО	г.Владивосток, ул.Снеговая, 18а	АО "Завод КПД - ЗОО" 2. Индивид. частное предприятие Нечаева Д.Л."ДОН"	42% 8%	Китайская торговая компания "Дунь Дянь", г.Харбин	50.0%	5,487856 млн.р.	Культурно-бытовое, торговое обслуживание населения, экспорт, импорт техники, материалов, оборудования, промышленное., гражданское строительство, создание сети магазинов.
19	№ 205 25.03.	"Заря Востока" /ТОО	Уссурийский р-н п.Тимирязевский ул.Волженина,30	Научно-производствен.объединение "Уссури"	51.0%	Цилинская провинциальная высоко-техническая компания"Цзисин	49.0%	27935,0 тыс.руб.	Переработка с/х продуктов в продукты питания, производство ТНП, розничная торговля, общепит, реклама, валютные операции
20	№ 203	"Мишань-Анучино" /ТОО	с.Анучино, ул.50 лет ВЛКСМ, 38	Анучинский комплексный лес-промхоз	68.0%	Дуннинская компания по приграничной торговле	32.0%	1100 т.р.	Заготовка леса, изготовление изделий из древесины, производство и сбыт мягкой мебели.
21	№ 206 26.03.	"Оривью" /ТОО	г.Владивосток, пр-т Красного Знамени,66-а	ТОО "Дальникомсервис"	50.0%	Межторгфирма "Хенда"	50.0%	2 тыс.\$ или 1306 т.р.	Торгово-закупочная деятельность, строительные, ремонтные. работы, организация паркового хозяйства, туризм.

22	№ 208 05.04	"Мир" /ТОО	г.Владивосток, Океанский пр-т, 13	ТОО "ЗАС"	53.0%	Компания "Хуацин"	47.0%	9,434 млн.р.	Организация предприятий общепита, производство одежды, стройматериалов, посреднические услуги, организация выставок-продаж, аукционов.
23	№210 06.04.	"Акро ЛШК"/Аозт	г.Владивосток, Океанский пр-т, 46	1.ТОО ПКО"Акроп" 2."Владоптснаб" АО открыт.типа	25% 25%	Харбинская промышленная компания почты и телеграфа	50.0%	2 млн.р.	Разработка и пошив изделий из тканей КНР, организация торговли.
24	№214 09.04.	"Дуннин-Синьван Ко.,Лтд" /ТОО	г.Артем, ул.Каховского,2	1.Артемовское учебно-производственное-пред-ие Прим.произв.объединения "Ритм" 2.Граждане РФ		Торговая компания "Хуа-АО"		1 млн.р	Производство ТНП, металлч.гвоздей, металлоконструкций, торговая деятельность, организация точек общепита, туризм, спорт, мероприятия.
25	№216 12.04.	"Единение" /ТОО	Лазовский р-он, п.Преображение БТФ	Преображенская база тралового флота / АО откпр.т.	50.0%	Тайпинская внешнеторговая экономическая компания "Тайпин"	50.0%	196,7 млн.р.	Заготовка, переработка леса, изготовление мебели, сбор, утилизация, переработка различных отходов промышленности, производство ТНП, коммерческая в/з деятельность.
26	№217 12.04.	" Торговый дом "Даль-эко-Лифа" /ТОО	г.Владивосток, Океанский пр-т, 19	АО "ДальЭКО"	51.0%	Харбинская корпорация торгово-промышленного развития "Лифа"	49.0%	145,328 млн.р.или 100тыс.шв.фра-в	Коммерческая, посредническая, торгово-закупочная деятельность, эскизное и рабочее проектирование, производство ТНП, транспортные услуги.
27	№ 165 21.01	"Хайчунь Ко.,Лтд" /ТОО	г.Владивосток, ул.Фадеева, 42	Частная производственно-техническая фирма "Закам"	50.0%	Главный Цунцинский торгово-пищевой служивый магазин р-на Чаоян, г.Чанчунь	50.0%	3,6 млн.р.	Организация торгового обслуживания населения ТНП экспортно-импортные операции, транспортные услуги.
28	№ 226 26.04	"Прим-Хэйл"/ ТОО	п.Кавалерово, ул.Восточная, д.14а	ТОО "Примкор"	51.0%	Суйфэньхэская приграничная торгово-экономич. компания "Чжэнь Хуа"	49.0%	1 млн.р.	С/х производство, деревообработка, строительство, торговля, посредническая деятельность.
29	№ 227 26.04.	"Майне Ко., Лтд" /ТОО	Михайловский р. П.Новошахтинск, ул.Ленинская, 8	ТОО "Пегас"	51.0%	Торгово-экономическая компания "Хунбин" уезда Дуннин	49.0%	10млн.р.в т.ч.11722\$	Магазины оптовой, розничной торговли, торгово-закупочная, коммерческо-посредническая деятельность, производство ТНП, с/х продукции, ремонтной работы.
30	№ 219 13.04.	"Моби Дик" /ТОО	г.Владивосток, ул.Суханова, 3а	1.ДВПИ им. Куйва 2.ТОО агентство "Известия-	45% 10%	Торгово-промышленная компания с ОО"Кайда" г.Далянь	45.0%	124,25 млн.р.или 355 т.\$	Производственная деятельность по цв.фотосъемке и фотопечатание, предоставление услуг по проявлению и печатанию

				Неделя-АТР" (ИНА)					танию фотографий, изготовление электронных портретов, внешняя торговля, организация туризма в РФ и за рубежом.
31	№ 218 13.04	"Голубиная падь" /ТОО	г.Владивосток, ул.Аксаковский пер-к(ул.Пушкинская, д.10)	ДВПИ им.Куйбыва	51.0%	Даляньская Бохайская генераль-я компания "Хунда"	49.0%	137,255 млн.р.	Создание ресторанов национальной кухни: китайской, японской; предоставление населению ряда коммерческих услуг, внешняя торговля.
32	№ 221 19.04.	"Ореол" / ТОО	г.Владивосток, ул.Кирова, д.23	АО ДВ Научно-производственной компании "Аэротехник"	51.0%	Хэйлунцзянская компания по международному техническому и экономич. сотрудничеству	49.0%	1 млн.р.	Производство проектных работ, разработка, производство и сервис радиоэлектронных устройств, в/э деят-ть, производство ТНП.
33	№222 .04.	"Дальневосточная компания по развитию торговли и сельского хозяйства" /ТОО	г.Владивосток, ул.Гоголя, д.41 к.1607	Семейное частное предприятие "БАНБО"	40.0%	1.Торговая компания "Дуньи" /КНР/ 2. Компания "Ориентал Арт Гэлзри Лтд" /Канада/	40% 20%	10 млн.р.	Производство, заготовка переработка, реализация с/х продукции, пчеловодства, животноводства, добыча, переработка рыбы, морепродуктов, деревообработка.
34	№223 04.	"Два дракона" /ТОО	г.Уссурийск, ул.Краснознаменная д.180	1.АО открыт.типа "Дальсося" 2.Гражданин РФ	49.5% 1%	Хэйлунцзянская компания по строительству международных объектов и технич. сотрудничеству	49.5%	176,184млн.р.или 404 т.шв.франков	Производство, реализация с/х продукции, торгово-закупочная, посредническая деятельность, международный туризм, рестораны, гостиничное обслуживание, организация производства прохладит.напитков.
35	№230 04.	"Доуфу-VR" /ТОО	г.Владивосток, ул. Стрелочная, д.19	АО откp.типа "Владивосток-й молочный комбинат"	51.6%	Первая фабрика соевых продуктов г.Цицикар	48.4%	99млн.р. или 267,372 т. шв.ф.	Коммерческая, посредническая, торгово-закупочная деятельность, экспортно-импортные операции, производство ТНП, продукции производственно-технического назначения
36	№232 05.	"Прим-Шуньда" /ТОО	г.Владивосток, ул.Луговая, д.68 к.711	ТОО "Ройкос"	50.0%	Торговая компания "Шуньда" уезда Дуннин	50.0%	500т.р.	Услуги по найму рабочей силы, посреднические услуги в организации строительных работ, коммерческая, торгово-закупочная деятельность, туризм, транспортные услуги.
37	№231 04.	"Полимер" /ТОО	Ханкайский р-он с.К-Рыболов, ул. Беговая,16	Смешанное товарищество "Ритм"	55.0%	Мишаньская компания по приграничной экономике и торговле	45.0%	90млн.р.	Производство полипропиленового мешка, торгово-закупочная деят-ть, заготовка, переработка с/х продукции, туризм.

38	№ 236 11.05.	"ЧИ СИН" /АО з.т./	г.Владивосток, ул.Мурсорского, д.15а	АО закр.типа"Авенко"	49.0%	Инженерная компания при нефтехимическом объединении г.Далянь	51.0%	20млн.р.	Экспорт, импорт продукции, товаров, услуг, технологий, торгово-закупочная, посредническая деятельность, брокерские, дилерские услуги, производство и реализация ТНП, мебели, продовольствия, товаров, полуфабрикатов, выращивание, переработка, реализация с/х продукции.
39	№234 06.05	"Созвездие" /АО з.т./	г.Владивосток, ул.Калинина, д.244	ТОО "Орион"	51.0%	Суйфэньхэская приграничная торгово-экономич.компания	49.0%	5,8млн.р	Коммерческая, посредническая, торгово-закупочная деятельность, туристические услуги, организация общественного питания.
40	№ 235 06.05	"Сань Син" /АО з.т./	г.Владивосток, ул.Камская, д.8	Росс.-американское СП"Русско-американский стиль"	50.0%	Харбинское мебельное объединение	50.0%	14млн.р.	Производство мебели, стройматериалов, коммерческая, посредническая деятельность, туристические, представительские услуги, торгово-закупочная деятельность, организация общественного питания.
41	№241 20.05.	"Норд Ко.,Лтд" /ТОО	г.Владивосток, ул.Снеговая,18а	АО "Завод КПД-300"	50.0%	Китайский завод по производству холодильников	50.0%	10млн.р.	Культурное, бытовое, торговое обслуживание населения, промышленное, гражданское строительство, проектно-исследовательские, проектно-сметные работы.
42	№243 24.05.	"Синь-синь и П" /ТОО	с.Вольнонадеждское, ул.Тракторная, 40а	Смешанное товарищество, производственно-коммерч.фирма "ФОМЗ"	51.0%	Компания одежды "Синьсинь" г.Пекин	49.0%	30 млн.р.	Производственно-техническая, туристическая, внешнеэкономическая, торгово-закупочная деятельность.
43	№245 31.05	"Звездный путь" /ТОО	г.Владивосток, ул.Ивановская, д.2, кв.108	Гражданка РФ	5.0%	Торгово-промышленная компания "Синьгуай, Лтд"	95.0%	1 млн.р.	Внешнеэкономическая, торгово-закупочная деятельность.
44	№ 252 11.06.	"УССУРИ-ДАНЬ" /ТОО	г.Уссурийск, ул.Механизаторов, д.3, т.2-4-74	1.АО о.т."Восток 2.АО з.т."ТТ	40% 18%	Муданцзянская лесопромышленная торгово-экономическая компания	42.0%	84300 млн.р. или 138 т. шв.фран.	Автотранспортные услуги, торгово-закупочная деятельность, туристические услуги, посредническая деятельность, переработка древесных товаров.

45	№ 257 23.06.	"СИ-ДА- ФЛОРА" /АО зт	г.Дальне- горск, ул.Пр иморская,6Б	ЧП "Флора"	60.0%	Вэньсяская компания по торговле со странами СНГ и Восточной Ев- ропы пров. Ляонин	40.0%	25 млн.р	Создание производственных предприя- тий в обл. лесозаготовки и переработки, .строит -во
46	№ 260 29.06.	"ЛЕБЕДЬ" /ТОО	Уссурий- ский р-н с.Новони- кольск, ул.Со ветская,67	ТОО "Бытовик"	51.0%	Ляонинская генеральная национальная компания по экономическому раз- витию	49.0%	20800т.руб	Моделирование и пошив мужской , женской и детской одежды
47	№253 16.06.	"ФОРУМ Ко.,Лтд" /ТОО научно-произ- водств. пред- приятие	г.Владиво- сток, ул. Ка- линина, 275	1.Гос.пред-ие Владивостокский "Радиоприбор" 2.ИПО "Редут" /ТОО	50% 20%	Меховая фабрика г. Муданьцзян	30.0%	20 млн.р.	Пошив верхней одежды, создание сети торговых предприятий, организация об- щественного питания, импорт-экспорт.
48	№ 261 29.06	"Нарцисс Ко., Лтд" /ТОО/ про- мышленно-ком- мерч. предприятие	г.Владиво- сток, ул.Ка- линина,275	1. Гос.пред-ие Владив-ий "Радио прибор" 2.ТОО ИПП "Неон Ко., Лтд"	20% 30%	Фабрика готового пла- тья г. Муданьцзян	50.0%	20 млн.р	Пошив различного вида швейных изде- лий, художественные вышивки, ТНП, создание сети торговых предприятий общественного питания.
49		ЛАДЧУНЬ" /ТОО	г.Владиво- сток, ул.Монтаж- ная, 3 к.19	ТОО "Стрелец"	50.0%	Цинлинская компания по производству фуража	50.0%	24 млн.р в т.ч. 15 т.\$	Коммерческая деятельность, организа- ция собственных магазинов, кафе, ре- сторанов, объектов бытового обслужи- вания, транспортные услуги, проектно- строительные, монтажные работы.
50	№269 21.07	"Маргарита-Ли Ган" /ТОО/	г.Спасск- Дальний ул.Покуса, 1	АО зт торг.дом "Маргарита"	50.0%	Шэньянская химическая АК с00	50.0%	20 млн.р	Торгово-закупочная, посредническая деятельность, экспорт и импорт ТНП.
51	№267 15.07	"ТХУН ЛИ" /АО зт	г. Уссу- рийск, ул. Некрасова, д.177-а	ДВ торгово-про- мышленная ком- пания "Конгломе- рат"	50.0%	Экономико-торговая компания "Паньлун"	50.0%	1 млн.р. В т.ч.500\$	Организация швейного производства, производства детской мягкой игрушки, сувениров, пошива одежды, организа- ция международного туризма, обмена по технике и культуре.
52	№ 268 21.07.	"АРМИТЭК" /ТОО	г.Владиво- сток, ул.Нерчин- ская, д.21-63	ТОО "АТИ Ко., Лтд"	51.0%	Международная тор- гово-экон.компания пров.Хэйлуунцзян	49.0%	500 т.р	Создание гостиниц, туристических ком- плексов, предприятий общественного питания, организация туризма, посред- ническая, торговая деятельность.
53	№ 276 04.08.	"МИ-ДАНЬ" /ТОО	Михайлов- ский р-н, с.Михай- ловка,	Индивидуально- частное пред-ие "Дальвосток"	51.0%	Лесопромышленная тор- гово-экономич. компания г. Муданьцзян	49.0%	100 млн.р	Производство ТНП

			ул.Дубинская, д.9а						
54	№ 269	"Дальневосточный мастер" /ТОО	г.Владивосток, ул. Суханова, 5	Малое предприятие "Мастер"	50.0%	Фирма "Хуаньюй" при строит. компании	50.0%	1 млн.р.	Коммерческая посредническая деятельность, маркетинг, оказание консультативных услуг.
55	№ 270 27.07.	"ШЕНЬЯН-ТАВРИЯ Ко., ЛТД" /ТОО	г.Артем, ул.Кирова,44-53	ТОО "ТАВРИЯ"	50.0%	Шеньянская набивная фабрика "Шэньгун"	50.0%	1млн.р.	Торговая, торгово-посредническая ,закупочная, сбытовая деятельность, транспортировка грузов.
56	№ 271 28.07. Гос.Р-р 3376.15 10.08	"ВИКТОРИЯ" /ТОО	г. Уссурийск, ул.пролетарская д.100	Приморское проектно-строит. Арендное предприятие Приморгражданстрой	51.0%	Хэйлунцзянская компания по строительству международных объектов и технич. сотруд-ву	49.0%	60656,5 тыс.р.	Создание гостиничного комплекса, предприятий общественного питания, торгово-посредническая деятельность, ремонт, реконструкция шоссеиных дорог.
57	№ 273 02.08	"ВОЗРОЖДЕНИЕ" /ТОО	Надеждинский р.п.Раздольное, ул.Пирогова,40	Гос.предприятие Передвижная механизирован. колонна №52 треста"Уссурийсквод-строй"		Торгово-экономическая компания с ОО		51888\$	Торгово-закупочная, посредническая деятельность, швейное производство, э/и операции.
58	№274 04.08.	"ДАСИНЬ" /ТОО	с. Вольно-Надеждинское, ул.Тракторная, 40-а	1.АО зт "Леско" 2.Кооператив производственно-коммерч.фирма "ФОМЗ" 3.Граждане РФ	15% 30% 15%	Лесхоз №Мозршань» при Северо-восточном университете	40.0%	10 млн.р.	Торгово-посредническая деятельность
59	№275 04.08.	"ЛАСТОЧКА" /ТОО	г.Владивосток,ул.Бородинская, 46/50, т.464522	АО от "Дальприбор"	50.0%	Фабрика по производству термосов г.Чанчунь	50.0%	40 т.\$	Разработка технической документации и производство термосов, сувениров, выпуск продуктов питания, туризм.
60	№277 06.08.	"ЧАНЬ-ЧУНЬ" /ТОО	г.Владивосток,Корабельная Набережная,1	ТОО Производств. Коммерч.фирма	6,5% 7%	Цзилиньское объединение по международ. технико-экономич.сотрудничеству КНР	86.5%	97110,0 тыс.р.	Торговля товарами легкой промышленности, продуктами питания, оказание сервисных услуг, рекламно-информационная, коммерческая деятельность
61	№278 12.08	"РОСКИТУР" /ТОО	г.Владивосток, ул.Русская, 96	Владивостокский технический лицей	51.0%	Шеньянская набивная фабрика "Шэньгун" при Шэньянском политехническом институте	49.0%	10 т.р.	Торгово-посредническая деятельность, транспортировка грузов, услуги складского хозяйства, туристические, сервисные услуги.

62	№279 12.08.	"УССХАР" /АО зт	г.Уссурийск, ул. колхозная, 10	АО от "РОДИНА"	51.0%	Государственный Харбинский пластмассовый завод	49.0%	90 млн.р	Торгово-коммерческая деятельность, производство тарных мешков из полиэтилена, полиакрила и др. ТНП.
63	№ 282 17.08.	"ЧУНЬ-ХАЙ" /ТОО	г.Владивосток, пр-т Острякова, д.5	ТОО "Волна Лтд" 2.Коллективное малое предприятие "Велли"	20% 30%	Хуньчуньская торговая компания "Чанцзян"	50.0%	1050,0 тыс.р.	Организация оптовой и розничной торговли, экспортно-импортные операции, купля-продажа ТНП.
64	№283 18.08.	"ШУЙ ЦЗИН" /ТОО	г.Дальнереченск ул. 50 лет Октября, 69	Муниципальное многоотраслевое предприятие коммунал хоз-ва	50.0%	Приграничная торгово-экономич.компания "Биньхай"	50.0%	10млн р	Торгово-закупочная, снабженческая, сбытовая, посредническая деятельность, строительство, ремонт жилых и иных объектов.
65	№284 20.08.	"ТЭН-ДАЦИН" /ТОО	г.Владивосток, ул. Часовитина, 11-23, т.233937	Индивидуальное частное предприятие производств.-коммерч. фирма "ТЭН"	50.0%	Дацинская компания по экспорту и импорту нефтяного оборудования	50.0%	1 млн.р	Изготовление кукурузных палочек, др.кондитерских изделий, переработка морепродуктов, транспортировка грузов.
66	№288 26.08.	"МЕНДЕ,ЛТД"- производственная компания /ТОО	г.Владивосток, ул.Башидзе,8	СП "Тихоокеанская рыбная компания-РАFICO"	50.0%	Бумажная фабрика г. Дальний	50.0%	120 т. \$ или 99 млн.р	Производство ТНП, организация промышленных, продовольственных, оптово-розничных магазинов экспорт-импорт оборудования.
67	№289 27.08.	"НАУКА Ко.,ЛТД" /ТОО	г.Уссурийск, ул.Некрасова,24-а	Научно-технич. кооператив "Наука"	50.0%	Дуннинская торгово-экономич.объединения "Хуа Жунь"	50.0%	1 млн.р.	Торгово-посредническая, закупочная, сбытовая деятельность.
68	№294 13.09.	"ШЭНЬИ, ЛТД" /ТОО	г.Владивосток, пр-т Красного Знамени,84-85	Росс.-корейское АО з.т. "Тихоокеанская рыбная компания - РАFICO"	50.0%	Дальнская фабрика полиэтиленовых изделий "Вэнь Линь" г.Дальний	50.0%	99 млн.р. или 99т.\$	Организация предприятий по производству изделий из полиэтилена, организация фирменных, торгово-закупочных, промышленных, продовольственных и др. магазинов, аукционов, выставок-распродаж, организация спортивно-туристической деятельности.
69	№295 17.09.	"JIAG NAN-ESCO" /ТОО	г.Владивосток, пр-т Красного Знамени,66,к. 10 1	ТОО "Экспериментальные компьютерные системы и оборудование"	45.5%	Цзянанский аккумуляторный завод	54.5%	7150 т.р или 11 т. \$	Представление на российском рынке продукции завода, организация выставок, салонов-магазинов, э/и операции, маркетинговые, дилерские, брокерские услуги.
70	№296 17.09.	"ЦЗИЛИНЬ-ПОРТ" /АО зт	Хасанский р-он.п.Зарубино,	АО зт производственно-коммерч. АК "Хасанский	50.0%	Компания по экспорту и импорту продукции местного производства и животноводства.	50.0%	22550 т.руб.	Осуществление экспортно-импортных, лизинговых, валютных, бартерных, коммерческих операций, приобретение,

			ул.Строительная,19	морской коммерческий порт"					продажа, аренда, ремонт, эксплуатация различных видов транспорта.
71	№297 21.09	"ЧАНШОУ" /ОО	г.Владивосток ул.Верхнепортовая,50а	ДВ государственная морская академия им. адм.Невельского	50.0%	Торгово-промышленное предприятие "ЧАНШОУ КНР, г.Чэнду	50.0%	15 млн.р	Торговля продукцией питания, ТНП, техникой, техгрузами, обустройство учебных аудиторий, строительные работы, осуществление э/и, валютных, коммерческих операций, развитие туризма.
72	№ 298 28.09	"ИНТЕКСС Ко., АТД" /ОО	г.Владивосток ул.Руднева17	1.ОО "Тектоника" 2.Физическое лицо	49.75% 0.25%	Генеральная компания инженерного строительства и эксплуатации недвижимого имущества «Синьсин»"	50.0%	200 млн.р.	Производство ТНП, пошив одежды, белья, строительство и эксплуатация недвижимости. Реконструкции и эксплуатация гостиниц, ресторанов, кафе, баров, тур. обслуживание
73	№ 302 13.10	"АЗИЯ" /ОО	г.Шкотово-17 ул.Клубная, 3 т.21-3-50	МП "Горизонт"	50.0%	Цзижуиская торгово-экономич.компания, г.Суйфэньхэ	50.0%	60 т.\$ или 28 млн. р	Услуги по исследованию конъюнктуры рынка и выявлению общественного мнения, консультативные услуги, организация розничной торговли, ремонт а/м.
74	№ 304 15.10	"Хайсинь" /ОО	г.Владивосток Океанский прод.д.43	Малое индивидуальное предприятие "Фронтон"	40.0%	Закупочная база продукции с/х-ва и подсобных промыслов "Чайбайшань"	60.0%	30 т.шв. франков или 9 млн.р.	Коммерческая, посредническая, торгово-закупочная деятельность, э/и, бартерные, консигнационные операции, проектирование, строительство
75	№ 307 28.10	"ДА-ДУН" /АО зг	г.Б.Камень,ул.Заводская,д-1	Завод "Красный Вымпел"	52.0%	Компания технико-экономического развития "Дунфан",КНР	48.0%	2млн.р.	Производство продукции производственно--технического назначения, ТНП. Разработка и внедрение научно-технической продукции. Строительство объектов производственного и жилого назначения.
76	№309 29.10	"СИН-Юань" /ОО	г.Владивосток	Физическое лицо	30.0%	Государственный шинный завод "Хуалин" г. Муданьцзян	70.0%	35т.\$ или 42 млн.р	Рыбопереработка, обработка иных морепродуктов, освоение и внедрение передовых технологий по переработке, выпуску пищевых продуктов, производство из рыбы и морепродуктов. Деревообработка, выпуск строительных материалов, ТНП из дерева, переработка металлолома, коммерческая, посредническая, торгово-закупочная сбытовая деятельность.

77	№ 312 03.11.	"ЭНЕРГИЯ" /АО зт	г.Уссурийск, ул.Чиче- рина, 144	ТОО "Центррем- техпредснаб"		Суйфэньхэская торгово- экономкомпания "Гяньян"		80 млн.р	Производство ТНП, продукции произ- водственно-технического назначения, эскизное и рабочее проектирование, строительство и ремонт производствен- ных и жилых помещений
78	№ 311 03.11.	"РОККО" /АО зт	г. Уссу- рийск, ул.Колхоз- ная,10	АО от "РОДИНА"	51.0%	Муданьцзянская фаб- рика утеплительных от- делочных материалов	49.0%	17 млн.р	Осуществление экспортно-импортных, лизинговых, валютных, бартерных, ком- мерческих операций, приобретение, продажа, аренда, ремонт, эксплуатация различных видов транспорта.
79	№ 314 15.11	"Суйфан" /ТОО	г.Владиво- сток п.Тру- довое,ул.Гри- боедова д.2б	АО торговая ком- пания "Петрыкин компани лимит- ед" 2.АО "Фар- мазос	31% 36%	1,Рабочий отдел лекар- ственной продукции Суйфэньхэйской при- гранторг.-эк. компании 2.Уаньдашанский фар- мацевтич. завод 3.Эк- торговая компания	33.0%	6 млн.р	Коммерческая, посредническая, тор- гово-закупочная деятельность, э/и, бар- терные, консигнационные операции
80	№ 317 21.11 П: 20.12	"АКОМ" /ТОО		ТОО "Жилстрой	60.0%	С/Х торговое предприя- тие "Яньцзюнь"	40.0%	15,8 млн.р.	Производство ТНП, торгово-закупочная деятельность
81	№318 29.11	"НАСИН" /ТОО	г.Находка,ул .Ленин- ская,2А	АО региональ- ный научно-про- изводственный коммерч.центр "Дальрегион"	39.4%	Главная компания раз- вития и строительства эк.района Чжуанхэ	60.6%	165,016602 млн.р.	Торгово-закупочная, снабженческая, сбытовая, посредническая деятельность, строительство, ремонт жилых и иных объектов.
82	№ 324 20.12	"ФЭН" /АО зт	г.Уссурийск про.Блю- хера,1г	Гос.предп."Ди- станция сигнали- зации связи и вы- числит. техники	63.2%	Муданьцзянская компа- ния пром. обслуживания туризма	36.8%	40,8 млн.р	Производство ТНП, торгово-закупочная деятельность, сервисное обслуживание российских и иностранцев.
83	№ 323 13.12.	"СУН-ХАЙ" /ТОО	г.Владиво- сток пр-т 100лет, 57а	ТОО "Возрожде- ние"	50.0%	Харбинская 1ая инже- нерно-строительная компания	50.0%	10 млн.р.	Производство ТНП, торгово-закупочная деятельность, сервисное обслуживание российских и иностранцев.
84	№ 326 21.12	"Коршун" /АО зт	Хасанский р.п.Крас- кино,т.42.3.5 4	ТОО "Беркут"	50.0%	Многоотраслевое объ- единение при Ханьчунь- ском шахтоуправлении	50.0%	49 млн.р	Осуществление экспортно-импортных, валютных, лизинговых, бартерных опе- раций, ремонт, эксплуатация транс- порта, услуги в сфере общественного питания

85	№ 328 22.12	"Хэпин" /ТОО	г.Владивосток Океанский про.105-1а	ИЧП Шурыгина "Дальгро" ТОО "Дайна-93"	25% 25%	Муданьцз.эксп.-импортная компания по экспорту и импорту продукции легкой промышленности	50.0%	12 млн.р	Строительство и организация объектов общественного питания, кафе, ресторанов, коммерческие посреднические услуги, маркетинг.
86	№333 28.12	"СПУРТ" /ТОО	г.Владивосток ул.Алеутская,45а,к.304	ТОО факторинговая торг.закупочная фирма "Гарант"	50.0%	Торгово-снабженческая судоходная компания г. Сучжоу	50.0%	84,210 млн.р.	Торгово-закупочная деятельность, организация общественного питания.
87	№ 329 24.12	"Харбин-С" /ТОО	г.Владивосток ул.Уборевича,12/3	АО ТУРНИФ	81.0%	Производственно-строительная компания легких конструкций "Куанцзя"	19.0%	620 т. шв.ф.	Производство мебели, паркета, дверных и оконных блоков.
89	№ 220 14.04	"Чжэцзян-Арман" /ТОО	г.Владивосток ул.Алеутская,д.11,к.523 т.22-27-97	В/э производственно-коммерческая фирма "Арман"	40.0%	Чжэцзянская компания по экспорту и импорту текстиля	60.0%	8 млн.р	Производство и сбыт различных видов текстиля, одежды, ТНП, коммерческая, посредническая, торгово-закупочная, снабженческая, в/э деятельность
90	№ 209 05.04	"Бамбук у моря" /ТОО	г.Владивосток ул.Ульяновская,6-92	ТОО "Коробейник Ко.,Лтд"	50.0%	гостиница "Тиан Чжу"	50.0%	24 млн.р .	Производственно-коммерческая, торгово-закупочная деятельность, оптово-розничная торговля, организация кафе, ресторанов, ярмарок.
91	№335 10.04.	«Золотой мыс»	г.Уссурийск, ул.Чичерина, 142	Физическое лицо	50.0%	Компания «Линна» пров. Хэйлунцзян	50.0%	39 млн.р	Коммерческая деятельность, организация собственных магазинов, кафе, ресторанов, объектов бытового обслуживания, транспортные услуги
92	№341 17.04.	«НОДРИ»	г.Артем, ул.Кирова,22-53	Семейное частное предприятие "Заря"	50.0%	Харбинская корпорация «Лимин»	50.0%	24 млн.р	Торговая, коммерческая, рекламная деятельность, розничная торговля и общественное питание.
93	№344 19.04	«Хуалин»	г.Владивосток, ул.Фадеева, 40	3-й трест «Металлургстрой»	51.0%	Экспортно-импортная компания «Гусой»	49.0%	14,8 млн.р.	Туризм, создание объектов общественного питания, торгово-закупочная деятельность
94	№345 22.04.	«Фарт»	г. Уссурийск, ул. Комсомольская, 65-53	ТОО "Радар"	50.0%	Фирма «Туй Тун» пров. Хэйлунцзян	50.0%	45 млн.р.	Производство и реализация продуктов питания, ТНП, торгово-закупочная, посредническая деятельность, маркетинг.

**Список китайских предприятий (со 100% китайским капиталом)
(в т.ч. дочерние предприятия, филиалы иностранных компаний),
зарегистрированных в Приморском крае Управлением внешних сношений в 1993 году**

№ п/п	дата регистрации, внесения в Госреестр.	Наименование предприятия	Адрес	Учредитель, страна-инвестор	уставной фонд	Сфера деятельности
1	06.01.№29-И	«Ором» /АО з.т.	г.Владивосток, пр-т 100-летия Влад-ку,51-12	Тунцзянская экономическая торговая компания «Тэнда» /КНР/	41900 тыс.р.	Торгово-коммерческая деятельность, международный туризм, предприятия общепита, организация аукционов, выставок, авто-сервис транспорт. услуги.
2	20.01.№ 31-И Гос.р.21.04. №106.18	«ЮАНЬ-ДА» /Владивостокский филиал/	г.Владивосток, ул.Мельниковская д.101	АО закрытого типа «ЮАНЬ ДА» со 100% инвестициями КНР /г.Находка	-	Организация оптовой и розничной торговли товарами народного потребления (ТНП), в/э, коммерческая деят-ть. сфера услуг.
3	10.09.№ 34-И	«ДАЛЬИНТЕР КОМ»/АО зт	г.Владивосток, ул.Алеутская,16	Гражданин КНР - Фань Цзянь Сян	100 тыс.р.	Производство ТНП, продукции производственно-технического назначения, оказание услуг населению, рекламная деят-ть организация коммерч.магазинов
4	22.03.№ 38-И Гос.р.23.03 1298.17 ПС 01.04	Межторгфирма «Хэнда» /АО зт/	г.Владивосток, пр-т Красного Знамени, 66-А	Китайская Ухань-ская компания строительства базы по экспорту товаров /КНР/	20 000\$	Торгово-закупочная деятельность, услуги населению, реклама, строительные, ремонтно-отделочные, погрузочно-разгрузочные работы.
5	30.03.№ 39-И Гос.Р. 05.04	«Хуа-Ли» /АО зт/	г.Владивосток, ул.Кипарисовая, 18 т.264-820	Торговая компания Хэйлуцзянской провинции «ХУАШАН» /КНР	6 430 \$	Коммерческая, посредническая, лизинговая деят-ть, маркетинг, туризм, гостиничные услуги, общепит.

6	09.04.№ 40-И Гос.Р. 07.06№1769 .17 П.С 18.06	Генеральная европейская азиатская торгово-промышленная компания «ДАТУН ЛТД» /АО зг/	г.Владивосток, ул.Алеутская, 56 т.25-72-00	Чаньчуньское торгово-промышленное главное общество «Датун» /КНР/	200 000\$	Организация ресторана китайской кухни, промышленная обработка сырья, операции с недвижимостью, организация и эксплуатация гостиницы.
7	27.04.№43-И Гос.Р.25.05 №1682.17	Торговая Компания «ЛУНТЭН» /АО зг/	г.Владивосток, ул.Петра Великого, 4	Сыпинская торгово-экономическая компания «Миньцзу» /КНР/	200 000\$	Туризм, организация гостиницы, ресторана, торгово-посредническая деятельность в т.ч. ч/з собственные магазины.
8	17.05№44-И Гос.Р. 17.06.№184 0.17	«ДАЛЬ» /АО зг/	г.Владивосток, ул.Бестужева, 15-40 т.228-078	Китайская государственная компания по импорту и экспорту машин «Машин-Пекс» /КНР/	1 млн.р.	Торгово-посреднические операции по экспорту и импорту: машин, оборудования и их технологий разного сырья, ТНП, продуктов питания, открытие сети магазинов, транспортные, сервисные услуги, строит-во, приобретение недвижимости.
9	20.05.№45-И Гос.Р. 07.07.№ 1802.17	«ЦЗИНЦЗЯО» /АО зг/	г.Владивосток, ул. Стрелочная, 2-А	Торгово-экономическая компания «Хунбо» провинции Хэйлуунцзян, г. Харбин, КНР	2000\$	Организация гостиницы и ресторана, торговые и посреднические операции по экспорту и импорту, открытие сети магазинов, швейное производство, сервисные, транспортные услуги.
10	27.05.№48-И Гос.Р. 28.07.№ 2100.17	«ХАЙЛУН» /АО зг/	г.Владивосток, ул.Карбышева,44-20,т.460941	Внешнеторговая компания пров.Хэйлуунцзян КНР	100% 15 т.\$	Организация и развитие технико-экономич. сотрудничества, проведение научно-исслед. работ, разработка и внедрение нетрадиционных методов лечения.
11	06.07.№54-И Гос.Р.28.07. №2110.17	«БЕНЬХАЙ Ко.,Лтд» /АО зг/	г.Владивосток, ул.Менжинского,д.62,к.3	Харбинская экономическо-торговая компания «Хуадун» КНР	10 т. \$	Оказание маркетинговых услуг, торговая, посредническая деятельность, транспортно-экспедиционное обслуживание, туризм, медицинско-оздоровит. деят-ть
12	07.07.№ 55-И	«ХУА-ИН» /АО зг/	г.Владивосток, ул.Хабаровская,д.24а,к.23	Компания финансового развития /КНР/	100 т.\$	Оказание брокерских, лизинговых, маркетинговых, факторинговых услуг, деят-ть в области рекламы. Создание СП, банков.
13	14.07.№57-И Гос.Р.06.08. №2173.17	«Международная экспортно-импортная компания РОККОМ» /АО зг/	г.Владивосток, пр-т 100 лет Владивостоку, 145-89	Юйхуанская торговая компания с ОО «Фэй Да» /КНР/	1 т. \$	Создание и эксплуатация предприятий по социальному, и культурно-бытовому обслуживанию, заготовка и переработка с/х продукции, торгово-посредническая, торг.-закупочная деят-ть, транспортные услуги.

14	03.08.№59-И	Пограничный филиал АО з.т. фирмы «Тайм»	п.Пограничный, ул.Кирова, 7	А/О з.т фирма «Тайм» /КНР/	400 т.р.	Торгово-закупочная, посредническая, коммерческая, в/э деятельность, оказание услуг в области гостиничного хоз-ва и общественного питания.
15	17.08.№ 62-И	АО з.т.»ШЕН ИН»	г.Владивосток, ул.Алеутская,16	Генеральная компания по освоению пригранично-экономической торговле /КНР/	50 \$	Коммерческая, посредническая, торговая деят-ть, маркетинг, туристические услуги, пошив одежды, гостиничные услуги.
16	25.08 № 63-И	Акционерная компа-я «ЦИЛУН» АО зт	г.Владивосток, ул.Саратовская,8-41	Магазин одежды «Цзян Мэй» /КНР/	48 млн.руб.	Экспортные, импортные, товарообменные, реэкспортные операции, производство, продажа швейных изделий, произ-во и реализация продуктов питания., посредническая, торговая деятельность
17	31.08 № 66-И	Филиал Международной транспортной компании «Хэфа ЛТД»	г.Владивосток, ул.Колхозная, 30-27	Предприятие с иностранным (российским) капиталом в КНР - Международная транспортная компания «ХэФа Лтд» пров.Хэйлунцзян /КНР/	не наделен	Координация уставной деятельности головной компания по организации транспортировки грузов и перевозки пассажиров морским транспортом
18	09.09 №67-И	АО зт «Независимая торговая-экономич.компания «ТИНФУ»	г.Владивосток, ул.В.Сибирцева,15/1	Компания по местным и животноводческим продуктам /КНР/	505 \$	Производство и реализация ТНП, переработка, реализация научно-технической продукции, проектные работы.
19	14.09.№68-и	АО зт «Акционерная компания «Шиолай»,Лтд»	г.Владивосток, ул.50 лет ВЛКСМ, д.11,к.101	Торгово-экономич.компания «Дуноу» /КНР/	50 т.\$	Торгово-коммерческая деят-ть, организация швейного производства, создание предприятий общественного питания, сервисные услуги. туризм
20	№ 70-И 20.09	«Торговая компания «Онвигор-Рос» /АОзт	г.Владивосток ул.Волховская д.29	Экономико-торговая фирма с ОО «Анько» /КНР г.Харбин	1млн.р.	Коммерческая, торгово-закупочная, посредническая деятельность; розничная комиссионная торговля, туризм
21	№71-И 18.09	«Да ЛИ ШЕН» /АО зт	г.Владивосток	Государственный завод»Же Юы Хуа» /КНР,пров.Цзилин	5 т.\$	Коммерческая, посредническая деят-ть, маркетинг, оказание консультационных услуг. проведение конкурсов, аукционов, выставок-ярмарок, туристические, гостиничные услуги.

22	№ 74-И 11.10.	«ХОНГА Ко.,ЛТД» /АО эт	г.Владивосток ул.Кали- нина,д.129	Ляонинский фи- лиал Всекитайской строит.компании /КНР	10 т.\$	Организация кафе, ресторанов, буфетов; торгово-закупочная, по- средническая деятельность. Организация туризма, гостиничного сервиса, транспортно-экспедиционное обслуживание предприя- тий, организаций
23	№77-И 13.10.	«ЛОЯЛАК»(Вл адивосток) Ко.,ЛТД»/АОзт	г.Владивосток, причал 44-В	Шаньдунская ком- пания по импорту и экспорту «Си- нохем» /КНР	501 \$	Коммерческая, посредническая, торгово-закупочная снабженче- ская, сбытовая деят-ть, организация учреждений торговли, обще- ственного питания.
24	№78-И 29.10	«ЧАН ЧЕН» торговая фирма /АО зт	г.Владивосток, ул.Але- утская, д.16	Физическое лицо Пан Цзюньго /КНР/	2 т.\$	Экспортно-импортные операции, организация розничной тор- говли, оказание посреднических, представительских услуг, заго- товка, переработка, реализация с/х продукции
25	№ 80-И 04.11.	«Новая Азия» /Синья /АО зт	г.Владивосток ул.50 лет ВЛКСМ, 25	Животноводческая торгово-промыш- ленная компания «Синьфа» КНР		-
26	№81-И 5.11.	«Дальнево- сточная компа- ния ЛТД» /АО зт	г.Владивосток ул.Але- утская, д.56	Далянская объеди- ненная компания по внешнеторго- вому транспорту освоения зоны /КНР. г.Далянь	1 млн.р.	Транспортирование грузов, в т.ч. по международным перевоз- кам, перевозка-пассажилов всеми видами транспорта, торговая торг.-посредническая деятельность.
27	№ 82-И 16.11.	Дочернее пред- приятие компа- нии материаль- ных ресурсов «Бингун» «Компания «ЦЗИН ХАЙ»	г.Владивосток пр-т Красного Зна- мени,127-31			Проекты, строительство и ремонт социальных, жилых и др. объ- ектов, производство ТНП и продукции произв.-технического назначения, произ-во, переработка, реализация с/х продукции, разработка и внедрение прогрессивных технологий, материалов, оборудования.
28	№ 83-И 16.11.	Дочернее пред- приятие Суйфэньхэс- кой торгово экономиче- ской компании «ЛУН ХАЙ»	г.Владивосток ул.Арсе- ньева, д.9/13, к.34	Суйфэньхэская торгово-экономи- ческая компания «ЛУН ХАЙ» /КНР	1 т.\$	Эскизное, рабочее проектирование, строительство и ремонт со- циальных, жилых и др. объектов, торгово-закупочная, снабжен- ческая, бытовая, посредническая деятельность.
29	№ 85-И 23.11.	АО производ- ствен.ком- мерч.ген.ком- пания «DF»	г.Владивосток ул.Але- утская,д.11	Хэйлунцзянская акционерная ком- пания «Бэй Цзен по научному со- труд-ву /КНР	10 млн.р	Торгово-закупочная, научно-производственная, конструкторская деятель-сть, гостиничное и туристическое обслуживание органи- заций, рекламная деят-ть.

30	№ 86-И 25.11. П:20.12	АО производственно -коммерческая компания «Селена»	г.Владивосток Партизанский пр-т,16, т.25-69-10	Первый Цицикарский завод кожаных изделий /КНР/	200 т.р	Осуществление туристической деятельности, транспортных перевозок, организация и обеспечение функционирования гостиницы, ведение гостиничного хозяйства, организация объектов общественного питания ресторанов.
31	№88-И 06.12.	АО «Нан Бэй»	г.Владивосток, Партизанский пр-т,44	Южно-Северная торговая компания пров.Хуань /КНР/	1 млн.р.	Создание и эксплуатация предприятий по социальному и культурно-бытовому обслуживанию населения(ресторанов, баров, кафе, выставок), заготовка, переработка с/х продукции, торгово-закупочная, посредническая деят-ть.
32	№89-И 06.12.	АО «ДВ экспортная научно-промышленное торговое объединение»	г.Владивосток ул.Алеутская д.11	Научно-промышленная торговая компания /КНР	5 млн.р	Торгово-закупочная, научно-производственная, конструкторская деятельность, гостиничное и туристическое обслуживание организаций, граждан. Рекламная деятельность.
33	№91-И 13.12.	АО «Чайная экспортно-импортная компания»	г.Владивосток ул.Космонавтов, д.1	Компания по экспорту и импорту пров. Сычуань /КНР/	10 т.\$	Торговля ТНП, экспортно-импортные операции, маркетинговые и консалтинговые услуги.
34	№96-И 23.12	Дочерняя компания Читайхэйской приграничной компании «Лун Хуа» /КНР	г.Артем,ул.Фрунзе,45, кор.1,к.16	Читайхэйская приграничная экспортно-импортная компания по снабжению и сбыту «Лун Хуа»	20 т.р.	Торгово-закупочная, снабженческо-сбытовая, посредническая деятельность, производство ТНП, в/э деятельность.

Таблица приведена по: ГАПК. Ф.Р-1694. Оп.1. Д.109. Л.Л.116-123.

СПИСОК СОВМЕСТНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ, РЕГИСТРАЦИОННЫЕ ДЕЛА КОТОРЫХ ОТРАЖЕНЫ В ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ. 1988 – 1995 гг.				
№	Наименование предприятия	Учредитель	Дата регистрации	Архив
1.	совместная российско-китайская компания ТОО «Динсин»		1992 г.	Ф. Р-1399 Оп. 9 Д. 1461 Российско-китайское предприятие «Динсин». Л. 1.
2.	Российско-китайское предприятие «Цзили»	региональное предприятие В/О «Изотоп» (РФ) и компания по коммерческой торговле экономического управления уезда Цзидун пров. Хэйлунцзян (КНР)	1993 г.	Ф. Р-1399 Оп. 9 Д. 1482 Российско-китайское предприятие «Цзили». Л.Л. 11.
3.	Совместная российско-китайская компания ТОО «Ляоха»	ТОО «Форт» (РФ), физлицо Г.П.Жук (РФ), Внешнеторговая Компания по пищевой промышленности пров. Ляонин (КНР)	1993 г.	Ф. Р-1399 Оп. 9 Д. 1506 Регистрационное дело совместного российско-китайского предприятия «Совместная российско-китайская компания «Ляоха». 1993-1996 гг. на 65 л. Л.Л. 8-9.
4.	Советско-китайское предприятие «Харбин»		1988 г.	Ф. Р-1736 Оп. 8 Д. 1030 Советско-китайское предприятие «Харбин». Л.Л. 1-18.
5.	российско-китайское предприятие ТОО «ПИК»	производственно-коммерческая фирма «Централь» (РФ), Харбинская главная промышленно-торговая компания «Хуаюань»	1992 г.	
6.	российско-китайское предприятие «Янляо»		1992 г.	
7.	Совместное советско-китайское предприятие «Надежда»		1992 г.	Ф. Р-1971 Оп. 1. Администрация города Хабаровска 1992-2008 гг. Д. 7 Док. 47.5 советско-китайское предприятие «Надежда». Л.Л. 29-30.
8.	Совместное советско-китайское предприятие «Чанли»		1992 г.	Ф. Р-1971 Оп. 1. Администрация города Хабаровска 1992-2008 гг. Д. 40 Док. 332.4 Совместное советско-китайское предприятие «Чанли». Л.Л. 170-171.
9.	российско-китайское предприятие «Чурин»		1992 г.	Ф. Р-1971 Оп. 1. Администрация города Хабаровска 1992-2008 гг. Д. 109 Док. 1052.4 российско-китайское предприятие «Чурин». Л. 123.
10.	экспортно-импортная компания «Аполлон»		1992 г.	Ф. Р-1971 Оп. 1. Администрация города Хабаровска 1992-2008 гг. Д. 124. Российско-китайская экспортно-импортная компания «Аполлон». Л.Л. 128-129.

11.	Российско-китайская международная компания «Ханин»		1992 г.	Ф. Р-1971 Оп. 1. Администрация города Хабаровска 1992-2008 гг. Д. 128. «Российско-китайская международная компания «Ханин». Л.Л. 7-8.
12.	135 Советско-китайское предприятие «Электронные приборы и компьютеры»		1992 г.	Ф. Р-1971 Оп. 1. Администрация города Хабаровска 1992-2008 гг. Д. 135 Советско-китайское предприятие «Электронные приборы и компьютеры». Л. 28.
13.	ТОО СП «Созвездие»		1993 г.	Ф. Р-1971 Оп. 1. Администрация города Хабаровска 1992-2008 гг. Д. 170 Док. 221 российско-китайское предприятие «Созвездие». Л. 40.
14.	ТОО СП «Русско-Китайский центр»		1993 г.	Ф. Р-1971 Оп. 1. Администрация города Хабаровска 1992-2008 гг. Д. 183. российско-китайское предприятие «Русско-Китайский центр». Л.Л. 1-2.
15.	ТОО СП «ПАРИТЕТ РК»		1993 г.	Ф. Р-1971 Оп. 1. Администрация города Хабаровска 1992-2008 гг. Д. 189. Российско-китайское предприятие «ПАРИТЕТ РК». Л.Л. 5-6.
16.	ТОО СП «Гэнфей»		1993 г.	Ф. Р-1971 Оп. 1. Администрация города Хабаровска 1992-2008 гг. Д. 219 Российско-китайское предприятие «Гэнфей». Л. 192.
17.	ТОО СП «Ю-И»		1993 г.	Ф. Р-1971 Оп. 1. Администрация города Хабаровска 1992-2008 гг. Д. 253. Российско-китайское предприятие Ю-И. Л. 128.
18.	ТОО СП «Лун Бо»		1993 г.	Ф. Р-1971 Оп. 1. Администрация города Хабаровска 1992-2008 гг. Д. 301 Компания с китайскими инвестициями «Лун Бо». Л.Л. 141-143.
19.	ТОО СП «Даль-Ляо»		1993 г.	Ф. Р-1971 Оп. 1. Администрация города Хабаровска 1992-2008 гг. Д. 334. Российско-китайское предприятие «Даль-Ляо». Л. 33.
20.	ТОО СП «Интер»		1994 г.	Ф. Р-1971 Оп. 1. Администрация города Хабаровска 1992-2008 гг. Д. 493. Предприятие с иностр. инвест. «Интер». Л. 15.
21.	российско-китайское предприятие «Дальинтергео»		1995 г.	Ф. Р-1971. Оп. 1. Администрация города Хабаровска 1992-2008 гг. Д. 597. Российско-китайское предприятие «Дальинтергео». Л. 48.

СПИСОК СОВМЕСТНЫХ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ (1989 – 1993 гг.)

№ №	Название совмест- ного предпри- ятия	Уст. фонд (млн. руб.)	Уст. фонд (доли в %)	Дата реги- страции	Наименования товара		Реализ. в сов. рублях РФ
					Экспорт Китай бартерные операции	Импорт Китай бартерные операции	
1	2	3	4	5	6	7	8
1.	СП «Дружба»	1530.0 Или 2090.0	49.0 Или 30.0	09.07.1989	Стекло литое, Автомобили легковые	Тапиока и ее заменители, Крахмал, инулин Заготовки для соусов Овощи сушеные Прочие овощи, незамор. Уксус и его заменит.	Услуги гостиничные, рес- торанные
2.	СП «Амит»	0.0	50.0	05.10.1991	Части для прочих машин	Костюмы спортивные Обувь с верхом из текстиля Другие виды обуви Обувь с кожаным верхом Пальто тепл мужск шерст	Услуги гостиничные, рес- торанные
3.	СП «Амхэ»	396.0	50.0	10.15.1990	Бульдозеры, скреперы Рельсы, шпалы Автомобили грузовые	Сахар тростниковый Одеяла и дорожные пледы	Сахар тростниковый Одеяла и дорожные пледы
4.	СП «Нинда»	13.0	40.0	11.02.1993			Коммерческие услуги
5.	СП «Ком- форт»	0.6	49.0	03.28.1991			
6.	СП «Харбо»	2.1	50.0	08.06.1991	Автомобили грузовые Прицепы и полуприцепы Прокат 600>м, плакиров. Тракторы Бульдозеры, скреперы	Изделия из кожи Автомобили легковые Яблоки, груши и айва Сахар тростниковый Пальто, теплые женские шер- стяные Детская одежда х/б Бахчевые Костюмы мужские из шерсти Костюмы женские из шерсти Плиты, листы пористые Ткани. синтетич. с х/б Томаты свежие Изделия и консервы из мяса Другие виды обуви Мясо свиней свежее Лук чеснок и другие Ткани махр полотен. Оборудование печатн Этикетки	Изделия из кожи Автомобили легковые Яблоки, груши и айва Сахар тростниковый Пальто, теплые женские шерстяные Детская одежда х/б Одежда Костюмы мужские из шер- сти Костюмы женские из шер- сти Томаты свежие бартерные Изделия и консервы из мяса Мясо свиней свежее Коммерческие услуги

						Шкафы для досье	
7.	СП «Хейхе-Дружба»	34.5	52.0	07.16.1991		Сахар и конд. изделия Сингапур Поставка в счет УФ из соц. стр.	Гравий, щебень Кирпич строительный Коммерческие услуги.
8.	СП «Тайлун ЛГД»	0.6	31.0	11.21.1991	Автомобили легковые	Пиво солодовое	Другие виды обуви Костюмы мужские из шерсти Сигары Пиво солодовое Пальто, теплые мужские шерстяные.
9.	СП «Востокруно»	2.0	49.0	10.25.1991	Тележки моторные Гвозди, кнопки, скобы Уголки фасонные Баки емкостью >300л	Сахар и конд. изделия Лук, чеснок и другие	Коммерческие услуги
10.	СП «Лунтын»	242.5	50.0	03.20.1992			
11.	СП «Компания тройка»	201.0	50.0	01.04.1992			
12.	СП «Амуртофу»	131.3	40.0	06.24.1992			
13.	СП «Томь-Хэйхэ»	6966.1	31.0	07.21.1992			
14.	СП «АЦЗИ-2»	0.0	0.0	09.11.1992		Пиво солодовое Изделия стол. из алюминия	
15.	СП «АЦЗИ»	33.0	50.0	09.10.1992	Автомобили грузовые Пальто, теплые мужские шерстяные. Костюмы женские из шерсти Ткани ворсовые Бульдозеры, скреперы	Станки для обработки пробк. Поставка в счет УФ из соц. стр. Тк. из иск. филан. нит. Поставка в счет УФ из соц. стр.	
16.	СП «Хайгэ»	15.6	50.0	10.05.1992			Коммерческие услуги
17.	СП «Хэйлун»	5.1	49.0	09.28.1992			
18.	СП «Визит» Китай РФ	0.1	30 70	10.19.1992	Гвозди, кнопки, скобы		Коммерческие услуги
19.	СП «Золотой дракон»	0.0		10.06.1992	Деррик-краны Яхты и др. плавательные средства Бульдозеры, скреперы Электроды цв. мет.	Сахар тростниковый Термосы Пост. в счет УФ из соц. стр. Печи отопительные Пост. в счет УФ из соц. стр.	Термосы

						Издел из черн мет Пост. в счет УФ из соц. стр. Плиты, листы, фольга Пост. в счет УФ из соц. стр. Камень обработанный Пост. в счет УФ из соц. стр. Товары новогодние Пост. в счет УФ из соц. стр. Микрофоны Пост. в счет УФ из соц. стр. Кирпич строительный Пост. в счет УФ из соц. стр. Фитинги для труб Пост. в счет УФ из соц. стр. Телевизоры Пост. в счет УФ из соц. стр. Яблоки, груши и айва Бумага обойная	
20.	СП «Содружество»	47.1	50.0	08.12.1992			
21.	СП «Аурум»	0.0		10.30.1992		Одеяла и дорожные пледы Термосы Кондитерская изделия Изделия макаронные Сахарное тростниковый Детская одежда, трикотаж Костюмы спорт., трикотаж	Коммерческие услуги
22.	СП «Китайский пассаж»	20.0	49.0	09.11.1992			
23.	СП «Мост»	90.0	50.0	09.25.1992	Двигатели судовые Транс. средства прочие	Детская одежда х/б Одеяла и дорожные пледы Ткани ворсовые Костюмы спорт., трикотаж. х/б мужские сорочки проч. изд. меб.-декор. Костюм мужские из шерсти Проч. пушно-мех. изд. Перчатки трикотажные Костюмы спортивные Перчатки и рукавицы Обувь с верх. из текст. Джемперы трикотажные Обувь с кож верхом Костюмы, брюки мужск.	Коммерческие слуги
24.	СП «Тандем»	43.2	29.0	10.30.1992	Мех искусств. Пост. в счет УФ из соц. стр.	Прочие пушно-мех изделия	Коммерческие услуги

25.	СП «Дун Фан»	19.0	50.0	12.03.1992	Услуги гостиничные, ресторанные.	Детская одежда х/б Х\б мужские сорочки Детская одежда, трикотаж.	Услуги гостин, рестор. Детская одежда х/б Х\б мужские сорочки Детская одежда, трикотаж.
26.	СП «Восточный экспрес»	5.0	40.0	10.26.1992			Коммерческие услуги
27.	СП «Хуа-Хин»	16.0	49.0	01.19.1993			
28.	СП «Панда»	191.0.	45.0	02.02.1993	Емкости для сжатия газа	Обор. для дубл. кожи (бартерные операции, поставка в счет УФ из соц. стр.) Яблоки, груши и айва Мебель для сидения	Яблоки, груши и айва Мебель для сидения
29.	СП «Эйша-Ченс»	3.0	60.0	02.11.1993		Майки трикотажные (коммерческий кредит)	
30.	СП «Черный дракон»	86.0	49.0	11.10.1992			
31.	СП «Комфорт-2»	0.6	49.0	03.25.1991			
32.	СП «Союз»	0.0	0.0	04.01.1991			
33.	СП «Хэйпин»	50.0	60.0	11.04.1993			
34.	СП «Феникс-Фэн-Хуан»	111.6	50.0	10.30.1992	Раковины из нерж. стали Клапаны, вентили	Овощи Бахчевые Линолеум	Коммерческие услуги
35.	СП «Белхэй»	65.8	50.0	10.19.1993			
36.	СП «Зеленый мир»	4.5	42.0	09.30.1993			
37.	СП «Хайлань»	64.0	49.0	06.04.1993			
38.	СП «Андромеда»	0.6	45.0	05.31.1993		Машины для стр. работ Инструмент ручной	
39.	СП «Жасмин»	11.0	33.4	07.13.1993		Бумага обойная Плитка для мощ., глаз. Покрытия пластмассовые Стекло зеркальное Мебель прочая Мебель для сидения Капуста картофель Крахмал, инулин Сахар тростниковый Заготовки для соусов Арахис	Коммерческие услуги

						Грибы, включая трюфель (пост в счет УФ из соц. стр.)	
40.	СП «Тасин»	29.4	55.0	07.13.1993		Очки, пенсне, монокли (пост в счет УФ из соц. стр.)	Очки, пенсне, монокли
41.	СП «Пеньчин»	213.0	55.0	01.19.1993		Изделия и консервы из мяса Обувь с верхом из текстиля Игрушки прочие Ручки шариковые х/б мужские сорочки одеяла и дорожные пледы занавеси, шторы прочие изделия меб.-декор. Костюмы женские из шерсти Детская одежда, трикотаж. Детская одежда, х/б Костюмы, брюки женские (поставка в счет УФ из соц. стр.)	Коммерческие услуги
42.	СП «Лункэ»	0.0	0.0	03.05.1993			
43.	СП «Надежда»	200.0	42.0	02.23.1993			
44.	СП «Рассвет»	0.0	0.0	03.09.1993			Препараты косметические. Напитки, алкогольн. и без/а Фармацевтические продукты Клей Детская одежда, трикотаж
45.	СП «Олимп»	146.2	50.0	10.29.1992			
46.	СП «Аньгда»	0.0	0.0	03.26.1993			
47.	СП «Содружество»	2.0	50.0	03.30.1993			
48.	СП «Ландыш»	0.0	0.0	03.16.1993			
49.	СП «Амсунг»	0.0	0.0	03.26.1993			
50.	СП фил. «Светлана»	1.0	48.0	03.12.1993			Услуги Сахар и кондитерские изделия.
51.	СП «СЭБ КОРН КО ЛТД» Китай	95.0	40.0 10.0	04.19.1993			

52.	СП «Лин- лань»	45.7	49.0	04.22.1993			
53.	СП «Син- шан»	40.0	25.0	04.28.1993			Коммерческие услуги
54.	СП «Во- сток»	10.0	40.0	05.12.1993			
55.	СП «Сицзя ЛТД»	99.0	51.0	05.17.1993			
56.	СП «Дунбэй» Китай Китай	99.0	37.0 12.0	05.19.1993			
57.	СП «Ака- ция»	20.0	50.0	07.27.1993			
58.	СП «Дарк»	50.0	45.0	07.30.1993			
59.	СП «Яньма»	100.0	49.0	07.13.1993			
60.	СП «Сол- нечный луч»	19.4	49.0				
61.	СП «Стонви»	0.2	49.0	10.06.1992			
62.	СП ТОО «РОСКИТ »	1.7	0.0	12.10.1992			
63.	СП «Амур»	100.0	49.0	11.16.1993			
64.	СП «Начало»	11274.6	40.0	10.25.1991			
65.	СП «Ве- шенка»	549.3	49.0	10.23.1991		Костюмы мужские из шерсти	Костюмы мужские из шер- сти бартерные операции Коммерческие услуги рас- чет с организ. на сов. руб.

Таблица составлена по: ГААО. Ф.Р-480. Оп.17. Д.1748. Л.25; Д.727. Л.75; Д.1202. Л.Л.121-123.